ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА

МОРЕ ЗНАЧЕНИЙ, УСТАНОВЛЕННЫХ СВЯТЫМИ

**Институт востоковедения
Российской Академии наук
Санкт-Петербургский филиал**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
НАУЧНАЯ СЕРИЯ**

IV

Серия основана в 1993 году

Редколлегия серии:

Ю. А. Петросян (*председатель*)
О. Ф. Акимушкин, И. А. Алимов (*зам. председателя*)
В. Н. Горегляд, Е. И. Кычанов
Л. Н. Меньшиков,
Э. Н. Темкин (*ответственный секретарь*)
А. Б. Халидов

Море значений, установленных святыми

Факсимиле ксилографа
Издание текста, предисловие, перевод
с тангутского, комментарий и приложения
Е. И. Кычанова

Санкт-Петербург
1997

ББК Ю3(5Кит)410
УДК 10(510/517)«04/14»

Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 97-01-16132)

Море значений, установленных святыми. — Факсим. ксилографа. Изд. текста, предисл., пер. с тангутск., коммент.и прилож. Е. И. Кычанова. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. — 330 с. (Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия. IV).

«Море значений, установленных святыми» — оригинальное сочинение на тангутском (Си Ся) языке, написанное во второй половине XII в. Оно относится к известному в китайской литературе жанру *лэй шу*, наименование которого достаточно условно переводится как «энциклопедия». Исследование сохранившихся частей памятника свидетельствует о впечатляющем знакомстве составителей «Моря значений, установленных святыми» с китайской литературой, а также подтверждает известное из других публикаций памятников тангутской письменности стремление тангутов к пропаганде идей *сяо* — «почитание старших и любовь к младшим» — как наиболее понятных широким слоям общества и утверждающих идею государственности при перенесении этих идей в русло отношений «государь—подданный». Очень важны те немногие вкрапления собственно тангутских представлений о мире и упоминаний о тангутских преданиях, которые вкупе с публикуемым в этом же издании текстом «Большой оды» позволили автору сделать первую попытку реконструкции тангутской мифологии. Как всякая энциклопедия «Море значение, установленных святыми» служила пропаганде знаний и была учебным пособием. Данная работа продолжает ряд предпринятых ранее автором изданий тангутских текстов.

Набор — *Т. В. Чудинова*. Корректор — *Т. Г. Бугакова*. Редактор — *И. П. Сологуб*
Технический редактор — *Л. И. Гохман*. Выпускающий — *Д. А. Ильин*
Макет подготовлен Центром «Петербургское Востоковедение». ЛР № 061800
Издательство Центр «Петербургское Востоковедение». 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
Подписано в печать 12.11.97. Формат 60x90 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная
Бумага офсетная. Объем 20,5 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 492
Отпечатано в Санкт-Петербургской типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-056-6

© Центр «Петербургское Востоковедение», 1997
© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1997
© Е. И. Кычанов, издание текста, предисловие, перевод, комментарий, приложения, 1997

Зарегистрированная торговая марка

Зарегистрированная торговая марка

От издательства

Серия «Памятники культуры Востока. Санкт-Петербургская научная серия» образована в 1993 году для введения в научный оборот новых памятников письменной культуры стран Востока — в виде критических и факсимильных изданий текстов: рукописей, документов, ксилографов и т. д.; для нового издания таких текстов, если прежние публикации не удовлетворяют современным научным требованиям; для публикации научных переводов издаваемых памятников.

Серия готовится и выпускается силами ученых и специалистов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук — крупнейшего мирового хранилища рукописей и ксилографов.

В серии увидели свет:

Том 1. **Раса'ил ал-хикма.** Из друзских рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (А 173). Факсимиле рукописи; предисловие, исследование (гл. II, III), переводы с арабского, глоссарий М. А. Родионова; гл. I исследования Вал. В. Полосина. СПб., 1995. 272 с.

Том 2. **Двенадцать царств.** Факсимиле рукописи; издание текста, исследование, перевод с тангутского, комментарий, таблицы и указатель К. Ю. Солонина. СПб., 1995. 216 с.

Том 3. **Чёк Сёный Чён. Квонджи тан (Повесть о Чёк Сёные. В одной тетради).** Из корейских ксилографов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Факсимиле ксилографа; перевод с корейского, предисловие, комментарий, приложения и указатель А. Ф. Троцевич. СПб., 1996. 232 с.

Готовятся к изданию:

Абу Бакр Муххамад ас-Сули. Китаб ал-Аврак. Критический текст и перевод на русский язык В. И. Беляева и А. Б. Халидова; предисловие, примечания и указатели А. Б. Халидова.

Ойратская версия «Истории о Молон-тойне». Факсимиле рукописи; издание текста, транскрипция текста, предисловие и примечания Н. С. Яхонтовой.

Монгольский перевод сочинения Пагба-ламы Лодой-Джалцана «Разъяснение непознаваемого». Факсимиле рукописи, транслитерация, комментарий и предисловие В. Л. Успенского.

«THE SEA OF MEANINGS, ESTABLISHED BY THE SAINTS»

Facsimile edition, translation from Tangut,
foreword, commentary and appendixes by **E. I. Kychanov**

abstract

«The Sea of Meanings, Established by the Saints» is an original work in Tangut (Xi-xia) language, accomplished by the middle 12-th century. It is related to the popular form of the Chinese literature — «leishu», which is conventionally rendered as am «encyclopedia». The Tangut work closely follows the pattern of the Song Dynasty prototype leishu, but is not a direct translation from Chinese, reflecting at the same time the contemporary trends of Chinese thought. The research of the extant parts of the «Sea of Meanings» reveals the compilers' impressively profound knowledge of the Chinese literature and also confirms the special accent, put by Tangut on the propagation of filial piety, as the most comprehensive ideology, which is capable to guarantee the stability of the state, when transferred into the «lord-subject» system. This trend is known from other Tangut sources as well. Scarce notion of native Tangut ideas and worldview, extant in the text, which together with the text of the Great Ode, are published under the same cover, allowed the author to reconstruct some of Tangut mythology. The reconstructed fragments demonstrate the substantial similarity of the Tangut myths with those of the peoples of the South-Western China, especially of the «izu» group, which have been recently introduced to the public through the works of Chinese scholars. Such motives as the myth of the bird (crane) as the creator (the weaver) of the Universe, nine brothers of the White High can be mentioned. The abbreviated version of the latter legend was even incorporated into full title of the Tangut State. As any encyclopedia, «The Sea of Meanings» was the tool of propagation of learning and served as a school source-book.

Содержание

«The Sea of Meanings, Established by the Saints», *abstract* . . 8

Вместо предисловия. 9

ПЕРЕВОД 97

Море значений, установленных святыми 98

КОММЕНТАРИЙ 171

ПРИЛОЖЕНИЯ 199

Приложение 1. Основной поясняемый текст памятника 200

Приложение 2. Тангутские изречения в тексте издаваемого памятника 212

Приложение 3. Перевод «Большой Оды» 217

ФАКСИМИЛЕ КСИЛОГРАФА 227

Культура... есть некое
одинаковое, проникающее
в разнообразное и дающее
разнообразие.

Князь Сергей Волконский
(Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 205)

Вместо предисловия

В ходе обсуждения данной работы был поднят непраздный вопрос — относилась ли тангутская культура, или — шире — культура Си Ся, к культурам Дальнего Востока. Тот, кто прочтет эту работу, увидит, что издатель и исследователь предлагаемого вниманию читателя уникального памятника тангутской словесности склоняется к тому, что культура Си Ся все-таки была частью культуры дальневосточной. Наше отношение к материалу, его интерпретация меняются как с углублением наших знаний, так — вольно или невольно, сколько бы ни старались мы быть объективными — в зависимости от той обстановки, в которой ведется исследование. Не перечисляя своих работ, автор хотел бы сказать, что он отдал щедрую дань идее самобытного характера тангутской культуры. Абсолютно не отказываясь от написанного ранее, ныне он полагает, что тангутская культура, идеология правящей династии, идеология самого тангутского народа как часть культуры тангутского государства объективно прошли путь от акцентирования самобытности к спокойному восприятию подходящих для них богатств культуры китайской как основной культуры региона. Мы говорим о социально стратифицированной многоплановости культуры Си Ся, включающей в себя представления дансянов и цянов догосударственного периода, культуру буддизма и наследие китайской письменной культуры, знание которой было поразительным, в чем может убедиться тот, кто ознакомится как с данным памятником, так и с иными уже опубликованными памятниками тангутской письменности. И ныне здравствующие культуры (такие, как японская, корейская, вьетнамская), и ушедшие в небытие (такие, как культуры государств Ляо, Цзинь, Си Ся, Бохай, возможно — Наньчжао и Дали) родились под мощным влиянием культуры китайской. Но все они были непохожи друг на друга, как бывают непохожи друг на друга дети одних и тех же родителей, не говоря уж о тех случаях, когда у сестер и братьев общим является только кто-то

один из родителей. Как культура государства тангутская культура погибла. И мы не можем проследить ее судьбу так, как это возможно сделать с культурами Японии и Кореи. Например, известный парадокс состоит в том, что сама китайская культура изменилась и утратила определенные свойственные ей черты, которые сохранились в культуре японской и которые воспринимаются теперь, как, скажем, чайная церемония или привычка мыться в бочке (чане), как характеристики самобытности культуры японской, хотя эти и иные им подобные стороны культуры японской были попросту заимствованы из Китая. Можно быть уверенным, что если бы сохранился тангутский народ, тангутские крестьяне и пастухи, то на этом уровне сохранились бы древние черты дансянско-цянской культуры, возможно — кое-что из культуры государства Си Ся, как таковые сохраняются у тех национальных меньшинств Китая, которые проживают в труднодоступных горных и иных природно достаточно надежно изолированных районах страны. Тангуты же, по нашему мнению, первоначально были жестоко истреблены воинами Чингис-хана, нашедшего свою смерть на территории Си Ся, а затем, как и все многоплеменное население государства Си Ся, как все жители области Тангут империи монголов, были обращены в ислам, постепенно утратили свой язык и стали китаеязычными, составив существенную часть исповедующего ислам китайского населения нынешнего Нинсяхуэйского автономного района КНР.

СТРУКТУРА ПАМЯТНИКА

После падения династии Тан (618—907), распада Китая в X в. при правлении Пяти династий (907—960) и воцарения в стране династии Сун (960—1229) к началу XI в. на бывших территориях династии Тан утвердилось троевластие. Почти на двести пятьдесят лет Китай уподобился треножнику дин (кажется, впервые такое уподобление страны сосуду-триподу было сделано в эпоху Троецарствия, 220—280 гг.) с разновеликими ногами, одной из которых была собственно китайская династия Сун, второй — поочередно династии киданьская Ляо (916—1125) и уничтожившая ее чжурчжэньская Цзинь (1115—1234), и третьей, самой маленькой, — тангутская династия, происходившая от «предков, сошедших с Белых Высот» — Белого Высокого Великого государства Ся (982—1227). За последней с начала XI в. закрепилось также ее китайское название Си Ся, или Западное Ся.

Все три некитайских государства — киданьское, тангутское и чжурчжэньское — прошли последовательно три стадии взаимоотношений с собственно Китаем, во многом характерные и для других соседних с Китаем государств (пожалуй, за некоторым

исключением — кочевых государств Центральной Азии и Тибета): военное противостояние, когда военным путем устанавливались границы государств; период активных дипломатических взаимоотношений, оформивший взаимоотношения государств в системе понятий международных связей Дальнего Востока той эпохи, и наконец период тесного культурного взаимодействия, когда китайская культура широко проникала на территории этих государств и вырабатывался тип синкретической культуры, который как раз на примере культуры тангутской известен нам ныне достаточно хорошо.

Если мы обратимся к интересующему нас периоду, то увидим, что в это время были созданы национальные письменности (киданьская — 921 г., тангутская — 1036 г., чжурчжэньская — 1120 г.), не избежавшие влияния китайского письма[1] даже для таких агглютинативных языков, каковыми являлись киданьский и чжурчжэньский, положено начало собственному законотворчеству, широкому внедрению буддизма и публикации буддийского канона, осуществлялись переводы на национальные языки памятников китайского языка и письма.

«Море значений, установленных святыми» (по-тангутски наименование памятника звучало приблизительно как «Шие нгу во нгон») — памятник тангутской письменности, принадлежащий третьему периоду — периоду интенсивных культурных контактов и отражающий взаимопроникновение культур и созидание новой синкретической культуры. Данная книга — официальное государственное издание, как сказано в колофоне — «заново отпечатана Управлением, ведающим вырезыванием письменных знаков на досках для печатания книг (т. е. управлением, занятым опубликованием книг способом ксилографии. — *Е. К.*), в десятый день пятого месяца тринадцатого года девиза царствования Небесная помощь под циклическими знаками *жэнь-инь* (воды-тигра)», что по нашему календарю соответствует 11 июня 1182 г. Сочинение по давней китайской традиции подразделялось на три больших раздела — Небо, Земля и Человек (принцип, по которому составлен и знаменитый тангутско-китайский словарь «Фань хань хэ ши чжан чжун чжу» — «Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени», хотя данное членение текста в самом памятнике формально не обозначено. Деление мироздания на эти три составные части уходит корнями в представления древних китайцев о возникновении всего сущего и имеет своим истоком космологическую систему «И цзина». «Дао, создавшее Небо, — это инь и ян, дао, создавшее Землю, — это мягкость и твердость, дао, создавшее человека, — это гуманность и

---

[1] См. одну из недавних работ: *Kane D.* The Sino-Jurchen vocabulary of the Bureau of Interpreters. Bloomington, Indiana, 1989.

справедливость»[1]. «В древнем, древнем мире во времена великой пустоты [существовало] без формы и признаков изначальное ци, состоявшее из слитых воедино субстанций. <...>. Оно вдруг начало изменяться, оно разделилось на чистое и мутное, которые превратились в инь и ян. Инь и ян уже обладали формой, упорядочиваясь в мире, они сформировали Небо и Землю. Когда небесное ци и земное ци соединились, зародилось все сущее. Гармоническое слияние инь и ян породило человека, чтобы управлять всеми вещами»[2]. Как уже говорилось выше, в оглавлении нашего памятника мы не находим прямого обозначения этих трех разделов, оно очевидно из его содержания: цзюани 1—3 были отведены разделу «Небо», 4—7 — разделу «Земля», и 8—15 — разделу «Человек». В стихотворном предисловии к памятнику (а сохранилось оно, к сожалению, неполностью) говорится:

На Земле формы, имеющие наименование,
обширны, подобно морю,
Под Небом все вещи в сфере пустоты находятся,
Чиновники и обладающие знаниями люди
Владеют умением, кто большим, а кто малым,
Изящно выражать свои мысли,
Поэтому если [в нашей книге]
Смысл стихотворной строфы или части текста неточен,
То его после нас знающие исправят.
С этой целью [мы] составили эту книгу из пяти разделов
и пятнадцати глав. В ней разъясняется смысл
142 понятий.

Упомянутые в предисловии разделы обозначены на поле посредине листа книги (кит. *бай коу*) словом *нгу*. Слово *нгу* употреблено в наименовании сочинения в значении «установить» — «Море значений, установленных святыми».

Поскольку текст издаваемого памятника не сохранился полностью, то трудно определить, какая идея была заложена в подразделении его текста на «установления» (*нгу*). Можно предположить, что при делении текста на пятнадцать глав (цзюаней), одно «установление» охватывало три главы. «Установление» первое охватывает все, что в широком смысле относится к изложению сведений о Небе (в издаваемом тексте л. 1—18, по оглавлению — главы 1—3). «Установление» второе объединяло все сведения о Земле, «установление» пятое — сведения о человеке (главы 13—15). «Установления» третье и четвертое не сохранились полностью. Поэтому мы не знаем точно, где кончалось «установление» второе (охватывало ли оно главы 4—6 или главы

---

[1] *Сюань Юэ*. Шэнь цзянь (Изложение явного) // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990. С. 374.

[2] *Ван Фу*. Цяньфу лунь (Суждения затворника) // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 348.

4—7) и где начиналось «установление» четвертое. Но в любом случае на их долю приходились главы 7—12, т. е. шесть глав минимум, и предположение о том, что каждое «установление» охватывало три главы (цзюани), нам представляется весьма вероятным. Какой материал содержался в главах 7—12, читатель легко может узнать из перевода оглавления к памятнику.

На примере сохранности памятников письменности Ляо, Си Ся и Цзинь можно в известной мере судить об утерях человеческой культуры. От Ляо и Цзинь, именно от их времени, остались лишь камнеписные памятники. Огромная литература на этих языках (а она, бесспорно, была) погибла. То же осталось бы и от Си Ся (Лянчжоуская стела и т. п.), если бы не случай, подаривший науке набитый книгами субурган, обнаруженный экспедицией П. К. Козлова в мертвом городе Хара-Хото в 1909 г. Если Хара-Хото (тангутское наименование Эдзина), третьестепенный город на окраине Си Ся, имел столько книг, то сколько же их было в столице и на всей территории тангутского государства? И все погибло безвозвратно, прежде всего в огне монгольского нашествия, как до этого в пламени чжурчжэньских походов погибла культура Ляо, а те же монголы уничтожили письменные памятники Цзинь.

Текст издаваемого памятника сохранился неполностью. Очевидно, в таком виде он и был замурован в субургане, все содержимое которого ныне разобрано. Вряд ли что-то было утрачено после вскрытия субургана — и субурган, и Хара-Хото, и окрестности города после 1909 г. обследовались научными экспедициями не один раз, вплоть до последних экспедиций Академии общественных наук автономного района Внутренняя Монголия, КНР. Развалины Хара-Хото находятся в аймаке Эдзина этого автономного района.

До наших дней из пяти разделов («установлений») сохранилось:

а) из раздела («установления») первого: предисловие в стихотворной форме и оглавление — л. 1б—5а; текст — л. 5а—6б, 11 л., заинвентаризованных под инв. № 143; л. 21б—22б, л. 28а—29б, 7 л., заинвентаризованных под инв. № 684. Итого 18 л.;

б) из раздела («установления») второго: л. 1б—6а, заинвентаризованные под инв. № 144. Итого 10 л.;

в) из раздела («установления») пятого: л. 29—39 нашей пагинации, так как пагинация оригинала не сохранилась, 11 л.; зарегистрированных под инв. № 2614; л. 10а—34б, 36б, 54 л., заинвентаризованных под инв. № 145. Итого 65 л.;

В целом от издаваемого памятника сохранилось до наших дней 93 л. Разделы («установления») три и четыре не сохранились.

Помимо деления на пять разделов («установлений»), текст памятника был распределен по 15 цзюаням, что становится оче-

видным из оглавления. Раздел первый состоял из одной первой цзюани, от раздела второго остался текст цзюани третьей (неполностью), четвертой (без начала) и пятой — три строки из начала цзюани. Фактически цзюани пятая—двенадцатая отсутствуют полностью, что составляет восемь цзюаней из пятнадцати. Если даже исходить из неравновеликости цзюаней, то и тогда можно предположить, что в лучшем случае до наших дней сохранилась лишь половина текста памятника.

Структура текста «Моря значений, установленных святыми» такова. Основному тексту предшествует стихотворное предисловие и оглавление пятнадцати цзюаней, на которые делится текст. Сам текст памятника имеет своеобразную структуру, которую условно можно было бы назвать «словарной», подразумевая словари энциклопедического характера, отсюда и имевшие место трактовки памятника как энциклопедии. В тексте дается посылка — комментируемое понятие, отпечатанное более крупным шрифтом, обычно в четыре письменных знака, хотя имеются и отклонения в два, пять, шесть, семь и восемь знаков, — и разъяснение к ней.

Создается впечатление, что поясняемые тезы сами по себе, если не повсеместно, то в ряде случаев, образуют связный, как бы стихотворный текст. Возьмем пример из раздела о женщинах:

Власть женского тела в его красоте,
[Но и] некрасивая внешне [женщина] бывает
умна и благородна.
Умный мужчина берет в жены некрасивую женщину,
[Ибо] мудрый ценит в женщине благородство и добродетели,
[И] некрасивая жена достойно ответит мужу.
Женское обаяние в красоте,
[Но может быть] женщина красивой, но не умной.
Существуют каноны женской красоты,
Красивая женщина обольстит и врага,
Красивая девушка не просит, чтобы ее взяли замуж,
А женщины-обольстительницы разрушают царства.

Здесь напрашивается вопрос: не заимствованы ли эти тезы, не представляют ли они собой единый стихотворный текст? Как известно, тангутский язык не имеет пока единой общепризнанной фонетической реконструкции. Ниже мы воспользуемся реконструкцией нашего соотечественника М. В. Софронова. Цитированный выше текст в тангутском оригинальном произношении по реконструкции М. В. Софронова выглядел бы следующим образом:

sI lIwu wẹ śiwo śiwo
ndIə tśiou ·û mbîû
sI t̂śiou̯ wə sie ndeш
ndzwîI sie si t̂śhia kəш
sI tśiou̯ wə ndo̯ tśhia̯ tshIe̯

В данном отрывке мы не обнаруживаем рифмованного стиха, наблюдается лишь инициальная гармония s̲I — n̥dIə — s̲I — n̥dzwi — s̲I и известная гармония цезуры в строках 1, 3, 5 wẹ — w̥ə — wə.

Возьмем еще один пример:

Станешь мужчиной или женщиной — обусловлено кармой,
[Женщины] в доме работают, [мужчины] в поле выезжают.
Умная женщина мужчину уважает,
[И оба они] пользуются в семье авторитетом и властью,
Таланты их равны, речи счастливые,
Весь свой век друг друга хвалят и уважают,
А после смерти [у них] могила одна!

·êш nIuo ngwei mbu
·ie viê ngiu mbIe
sî sIê ngo mbIû
ni m̂Ie pIn wê
rIn kâ ngwu liwu
źIon śiei ngIêi mbIu
lñi ku l̂wa ngû

Очевидно, что, несмотря на отдельные элементы гармонии, это нерифмованные стихи, очень допустимо, что перед нами белый стих. Полный перевод отпечатанного крупно и поясняемого текста приведен нами отдельно в приложении. Думается, что достоин рассмотрения тот вариант, что перед нами какая-то достаточно обширная тангутская нравоучительная ода, опубликованная столь необычным образом, с комментариями, возможно даже — это текст учебного характера, хорошо известный и использованный столь оригинальным способом для более полного и популярного учебного пособия.

И в этом нет ничего удивительного. По китайской классификации памятников письменности, принятой в то время широко на Дальнем Востоке, сочинения типа «Море значений, установленных святыми» относились к жанру *лэйшу*. Как писал К. К. Флуг, именно требования прежде всего образования, «в смысле его разносторонности и широты, вызвали появление многочисленных изданий, соответствующих до известной степени европейским энциклопедиям и обозначаемых обычно термином "лэй шу". Эти издания... представляют собой собрания извлечений из классических и иных сочинений, касающихся смысла разнообразных предметов и расположенных в систематическом порядке по категориям»[1].

---

[1] *Флуг К. К.* История китайской печатной книги сунской эпохи. М.; Л., 1959. С. 147—148.

Сочинения жанра лэйшу известны науке с танского времени. На тангутском языке хорошо известна лэйшу «Лес категорий». По заключению издателя текста К. Б. Кепинг, «"Лес категорий" в тангутском переводе является одной из ранних лэй шу на китайском языке, ныне утраченных. Китайский оригинал "Леса категорий", по-видимому, был утрачен очень рано, так как в списках источников, прилагаемых к "Тай-пин гуан цзи" и "Тай-пин юй лань", нет произведения под названием "Лес категорий"»[1]. Последний аргумент некорректен, ибо тангуты наверняка делали перевод (если это перевод, а не самостоятельная компиляция) с текста, бывшего в ходу еще при династии Сун; а в качестве сочинения вторичного «Лес категорий» и не должен был бы упоминаться как первоисточник в вышеназванных энциклопедиях. По данным К. К. Флуга, одной из ранних сунских лэй шу как раз было сочинение У Шу «Ши лэй фу», написанное «в стиле поэтического фу»[2], так же как и издаваемый памятник. Судя по годам жизни У Шу (947—1002), оно было составлено в конце X в. К этому же времени относится и одна из самых известных лэйшу — энциклопедия «Тай-пин юй лань», составленная в 977—983 гг. группой авторов под руководством Ли Фана; в составе этой группы работал и У Шу. Первые разделы этой энциклопедии — Небо, времена года, Земля и т. д. — прямо совпадают с разделами издаваемого нами памятника. «Тай-пин юй лань» в целом подразделена в современном виде на 55 разделов (*бу*)[3].

По объему к издаваемому нами памятнику ближе другая сунская лэйшу — «О происхождении вещей» («Ши у цзи юань»), составленная в 1078—1085 гг. Гао Чэном. Книга состоит из 10 цзюаней и 55 разделов (*бу*). Книга не дошла до нас в первоначальном виде; считается, что много дополнений было внесено в нее уже при Южной Сун и династии Мин[4]. Содержание «Ши у цзи юань», сходное по сути с содержанием «Моря значений, установленных святыми» и также следующее известной триаде Небо — Земля — Человек, отличается не только деталями, но и порядком, так как сочинение завершается описанием растений и животных. Что касается содержания в его подробностях, то, как увидит внимательный читатель, тангутская энциклопедия, имея не обозначенные в тексте отсылки на китайские сочинения, в то же время опирается на свои предания и свои изречения

---

[1] Лес категорий: Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе: Факс. ксилографа / Изд. текста, вступ. ст., пер., коммент. и указ. К. Б. Кепинг // Памятники письменности Востока. Т. 38. М., 1983. С. 9.

[2] *Флуг К. К.* История китайской печатной книги. С. 149.

[3] Подробнее см.: *Флуг К. К.* История китайской печатной книги. С. 150. A Sung Bibliography / Initiated by Etienne Balazs, edited by Yves Hervouet. Hong Kong, 1978. P. 319—320.

[4] A Sung Bibliography. P. 322.

(пословицы). Тангутская энциклопедия не использует китайскую мифологию, а китайская опирается на нее. Вот несколько маленьких примеров: «Солнце-Луна. После того, как Паньгу умер, его левый глаз стал солнцем, а правый глаз стал луной»; «Ветер-Дождь. У Паньгу голова дракона, тело змеи. [Его] дыхание стало ветром и дождем»[1]. Наконец, тангутская энциклопедия пропитана идеологией буддизма, этого нет в энциклопедии китайской, в ней просто даосизму, поставленному на первое место, и буддизму отведен раздел 38 цзюани 7.

Таким образом, составленная под китайским влиянием и по китайским образцам, воспринявшая в сфере идеологии, особенно государственной, много китайского, тангутская энциклопедия не была переводом с китайского и сохранила для нас многое из собственной культуры тангутов.

Представления о мироздании. Небо и Земля. Хозяйственная деятельность человека в связи с представлениями о мироздании

Характеризуя природные свойства Неба, автор (авторы) энциклопедии «Море значений, установленных святыми» описывает Небо как нечто самое обширное и великое, верховную чистоту, твердь, обладающую подлинными качествами, не поддающуюся разрушению, источник света и разного рода ценностей, самое совершенное укрытие, образно говоря — некую шапку, все укрывающую, вмещающую в себя все многообразие вещей и явлений[2]. Совместно с силой Ян Небо причастно к появлению всего сущего под Небом, оно управляет силами природы, заставляя вовремя дуть ветры и проливаться дожди[3].

Мы находим в исследуемом тексте мало сведений о Небе как естественном явлении. Это отражает свойства китайской философской мысли. Ван Чун учил, что Небо «телесно и находится очень высоко и далеко от людей», и оспаривал более верную, с нашей точки зрения, концепцию Неба как «воздуха» (*ци*), утвер-

---

[1] *Гао Сэн.* Ши у цзи юань (О происхождении вещей) // Цуншу цзичэн. Шанхай, 1936. Цз. 1. С. 2—3.

[2] Ср.: Хуайнань-цзы: «Небо — великий круг», «оно покойно благодаря чистоте»; Дун Чжу-шу: «Небо все покрывает, охватывает и вмещает»; Лу Цзя: «Небо рождает десять тысяч вещей» (Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М.: Наука, 1990. С. 48, 55, 79, 147).

[3] Ср.: Чжао Хэн: «Сущность Неба заключается в силе света Ян, поэтому оно круглое и находится в движении»; Дун Чжун-шу: Небо «создало Солнце и Луну, ветер и дождь, чтобы привести их в гармонию» (Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 330, 147).

ждая, что Небо «не является некой туманностью и бесплотной сущностью»[1].

Признавая Небо верховным божеством и делая акцент на связи Неба с человеком, правителем, китайская философская мысль мало говорила об «естественности» Неба, исходя, возможно, из того, что утверждал Цзя И: «Небо невозможно постичь мыслью»[2]. Это утверждение китайского философа имеет прямой аналог в тангутском тексте: «Действия Неба оценить трудно. В слуховое окно Небо разглядывая, тела Неба не разглядишь. Обыкновенному человеку поступки Неба оценить трудно».

В натурфилософском истолковании тангутской энциклопедии Небо связано с силой Ян и Солнцем. «Небесная сила Ян оплодотворяет: Солнце, яркие звезды, все звезды, исчисляемые среди созвездий, эманацию силы Ян вниз испускают, и она, с эманацией силы Инь соединяясь, всем многообразием вещей становится». Небо определяет четыре времени года, расцвет и увядание: «Путь Неба — расцвет и увядание: Весной и летом все расцветает. Осенью и зимой вызревает и увядает».

Солнце — источник рождения всего сущего, великое Ян, источник света и тепла, приносящий пользу народу.

Земля, по изложению автора (авторов) «Моря значений, установленных святыми», имела четырехугольную форму, представляя собой сушу, окруженную четырьмя морями — Восточным, Южным, Западным и Северным, и была подобна лодке. Земля — первый из пяти первоэлементов, свойства ее — твердость и мягкость. В пределах видимого мира — Неба, Земли, Воздуха и Вод — она есть выражение понятия великого, она опора всех вещей, мать-Земля, порождающая растения, живые существа и злаки. Все это чисто китайские представления.

Сведения о силах инь и ян, женском и мужском началах природы, о пяти первоэлементах, упоминаемых тангутской энциклопедией, — все это изложение китайских представлений, к тому времени чуть ли не полуторатысячелетней давности, широко воспринятых соседними с Китаем народами. Мы обнаруживаем их, к примеру, в мифологии ицзу (*лоло* и *мосо*), тибето-бирманского по языку народа юго-западного Китая:

В очень древние времена
Инь и Ян породили все вещи,
Инь и Ян породили пять первоэлементов,
Пять первоэлементов, разделившись,

---

[1] *Ван Чун*. Лунь хэн (Критические рассуждения) // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 278—279.

[2] *Цзя И*. Фу няо фу (Ода сове) // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 110.

Начали превращения,
И мир также стал изменяться[1].

Чисто китайским в тангутской энциклопедии является и понятие «Центр-Желтый государь». Желтый государь (Желтый император, Желтый предок) — это персонаж китайских преданий Хуан-ди[2]. По «Хуайнань-цзы», «центр — Земля, его бог — Желтый предок, помощник — Властвующий над Землей (Хоу-ту), держит веревку и управляет четырьмя сторонами Земли, его дух — планета Чжэнь (Сатурн), его животное — Желтый дракон»[3]. «Земля (ту) является центральным дворцом (вселенной)... Ее первопредок — Хуан-ди. Ее бог — Хоу-тоу»[4].

По преданию, как владыка Центра, Хуанди имел четыре лица и «мог одновременно наблюдать за всеми четырьмя сторонами света»[5]. Полагают, что первоначально Хуанди являлся божеством грома (есть варианты — был водным божеством и имел облик дракона[6]), затем он стал Небесным императором Центра[7]. Цвет Неба был черный, цвет Земли — желтый, желтый цвет означал Центр. Эти представления попали и в предания ицзу, желтый цвет в этих преданиях также является цветом центра в представлениях о «пяти сторонах» — зеленом востоке, красном юге, черном западе и белом севере[8].

Тангутские авторы упоминают также представление о том, что Земля была наклонена с запада на восток: «Запад — верх, восток — низ». Это положение о наклоне Земли с запада на восток было известно и тибетцам[9]. Оно, очевидно, имеет свои истоки в представлениях древних китайцев, если не отражает пласт каких-то еще более древних взглядов, возникших в эпоху китайской и тибето-бирманской языковой общности. По китайскому преданию, рогатое чудовище Гун-гун сразилось с Богом тьмы Чжуань-сюем из-за обладания Вселенной. Гун-гун не смог одолеть Чжуань-сюя и в ярости ударил головой гору Бочжоу — одну из гор, подпиравших Небо. Это привело к тому, что столп Небес

---

[1] У ши цзи люе (Краткие записи о начале сущего): Текст на яз. ицзу и пер. на кит. язык. Т. 1. Чэнду, 1990. С. 19.

[2] См.: *Яншина Э. М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984. С. 44.

[3] О его деяниях см.: *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. В. В. Вяткина и В. С. Таскина // Памятники письменности Востока. 32, 1. М., 1972. С. 133—135.

[4] *Бань Гу.* Бо ху тун // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 232.

[5] *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М., 1987. С. 89.

[6] Там же. С. 456.

[7] Чжунго шэньхуа чуаньшо цыдянь (Словарь китайской мифологии). Шанхай, 1985. С. 347.

[8] Краткие записи о начале сущего. Т. 1. С. 179.

[9] *Stein R. A.* La civilisation tibétaine. Paris, 1962. P. 74.

сломался и оборвал земную крепь. Нюйва, мать-прародительница, с телом змеи и лицом девы, сплавом из пяти цветных камней запаяла лазурное Небо, отсекла лапы у гигантской черепахи Ао и подняла Небо. Но на ремонт Неба не хватило материала на северо-западе, «вот поэтому [только] туда направляются солнце с луной, и на юго-востоке [угла] у земли не хватило, поэтому и стекают воды сотен рек в океан»[1]. По близкой версии «Ле-цзы», после повреждения, сотворенного Гун-гуном, «на северо-западе Небо накренилось к Земле, а в противоположной стороне, они, естественно, отдалились друг от друга, тем более что и Земля накренилась на юго-востоке. Вот почему небесные светила стали двигаться по Небу в северо-западном направлении, а реки потекли по Земле на восток, впадая в океан»[2].

По определению автора (авторов) «Моря значений, установленных святыми», «человек — это тот, кто под Небесным сводом на твердой Земле обладает высшими знаниями и среди всех прочих [живых существ] является "высшим"». Он находится в тесной связи с благой силой (кит. *дэ*) Неба и Земли («сверху благой силой *дэ* Неба, как шапкою, прикрыт»), он плод слияния сил Инь и Ян, женского и мужского начал мироздания. Основа тела человека — пять первоэлементов. По своему физическому облику он воспроизводит Небо и Землю, ибо форма головы человека, округлая полусфера, подобна небесному своду, а форма его ног подобна квадратной Земле. Тело человека стройно и красиво.

В сущности своей это тоже китайские представления, уже органично перенесенные на тангутскую (государства Великое Ся) почву. Человек, учил Ван Чун, самое ценное из живых существ, поскольку он способен мыслить и познавать. «Из тридцати шести голых тварей человек стоит на первом месте, человек — это существо. Среди тьмы существ (вещей — *у*) он единственный из всех обладает разумом»[3].

У Хуайнань-цзы мы читаем: «Голова круглая, как Небо, ступня прямоугольная, как Земля. У Неба есть четыре времени года, пять стихий, девять выходов, триста шестьдесят шесть дней. У человека тоже есть четыре конечности, пять внутренних органов, девять отверстий, триста шестьдесят шесть суставов. Природе известны ветер и дождь, холод и жар. Человек тоже способен брать и отдавать, радоваться и гневаться. Желчный пузырь — это облака, легкие — эфир, печень — ветер, почки — дождь, селезенка — гром. Таким образом, человек есть часть троицы — Небо, Земля, Человек. А сердце всему господин. Уши и глаза —

---

[1] *Ван Чун*. Лунь хэн // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 272.
[2] Там же. С. 451.
[3] Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 464.

это солнце и луна, кровь и эфир — ветер и дождь»[1]. «Небо — это великая сила ян. Земля — это великая сила инь. Человек находится в центре»[2]. «Гармоничное слияние инь и ян... породило человека»[3].

Однако при знакомстве с тангутской натурфилософией, китайской в своей основе, бросаются в глаза две особенности ее разработки философами династии Хань на рубеже нашей эры: мы не находим у тангутских мыслителей, составителей издаваемого памятника, представлений о *дао* и *ци*, об этих основополагающих понятиях китайской натурфилософии. Можно думать, что это связано с буддийским мировоззрением тангутов. Не случайно третьим в изложении понятий о Небе следует тезис о «Небом самом почитаемом». А этот самый почитаемый Небом, «в пределах всех миров победивший», есть Будда. Очевидно, буддийский взгляд на мир, или, точнее, тот синкретический взгляд на мир, который был присущ тангутскому образованному человеку и включал положения древнекитайской философии, буддизма и своих собственных «национальных» представлений о мире, закрепленных в остатках древней мифологии, не мог совместить учение о дао и ци как основах всего сущего с мировоззрениями буддизма.

Не случайно и то, что в энциклопедии мы обнаруживаем и элементы древних, возможно, собственно тангутских, представлений о природе Неба. Это представления о Небе как верховном быке, самом могучем из домашних животных в глазах древних скотоводов-цянов. В тексте тангутской оды «Месяц за месяцем» образно сравнивается с быком и солнце: «Солнце в зените — бык, податель молока». Эти сведения относятся к четвертому месяцу (реально — маю), когда отелились коровы, было обилие сочных трав и, соответственно, молока.

Мы уже цитировали выше текст из мифов ицзу, из которого ясно, что их китаизированные представления включали и понятие о ци. Но наряду с этим и в мифах ицзу есть текст, в котором Небо уподобляется мускусному оленю, одному из основных объектов охоты ицзу в древности:

На Небе появилась желтая кабарга,
Ее левый глаз стал солнцем,
Ее правый глаз стал луной,
Ее пятнистые веки — звездами[4].

Возможно, какую-то отдаленную связь с представлениями о ци мог выражать первый тезис раздела «Небо» тангутской эн-

---

[1] Хуайнань-цзы // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 56.
[2] *Юй Цзи.* Тай пин цзин // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 337.
[3] *Ван Фу.* Цянь фу лунь // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 348.
[4] Краткие записи о начале сущего. Т. 1. С. 210.

циклопедии: «Западное облако: источник происхождения, ставший корнем». Но автору этих строк неизвестно уподобление первородного эфира ци облакам, а главное, вероятно, заключается в том, что здесь мы сталкиваемся с какими-то намеками на тангутские мифы, нам неизвестные. В этом нас убеждает то, что упоминание об облаках, «белых облаках», мы обнаруживаем в одном из преданий ицзу:

В очень давние времена,
В то время,
Когда не было солнца и луны,
Небесная пустота не имела формы,
А большая земля не имела образа,
В небесной пустоте был жестокий мрак,
А на большой земле — глубокая тьма,
Боги постоянно собирались и обсуждали,
Какие произвести изменения в пустоте?
Происшедшие изменения: появились белые облака,
Происшедшие изменения: появились звезды,
Происшедшие изменения: появилось солнце,
Происшедшие изменения: появилась луна,
Вселенная, изменившись, озарилась ярким светом,
Яркий свет осветил дикие горы[1].

Как мы видим, по представлениям ицзу, облака появились раньше солнца и луны, они первотворение в первозданной пустоте, действительно как бы «источник происхождения, ставший корнем». Думается, что между представлениями тангутов и ицзу о первооблаках имеется определенная связь, так же как возможна и связь представлений об облаках и первородном эфире ци, его сгущениях, скучивании в облака. Вероятно, перед нами весьма глубинный пласт мифов о мироздании, осмыслить который в деталях мы просто пока не в состоянии из-за недостатка материала.

Завершая этот краткий анализ столь же кратких сведений тангутской энциклопедии «Море значений, установленных святыми» о мироздании, мы можем заключить, что в основе своей они были китайскими. Но есть возможность указать и на свои представления о мироздании, не свойственные китайским, на отсутствие учения о дао и ци — основополагающих понятиях для китайской и средневековой натурфилософии. Мы высказываемся за то, что эти понятия китайской философии были трудно сочетаемы с буддизмом. В то же время следует отметить, что мы не обнаруживаем в памятнике и изложения буддийской космогонии.

---

[1] Краткие записи о начале сущего. Т. 1. С. 5—6.

Сезоны года, трудовой ритм

С природной деятельностью Неба, Солнца, мужского начала Ян и женского начала Инь были связаны четыре сезона, четыре времени года — весна, лето, осень и зима. «Четыре времени года и [силы] инь-ян лежат в основе всего сущего. ...[В силах] инь и ян и четырех временах года заключены начало и конец всего сущего, причина жизни и смерти»[1].

В нашем источнике общие посылки учения о четырех временах года, безусловно близкие к китайским, не сохранились. Остались лишь сведения о седьмом—двенадцатом месяцах обычного года и дополнительном месяце високосного года.

В известной мере этот недостаток восполняет ода «Месяц за месяцем», также сохранившаяся в тангутской части коллекции П. К. Козлова из Хара-Хото. Ниже мы приведем ее полностью в русском переводе[2].

В первом месяце:
Черноголовые и краснолицые празднуют на доходы
ушедшего года, в государстве пиры устраивают.
Белая высокая обитель обогрета, ягнятся овцы,
В жилищах солнечно и светло, спят ягнята,
разлегшись рядками,
Мудрые сыновья для подкормки яков и овец заранее
приготовили нежные листья дерева гинко,
блеют овцы, громко отзываются ягнята,
И вот их двое. Месяц у края дороги, голубой, отправляется
в свой дальний и вечный путь.
Путник шагает, одежда его уже не утеплена,
Все замерзшее белое тает,
Все, попавшее в силки зимы, появляется и белеет.
Над западными холмами светит луна, курлычут журавли,
как бы спрашивая друг друга о красоте вешних вод.
Журавли — краса вешних вод. И луна на западной стороне,
и журавли, и обилие вод не исчезают!

Во втором месяце:
По краям дорог зацветают персиковые деревья,
летят дикие черные гуси.
Путник идет, на нем легкие одежда и обувь.
Зимние белые льды растопила весна,
[Люди] заходят в разные кладовые и выходят из них,

---

[1] Нэй цзин. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 33—34.

[2] Ода «Месяц за месяцем». Тангутский фонд СПбФ ИВ РАН. Танг. 25, инв. № 121. В свое время переписанный проф. Нисида Тацуо текст оды, разбитый на куски, был опубликован им с переводом на японский язык: 西田龍雄。西夏語「月月樂詩」の研究 // 一文学部研究紀要。第二十五。1986 (*Нисида Тацуо.* Исследование «Оды о радостях каждого месяца» на языке Си Ся // Главные итоги исследований Филологического факультета. Вып. 25. 1986.

С западных холмов светит луна, курлычут журавли [о том],
как красива река!
Курлычут журавли, прекрасна река, на западе заходит луна,
Летят журавли, и нескончаемо большое лицо реки.
В третью луну два рода пернатых в лесах запоют,
возвещая радость стране,
Могучей стране, где воды текут, зеленеют травы
и в горах стреляют диких яков.
На востоке, среди прочных, как алмазы, дерев, кукует
кукушка, подыскивает себе бамбуковую рощу,
Кукование кукушки, зелень лесов, яркие лучи солнца
Сулят обилие «желтой пищи» и летних овощей,
всему миру процветание.
Под огромным ликом небес седеют леса.

В третьем месяце:
Среди дерев воркуют голуби и горлицы государству
на радость,
В сильном и славном государстве, солнечным теплом
обогретом, воды текут, появляются ростки зелени,
пробиваются наружу в широкой степи.
На восточной горе кукует кукушка. Сажают деревья.
Кукушка кукует, цветущие деревья пронизаны
лучами солнца!
Едят пищу из гороха, любуются цветами —
не голодное государство!
В четвертый месяц плывет луна, все зазеленело, деревья и
травы ласкают взор.
Милостиво раздают разного рода ценности,
в государстве обильно завтракают.
Кукушка кукует — значит, все зеленеет. Мощь гор
неизменна, накапливается сила Ян, мужчины
устремляют взоры на женскую красоту.
Среди трав — простор красоте, зацветает все, что цветет,
У подножий пагод разнотравье, травы выросли на целый чи,
Сражаются с водой, травы, как ремни из кожи антилопы,
как путы для коня,
Дружат с водой — версты влажных низин, простор
и радость для черепах. Непостижимая земля!

Четвертый месяц:
Наступил первый день лета. Деревьев и трав изобилие.
Разные ценные подарки жалуются за заслуги,
в государстве устраивают пиры.
Кукуют в зелени кукушки — лето пришло,
Нет обнаженных холмов и равнин. Мысли мужа обращены
к земле, к ее красе.
Зацвела трава... ...[?], раскинулась, подобно полотнищам
фиолетового шелка. По краям болот разнотравье,
это травы, низкие и высокие,
С волнами борются, как кони, спутанные ремнями
из оленьей кожи.
Росы не вредны. Извиваясь, текут ручьи, прыгают лягушки —
земля богов!

Луна плывет в пятый месяц. В стране дожди,
не увядает краса разных трав.
Путник идет, смотрит радостно. Вершины холмов поросли
травой, птицы озабочены потомством, не суетятся.
На вершинах трав — шапки черных волос, не отделимы
от горных вершин травы для коз, травы для овец.
Змея ползет в чащу дерев. Побагровели силы Инь и Ян,
солнце в зените — бык, дух-податель молока,
владеющий законами мастерства.

В пятом месяце:
В государстве выпадают дожди, цветут деревья и травы.
Путник идет, смотрит на все с любовью.
Красные травы на холмах похожи на петушиные хвосты,
это сказано верно.
Камыши надели черные войлочные шапки.
Собирают бараний и козий чеснок. Ползают большие змеи.
Точно определены пастбища.
Искусные руки мужчин и женщин в полдень обучают
дойке коров.
Луна плывет в шестой месяц. Одни виды зелени сменяются
другими, [но] травы сохраняют свой цвет.
Насекомые летят, жужжат. В стране довольство и радость.
Кузнецы уходят на юг и на восток. На зеленых пастбищах
пасется скот.
На земле следы острых когтей, прошли дикие звери. Те, кто
с ними [их детеныши], невелики, [звери] ждут их,
не прыгая от радости, [они] удовлетворенно мудры.
Красные нити насекомых. Летают орлы. Солнце движется
на ночной покой, прекрасное, как овечья шерсть!

В шестом месяце:
Голубеют болотистые низины, цветут овощи, летают бабочки,
курлычут журавли, жужжат насекомые — в государстве
радостно!
Красно-жаркие плавильщики пришли с востока. Простор для
летних безумств.
В красных песках... ...[?]. Мчатся антилопы-кабарга, с ними,
голова к голове, малыши. Я говорю, не прыгая
от радости, радуются.
Летают парчово-красные бабочки, орлы. Солнце сияет,
перевалив за десять гор, парчовой циновке подобное.
Луна плывет в седьмой месяц. Выросли разные злаки, стали
тучными дикие животные и домашний скот —
в стране обильные завтраки.
Не валятся вниз [наземь] шапки под ударами ветра. Желтеют
верхушки трав. Солнце в зените, опускается над
водами: говорят, [оно], как в орлиных перьях.
Длительные радость и долголетие.
У тангутских коней белые деревянные основы седел,
Дорогой бычьей кожей обтянуты, на один фасон.
Во всех странах достигшие долголетия люди живут благопо-
лучно, [их жизнь] — долгая скачка по широкой степи.

В седьмом месяце:
Обилие разного рода злаков. Тучнеют домашние и дикие животные.
В государстве пиры. Вянут верхушки трав, спутанные ветром.
До полудня держится роса. Поют перепела — каждому радость и долголетие!
У коней тангутских сыновей седла белые из мягкой кожи, желто-белым нефритом украшенные, — у всех такие.
Жеребцов [для] родовитых людей государства и людей, живущих долгие годы, в достатке рождается.
Луна плывет в восьмой месяц. Горы и равнины залиты солнцем, созревает золотисто-желтый рис.
На прекрасной земле растет рис, дремлет за полями.
По одному шагают, расходятся сборщики налогов.
В местности Мбу «крылу» китайцев и По, делающих железо, раздают на руки черный и белый рис. Ставят силки для ловли птиц,
Гоняют оленей, убирают рис. Три вида приобретаемого: [птиц, оленей и риса] не теряют.

В восьмом месяце:
Горы и степи залиты желтым солнечным светом, созрели хлеба.
На прекрасной земле, на полях сладко спят хлеба.
Часто появляются те, кто обходит [поля].
Чиегхонские тангуты и китайцы обрезали преграды, черные или белые нити тянут, птиц ловят,
Оленей гоняют. Жнут хлеба. В трех [этих делах] оплошностей не допускают!
Луна плывет в девятый месяц. Убран рис. По травам на вершинах холмов шагают
Мастера. Среди разных трав нет негодных для дела.
Девятого месяца пища прекрасна и разнообразна,
Рису, меду обилье. В государстве радость.
На рис белый и рис желтый еще не падает иней. Составляя связки, нанизывают монеты — умные богатеют!

В девятом месяце:
На полях завершена уборка. На высоких местах выпадает иней.
Играют свадьбы, как подобает, по церемониалу.
Созрели все овощи,
Девять видов овощей, основу питания, разными способами заготовляют на зиму.
Румянятся, приодеваются, звучит музыка, в государстве веселье. Обильный урожай белого ячменя и желтой пшеницы.
Мешки полны — желудку и сердцу довольство!
Луна плывет в десятый месяц. Полны разного рода кладовые.
Умные люди отдыхают. В государстве устраивают пиры, народ спокоен и благополучен. В государстве охотятся на птиц.
Поднимаются черные ветры. Ревут олени. Ветер треплет травы, они мечутся под ветром, как испуганный конь.

Кричат черные птицы, сбиваются в стаи, улетают на запад, летят на восток.
Черные стаи птиц белые стены крепостей и жилища не обновят [загадят].
В могучем государстве радость. Появляются новые памятные записи.

В десятом месяце:
Все кладовые полны. Люди отдыхают от забот.
В государстве пиры,
Народ весел. В стране охотятся на птиц.
Поднимаются черные ветры, кричат олени. Ветер бьет травы, дикие козы скрываются в лесах.
Гогочут черные гуси, их головы подобны потухшим головешкам, они улетают на запад, летят на восток.
В белых городах и черных крепостях покой.
В сильном и доблестном государстве всюду тепло и радость!
Луна плывет в одиннадцатый месяц, на западных диких горах бродят стада баранов, собираются у водопоев.
В белые холода загаданные пути не извилисты [прямы].
Сыновья тангутов все насквозь видят, шагают и вперед и назад, не запутываются в важном.
Холодные конские языки, черные олени в изобилии!

В одиннадцатом месяце:
Подданные Белого Высокого [государства] спускаются с гор в густые леса. Замерзают реки.
Прямы покрытые льдом дороги.
Сыновья тангутов ходят, осторожно оглядывают дорогу, но [плохая дорога] любви не преграда!
Холодны зубы у лошадей, олени бредут сквозь глухую ночь.
Плывет [в двенадцатый месяц] холодная луна. Пропустил пятый день — и рыбок не собрать.
Бьют в барабан час земли-быка, [люди] идут в храмы.
Приближается Новый год, черноголовые и краснолицые в государстве устраивают пиры.
На год и у молодых, и у старых жизнь удлинилась, трех колен родня в [будущем] году, головы соединив, все луны снова повторит.
В храмах, в домах и в самых удаленных уголках страны — всюду радость, в окнах сельских домов [видны] соединенные вместе головы.

В двенадцатом месяце:
Пятые, девятые холода проходят, рыбок выпускают,
Забивают «весеннего быка», опасаются пагубы, насылаемой нечистой силой лисьих чар.
Перед наступлением Нового года черноголовые и краснолицые в государстве устраивают пиры.
Молодых и старых людей трех поколений, подобных многоколенчатому бамбуку, конец месяца и начало [нового] года соединяют.
В домах среди старост селений нет неявившихся, [все] собрались, [вплоть до] правителей самых отдаленных мест.
И пусть [все] радостно празднуют [Новый год!].

Разбивка текста на строки нами оставлена такой, какова она в оригинале. Стоит ли говорить, что этот прекрасный памятник не только сообщает некоторые новые данные о жизни государства Ся, но и создает определенный эмоциональный настрой, способствует тому, чтобы представить жизнь населения Си Ся в красках, как это и сделал, очевидно, придворный тангутский поэт, используя традицию и все богатство родного языка.

Сохранившаяся часть текста «Моря значений, установленных святыми», посвященная временам года и кратко рассказывающая о жизни народа и страны с седьмого по двенадцатый месяц включительно, местами прямо перекликается с приведенным выше текстом тангутской оды. Приведем примеры:

«Море значений»	*Ода*
Седьмой месяц:	
если в полдень роса сохранилась и перепелки поют	до полудня держится роса, поют перепела
Восьмой месяц:	
ставят силки, подкарауливают птиц	птиц ловят
люди государства убирают созревшие хлеба	жнут хлеба, убран рис
Девятый месяц:	
на возвышенных местах травы украшаются, иней к себе приманивают	на высоких местах выпадает иней
разных плодов обилие	созрели все овощи
время прилета и улета птиц	кричат черные птицы, сбиваются в стаи, улетают на запад, летят на восток
Десятый месяц:	
воют черные ветры	поднимаются черные ветры
дикие козы в испуге убегают в лес	дикие козы скрываются в лесах
Одиннадцатый месяц:	
реки и пруды сковываются льдом	замерзают реки
Двенадцатый месяц:	
отводят бесовские лисьи чары	опасаются... лисьих чар

И ода «Месяц за месяцем», и текст «Моря значений, установленных святыми» — ценные источники сведений о климате территории тангутского государства и о циклах хозяйственной деятельности его населения. Ниже мы даем сводку сведений по этим двум разделам.

	Природа	*Хозяйственная деятельность*
Первый месяц:	таяние снегов, прилет журавлей	ягнятся овцы
Второй месяц:	прилетают гуси, в лесах кукуют кукушки, зацветают персиковые деревья	охота на диких яков, раскрытие кладовых, очевидно, подготовка семян к посеву

Третий месяц:	появляются травы в степях, деревья покрываются листвой, вырастают разные травы. Активны голуби и горлицы	посадка плодовых и иных деревьев.
Четвертый месяц:	начало лета, гнездовье птиц, сезон летних дождей	начало сельскохозяйственных работ на земле
Пятый месяц:	сезон дождей. Цветенье трав и деревьев	скот на пастбищах, раздел пастбищных угодий. Обучение молодежи дойке коров. Сбор дикого чеснока. Кузнецы идут на работы на юг и восток, возможно, на пастбища к пастухам, а то и в сопредельные районы Сун
Шестой месяц:	цветут овощные культуры, растут злаки. Появление молодняка у диких антилоп	тучнеет на пастбищах домашний скот. Приход с востока работников по металлу. Очевидно, первое оседлывание и приучение к седлу молодых коней
Седьмой месяц:	вянут травы, до полудня держится роса. Созревает рис, поют перепела	уборка риса, начало сбора налога (поземельного). Охота на диких оленей. *Ритуалы*: в 15-й день — моления в буддийских храмах, поклонение деревьям и священному камню Нгиу, который связан с почитанием родителей
Восьмой месяц:	обильны росы, появляется иней. Птицы меняют гнездовья, улетают ласточки. Прекращаются грозы. Созревают хлеба, персики, жужуб, виноград, плоды акации, овощи и дыни	уборка хлебов. Огул скота. Ловля птиц и охота на оленей. Обмолот зерна, уборка растений, дающих волокна, производство растительного масла
Девятый месяц:	выпадает иней. Созрели все овощи и фрукты. Дуют черные ветры. Брачный период оленей. Птицы собираются в стаи и улетают на восток. Деревья начинают терять листву. Насекомые и черви прячутся от холодов	завершение уборочных работ, уборка заливного риса. Заготовка на зиму овощей и фруктов. Подрезка деревьев. Заготовка на зиму мяса диких и домашних животных. Охота на птицу. *Ритуал*: играют свадьбы. В 9-й день — поминание предка Гхва, народные празднества в его

		честь. В 15-й день — праздник монахов буддийской секты Чань, моления о благоденствии государства.
Десятый месяц:	собираются в стаи белые журавли, наступают холода. Дуют холодные черные ветры, промерзает земля. Длинные ночи и короткие дни. Дикие козы скрываются в песках пустыни	охота на птицу и диких коз верхом. Сбор плодов диких злаков. Сбор налогов. Время начала военных походов. *Ритуал*: состязания в скачках, стрельбе из лука и метании камней из пращи. Принесение жертв духам предков. Раздача бедным продуктов и одежды от государя
Одиннадцатый месяц:	замерзают реки, оголяются леса, оледенели дороги	пастухи спускаются с гор со скотом в густые леса и долины. *Ритуал*: наблюдают за облаками. Если цвет облаков желтый, то жизнь в будущем году будет спокойной, если зеленый — летом будет много гусениц. Если белый — ожидаются беды и смерти. Если красный — быть войне, если черный — будут наводнения. Моления в храмах
Двенадцатый месяц:	наблюдаются скопление снега и льда, промерзание земли. Слабеют морозы. Сороки чинят гнезда. Спариваются дикие звери, отмечаются любовные пиры у птиц	подготовка к весне сельскохозяйственных орудий. Государь охотится. *Ритуал*: празднование Нового года. Ритуал забивания быка с целью защиты от лисьих чар. Принесение жертв небесным духам и божествам планет

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЗЕМЛИ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ РЕЛЬЕФОМ ДАННОЙ МЕСТНОСТИ

В тексте «Моря значений, установленных святыми» речь идет о пяти видах рельефа земли: горах (поросших лесом), холмах, песчаных пустынях, равнинах и заболоченной местности, пересеченной реками.

Поросшие лесом горы — это изобилие деревьев и трав, в их недрах золото, серебро, ценные металлы и камни, леса — при-

бежище птиц и зверей, особенно таких, как тигры, барсы и олени. Такие горы — пастбища для овец и яков. Склоны гор удобны для посевов проса, конопли, гречихи, риса.

Холмистые местности — это отличные, тучные пастбища, плодородные поля, обилие целебных трав.

В пустынях есть пастбища грубых, но питательных трав, особенно для верблюдов. Это места обитания песчаных лисиц, разных грызунов и гадов.

Степи — прекрасные пастбища для лошадей и другого домашнего скота, места обитания разных антилоп. В степях — плодородная земля, и если в сезон дождей вовремя вспахать землю и засеять ее, то будет хороший урожай.

Речные поймы и болота удобны для разведения коров, эти места обильны птицей и зайцами, там произрастает много съедобных трав.

Для тангутов, выходцев из северо-западной Сычуани, страны, обильной горами, живших в стране, где также было немало гор, горы имели особое значение, являлись объектом поклонения. В тексте «Моря значений, установленных святыми» мы обнаруживаем настоящий гимн горам:

Корни гор в земле рождаются,
Вершины их окутаны облаками,
Пестрыми цветами и травами они одеты.
[С одной горы] смотришь вдаль,
[Там] другие [горы] стоят.
Дикие звери надежно [в горах] укрываются,
Разные птицы пристанище [в горах] себе находят.
Горы — источник сокровищ
И неиссякаемый источник вечности!

Для тангутов-буддистов эпохи расцвета культуры Ся на первом месте, разумеется, значилась священная гора Сумеру: «Основания гор — священные корни. Вершина [горы] подпирает Небо. От голубого Неба опускаясь, она придавила землю. Такая величавая, небесно-голубая гора в учении Будды зовется горой Сумеру». Помимо своих природных достоинств, пользы для человека — леса и пастбища, обилие диких животных и птиц, пашни на склонах гор, — для тангута-буддиста горы были местом размещения храмов, обитания сангхи, воссоздания и распространения буддийских текстов, местом, куда удаляются для молитвы и созерцания, где на южных склонах гор — пещеры отшельников.

Очевидно, представления о горе Сумеру увязывались в сознании тангутов с их собственной священной первогорой Ме: «Высочайшая священная гора Ме: Когда еще не были рождены Небо и Земля, вырос священный камень Кэлан, горой Ме стал, истоком рождения, обителью, местом, где взросли этикет и церемониал».

С горами было связано и появление на свет если не самого тангутского народа, то по крайней мере его правящего клана. Об этом более подробно будет сказано в разделе о реконструкции тангутской мифологии и тангутских преданий.

Культ гор распространен практически во всем мире. Если же мы обратимся к соседям тангутов, то он был у тибетцев, китайцев, ицзу и др. Как и тибетцы, тангуты подразделяли горы на белые и черные. Белые — со снежными вершинами, на которых никогда не тает снег и ледники, черные — горы без ледников, вершины их не покрыты снегом. У гор просят дождя. В ответ горы окутываются облаками и проливают дожди. Каждая гора имеет своего хозяина, духа горы.

Белыми горами на территории тангутского государства Великое Ся были горы Хэланьшань и их северо-восточное продолжение горы Иньшань, частью которых, вероятно, были и горы Цишань. «И зимой и летом в горах идет снег: В государстве тангутов-*ми* на трех высоких горах зимой и летом идет снег и не тает на солнце, лежит постоянно. Снег лежит на горах Хэланьшань, горах Иньшань и горах Цишань».

В тексте «Моря значений...» перечислены, по-видимому, основные горные массивы государства Великое Ся. Не все они поддаются точному отождествлению, во всяком случае стараниями автора данной статьи. Однако ниже мы соотнесем их, когда это возможно, с современными горами данного региона.

1. Хэланьшань. Безусловно, главным горным хребтом на территории Ся были горы Хэланьшань, расположенные непосредственно к западу от излучины реки Хуанхэ. Не случайно в тексте издаваемого памятника сказано, что «горы Хэланьшань не имеют себе равных: все в горах имеется — и тенистые леса, и разные плодоносящие деревья, съедобные и лекарственные травы. Барсы, тигры, разные олени надежно укрываются в горах». В центре гор — плоскогорье с водой и травой, там пасут яков и прочий домашний скот. В горах много источников и ручьев. Уже во времена Ся лесные массивы гор Хэланьшань защищали от порубки — «люди пользуются десятью тысячами пород разных деревьев и не стремятся вырубать их». В горах — охотничьи угодья: «кладезь большой и малой жирной пищи: в горах дикие животные множатся, живут горные бараны, олени, горные козлы».

2. Алан-палянь (А-лвон-пха лие). Поскольку в этих горах добывали железо и были мастерские металлоизделий, то, возможно, эти горы находились к западу от сунского г. Линьчжоу (находился в северной части современного уезда Шэньму, пров. Шэньси). В «Си Ся цзи» в записи под 1040 г. сказано: «Поскольку в округе Сячжоу было много железа, в восточной части округа было организовано железоплавильное производство. Оно находилось приблизительно в 70—80 ли к западу от реки Хуанхэ, от границ

Линьфу, Хэдун»[1]. Это современные горы Хэншань в пров. Шэньси. Их протяженность 1500 с лишним ли, и сейчас в горах имеются разработки железа и соли[2].

3. Горы Чонруо (Чжоло). Находились на границе Си Ся с Тибетом. «Большие горы на южных границах. На границе государства тангутов-ми и Тибета плоскогорья Мбаучион и Чонруо. Там много разных деревьев, растений и диких животных. У подножий гор бьют ключи, [там] обрабатывают землю». Эти горы можно найти на старинной карте тангутского государства Си Ся. По кодексу законов Ся середины XII в. управление Чжоро относилось к числу управлений низшего (четвертого) класса. Судя по упомянутой выше старинной карте, горный массив Чжоро находился в верховьях реки Эдзин-Гол[3]. Это современные горы Наньшань (Циляньшань), возможно, только центральная часть Наньшаньского хребта, отделяющая Северный Тибет от Ганьсуйского коридора.

4. Горы Инь-Ци. Судя по контексту, речь в памятнике идет о двух горных массивах Иньшань и Циляньшань. Оба они должны были находиться на северных границах государства Си Ся. На старинной карте горы Цилянь указаны к северу от г. Ганьчжоу (г. Чжанъе, пров. Ганьсу). В записях об округе Лянчжоу («Лянчжоу цзи») о горах Циляньшань говорится: «Горы Циляньшань

---

[1] *Дай Си-чжан.* Си Ся цзи / Ред. Ло Моу-кунь. Цз. 7. Иньчуань, 1988. С. 192.

[2] Чжунго гу цинь ди мин да цыдянь (Словарь древних и современных географических наименований Китая). Шанхай, 1993. С. 1217.

[3] Эта карта, обнаруженная нами в 1957 г. в рукописном атласе карт тангутского государства Си Ся в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве и приблизительно датированная автором этих строк 1066—1081 гг., вызвала много споров. Руководствуясь не только научными соображениями, но и политическими мотивами 70-х гг., китайские авторы отрицали древность этой карты (см.: *Цю Ши.* Лунь со вэй фучжи Сун бэнь Си Ся диту вэньти (К вопросу о так называемой карте Си Ся, скопированной с сунской книги) // Си Ся ши луньвэнь цзи (Сборник статей по истории Си Ся). Иньчуань, 1984. С. 652—659). Автор этой статьи путает Государственную библиотеку им. В. И. Ленина в Москве с Ленинградской, датирует карту концом XIX в. Более серьезный исследователь Чэнь Бин-ин предлагает датировать карту 1119—1120 гг. Я готов принять большую часть его соображений, прежде всего потому, что он отстоял важный тезис о том, что карта, конечно же в копии, и в копии, возможно, с ошибками, изначально восходит все-таки к сунскому времени (см.: *Чэнь Бин-ин.* Си Ся дисин ту чу тань (Первоначальное изучение карты рельефа Си Ся) // Си Ся вэнь у яньцзю (Изучение материальной культуры Си Ся). Иньчуань, 1985. С. 433—457; Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169 гг.) / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е. И. Кычанова. В 4 кн. Кн. 3: Факс., пер. и примеч. (главы 8—12) // Памятники письменности Востока. LXXXI, 3. М.: Наука, 1989. С. 110).

находятся в верхней части двух границ (регионов) Чжанъе и Цзюцюань. С востока на запад тянутся на 200 ли, с юга на север на 100 с лишним ли. В горах зима теплая, а лето прохладное, годны для скотоводства, [там] отличный кумыс»[1]. В настоящее время горы Цилянь включают в систему гор Наньшань. Горы Иньшань располагались к северу от гор Хэланьшань. В горах Иньшань и Цишань снег не таял и летом. Ячмень и пшеница вызревали там в девятом месяце (примерно в октябре). В горах разводили лошадей и овец. Там паслись табуны кобылиц и изготовляли кумыс.

5. Драгоценные горы Западных областей и горы Мудрецов в Шачжоу. Имеются в виду горы у заставы Цзяюйгуань — Цзяюйшань и горы Минша у Дуньхуана, а также пещеры Могаоку к юго-западу от Дуньхуана. Горы (три горных массива) обозначены на старинной карте Ся. Названы они Саньвэй, легендарным китайским наименованием этой местности. Горы Западных областей Ся славились добычей золота и серебра, а также меди. Горы Мудрецов отличались тем, что «контур гор похож на Будду. Здесь много храмов и монастырей». Известно, что после 1036 г. район Дуньхуана вошел в состав тангутского государства. По данным обследования группы, созданной в 1964 г. под руководством проф. Ван Цзин-жу, в пещерах Могаоку было обнаружено 77, а в пещерах Юйлинь — 11 гротов, отремонтированных или заново выстроенных при Си Ся[2].

Западные крутые горы Мбэй. Можно предположить подтверждаемую многими текстами замену в тангутском языке «б» на «мб», и тогда это горы Бэйшань, которые вместе с горами Наньшань образуют знаменитый Ганьсуйский коридор[3].

7. Плоскогорье Сишань. Возможно, речь в памятнике идет о горах в районе г. Лянчжоу (г. Увэй, пров. Ганьсу)[4]. Здесь рубили строительный лес и выжигали уголь. В горах было много диких яков.

8. Северные горы Во. На старинной карте Си Ся Черные горы с местностью Вэйлинь указаны на Северо-Восточной границе Си Ся. Вероятно, в этих горах размещалась и крепость Волохай (Уйрака), неоднократно упоминаемая в текстах, связанных с

---

[1] Тай-пин юй лань. Цз. 15. Пекин, 1960. Т. 1. С. 244.

[2] *Чэнь Бин-ин.* Си Ся вэнь у яньцзю. С. 2.

[3] «Коридор Ганьсу... окаймлен с юга горами Наньшань (Циляньшань), образованными рядом параллельных хребтов. Высота этих гор превышает 5000 м. Северными рубежами коридора Ганьсу служат горы Лунпшоушань и Хэлишань, объединяемые под общим названием хребта Бэйшань, которые возвышаются на 2000 м над уровнем моря» (см.: *Чу Шаотан.* География нового Китая. М., 1953. С. 296).

[4] См.: Чжунго гу цинь димин да цыдянь. С. 345.

монгольским завоеванием Ся[1]. В тексте издаваемого памятника сказано, что река Мачу (Хуанхэ) «священной своей мощью Черные горы, как поясом, охватывает». Это, возможно, лишний раз подтверждает, что речь идет о горах, размещавшихся на северо-восточной окраине Си Ся, в той местности, где соприкасались горы Хэланьшань и Иньшань.

9. Далее в тексте упоминается ряд поросших лесами гор, в которых обитало много диких животных, паслись лошади и яки, были хорошие леса, пастбища и имелись термальные источники. В числе их горы Хэйшуй — явно горы близ реки Эдзин-Гол. Горы Того (Токто, Дандан), возможно, горы в северо-восточной части Ордоса, в аймаке Тохто, автономный район Внутренняя Монголия. Горы Дафу(ху)пин, (Тхахупин), горы Лесные (Ние), горы Вотха (горы Этой стены, Этого города). Пишущему эти строки отождествить эти горы пока не удается.

10. Следующая серия гор в памятнике названа Саньшань (Трехгорье). В этих горах истоки рек, текущих на восток. Это явно горы Тяньдушань. Они обозначены на старинной карте Си Ся, подле г. Ланьчжоу, нынешней столицы пров. Ганьсу. Из этой группы гор горы Ниме (Ние-мие-ра) и горы Моань (Мбогха), возможно, указаны на старинной карте как горы Моюнь (размещаются южнее г. Минша, на границе с округом Линчжоу, современный г. Линъу, Нинся-Хуэйский автономный район) и горы Мэхань (Мохань, Тяньхань), а горы Цзэгэн, возможно, указаны на той же карте под наименованием Цзягэ. Они располагаются в пределах округа Линчжоу. Все эти горы действительно располагались на южных окраинах Си Ся, или, как сказано в тексте памятника, «при приближении к границе и на границе видны их черные вершины». «Стекающие с них реки текут на восток».

11. Горы Гхиэва (Юэгуан) находились в округах Иньчжоу (размещался в северо-западной части современного уезда Мичжи, пров. Шэньси) и Ючжоу (размещался к западу от современного г. Цзинбянь, пров. Шэньси). Это были богатые горные районы: «Горы округа Иньчжоу порождают все деревья ценных пород, их плоды мед, масло, гриб чогу... [Они порождают] коноплю, из которой производят холст, ценные злаки. [В горах] округа Ючжоу пасутся стада скота, в горах колодцы, земли на горных склонах плодородны».

12. Горы Хэншань. Современные горы Хэншань в пров. Шэньси на территории Ордоса. В горах было много храмов. Во времена засух у гор Хэншань просили дождя.

13. Длинные горы Цзиньцзи (Кенци). Прямо нами не отождествляются. В числе этих гор были горы Мэйшань, которые

---

[1] См.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 298—299.

можно рискнуть сопоставить с горами Мэйцзишань на старинной карте, располагавшимися к западу от г. Минша. Вероятно, они образовывали часть хребта, называвшегося Цзаньшанлин. К числу Длинных гор отнесены горы Мэйба (Мепа), их также можно попытаться сопоставить с горами Вэйба, указанными на старинной карте Си Ся на южном берегу реки Хуанхэ, против округа Юнчжоу. Похоже, что это все была единая горная цепь, в ней имелись указанные на карте два горных прохода Гуланьфэньшанькоу и Нинлинкоу. В тексте издаваемого памятника также сказано, что в Длинных горах имелось два горных прохода, они поименованы Шивелайца и Кхинраран.

14. Драгоценные горы Вэйцзин (Виэйцие). В этих горах рубили строительный лес, добывали железную руду и выплавляли железо, там были кузницы и слесарни. В горах паслись яки. Мы затрудняемся отождествить эти горы.

15. Горы Кхвэгхуо (Куй...?). Их можно попытаться условно сопоставить с указанными на старинной карте горами Кэвэйшань. Эти горы размещались на западном берегу р. Хуанхэ, к северо-востоку от г. Динчжоу. Горы славились лесами и пастбищами, обилием зверя, особенно оленей, в горах пасли коз и овец.

16. Горы Монин (Мбандин). Были известны обилием лекарственных трав. Мы затрудняемся отождествить их хотя бы приблизительно.

17. Горы Тяньдушань. Упомянуты вторично, ибо в первый раз они названы среди гор Саньшань (Трехгорья). Как уже говорилось выше, горы Тяньдушань указаны на старинной карте Си Ся. Горы с таким наименованием действительно были в южной части государства тангутов, где было тепло, ибо в горах рос бамбук. «В горах много деревьев, бамбука, корней. Живут дикие животные: барсы, тигры, олени. Не рассеиваются облака и туманы, много ущелий, бьют ключи и родники. У подножий гор пашут землю и орошают поля».

18. Красивые горы Бивань (Пиван). Их условно можно попытаться сопоставить с горами Билошань на старинной карте Си Ся. Они размещались на севере страны, к востоку от г. Хэйшуй (Хара-Хото). В горах имелся храм с большой статуей Будды. Горы славились строевым лесом и обилием оленей.

19. Последними в разделе о горах текста «Море значений, установленных святыми» в перечне гор упомянуты горы Моянь-мо (Мбэгхамэ). Можно попытаться сопоставить их с горами Моюньшань, восточной частью гор Цзяцзышань на старинной карте Си Ся. Горы находились на южных границах тангутского государства.

Как уже очевидно, мы затрудняемся увязать часть гор, упомянутых в издаваемом памятнике, с горами на современной кар-

те. Это связано с иной для жителя тангутского государства XII в. конкретностью перечня гор, не совпадавшей с современной (хотя горы-то никуда не исчезли), со сложностью того, как правильно понимать наименования гор — в их тангутском, искаженном реконструкциями, или китайском варианте (по китайской транскрипции тангутских письменных знаков). Как сказано в тексте, наименование горам всегда давали талантливые и совершенные люди, используя внешние характерные признаки гор, а именно: низкие это горы или высокие, широкие они или узкие и т. п.[1]

В разделе о природе «Моря значений, установленных святыми» отдельно выделен стихотворный пассаж о деревьях:

Природа дерева порождена землей,
Обширные леса, горные корни,
Разные птицы вечерами ищут ночлег [в листве дерев],
Все дикие звери днем укрываются [в лесных чащах],
Летом деревья дают тень и прохладу,
Холодной зимой они сберегают тепло.

К сожалению, раздел о деревьях (и, соответственно, о лесах) не сохранился. Восемь дальнейших цзюаней текста пока для нас утеряны. Судя по оглавлению, потеряны разделы о деревьях, травах, овощах, цветах, камнях, водах, льдах, солончаках, соленых озерах, удобрениях, злаках, жемчуге и драгоценных камнях, золоте, серебре, шелковых тканях, окрашенных и шерстяных тканях, холстах, войлоках, домашних животных (верблюдах, лошадях, коровах, овцах, свиньях, собаках, кошках), курах, водоплавающей птице, диких животных. Можно только сожалеть, что мы лишены многих ценных сведений о природе тангутского государства и хозяйственной деятельности на его территории.

---

[1] Для облегчения работы тем, кто, возможно, отважится найти подлинное место на современной карте всем горам, упоминаемым в тексте «Моря значений, установленных святыми», мы приведем список всех гор, обозначенных на старинной карте Си Ся: Байтацзышань, Билошань, Билинь, Волобалин, Вэйбашань, Вэйлинь, Гунаньфэньшанькоу, Гуйтоушань, Дабайянгу, Дасянгу, Дациншань, Дайдайлин, Данъилин, Кэвэйшань, Линпошань, Линъушань, Лодуйлин, Лунчжишань, Лэшань, Манянлунин, Моюньшань, Мэйцзишань, Нинлинкоу, Понянлин, Саньвэй, Сигукоу, Синьшаньгу, Сяобайянгу, Сяоцинлин, Тяньдушань, Утайшань, Хэйшань, Хэнсяньгу, Цзаньшаньлин, Цзишань, Цзинлолянкоу, Цзягэшань, Цзяцзышань, Циляньшань, Цюйшань, Чжоло, Чжулин, Шанъюлин, Шанъикоу. Безусловно, на бывшей территории тангутского государства эта работа лучше всего может быть выполнена местными историками, географами и краеведами.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «МОРЕ ЗНАЧЕНИЙ, УСТАНОВЛЕННЫХ СВЯТЫМИ» И ТАНГУТСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЗНИКНОВЕНИИ МИРА, ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАНГУТОВ И ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ

В отдельных местах издаваемого памятника мы встречаем отрывочные сведения, относящиеся к тангутским мифам и представлениям тангутов о происхождении видимого мира, людей, тангутского народа и правящей у тангутов династии Нгвеми. Эти сведения могут быть хоть как-то реконструированы и осмыслены только в их соотношении с иными прочитанными на настоящий день памятниками тангутской письменности, что мы и попытаемся сделать далее.

В ряде материалов на тангутском языке мы обнаруживаем незначительные по объему тексты, повествующие о представлениях тангутов о возникновении мироздания, происхождении людей и происхождении предков тангутов. Так, о возникновении мироздания повествуют нам 40 знаков, употребленных в рукописи тангутского текста сутры «Да божо боломидо цзин» («Маха праджня парамита сутра») в качестве *чжихао* — знаков для маркировки каждых из десяти цзюаней первого цикла сутры, состоящего из 400 цзюаней:

Небо и Земля не исток,
[А] Пустота обширная, всепобеждающая — [исток].
Из недр Земли вершина горы Ме,
Светлые духи небесные собрались [на этой вершине].
Небесная твердь и Земная твердь — батюшка [и] матушка.
Снесенное птичье яйцо —
Оно порождено в воздаяние за милость.
[Но] рука [творящая] еще не [была] полна,
На востоке солнце, луна, звезды,
[Еще были] сокрыты, полностью не видны[1].

Относящийся к появлению окружающего мира текст есть и в начале оригинального тангутского сочинения «Вновь собранные крупинки золота на ладони», аналога китайского «Цянь цзы вэнь»:

В давние времена [возникли] в мире Небо и Земля,
Солнце и Луна тогда же сразу после этого появились,
Свет и мрак, лево и право стали чередоваться,
Тепло и холод, верх и низ пришли в состояние гармонии.
Все сущее смогло возникнуть и сформироваться,
Последовательность времен года пришла в порядок[2].

---

[1] Тангутский фонд СПбФ ИВ РАН. Рукописи «Маха праджня парамита сутра» под шифром Танг. 334.

[2] Вновь собранные крупинки золота на ладони // Тангутский фонд СПбФ ИВ РАН. Танг. 30, инв. № 741, 742.

Из этих двух отрывков мы видим, что, по представлениям тангутов, первоначальной была пустота, в ней появилась гора Ме. Гора появилась из Земли, а как возникли Земля и Небо, неясно. Небо и Земля, отец и мать всего сущего, могли возникнуть из яйца. На вершине горы поселились светлые духи, а затем появились Солнце, Луна, звезды, разделились свет и тьма, верх и низ, появились представления о левой и правой стороне, стали чередоваться тепло и холод, времена года и наконец возникло все сущее. По дополнению, которое мы обнаруживаем в публикуемом источнике, мы узнаем, что гора Ме родилась не из Земли, а в пустоте из зародившегося в ней камня Кэлан: «Высочайшая священная гора Ме: Когда не были еще рождены Небо и Земля, вырос священный камень Кэлан, горой Ме стал».

Творение редко обходится без творцов. Судя по вышецитированному отрывку, найденному и восстановленному по техническим знакам к «Маха праджня парамита сутра», творцами могли быть «светлые духи небесные». Взявшись ниоткуда, они собрались на вершине горы Ме. Но есть еще один текст, очень трудный для перевода текст «Большой оды»[1], в котором творцы мира названы более конкретно. Это Белый журавль и Солнцебедрая (или Солнценогая) девушка.

Под твердью Небесной журавль белый Ндон, черно-глупый.
Белый журавль, Твердь Небесную творя,
сам обернулся вихрем.

Напарницей Белого журавля была Солнцебедрая девушка, имя которой указано в тексте, но этот знак не дешифрован.

Солнцебедрая девушка... [?] забавлялась,
С солнцем сражалась, глупая,
Дочь тетки по отцу [наших предков?] забавлялась.

Из их забав мы узнаем, возможно, еще одно из имен Белого журавля — Ра.

Месяц взошел. Западный сын Ра забавлялся,
Под твердью Небесной журавль белый Ндон, черно-глупый.

Над зародившейся в Пустоте твердью — камнем Кэлан трудился Белый журавль:

С силой уперся, не сдвигается [камень], не колышется,
Неспешно появляется гора, окутанная туманом...

---

[1] Тангутский фонд СПбФ ИВ РАН. Танг. 25, инв. № 121. В приложении мы даем полный перевод оды на русский язык, однако следует иметь в виду, что этот перевод нам самим представляется далеко не совершенным. Над текстом предстоит еще большая работа и, желательно, большого круга исследователей.

Медленно вздымается высокая Земля, окутанная облаками,
Издали появляется, не спеша.

Акт творения уподобляется действиям ткача, ткачеству. Белый журавль «соткал драгоценный камень».

Белый журавль упоминается и в другой тангутской оде, наименование которой можно перевести как «Строфы»:

Белый журавль, красоту подлинную обретя,
Мощь явил, с белых высот спустился,
Ветром западным выпрямился,
С запада на восток спустился,
Стрелой вытянулся.

Журавль и ветер, вихрь увязаны вместе и в третьей оде «Собрания од», оде «Мудрость»:

Журавля белого не возвеличивать, отвергать...
Ветру придется приносить жертвы.

Журавль как созидатель под другим именем Ндзукэлие упоминается, наконец, и в издаваемом памятника: «Журавль Ндзукэлие: Священными камнями ограждая, реки в жизненно важные места направляет, великое дело обводнения вершит».

Итак, творение мира Белым журавлем было связано с процессом тканья этого мира, а объектом усилий был камень (гора).

Из мифов ицзу мы узнаем что первотворец-журавль появился в первобытном хаосе:

В глубокой древности
Голубой хаос...
Первое — голубой хаос,
Второе — в хаосе журавль,
Третье — журавль с высокими ногами,
Четвертое — журавль с длинными ногами,
Пятое — белый журавль.
Во времена белого журавля
Человек по имени Ши
С яркими блестящими глазами
Захотел покататься верхом на журавле.
Человек Шао с яркими
Блестящими глазами
Захотел покататься на голубом журавле.
Предок Ши поднялся наверх,
Предок Шао опустился вниз,
Предок Ши верхом на белом журавле,
Белый журавль был занят работой,
Белый журавль ткал голубую нить,
Журавль махал крыльями,
Журавль крыльями держал голубую нить,
Предок Ши руки не остановил,
Очутился на сверкающем небе,

Предок Ши оседлал голубую кукушку,
Голубая кукушка напрягала все силы,
Голубая кукушка ткала красную нить,
Голубая кукушка радости полна,
Голубая кукушка получила красную нить.
Предок Шао сделал усилие,
Предок Шао начал ткать Землю,
Очутился на великой Земле.
Напротив белого журавля.
Журавль поднимал высокое небо,
Белые крылья журавля строили небо,
Голубые крылья кукушки раскладывали Землю,
Предок Ши летал на журавле,
Предок Шао оседлал кукушку,
Так рассказывают[1].

Данный миф ицзу связывает акт творения Неба и Земли, уподобляемый ткачеству, с двумя птицами — белым журавлем и голубой кукушкой, при этом белый журавль творит-ткет небо, а голубая кукушка творит-ткет землю. В процессе созидания участвуют предки ицзу — Ши и Шао.

В одном из мифов ицзу рассказывается также, что птицы родили и людей:

Птицы родили трех:
Государь — белоликий журавль,
Подданные — голубокрылые кукушки,
Учителя — белокрылые гуси[2].

И первые люди имели облик птицы:

В далекой древности появилось Небо,
После того как сформировалась Земля,
Начали появляться люди,
Люди не походили на людей,
Люди походили на птиц[3].

У этнически родственных тангутам, как и ицзу, тибетцев облик Ньятри цэнпо, основателя первой династии тибетских правителей, Ярлунгской, имел черты, присущие птицам. У него были птичьи глаза, брови из бирюзы, зубы, как белая раковина, усы, как у тигра, между пальцами рук и ног, как у гуся, имелись перепонки. Расположенный к юго-востоку от Лхасы Ярлунг был местом, где обитал клан Бья, клан Птицы[4].

Прибывшего на Землю первого правителя тибетцев приветствовали журавли:

---

[1] Краткие записи о начале сущего. Т. 1. С. 219—222.
[2] Указ. соч. Т. 2. Чэнду, 1991. С. 82.
[3] Там же. С. 83.
[4] *Haarh E.* The Yarlung Dynasty. Kobenhavn, 1969. P. 210—211.

Он прибыл с горных высот,
Господин страны предков,
Он пролился на Землю, как дождь,
Он подошел к божественной горе Джангцо,
И громадная тяжелая гора поклонилась ему...
И деревья, опережая друг дружку,
Сомкнулись, слились вершинами...
Журавли приветствовали его, Ньятри цэнпо,
О ценпо, чья святость не имеет равной,
Кого приветствовали журавли
И чье деяние — свет![1]

Как мы видим, журавль, белый журавль присутствует в мифах трех этнически близких народов — тангутов, ицзу, тибетцев. Мотив ткачества как один из процессов созидания окружающего мира и ткачихи, жены журавля, имеется в японской сказке, а в японском мифе (рассказе) Хагоромо — это Сэйки Кэйго (Небесная жена), или священная птица, или девушка в облике птицы[2]. Очевидно, небесполезно вспомнить и популярный китайский миф о Небесной ткачихе (Чжи-нюй) и волопасе Ню-лан. Когда супруги оказались на Небе, они могли встречаться на мосту через Небесную реку, которую сороки (птицы!) построили из своих хвостов[3].

Итак, белый журавль, возможно, имевший имена Ндон или Ра, творил, ткал Вселенную. Имя Ндон объяснимо, по тибетской традиции имя Донг имело одно из божеств-покровителей древних тибетцев, тибетскими же текстами оно связывается с народом донг-миньяг[4], т. е. тангутами, самоназвание которых было *ми* или *минья*. Журавль творил твердь Небесную и был причастен к сотворению тверди Земной. Он «оборачивался» ветром, отождествлялся с ветром, смерчем, первобытным хаосом. Наука о мифах свидетельствует, что представление о хаосе предполагает достаточно высокий уровень развития представлений об истоках и причине сущего. Хаос выполнял роль лона, в котором зарождается все сущее; нахождение в хаосе некой энергии, приводящей к порождению, появление в хаосе двух творческих начал, мужского и женского[5], мы наблюдаем и в тангутском мифе. Хаос часто был связан с водой, океаном. О таких представлениях у тангутов мы пока не знаем. Но то, что есть в тангутском мифе, вернее, в тех немногих кусках этого мифа, которые нам

---

[1] *Bacot J., Thomas F. W., Toussaint Ch.* Documents de Touen-Houang relatifs à l'Histoire du Tibet. Paris, 1940—1946. P. 81, 85—86.

[2] *Miller A. L.* Of Weavers and Birds-structure and symbol in Japanese myth and folktale // History of Religions. Vol. 26. N 3. February, 1987.

[3] *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. С. 108—110.

[4] *Haarh E.* The Yarlung Dynasty. P. 281, 334, 339, 340.

[5] Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 581.

известны, — это идея творческого начала воздуха и его ипостаси ветра. Ветер в мировой мифологии чаще всего мужское начало, дух, дыхание. В мифе жителей Андоманских островов Пулуга — олицетворение муссонного ветра, создатель мира. Выдох Брахмы означает творение мира, древнеегипетский бог воздуха Шу порождает Небо и Землю[1].

Ветер — «летает», он — «крылат». Отсюда в тангутском мифе связь ветра и белого журавля. Мировое яйцо, которое присутствует и в тангутском мифе, и в мировой мифологии, также часто снесено неким крылатым, воздушным божеством. Аналогия ветер — стрела, которая есть в тангутском мифе, в мировой мифологии тоже не редкость. В индийской мифологии обитающие в воздухе руддры мечут стрелы-ветры. В Библии, в Книге Бытия о миротворении говорится: «Вначале сотворил Бог Небо и Землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». Последняя фраза, по заключению новосибирского китаеведа и археолога В. В. Евсюкова, представляет собой «осколок древнего мифа. Древнееврейский глагол, переведенный словом "носился", прилагался также к наседке, высиживающей птенцов в гнезде. Выражение "Дух Божий" (Руах элохим) восходит к древнему семитскому корню, и родственно, в частности, арабскому "рух", от которого образовано хорошо известное имя огромной мифической птицы Рух. <...> Таким образом, напрашивается вывод, что мир был сотворен огромной птицей. <...> Мифологический мотив извлечения земли из первозданных вод птицей имеет общемировое распространение»[2]. В тибетском сочинении 1388 г. «История королей Тибета и буддизма» сообщается, что первоначально имелась беспредельная пустота. В ней зародился ветер, ветряное колесо пепельно-голубого цвета, неизмеримой широты. Над ветром скопились воды, образовавшие огромное море. Позже над морем появилась желто-золотая Земля, а в центре ее — драгоценная гора Сумеру[3]. Ветер и первозданный эфир ци китайских философских представлений — это одно и то же. В подвергшихся китайскому влиянию мифах ицзу между ветром и эфиром ци проводится прямая аналогия.

В очень давние времена,
Когда Небо и Земля
Еще не сформировались
И находились в состоянии хаоса,
В начале появилось чистое ци,
Сильный ветер потихоньку стал дуть,

---

[1] Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991. С. 241

[2] *Евсюков В. В.* Мифы о Вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. С. 28—29.

[3] *Ван Цзинь-нуань.* Сицзан вантун цзи (Записи о власти тибетских королей). Шанхай, 1951. С. 1.

Голубое и красное постепенно выделилось,
Мутное ци опустилось вниз, в глубину,
Голубое ци превратилось в Небо,
Красное ци превратилось в Землю,
Чистое и мутное образовали Инь и Ян,
Инь и Ян соединились,
После слияния Инь и Ян
Родилось голубое, красное, желтое,
Голубое ци голубизной чуть забрезжило,
Красное ци красным забагровело,
Желтое — желтым заблистало...
Голубое родило 99,
Красное родило 88,
Желтое родило 77,
Эти три, вместе собравшись,
Превратились в черное, превратились в белое,
Опрокидывающееся белое,
Белое стало светлым днем,
Черное стало темной ночью...
День последовал за ночью.
Вот так это было[1].

В мифе наси (части народа ицзу) о происхождении предков мы читаем:

Люди появились из яйца, высиженного Небом,
Люди появились из яйца, высиженного Землей.
В их телах еще хаос не разделился.
Их тела постепенно согревались,
Тепло, согреваясь, превратилось в воздух,
Воздух превратился в росный жемчуг,
Росный жемчуг сконцентрировался в шести точках,
Одна капля упала в море,
[Предок] Хайшихайжэн появился[2].

Древние тибетцы верили, что душа человека подобна ветру или коню-ветру. Из ткани или бумаги делались изображения коня-ветра, на которых указывали дату рождения данного человека и писали благопожелания типа «Пусть такой-то сего года рождения с его имуществом и окружением вознесется ввысь, как некий крылатый конь, конь-ветер»[3]. Наконец, первый тангутский император Юань-хао имел титул «Ветер-Рог» или «Рогатый ветер», о чем подробнее будет сказано ниже.

По тексту «Моря значений, установленных святыми» в первозданном хаосе или пустоте (что неясно) вырос камень, превратившийся в гору: «Высочайшая священная гора Ме. Когда еще не были рождены Небо и Земля, вырос священный камень

---

[1] Краткие записи о начале сущего. Т. 1. С. 1—3.
[2] Наси цзу вэньсюе ши (История литературы наси). Куньмин, 1960. С. 41.
[3] *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. М., 1975. С. 234.

Кэлан, горой Ме стал». Гора Ме упоминается и в цитированном выше тексте, использованном в качестве шифра к тексту «Маха праджня парамита сутра»: «[Из] недр Земли выросла вершина горы Ме». Среди тангутов, упоминаемых в колофонах буддийских рукописей, мы встречаем людей, носивших фамилию Мешан (гора Ме). Весь текст «Моря значений, установленных святыми» пропитан буддийскими и конфуцианскими представлениями, и в горе Ме можно видеть священную гору буддистов Сумеру, которая также упоминается в издаваемом памятнике. Но это могла быть и своя, тангутская священная гора, вроде хорошо известной в Восточном Тибете горы Амьемачен. Гора Ме родилась из священного камня Кэлан, самозародившегося в пустоте. Но если привлечь текст «Большой оды», то камень стал горой благодаря усилиям белого журавля, который «творил твердь Небесную» и усилиями которого появилась первогора, окутанная облаками.

Следует сказать, что представление о растущих горах мы находим в мифах ицзу:

В очень давние времена
Росли-выросли большие горы,
Высоких гор было четыре,
Большой туман окутывал горы,
Если бы не было высоких гор,
То не было бы и тумана, окутывающего их.
Если бы не было большого тумана,
То не было бы и драконов.
Большой туман и высокие горы
Разделяй не разделишь[1].

По тибетским представлениям горы связывали Небо и Землю, являлись «столбами Неба», «гвоздями Земли». Гора служила центром данной местности, каждая гора имела свое персональное божество (божества гор образовывали группу божеств Ньян). От высоты горы зависела сила божества. Самыми великими и могущественными были божества высочайших вершин Гималаев, в том числе Джомолунгмы (Эвереста) и Канченджонги. Гора была одновременно *юл лха* — «божеством местности» и *са дагом* — «владыкой местности». Упоминание об этом есть и в издаваемом памятнике.

Гору может заменить камень, установленный на крыше дома. С культом гор и заменяющих их камней был связан и культ *ларце* — куч камней на перевалах (монгольское — *обо*).

Известно, что в мировой мифологии гора — это аналог мирового дерева — «образ мира: модель вселенной, в которой от-

[1] Краткие записи о рождении сущего. Т. 1. С. 11.

ражены все основные элементы космического устройства»[1]. В мифологии, имеющей развитый образ мировой горы, как правило, отсутствует образ мирового дерева. Мы не можем проверить это на нашем материале, так как раздел о деревьях в памятнике не сохранился. На вершине горы живут боги (духи). И по тангутским представлениям, как мы цитировали выше, «светлые духи там (на горе. — *Е. К.*) собрались». По индийской мифологии у горы Меру было три вершины — золотая, серебряная и железная, и на этих вершинах жили Брахма, Вишну и Шива. В мировой мифологии известно также и деление гор на белые и черные, что, как мы отмечали выше, имеется у тибетцев и было у тангутов.

Гора Ме «росла». Горы «росли» и в преданиях других народов. Так, в зароастрийском сочинении «Бундахишн» рассказывается, что гора Харбуз первой «выросла ввысь за 15 лет. К концу 800 лет она выросла целиком, 200 лет потребовалось ей, чтобы дорасти до круга звезд, 200 лет — до круга Луны, 200 лет — до круга Солнца, 200 лет — до изначального света»[2]. Гора являлась осью, центром мира. Ось мира как космический символ могла «принимать форму горы, дворца или города, дерева или виноградной лозы. Главным было не это. Центр вселенной — то, что связывало Небо и Землю»[3].

Кроме священного камня Кэлан в тексте «Моря значений, установленных святыми» упомянут еще один священный камень Нгиу, также обладавший свойствами порождения, — ему в седьмом месяце приносили жертвы любви к отцам и матерям. «В государстве совершаются обряды: Государь, чиновники и народ, ведомые сыновней любовью к отцам и матерям, установив сосуды у священного камня Нгиу, каются и исповедаются». Порождающая сила камня имеет отголоски в китайских мифах. По одной версии из камня был рожден Юй. Из камня был рожден сын Юя — Ци. «Юй был превращен в медведя. Его жена, увидев его, обратилась в бегство и сама превратилась в камень. В это время она была беременна, и Юй гнался за ней, восклицая: "Отдай мне моего сына!" Камень с северной стороны дал трещину, из которой вышел Ци»[4]. Сказки народов мира полны сюжетами о превращении героев в камень (или их окаменении) и последующем возвращении к жизни с помощью магической силы. По представлениям тибетцев, камни могли быть носителями жизненной силы (*бла*). У хоров жизненная сила бла помещалась в белом камне. У качинов известна «всезнающая скала»

---

[1] Мифы народов мира. Т. 1. С. 311.
[2] *Евсюков В. В.* Мифы о Вселенной. С. 161.
[3] *Бодде Д.* Мифы древнего Китая // Мифология древнего мира. М., 1977. С. 388.
[4] Там же. С. 396.

лунгшлунг. Хорошо известен культ белого камня у цянов Сычуани. По сведениям Дж. Х. Эдгара, камень ослепительной белизны, обычно конической формы, устанавливался на алтаре из земли и камней в священной роще, у священного дерева, на высокой горе. У алтаря совершались жертвоприношения в первом, шестом и десятом месяцах. В жертву приносили барана, кровью барана смачивали пшеничную солому и разбрызгивали кровь вокруг алтаря. Мясо варили, делили между участниками жертвоприношения и съедали с пшеничными лепешками. Каждый цян в детстве лично выкармливал барана. Принесение этого барана в жертву сопровождало обряд приобщения молодого человека к религии[1]. Любопытно, что схожий обряд наблюдал уже после гибели тангутского государства Си Ся в области Тангут монгольской империи Юань Марко Поло[2].

В первозданном мире источником сущего становился и туман, сгущавшийся в облака. По тексту «Моря значений, установленных святыми» облака как бы символизировали первобытный клубящийся хаос и явились первоисточником происхождения мира. «Западное облако. Источник происхождения, корнем ставший». По мифологии ицзу, облака, окутывающие горы, — первое, что появилось в этом мире. Об облаках как животворящей среде, в которой появились непосредственно первопредки тангутского народа, мы скажем ниже.

По тексту «Большой оды» в акте творения мира свою роль играла Солнцебедрая (Солнценогая, ср.: лучи солнца — его ноги) девушка, сам акт творения предстает как любовная игра ее с Белым журавлем. Журавль, мужское начало, олицетворял Луну. В данном случае символика мужского и женского начал была обратной китайской, в которой Солнце, стихия Ян, — начало мужское, а Луна, стихия Инь, — женское. Солнце — женское начало, девушка-Солнце, женщина-Солнце и в представлениях древних корейцев, при этом в облике женщины-Солнца, как и в тангутской «Большой оде», акцент делался на ноги, которые являлись важным ритуальным признаком[3]. Солнце часто женщина в мифах сибирских народов, например Дылча, солнце-женщина

---

[1] *Edgar J. H.* The basic spiritual conceptions on the religion of the Chiang // Journal of the West China Border Research Society. 1934. Vol. VI. P. 32—36; *Он же.* Note on the Chiang sacrifice and litolatory // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1922. Vol. 58. P. 68.

[2] О сопоставлении цянского и тангутского обрядов см.: *Кычанов Е. И.* Об одном обряде религии Бон, сохранившемся в буддийских ритуалах тангутов // Советская этнография. 1959. № 1. С. 88—89. Весной 1993 г. автор этих строк видел в музее Сычуаньского университета цянский белый камень. Это был грязно-белый кусок кварца конической формы, величиной с голову молодого бычка.

[3] *Никитина М. И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982. С. 145—146, 161.

у эвенков[1]. У древних монгольских народов Солнце также обозначало женское начало, например у «солнечных киданей», а Луна — мужское. По «Тайной истории монголов» предок Чингисхана был зачат прародительницей Алан-Гоа от ночного света, проникавшего в юрту; им мог быть только свет Луны. В мировой мифологии связь Солнца с птицей часто представлена в связи ворона и Солнца. Мы обнаруживаем соответствующий текст и в «Море значений, установленных святыми». «[Солнце], сила Ян, ворон — трое помогают солнцу тепло давать. Солнцу ворон помогает». Божество солнца с вороном в диске автору этих строк посчастливилось видеть весной 1993 г. на каменных барельефах династии Хань в музее пров. Сычуань, в городе Чэнду. Хорошо известен китайский миф о стрелке И. Лишнее солнце на небе, убитое стрелком И, упав на Землю, оказалось вороном, пронзенным стрелой[2].

В издаваемом памятнике мы встречаем тангутские изречения, в которых женщина сравнивается с Солнцем: «У женщины благородной кость чистая, как лучи солнца»; «Помыслы благородной женщины — солнечные лучи».

В тангутских текстах нередко упоминается большой слон — животное, также явно пришедшее из далеких преданий. В тангутских изречениях большой слон сравнивается с Солнцем и Луной, что отражает его важное место в мироздании и сотворении видимого мира:

Большой слон пришел — реки и болотистые низины
наполнились,
Солнце и луна взошли — всю страну [светом своим озаряют].
Большого слона убьете — реки и болота опустеют,
Солнце и луну погубите — света и тепла лишитесь.

Большой слон кажется и символом изобилия:

[Чтобы] в богатом доме [да] сласти кончились!
[Чтобы] у большого слона [да] мяса не стало![3]

В «Большой оде» слон действительно связан с женщиной-солнцем, он объект борьбы (игры) в процессе созидания мира: Солнцебедрая девушка забавляется с луноликим сыном, западным сыном Ра, он же Белый журавль Ндон. Он хочет ухватить плоть Земли, поначалу у него это не получается, и он все думает — почему? Затем журавль Ра-Ндон с силою уперся (во что-то?), и появилась гора, которая медленно росла, окутанная об-

---

[1] Мифы народов мира. Т. 2. С. 461.

[2] *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. С. 143.

[3] Вновь собранные драгоценные парные изречения: Факс. ксилографа / Изд., пер. с тангут., вступ. ст. и коммент. Е. И. Кычанова // Памятники письменности Востока. 11. М., 1974. С. 90, 93, 120.

лаками, еще темная, не освещенная солнцем. А в это время женщина-Солнце схватила большого слона, но не смогла тягаться с ним силой:

Большого слона рукой-пальцем схватила, твердой рукой,
Но с большим тягаться — разве не проиграешь?

Очевидно, большой слон связан был с процессом мироздания и с Землей. Это подтверждается мифом ицзу. По преданию юньнаньских ицзу, когда небесный дух Гэцзыку, сотворив девять сыновей и семь дочерей, послал их делать Небо и Землю, то в процессе работы творцы просчитались, и созданная девушками Земля оказалась так велика, что Небо не могло покрыть ее. Тогда Гэцзыку послал трех диких кабанов рыть Землю и трех больших слонов вздымать Землю. Кабаны и слоны сотворили горы и глубокие ущелья и благодаря их труду Небо и Земля совместились[1]. С сотворением Земли большой слон связывается и в мифе народа тай. Поначалу не было Неба и Земли, только вода и воздух. Из соединения воды и воздуха появился создатель Неба и Земли великий дух Иньбо. Иньбо сотворил шестислойное Небо и Землю. Но вскоре он заметил, что Земля держится непрочно. Тогда из пота и грязи своего тела он создал шесть столбов и большого слона. На слона поставил столбы, а на столбы — Землю[2]. Наконец, по преданиям наси, слон также был связан с появлением предков. Легендарный предок наси Цунжэнмэнь говорил о себе: «Я... потомок большого слона, желто-золотистого»[3]. Таким образом, слон был связан с Землей, ее сотворением и поддержанием в порядке.

В «Большой оде» мы встречаем в связи с сотворением Земли еще несколько намеков на какие-то сюжеты, известные и мировой мифологии. В частности, речь идет об упоминании черепахи и лягушки. Четыре строфы «Оды», до упоминания черепахи и лягушки, не трудны для перевода и представляют собой два сочлененных парных выражения, столь популярных у тангутов:

Счастья и беды государства и государя раньше
всех чиновники замечают.
Желания и запросы благородной дамы прежде всех
ее невестки замечают.
Отважен человек или нет, прежде всего по его речам видно,
Плодородная земля или нет, прежде всего по траве видно.

И далее следуют две строки:

---

[1] Чжунго шаошу миньцзу вэньсюе (Литература национальных меньшинств Китая) / Ред. Мао Син-чжу. Т. 2. Чанша, 1983. С. 5—6.

[2] Там же. С. 27.

[3] Там же. С. 72.

Черепаха не пряма — [у нее] пять скатов,
И лягушка имеет кривизны неровности —
[у нее] пять возвышений.

Это какой-то намек. Но явно не случайно то, что в данном контексте черепаха и лягушка упоминаются после земли. В мировой мифологии эти существа нередко считаются порождением Земли, это так называемые «хтонические создания» (от греческого хтон — «земля»). Они часто «появляются на свет прямо из почвы, увлажненной оплодотворяющим дождем»[1]. Созидательную роль дождя мы обнаруживаем в мифах ицзу:

Был еще господин дождь,
Лил дождь — кап, кап, кап,
Льющийся дождь породил все сущее[2].

Будучи порождением Земли, черепахи (а во многих мифах черепахи и лягушки) держат Землю, а то и прямо являются олицетворением Земной тверди. По одному из древнеиндийских мифов, верхний выпуклый панцирь черепахи — это Небо, а нижний плоский — Земля[3].

Сложен и пока трудноразрешим вопрос о появлении, по тангутским представлениям, их первопредка. Им также мог быть Белый журавль. По тексту «Большой оды»:

Белый журавль красоту подлинную обрел,
Сила появилась, с белых высот спустился,
Ветром западным выпрямился.

В данном случае внимание читателя хочется зафиксировать на словах о том, что журавль «спустился с белых высот». Журавль, богатырь-мудрец, «вытянул» из первобытного хаоса гору, еще не освещенную солнцем, темную, и на время ослабел. Его подруга женщина-солнце в это время продолжала забавляться, она «громыхала громом» и пыталась схватить большого слона. Богатырь-мудрец, «мудрый муж Поднебесной», не сдался после тяжкой работы, оправился, он-то и стал «предком Небесным», а все его потомки — «главами родов прошлых веков». Это правители древности, которые были как «горы цветущие». Круг как бы замкнулся: извлекший из хаоса гору сам оказался родоначальником людей, подобных «цветущим горам». Девять строк, следующих за упоминанием первопредков, отведены «государям — мудрым шаманам», «государям справедливым», советникам государей, способным «спасти государство». Похоже, что Белый журавль и его потомки — это государи и его сановники. Аналогию мы находим в тех же мифах ицзу:

---

[1] *Евсюков В. В.* Мифы о Вселенной. С. 63.
[2] Краткие записи о начале сущего. Т. 1. С. 8.
[3] *Евсюков В. В.* Мифы о Вселенной. С. 63—73.

Птицы родили трех:
Государь — белоликий журавль,
Подданные — голубокрылые кукушки,
Учителя — белокрылые гуси[1].

В тангутской «Большой оде» после пассажа о государях появляется строка как бы о первочеловеке, возникшем как «лик красной плоти», на который «смотришь и не видишь». Возможно, это был процесс превращения Белого журавля в первопредка:

Лик появился, красную плоть, [на которую]
смотришь, не видишь.
Белый журавль, твердь Небесную сотворя,
вихрем сам обернулся,
Лоб плоти красной, а ног не видать!

Вот эта «личина красной плоти», возможно, по тангутским представлениям и была первопредком, она же ипостась Белого журавля. Эту «личину красной плоти» можно уже по тексту «Оды» прямо увязать с появлением известных нам из других текстов предков тангутов — черноголовых и краснолицых, они, как и их первопредок, тоже «вихреподобны».

Черноголовые Небо делают с вихрем одинаково,
Краснолицые по красной, окутанной туманом Земле шагают,
Краснолицые Землю устраивают, в облаках проходы делают,
Краснолицые и ночью большой забавляться любят,
Краснолицые и при свете белом забавляются.

По мифам ицзу первопредок-государь порожден был вихрем:

На Небе дул ветер,
Завывая, дул ветер,
Во всех четырех сторонах Вселенной
Повсеместно дуют ветры.
Сильный ветер стал государем,
Сильный ветер стал подданными,
Все ими управлялись[2].

Как уже упоминалось выше, первопредок-журавль спустился с «белых высот», выпрямился ветром, дующим с запада, западным ветром. Интересно, что и по тибетским представлениям белый цвет — цвет Неба, и именно с белизной связывается появление первосущества. При сотворении мира из яйца «белое стало источником силы для героев», из него явилось первосущество Емон Джалпо. По тибетской бонской традиции, некто, «тот, кто создан как владыка бытия», появился в пустоте, а за ним, как олицетворение добра, появился «белый человек», «тот, кто

---

[1] Краткие записи о начале сущего. Т. 2. С. 82.
[2] Указ. соч. Т. 1. С. 7.

любит все сущее». Известный тибетский поэт Миларепа заявлял о себе: «Я — сын белой львицы ледников»[1].

Еще раз повторим, что Белый журавль спустился с белых высот. Хорошо известно, что слова «белый» и «высокий» (кит. *бай* и *гао*) вошли в официальное наименование тангутского государства: «Белый Высокий» (пока неясно, что такое) — Великое государство Ся. Они были и являются объектом самых разных истолкований[2]. Ныне с достаточной долей истинности мы можем полагать, что «белое-высокое», «белая высота», «белые высоты» — это указание на место происхождения или всего тангутского народа, или правящей династии. Согласно публикуемому источнику, в восьмом месяце тангуты приносили жертвы журавлю-первопредку, спустившемуся с белых высот, — приносили жертвы «духу-хранителю журавлю Мбэ». Сообщается также, что в эпоху борьбы богов и кровной мести был убит сын божества Риэ. Мстя за гибель сына, разгневанное божество стало грабить и убивать. И тогда дядя по матери спас от гнева божества «девять братьев [с] белых высот». В нашем же источнике мы встречаем такие пассажи: «Имеются люди белого высокого». «Дядю по матери почитают как белое высокое».

Особо следует остановиться на «девяти братьях [с] белых высот», «девяти братьях белого высокого», поскольку именно в данном случае мы находим немало аналогий в мифологии и преданиях народов юго-западного Китая. Во-первых, следует указать на порождающую силу девятки: «Три родило девять. Девять родило все вещи»[3]. Мы уже упоминали об ицзу пров. Юньнань и бытующей у них песне о горе Мэйгэ, часть которой, по заключению китайских исследователей и переводчиков, — миф. Прозаический пересказ данного мифа сообщает: «Еще раньше очень давнего времени небесный дух Гэцзыку превратил девять золотых плодов в девять сыновей и пятерых из них отправил делать Небо. Семь серебряных плодов превратил в семь дочерей и четверых из них отправил делать Землю. Делавшие Небо сыновья не имели одежды, они сделали своей одеждой разноцветные облака. Делавшие Землю [девушки] не имели одежды, они взяли мох и сделали себе одежды. Сыновья, делавшие Небо, питались росой, девушки, делавшие Землю, питались грязью. Они под зонтом или паланкином, используя как основу паутинную сеть, творили Небо и Землю. Однако сделанная ими Земля оказалась

---

[1] См.: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. С. 170—171, 292.

[2] См.: *Невский Н. А.* О наименовании тангутского государства // Тангутская филология. Кн. 1. М., 1960. С. 33—54; *Ли Фань-вэнь.* Си Ся го мин бянь (Суждения о наименовании государства Си Ся) // Си Ся яньцзю луньцзи (Сборник статей по изучению Си Ся). Иньчуань, 1983. С. 69—75 и др.

[3] Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ. Т. 2. С. 101.

велика. Небо ее не покрывало». Далее, мы уже рассказывали о том, как Гэцзыку послал кабана и большого слона привести в порядок Землю. После работы кабана и слона дух громом испытал прочность Неба, а землятресением испытал прочность Земли[1]. У юньнаньских ицзу имеется и иная версия мифа, в соответствии с которой девять духов-женщин подметали Небо, а девять духов-мужчин топорами ровняли Землю[2].

По мифу народа наси, «Три родило девять, девять родило все вещи. Вещи оказались подлинные и ложные, пустые и полные. Истинные и полные родили Солнце, ложные и пустые — Луну. Солнечный свет, изменяясь, породил бирюзу, бирюза превратилась в белый воздух, белый воздух породил прекрасный звук, прекрасный звук, изменяясь, превратился в доброго духа Гэвогэ. Добрый дух, изменяясь, превратился в белое яйцо. Белое яйцо снесло духа-курицу. Дух-курица породила девять белых яиц. Одно белое яйцо превратилось в Небо, одно белое яйцо превратилось в Землю, одно белое яйцо превратилось в созидающих Небо девять братьев, одно белое яйцо превратилось в устраивающих Землю семь сестер». Девять братьев и семь сестер поставили пять столбов, удерживающих Небо. Одно яйцо стало огромным диким быком[3]. На вопрос, чей ты потомок, наси отвечает: «Я потомок девяти братьев, открывших девятислойное Небо, я потомок семи сестер, устроивших семислойную Землю, я потомок белоперламутрового льва, я потомок золотистожелтого большого слона»[4]. Как удивительно все совместилось в этом ответе!

По преданиям народа хани, тибето-бирманского по языку, в древности не было Неба и Земли, дня и ночи, гор и рек. Небесный ван послал девять людей делать Землю, трех человек — делать Небо. Они убили гигантского быка и из его кожи сделали Небо, а из его мяса сделали Землю[5]. У первопредка тибето-бирманского народа цзинпо Нингуйва был старший брат, у которого, в свою очередь, имелось девять сыновей[6]. Нет никаких сомнений, что тангутские «девять братьев [с] белых высот» — из этого же ряда творцов Неба или Земли.

Можно не сомневаться и в том, что «белое высокое», говоря несколько упрощенно, «белые высоты» — это обитель предков тангутов, место появления на свет тангутского народа. А если не всего народа, то той его части, которая именуется черноголовыми, поскольку первопредок Мбэ, которому тангуты поклонялись в восьмом месяце, был предком именно черноголовых. А если

---

[1] Чжунго шаошу миньцзу вэньсюэ. С. 5—6.
[2] Там же. С. 7.
[3] Там же. С. 100.
[4] Там же. С. 101.
[5] Там же. С. 240.
[6] Там же. С. 452.

не всех черноголовых, то правящей династии Нгвеми. Поэтому, как нам представляется, слова «белый» и «высокий» в наименовании тангутского государства лучше всего и правильнее всего переводить как «белое высокое», а наименование государства — как Великое государство Ся [потомков выходцев с] Белого Высокого. «Белое-высокое» являлось указанием на божественное происхождение народа (династии), и эти слова были понятны тем, кто знал тангутскую мифологию.

Но фокус состоит еще в том, что за этими словами скрывался и иной смысл. Белый цвет ассоциировался с западом: высота, верх — также с западной стороной.

В оде про тангутского учителя Ири, изобретателя тангутской письменности, есть такие строки:

На западе, [там, где Земля] возвышается, —
государство тибетцев,
На самом краю, [там, где Земля] понижается, —
государство китайцев[1].

В таком прочтении государство именовалось Западное Великое Ся. И если учесть, что китайцы по понятным причинам слово «великий» опускали, то мы получим китайское, а в истоке своем и тангутское тоже, наименование тангутского государства Си Ся или Западное Ся. И становится ясным, что помимо реального положения государства тангутов к западу от Китая и естественного поэтому его наименования Западное Ся, это название могло появиться на свет и из тангутских реалий и не противоречило им.

Встречающееся сочетание слов «река, [стекающая] с белого высокого», должно рассматриваться хотя и в связи, но независимо от наименования тангутского государства. В энциклопедии «Море значений, установленных святыми» это словосочетание упомянуто дважды: «Источник белых рек: Реками, [стекающими] с белого высокого, источниками вод, открывается белая крутизна, опора народа», «Горные хребты длинны и широки: Покрытые снегами горы тянутся, не прерываясь, во всем государстве всего достигают, они исток рек, [стекающих] с белого высокого». В тангутских изречениях говорится: «Рекам, [стекающим] с белого высокого, названий не дадите, Земля красы лишится»[2], «Реки, [стекающие] с белого высокого... край Земли»[3].

Белые высоты, белое высокое, место, с которого сошли предки, было местом рождения рек, не какой-то конкретной реки, а рек вообще, стекающих с горных ледников. В числе этих рек, по

---

[1] Тангутский фонд СПбФ ИВ РАН. Инв. № 121; Тангутская филология. Кн. 1. С. 80.

[2] Вновь собранные драгоценные парные изречения. С. 108.

[3] Тангутский фонд. Инв. № 121. Ода «Мудрость».

месту обитания предков тангутов, были и такие великие реки Азии, как Хуанхэ, Янцзыцзян и др. Возможно, с «рекой, [стекающей] с белого высокого», был связан и какой-то мифологический сюжет, который мы пока из-за недостатка информации не в состоянии понять. Но видеть в сочетании слов «белое» — «высокое» — «река» какую-то конкретную реку, например, реку Байшуй в пров. Сычуань, вряд ли оправданно[1].

С тангутской мифологией тесно связано и представление о двух составляющих тангутского народа — «черноголовых» и «краснолицых». При обращении к текстам, не очень многочисленным, обнаруживаем то, что раньше ускользало от взора исследователей: черноголовые всегда связаны с Небом, краснолицые — с Землей.

Под августейшим Небом тысячи черноголовых
по благоденствию [то] низки, [то] высоки.
На государственной Земле мириады краснолицых
по мудрости не равны[2].
Среди черноголовых в Поднебесной
Нет сомневающихся в своей силе, и духовной, и телесной,
На Земле краснолицые родня...[3]
На суше-земле у краснолицых
Любовь имеется, ненависти нет[4].

В тангутских изречениях находим прямую связь черноголовых с Небом: «Земной отец черноголовых с Небом породнился — могущество [черноголовых] возросло»[5]. Не возражая против того, что во времена Великого Ся черноголовыми и краснолицыми именовались все тангуты[6], мы полагаем возможным, что генетически «черноголовые» и «краснолицые» были двумя кланами тангутского народа, корни которых уходили в эпоху, отраженную в мифах, причем не исключено, что именно «черноголовые» и их отец Мбу полагались предками правящей династии. В «Большой оде» имеется строка: «Черноголовые Небо делают с вихрем одинаково». Получается, что «черноголовые», точнее их предки (предок) участвовали в сотворении Неба, в вычленении Неба из хаоса, а «краснолицые», которые имели цвет лица первопредка и первозданной красной Земли и шагали по красной Земле, вероятно, имели какое-то отношение к сотворению Зем-

---

[1] *Невский Н. А.* О наименовании тангутского государства. С. 33—51.
[2] Там же. С. 36.
[3] Большая ода.
[4] Там же.
[5] Вновь собранные драгоценные парные изречения. С. 104.
[6] *Чэнь Бин-ин.* Си Ся вэньу яньцзю (Изучение памятников материальной культуры Си Ся). Иньчуань, 1985. С. 126.

ли. Эти-то две группы первопредков породили череду большеликих сыновей:

Чередой сыновья большеликие появились, не спросясь,
Череду сыновей большеликих не счесть,
Они — источник порождения людей, опора не низкая.
Женщины идут. На земле тангутов-лхи родниться нелегко [?].

Большеликие сыновья стали источником появления на свет людей после того, как породнились с женщинами на земле тангутов-лхи (если наименование *лхи* родственно тибетскому *лха*, то речь идет о земле людей «божественных»). Животворящая, порождающая среда — облака, ибо сильные отважные потомки этих предков «проходят через облачный мост (мост из облаков)», речь идет «о воле Неба и силе облаков», а сыны — потомки их — это «сыны, рожденные в густых облаках».

Перевод «Большой оды», текст которой в чем-то перекликается с отдельными пассажами из публикуемого «Моря значений, установленных святыми», крайне затруднителен, мы приводим его в приложении, отнюдь не обольщая себя его правильностью. В «Оде» даже лексика особая, характерная, видимо, для мифов (фольклора). Но будущим переводчикам и исследователям «Оды» хотелось бы предложить такую нашу догадку. «Черноголовые» — это потомки Белого журавля, дети Небесной выси, Белых высот, мужская линия, предки правящего дома. «Краснолицые» — потомки Солнцебедрой девушки (женщины), дети Земли, женская линия, в прошлом — брачные партнеры черноголовых.

Из сочинения «Море значений, установленных святыми» мы узнаем о некоторых «культурных» предках тангутов. «Девушка из народа» (без имени) научила людей пользоваться огнем и выращивать хлебные злаки. У нее был «брат-наследник» по имени Лда. В разделе о Солнце упоминается предок пастух по имени Улвон (Гхулвон), который всю свою жизнь пас скот, находясь под Солнцем. Предком «черноголовых» был Мбэ (Мбу), поклонения ему совершались в восьмом месяце, и он «имел глубокие замыслы». На одной из икон Государственного Эрмитажа (шифр Х-2465) изображено небесное божество, которое К. Ф. Самосюк отождествляет с даосским божеством Сюань-у. Не покушаясь на даосско-китайскую интерпретацию иконы, я обратил бы внимание на абсолютно тангутский облик и одежду божества. Очень возможно, что это изображение небесного предка «черноголовых» Мбэ (Мбу). Поклоняющийся ему, судя по тяжелому наборному поясу с металлическими бляхами, набедренникам и неполному, без нарукавников, пластинчатому доспеху, — военный[1].

---

[1] Lost Empire of the Silk road. Buddhist Art from Khara-Khoto (X—XIII century). Thissen-Bornemisza Foundation Electa. Lugano, 1993. P. 244—245.

В тексте издаваемого памятника есть упоминания о предке Нгвэндин (богоявленном?). У него был сын Вендупу, который прибыл к «народу-государству» на «облачном коне» (ср.: крылатые кони у многих народов). Этого коня держал раб с севера по имени Синние.

Мы узнаем кое-что об эпохе борьбы с духами и кровной мести. Был убит сын божества Риэ. Разгневанное божество, мстя за своего сына, стало грабить и убивать. И тогда дядя по матери спас детей своей сестры, девятерых братьев с белых высот, очевидно — первопредков тангутского народа или правящего дома Ся. В другой истории рассказывается, что отец предка по имени Лдаы-нгвин Ндживу-мие был убит ракшасом по имени Мэн. Ндживу-мие, мстя за отца, сам оказался не в состоянии справиться с ракшасом. Вместе с дядей по отцу по имени Ндинмбо он отправился к трем братьям и просил защиты у духа-покровителя, после чего они отомстили ракшасу за убийство отца и брата.

Из публикуемого памятника мы узнаем и о предке Ува (Гхава), которого поминали в девятый день девятого месяца. Это было время народных празднеств и приготовления вина. Можно предположить, что данный предок был как-то связан с культом плодородия, с урожаем. Упоминается некий Мей, возможно мудрец, так как считалось, что «умные сыновья подобны Мею», «Мудрость — высшая драгоценность. Мудрый сын Мею подобен».

Судя по словарю «Море письмен», одним из сынов отца «черноголовых» был ·У (Гху) — может быть, то же лицо, что и упоминаемый в «Море значений, установленных святыми» Улвон (Гхулвон), который всю жизнь пас под палящими лучами солнца скот. Таким образом, мы достоверно знаем двух предков черноголовых — Мбэ (Мбу) и ·У (Гху), ·Улвона (Гхулвона).

Что касается «краснолицых», то имя их предка как будто не упоминается или таких текстов пока не найдено. А предок «черноголовых» Мбэ (Мбу) — это, как мы говорили выше, кажется, еще одна ипостась журавля. В конце восьмого месяца приносили жертвы «духу-хранителю, журавлю Мбэ». В объяснении словаря «Море письмен» подчеркнута черноголовость журавля, хотя и не сказано, что он — предок[1]. В другой части текста того же словаря объясняется: «Это птица журавль. Среди птиц журавль черноголовый тот, кто может прокормиться зимой»[2].

В свете всех этих новых материалов, полученных из публикуемого текста «Большой оды» и иных сопутствующих источников, есть необходимость переосмыслить текст другой оды —

---

[1] Вэнь хай (Море письмен). Пекин. Раздел «цза», 19, 172, № 82212.

[2] Там же. Раздел «цза», 19, 172.

«Гимна священным предкам тангутов»[1]. В опубликованном мною ранее переводе «Гимна» я не опознал имя одного из предков правящего дома Ся и, главное, не узнал основного героя, которому «Гимн» был посвящен, — тангутского императора Юань-хао.

Обратимся к линии предков, которые упомянуты в «Гимне». Первым идет «батюшка Рату», который был «не согласен на малое», «думал о великом» и женился на тибетской девушке. В его имени следует обратить внимание на слово ра — «гора». По тексту «Большой оды», «сыновья — горы цветущие». Перевод полного имени Рату — «гора — сеть», «гора — силки», «гора — [место охоты] с помощью силков» — не совсем понятен.

У Рату было семь сыновей, и в тексте «Гимна» важно определить их всех семерых:

1. Сан Мбэлвон, Сан-Волдырь, Сан-Шишка. Он разгромил тибетцев.

2. Чие-Кэрáн. Он сражался с китайцами.

3. Нгве-нгин Рие-ндзай, Нгве-нгин с обликом коня. О нем сказано, что он реку переплыл, «внизу не прятался». Возможно, с его именем связано какое-то переселение народа, вероятно — переселение тангутов на север под давлением тибетцев.

4. Хвоха, отец Хвоха. Если слова «зеленая ставка» не его имя, то он жил, отгородившись стенами, в восточном городе, в зеленой ставке, т. е., возможно, жил в замке, цзонге.

5. Нгви-нди Мэ-ниа, Нгви-нди Черный теленок. Крутолобый, рогатый бычок. Именно он был выпущен мною в первом переводе. Как и Солнцебедрая девушка, он сразился со слоном, только не большим, а благовонным, слона одолел и срезал у него бивни. Фамилия Нгви-нди во времена Си Ся встречается у лиц, упоминаемых в колофонах тангутских рукописей.

6. Ндиу-ндиу Кхви-мбу, Ндиу-ндиу с обликом собаки. Он сразился с тигром и выдрал тигру когти. Фамилия Ндиу-ндиу также встречается в колофонах тангутских рукописей.

7. ·А-ндзвон (Гха-ндзвон), дедушка ·А-ндзвон. Он искал пропавшую корову на краю чего-то неясного.

Итак, мы встречаем в этот раз цифру семь, уже известную нам по мифам и преданиям соседних с тангутами и родственных им народов. Это семь сыновей предка «батюшки Рату». Той тибетской девушкой, на которой Рату женился и которая родила ему семерых сыновей, должна быть упоминаемая в «Гимне» матушка ·А-мба (Гха-мба). Она и Рату — прародители императорского дома тангутов Нгвеми (Вэймин), и «Гимн» посвящен его родословной. Среди сыновей в полном согласии с традициями мирового фольклора родоначальником правящего дома должен

---

[1] *Кычанов Е. И.* Гимн священным предкам тангутов // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1968. М., 1970. С. 217—231. Тангутский текст — с. 219—221.

был быть младший сын — «дедушка ·А-ндзвон». В тексте «Гимна» упомянут его сын или какой-то из потомков Нгвиэ-ндин. Это имя встречается в тексте «Моря значений, установленных святыми», о нем сказано, что он «имел раба». Его сыном был, по тексту «Моря значений, установленных святыми», Ве-Ндупу.

Что касается появления в числе их «процветающего потомства» тангута (*ми*) Ци-хво, то совпадение сведений «Гимна» и китайских источников о том, что он при рождении имел уже два зуба, позволило в свое время Н. А. Невскому отождествить его с первым императором династии Цзи-цянем[1]. Он основоположник династии, Тай-цзу, прибыл в сопровождении семи всадников (снова семерка), чтобы «стать государем». Он собрал тангутский народ воедино, «созвал минягов» (это соответствует тому, что мы узнаем о Цзи-цяне из китайских источников[2].

В свое время в строке 37-й «Гимна» мною ошибочно был расшифрован второй знак. На самом деле там упомянут «Ветер-Рога» («Рога-Ветер», «Рогатый ветер») — Лиэ Кхвэ, император тангутов, известный из китайских источников под именем Юань-хао, внук Цзи-цяня, по тексту «Гимна» — «священномудрый ван», «священномудрый (божественный) воин». Все последующие строки «Гимна» относятся к нему. Именно он «отвернулся» от Китая и «взбунтовался», и «на этом государство [тангутов] расцвело»[3].

Таким образом, «Гимн» посвящен не происхождению тангутов вообще, а именно происхождению правящей династии Нгвеми (Вэймин) и завершается он упоминанием о славных делах Юань-хао, который первым официально, с уведомлением, как бы мы нынче сказали, мировой общественности, принял императорский титул и объявил посмертно императорами своего деда Цзи-цяня и отца Дэ-мина. После войны 1040—1044 г. именно Юань-хао, как сказано в «Гимне», «добивался мира» с Китаем, и, вероятно, весь «Гимн» был посвящен заключению мира между тангутским государством и Сунским Китаем в 1044 г.[4]

Китайским тангутоведом, широкоизвестным автором многих работ о тангутах и тангутском государстве Ли Фань-вэнем, изучавшим обломки стел на кладбище императоров Си Ся близ г. Иньчуань, было установлено, что титул «Рога-Ветер» принадлежал императору Юань-хао[5]. Мы уже неоднократно упоминали

---

[1] *Невский Н. А.* О наименовании тангутского государства. С. 76.

[2] О Цзи-цяне см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 24—43.

[3] Там же. С. 136—166.

[4] Там же. С. 140—156.

[5] *Ли Фань-вэнь.* Си Ся хуанди чэнхао као (Изучение титулов императоров Си Ся); *Он же.* Си Ся яньцзю луньцзи (Сборник статей по изучению Си Ся). Иньчуань, 1983. С. 76—78.

о том, что «ветер», «вихрь», а также облака играли важную роль в тангутской мифологии. Слово «ветер» в титуле (возможно, посмертном) связывало императора Юань-хао с его первопредком и одним из творцов видимого мира — Белым журавлем. Мы уже упоминали и Ве-ндупу, который прибыл к «народу-государству» (ср. с тюркским понятием *эль*) на «облачном коне». Среди тангутских изречений есть одно, где упомянут император Ветер-рог, Юань-хао. Не зная реалий, я в свое время перевел его неверно, и хочу в заключение этого раздела попытаться исправить свою ошибку. Старый перевод:

Боевые стяги вознесены на облачные хребты
Острые мечи привязаны к рогам ветра[1].

Если мы будем исходить из того, что «Ветер-Рог» — титул, то по законам параллелизма, строго соблюдаемого в изречениях, «облако-хребет» — тоже титул. Видимо, изречение следует перевести так:

Облако-хребет (Облачный хребет) поднял боевые стяги
Ветер-Рог (Рогатый ветер) подвязал острые мечи.

Государь «Облако-хребет» («Облачный хребет») явно жил ранее «Ветра Рога», Юань-хао, и его можно попытаться отождествить с его отцом, тангутским императором Дэ-мином. Тот действительно «поднял боевые стяги» и, как известно, воевал с уйгурами[2].

И последнее. Выше, цитируя американского синолога Дерка Бодде, мы упоминали, что, помимо горы, осью мира мог быть дворец или город. В тексте «Большой оды» упоминаются «Перламутровый город», «Западный железный город», «Западная стальная крепость». При изучении стел с могил тангутских императоров китайские исследователи установили, что тангутские государи, помимо прижизненных титулов, посмертных титулов, храмовых имен и наименования их могилы (все это по китайскому образцу), имели и свои тангутские титулы-наименования ставок (городов). Это (по Ли Фань-вэню): Юань-хао (1032—1048) Фэн цзюе чэн хуанди (император города Ветер-Рог), Бин-чан (1068—1086) Мянь би чэн хуанди (император города созерцания), Цяньшунь (1086—1139) Бай чэн хуанди (император Белого города), Мин чэн хуанди (император Светлого города), Жэнь-сяо (1139—1193), Чжу чэн хуанди (император Перламутрового города), Ху

---

[1] См.: Вновь собранные драгоценные парные изречения. С. 119. Китайский переводчик тангутских изречений Чэнь Бин-ин перевел это изречение так же: «Стяги вознесены к краям облаков, мечи подвешены к ветру» (см.: Си Ся яньюй (Тангутские пословицы). Тайюань, 1993. С. 23).

[2] О нем см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. С. 43—51.

чэн хуанди (Император Защищенного города)[1]. Как мы видим, Перламутровый город упоминается и в «Большой оде». Ли Фань-вэнь увязывает по крайней мере часть этих титулов с наименованиями ставок (?) и с буддийской традицией. Совершенно не оспаривая этого, мы только укажем на то, что города-ставки (хочется их сравнить с тибетскими замками-цзонгами) упоминаются, видимо, в связи и с иной, не буддийской традицией, корни которой следует искать в тангутских преданиях.

Буддизм, даосизм и тангутский памятник

Тангутская культура была во многом буддийской. Этот тезис широко подкрепляется памятниками как письменной, так и материальной культуры тангутов. Но она не была исключительно буддийской. Это был тип культуры, который нам известен по культуре китайской или японской. Наряду с многочисленной сангхой, вероучителями, высшим из которых даровался титул «наставник императора», в стране чтили Конфуция, поклонялись ему в его храме, ограниченно практиковался и даосизм. И вместе с тем тангутский народ хранил свою веру и пользовался услугами своих шаманов *сы*.

Издаваемый памятник — энциклопедический, по своей заданности он призван всесторонне охарактеризовать материальную и духовную жизнь тангутского общества, соединить в одной книге все три составные части идеологии тангутского общества и государства. И следует прямо сказать, что буддийская мысль представлена в нем достаточно скромно и своеобразно. Это прежде всего касалось социальных отношений.

В этой жизни человек беден или богат благодаря карме: «Что касается богатства, то говорят, что продукты питания и вещи, розданные другим в прошлых жизнях, вдруг в этой жизни становятся богатством. [Богатство] — компенсация, полученная за розданное. Что же касается бедности, то бедными становятся за то, что в прошлых жизнях были жадными и не раздавали [пищу и вещи]».

Кармой же было предопределено, свободный и знатный ты в этой жизни человек или презираемый, раб или слуга. «То, что человек благородный или ничтожный, чистый [лично свободный] или раб, определяется его крамой. В этой жизни получаем воздаяние [за прошлые дела]. И если счастья [благих деяний] мало, то и становишься рабом или слугой. Авторы энциклопедии утверждали, что слуга или раб в этой жизни «три сокровища не усваивает, в будд не верит. Закон слушая, его не постигает,

---

[1] *Ли Фань-вэнь.* Си Ся хуанди чэнхао као. С. 95.

сангху не почитает. Служит на посылках». Этим он прямо отличается от «благородного человека». Благородные люди «три драгоценности почитают и возвышают; кланяются буддам, слушают учение и следуют ему, почитают сангху», «строго придерживаются законов Будды: Истинному учению Будды всем сердцем преданы, постоянно его не забывают и почитают. Возвышают три драгоценности, стремятся постичь смысл мудрых сутр, хранят учение Будды и из поколения в поколение не прерывают приношение жертв».

Кармой определялось родство: «Родственники благодаря согласию по прежним причинам [карме] и в этой жизни становятся родней, благодаря карме внутренними [кровными] и внешними родственниками [свойственниками] становятся». «Девять близких родственников [— дети и жена его, его дед и бабка, дядя и тетка по отцу, дед и бабка по матери, дядя по матери] в прошлых жизнях, благодаря карме, сблизились, в этой жизни близкими родственниками стали».

Кармой же был обусловлен и пол человеческого существа: «Кармой обусловлено: То, кем станешь, мужчиной или женщиной, в давние времена правилами [твоего] поведения уже определено».

Кармой предопределены и браки: «Роднятся в зависимости от кармы: То, что люди роднятся и вступают в брак происходит потому, что они роднятся и вступают в брак в зависимости от их кармы, их связей в прошлой жизни». Кармой обусловлено первородство братьев в семье, «следование друг за другом старших и младших братьев устанавливается в порядке первородства, определяемого кармой».

Человек, как существо разумное, способен постичь учение Будды: «На великое вместилище [разума] надежно полагается: Размышляя о *рупа* [чувственном] и *ведана* [восприятии] в их суть мудро проникает. В пяти скандха (*рупа*, *винайя*, *ведана*, *санджинья*, *самскара*) все дхармы собраны, добро и зло выявляются и различаются».

Вообще по рождению человек чист, честен, но кармическая обусловленность и реальная жизнь портят его: «По природе своей человек честен и правдив: В основе своей человек чист и по природе своей честен. Однако после рождения, благодаря карме и житейским невзгодам, разные свойства своей натуры позволяет себе проявлять и становится гневным».

Таким образом, все реальное бытие человека полагалось кармически предопределенным: его пол, семья, в которой он вновь родился, социальный статус его семьи — лично ли это свободные и знатные люди, или это люди, лишенные личной свободы, презираемые, слуги или рабы, — все зависело от кармы. Богата или бедна семья, богат или беден данный человек,

его будущий брак и свойство предопределены кармой. Человеческая жизнь должна быть посвящена улучшению своей кармы, т. е. почитанию трех буддийских драгоценностей: Будды, его учения и монашествующих, сангхи, раздаче милостыни и пожертвованиям сангхе, храмам и нуждающимся. Поведение человека должно определяться добрыми поступками, любовью к ближнему, состраданием: «В согласии с милосердием бодхисаттвы: Гуманность — это то, когда в сердце своем, постоянно сострадание имея, поступают в соответствии со своими природными свойствами, приведенными в согласие с таковыми у всех живых существ».

Важно и то, что буддизм позволял живому существу, человеку улучшить свою карму, активно влиять на нее: «Уразумел пути добра и зла: Зная кармическую обусловленность воздаяния за добро, понимаешь направление последующего пути. Уразумев кармическую обусловленность воздаяния за зло, постигаешь, как пресечь пагубный путь».

К сожалению, не сохранилась 11-я цзюань издаваемого памятника, в которой речь велась о «законах Будды», буддийских храмах, имуществе сангхи, монахах, жилищах монахов. Может быть, в этом разделе излагались основы буддийского мировосприятия. Было ли это изложение достаточно основательным, близким по объему к развитию идей о влиянии Неба на жизнь общества и роли конфуцианского понятия *сяо* в этой жизни, сказать, к сожалению, невозможно. Но наш источник заставляет думать, что по меньшей мере в жизни людей образованных представления о кармическом влиянии и воздействии Неба, представления о роли сяо в жизни общества были равнозначными и хорошо уживались друг с другом.

Отдельные философские элементы буддийского учения имеются в стихотворном предисловии к памятнику:

Возникшие в давние времена формы,
Хотя и отличны одна от другой,
По сути своей одинаковы.
Благодаря своему внешнему проявлению,
[Они] разными наименованиями
Стали различаться.

То есть из дхарм возникли формы, состоящие из одинаковых дхарм, они по сути своей одинаковы, но благодаря внешним различиям форм, они различаются именами.

Далее в предисловии столь же прямолинейно, как и в тексте памятника, провозглашается кармическая обусловленность бытия:

У всех живых существ
Из-за давних причин
Счастье бывает низкое или высокое.
Из-за кармы

У многих категорий живых существ
Благополучие неодинаково...
Монахи всех непосвященных
Законам Будды обучают.
Законы Будды, сутры,
Разошедшиеся по всему миру,
Добродетельного поведения
И следования нормам поведения залог.

В энциклопедии «Море значений, установленных святыми» буддизм сосуществует с китайской традиционной идеологией, из которой тангуты, как и из буддизма, для данного сочинения выбрали прежде всего социально-экономические аспекты — отношение к семье, сяо и отношение к государству. Об этом подробно будет рассказано в следующем разделе.

Из китайских источников мы знаем, что в тангутском государстве бытовал и даосизм, косвенные заимствования из которого мы, возможно, встречаем в двух нижеследующих пассажах издаваемого памятника. «Отшельники в горах постигают законы спасения: Благородные люди, уразумев практику и законы спасения, движение и свойства пяти элементов, высоко в горах отшельниками став, приносят жертвы и выражают всемерное почтение Небу». «Драгоценное невесомое тело подбирают: Говорят, благородные люди при молениях о получении чистого и драгоценной истинной природы тела и о достижении прозрения также исправляют ошибки, совершенные долгим путем жизней» (т. е. даосская практика могла дать эффект, близкий к исповеданию буддизма и следованию по пути этого учения).

В «Измененном и заново утвержденном кодексе» государства Ся от 1149—1169 гг. нормы права, регулировавшие деятельность буддийской сангхи, одинаково были обязательны и для даосов, и для их храмов. Имелся список текстов, которые должен был знать даосский монах. Очень, однако, возможно, что значительную часть людей, исповедовавших даосизм, составляли китайцы. В памятнике же «Море значений, установленных святыми», ориентированном на тангутов, судя по оглавлению, даже не было специального раздела, отведенного даосизму. Возможно, это свидетельствует о том, что в духовной жизни собственно тангутов и идеологии тангутского общества даосизму не принадлежала сколько-нибудь значимая роль.

НЕБО И ГОСУДАРЬ, ЧИНОВНИКИ, ПОДДАННЫЕ

Утверждая прямолинейно кармическую, т. е. буддийскую обусловленность социальной жизни общества, исследуемый памятник в трактовке природы власти и управления государством, вза-

имоотношений государя и чиновников, взаимоотношений их с подданными простолюдинами, пропагандирует китайские взгляды, в синологии достаточно широко трактуемые как конфуцианские. При наличии кармы и сонма божеств буддийского пантеона, Небу также отводится роль активного субъекта воздействия на все сферы жизни общества.

«Небо. Среди миров является великим. В пределах миров и перечне Небо, Земля, государев этикет и государевы богатства Небо является наипервейшим». Не карма, а Небо определяет сроки жизни человека, ибо Небом обусловлены расцвет и увядание, четыре времени года. «Небо безмолвно. Не издавая указов, оно устанавливает сроки жизни». Свое отношение к деятельности государя, людей оно проявляет через благие знамения: «На Небе знамения являются. Известно, что появление благоприятных и неблагоприятных знамений есть свидетельство соотнесенности деятельности государя с нормами этикета и принципами морали». «Иногда случаются солнечные затмения: Солнечные затмения — [проявление] этикета того пути, которому следует Небо. Если проявления в действиях государевой благой силы [*дэ*] соответствуют [ему], то для солнечного света не возникает препятствий». «Если солнце пятицветные лучи испускает, то говорят, что это есть явленное Небом знаменье богатства и мощи государства, проистекающее из добродетельных поступков государя».

Небо милосердно, как будды, оно «милосердием своим... живым существам помогает». Небо, наряду с кармической обусловленностью, «устанавливает возможности быть знатным или притесняемым, бедным или богатым, иметь большую семью или маленькую, жить в благополучии или неблагополучии». За добрые поступки Небо вознаграждает, за дурные — насылает беды и несчастья, т. е. наказывает.

В учении о Небе и *сяо* (почитании родителей и старших) тангутские идеологи совмещали буддийское учение и конфуцианство. Не определяя места Неба в буддийских представлениях, более того, возможно, отдав Небу первенство, объявив Будду «Небом самым почитаемым», они, как это было и в других дальневосточных цивилизациях, одновременно, без выявления каких-либо явных противоречий, равно принимали и буддийское учение и учение о Небе как верховном божестве. Небо соприкасалось с буддизмом тем, что оно «драгоценную карму побуждает приобретать». Хорошо известно, что буддизм в своем победном шествии по миру легко включал в свой пантеон местные божества или уживался с ними. Так было и у тангутов в государстве Великое Ся. Имея впечатляющие успехи, буддизм оставил место и для Неба как верховного божества, и для добуддийских и доконфуцианских представлений тангутов.

Зак. 492

Тангутский государь, носивший в пределах своего государства титул императора, как и китайский император, обладал дарованной ему Небом силой дэ. Более расширительно предполагалось, что люди вообще находятся в тесной связи с благой силой дэ Неба и Земли: «Находится в тесной связи с благой силой дэ Неба и Земли: Человек сверху благой силой дэ Неба, как шапкою, накрыт, внизу прочно опирается на кладовую недр Земли». Человек: «Живет в согласии с Небом и Землей: Если [человек] душою живет в согласии с Небом и Землей, а поступки свои согласует с Солнцем и Луною, то это означает, что он дорожит благой силой дэ Неба и в соответствии с нею оформляет свои дела».

К сожалению, не сохранилась десятая цзюань памятника, в которой рассказывалось об императоре и его семье по темам: «Вдовствующая императрица-мать. Император. Сыновняя почтительность государя. Императрица, вдовствующая императрица. Сыновья императора. Дочери императора. Императорская родня. Почтение к государевым чиновникам. Искренность государевых чиновников. Почтение к старым людям, служащим государю. Правила сыновней почтительности (*сяо*) чиновников». Очевидно, в этом разделе излагался постулат, что император правит благодаря благой силе дэ, дарованной Небом, и, возможно, по мандату Неба. Косвенно мы можем судить об этом по другим нередким упоминаниям в тексте благой силы дэ Неба, Земли и государя. В разделе о Солнце мы читаем: «Народ и любит и устрашает: Как зимой солнечное тепло любят, так и если государь благой силой дэ обладает, то весь народ защищен». «В 15-й день девятого месяца собираются мудрые и добродетельные. Появляются [монахи] секты Чань. Полагаясь на благую силу дэ государя, почитание народом государя, родителей и старших (*сяо*), [они] молят Небесных ванов о благоденствии государства». В десятом месяце, «благодаря сыновней любви к родителям и старшим (*сяо*), мудрости (*чжи*) и благой силе дэ государя, Небо оказывает милости». Двенадцатый месяц: «Государство относится [к металлу] золото. В День благой силы дэ государь выезжает на охоту стрелять диких животных».

К XI в. избранничество монарха Небом было достаточно полно разработано в Китае, и эта теория, по-видимому, практически целиком была позаимствована тангутами. По «Ши цзину», Небо не имело родства и помогало лишь тем, кто обладал благой силой дэ, т. е. особым природным даром. Сила дэ проявлялась в умении «любить живое» (*хао шэн*). «Высота» государя была сравнима с Небом, а его «широта» — с необъятностью Земли. В сакральных характеристиках императора, как полагает А. С. Мартынов, «первое место, несомненно, принадлежит функциональному уподоблению государя небосводу, как все прикрывающей

части мироздания, и Земной тверди, как все на себе несущей»[1]. Император являлся «заменой Неба» и продолжателем «работы Неба», Небо усыновляло его (сын Неба) и вручало ему мандат на управление (*тянь мин*)[2].

У тангутов смычка устроительной деятельности Неба с буддизмом наблюдается в молении чаньских монахов Небесным ванам (*махараджа*). «Небесные ваны инспектируют государство: Если государь и народ поступают добродетельно, то снег и иней с выси Небесной вреда не причинят, растения будут плодоносить». В Китае, в период укрепления буддизма, в буддийские тексты нередко включались небуддийские благопожелания. То же мы наблюдаем и в Си Ся. В Лянчжоуской стеле, установленной в 1093 г. у пагоды Благодарения, мы читаем:

Желаем, чтобы:
На троне сидящий царствовал так же вечно,
Как вечно произрастает восточный бамбук...
Пусть ветры дуют и дожди проливаются своевременно,
Драгоценные хлеба созревают вечно,
На границах установится мир,
А народ благоденствует![3]

Предлагаем читателю сравнить это благопожелание с текстами Гунсунь Хуна (200—121 г. до н. э.) и Чао Цо, цитированными в статье А. С. Мартынова[4].

Судя по оглавлению к цзюани 13, автор (или авторы) «Моря значений, установленных святыми» подразделяли людей на: 1) священномудрых, 2) человеколюбивых (гуманных, *жэнь*), 3) мудрых, 4) благородных мужей (*цзюнь-цзы*), 5) простолюдинов (народ), 6) людей непросвещенных (глупых), 7) рабов и слуг. Это деление исходило как бы из природных задатков человека, их совершенствования путем учения, накопления знаний[5], вспом-

---

[1] *Мартынов А. С.* Государственное и этическое в императорском Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 280.

[2] Там же.

[3] Переведено с публикации текста в: *Нисида Тацуо.* Сэйка го-но кэнкю. Т. 1. Киото, 1964. С. 178.

[4] Гунсунь Хун: «Стихии Инь и Ян пребывают в гармонии и дожди происходят в должное время, выпадает сладкая роса и созревают все пять злаков, множатся все шесть видов домашних животных, поднимаются обильные колосья, вырастают прекрасные травы»; Чао Цо: «Благая сила дэ [пяти древних государей] вверху поднималась до птиц, внизу опускалась до трав. <...> После этого... четыре времени года [сменяли друг друга] в образцовом порядке, солнце и луна светили, дождь и ветер приходили в положенное время, и созревали все пять хлебов» (цит. по: *Мартынов А. С.* Государственное и этическое в императорском Китае. С. 282, 283).

[5] О благородном муже в учении Конфуция см.: *Переломов Л. С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 188 и далее. Конфуций говорил: «Я приобрел знания отнюдь не от рождения. Лишь благодаря любви к древ-

ним, что способность познавать — это основное свойство человека. На такое деление накладывается деление социальное: незнание, грубость натуры — прежде всего свойство слуги или раба.

В полном соответствии с духом сложившейся к тому времени дальневосточной цивилизации, лучшими людьми общества полагались чиновники, точнее, те люди, которые состояли или состоят на государевой гражданской или военной службе и имеют чин и ранг. Они отличаются друг от друга величиной ранга и чина, и это объективное отличие, вытекающее из присущих таким людям индивидуальных качеств: «Люди последовательно распределены по рангам: Люди распределены в пределах девяти степеней рангов. В соответствии с четырьмя высшими степенями рангов и качествами четырех низших степеней рангов они отличаются один от другого. Среди людей, обитающих в пределах [данного] мира, искусные в делах, способные и сильные, умеющие владеть оружием, наставляющие членов своей семьи, люди с мягким характером и характером волевым — все безошибочно и по достоинству получают тот ранг, который они заслужили». Ранг безошибочно характеризует человека — таково выдающееся достижение бюрократической мысли.

При характеристике людей различных достоинств, вопреки установкам современной тангутам сунской китайской общественной мысли с ее приоритетом гражданского (*вэнь*) над военным (*у*), тангуты предпочтение перед всеми прочими достоинствами человека отдавали воинскому мастерству. Человек обязан был владеть оружием и уметь сражаться, в армии должны были служить все — и сильные и слабые, ибо слабых воинская служба закаляет. Задача государя — отметить и назначить способных генералов, солдаты призваны самоотверженно сражаться, отличившиеся в боях получают ранги и награды. Все заботятся о сохранении военной тайны.

Из перечисленных выше групп людей мы ничего не знаем о совершенномудрых — кроме того, что «людей, обладающих качествами совершенномудрого, мало». Но, собственно, к их числу относится автор (или авторы) исследуемого сочинения, ибо оно именуется «Море значений, установленных святыми», а точнее, священномудрыми. Правда, автор (авторы), вероятно, лишь передавал (передавали) мудрость священномудрых.

Благородные мужи (*чжанфу*). Это люди высшей категории. Их достоинства — их таланты, душевная чистота, владение ораторским искусством и изящной словесностью, высокая грамотность. Они пишут стихи и составляют деловые бумаги. Они грамотны и по-тангутски, и по-китайски: «Собирают грамматические правила: знают происхождение любого слова, произ-

---

ности и настойчивости [в учебе] я получил их». «В [деле] образования не может быть различий [в связи с] происхождением» (Там же. С. 250).

нося слова, составляют изречения». Их чисто тангутское достоинство — это то, что они «умело и соразмерно [могут] оценивать достоинства китайских книг». Видимо, не все китайское годилось тангутам. Чжанфу — астрономы (астрологи), они наблюдают за четырьмя основными сезонами года. Будучи чиновниками, они ведут дела по справедливости и не допускают обмана, особенно при вынесении судебных решений. Чжанфу следуют учению Будды, привержены сяо, выдержанны, служат там, куда их посылает государь.

Человеколюбивые (гуманные) мужи — тоже люди высшего разряда. Они привержены сяо, способствуют упрочению «справедливости, добродетели, мудрости, искренности и добра. Они ненавидят зло, не отвечают злом на зло. Они достойно держат себя с высшими и заботливо управляют народом. Нелицеприятны, в том числе и в отношениях с близкими родственниками, они «всей душой преданы государю, почитают отца и мать, с уважением относятся к учителям, не забывают о заслугах Неба и Земли».

По мнению В. В. Малявина, «человечность» (*жэнь*) — главное качество благородного мужа. «Иероглиф жэнь состоит из знаков "человек" и "два", то есть он обозначал отношения между людьми», «на вопрос: "Что такое человечность?" — Учитель ответил: "Любить людей"». Конфуций «разъяснял смысл "человечности" словами своей знаменитой максимы, которая напоминает евангельскую заповедь: "Не делай другому того, чего себе не желаешь"»[1]. Тангутские характеристики «благородного мужа» извлечены непосредственно из китайской конфуцианской классики.

Тот же источник у характеристики мудрых людей. Мудрые люди — это люди «среднего и высшего разряда». Они прозорливы, ненавидят зло, говорят правду в заседаниях Совета (прежде всего Государственного), не допускают обмана и грубости, преданно служат государю, скромны, ибо «не тяготятся тем, что ходят пешком». Они почитают учителей и стараются овладеть всеми доступными им искусствами и ремеслами, знают меру своего дарования и относятся к другим людям так, как относились бы к самим себе. На службе мудрый человек ведет дела, исполняя приказы вышестоящего начальника, но он не подыгрывает сильным, милосерден с низшими и не чинит зла бедным и слабым. Мудрый человек — знаток и страж закона. «Мудрые хотя и увеличивают знания, но не становятся невнимательными, хотя и укрепляют свое положение и авторитет, не становятся надменными, хотя и произносят смелые речи, но знают меру, хотя и владеют имуществом, но не в чрезмерном количестве».

---

[1] *Малявин В. В.* Конфуций. М., 1992. (Жизнь замечательных людей). С. 192—193.

Чистый человек. Возможно, речь идет о простом лично свободном человеке, простолюдине. Если такой человек и служилый, то не имеет высоких рангов или ранга вообще. При том, что текст деффектен, из того, что сохранилось, очевидно одно: это старательный и надежный исполнитель приказов государя и начальников.

Неумные, тупицы. Текст также испорчен. Очевидно, это лично свободные люди, в отличие от рабов. Это грубые эгоисты, которые только и говорят о своей выгоде, они невежды и лодыри — «старательно и мастерски работать ленятся».

Рабы и слуги. Поскольку, как мы видим, в основу предлагаемой нашим источником классификации людей положены их моральные качества, то, соответственно, человек, лишенный личной свободы или находящийся в услужении, глуп, не знает норм поведения (ли), алчен, неисполнителен, завистлив, постоянно думает лишь о том, как бы набить себе брюхо. Он плохой родственник и не выполняет долг сяо — не почитает отца и мать, потакает жене, «в будд не верит, закон слушая, его не исполняет, сангху не почитает, служит на посылках». Речь его вульгарна, короче — «собачий аппетит, душа ненасытная». Все его личные качества — абсолютная противоположность тем, которыми обладает благородный человек. Оценка его чисто «хозяйская»: работает мало, а ест много, и на одежду приходится тратиться. Источник этих характеристик также очевиден. «У благородного мужа, — пишет В. В. Малявин, — есть его антипод — так называемый "низкий человек" (*сяо жэнь*). Таков тот, кто в своих поступках руководствуется лишь соображениями личной выгоды, кто повсюду ищет сообщников, но не уважает ни их, ни себя, кто домогается милостей, а получив желаемое, забывает о благодарности»[1]. «Учитель сказал: "Благородный муж помышляет лишь о справедливости, маленький человек помышляет лишь о выгоде"»[2]. Разбирая понятие «маленький человек», «низкий человек» в учении Конфуция, Л. С. Переломов пишет: «Думается, что этическое содержание понятия "сяо жэнь" вряд ли вызывает сомнения. Однако мы были бы неправы, если бы свели значение этого термина только к нравственной категории. Вся сложность в том, что тот же Конфуций использует его подчас и в значении социальном ("Лунь юй", 4, 11). Учитель сказал: "Благородный человек заботится лишь о соблюдении морали, маленький человек помышляет о земле. Благородный человек заботится о соблюдении [уголовного] закона, маленький человек заботится о получении благодеяния"»[3]. То, что автор (авторы) «Моря

---

[1] *Малявин В. В.* Конфуций. С. 175, см. тексты из «Лунь юй».
[2] *Переломов Л. С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. С. 202.
[3] Там же. С. 203.

значений, установленных святыми» вкладывал в понятие «глупый человек», «раб», «слуга» и смысл социальный, не подлежит сомнению. Моральные характеристики людей этой категории равнозначны таковым у *сяо жэнь*. Их социальное предназначение также характеризуется в издаваемом памятнике в разделе о рабах и слугах. «Рабы и слуги должны служить знатным людям», они «в доме делают разную работу: рабов отправляют в поле делать там разную работу, слуги в доме вычищают песок и золу, заготовляют дрова и воду». Здесь не отрицается то, что рабы и слуги могли владеть ремеслом и быть мастерами своего дела, и «если раб или слуга сердцем чист и известен как мастер своего дела, то хозяин дорожит им, верит ему, как своим сыновьям и дочерям». Приводятся примеры преданности рабов хозяевам и заслуг рабов перед государем во время войны.

Отдельно, вне оценок людей по их моральным качествам, изложены представления о бедности и богатстве и, соответственно, о богатых и бедных: «Люди бывают бедными и богатыми: Человек богатый имеет много вещей и продуктов питания, живет не печалясь. Бедный человек продуктов питания и вещей не имеет, жизнью не удовлетворен». «Бедный у богача скот пасет, бедный от богатого средства к жизни имеет».

Богатство — это власть и авторитет. Признавая это, автор (авторы) «Моря значений, установленных святыми» тем не менее разделял традиционный конфуцианский взгляд, осуждавший погоню за выгодой и чинами (ср.: Конфуций: «Учитель сказал: "Есть простую пищу, запивая ее ключевой водой, и спать, положив под голову собственный локоть, — во всем этом есть своя радость... а чины и богатства мира для меня — все равно, что плывущие в небесах облака"»[1]). Как буддист, он (они) считал, что богатство должно сопровождаться раздачей милостынь и пожертвований: «Человек, делающий добро, скопивший имущество честным путем, там, где это имеет смысл, поделится им. Имеющий в этой жизни доброе имя и в последующих жизнях удачу приобретет. Человек же безнравственный, накопивший имущество и сам им не пользующийся и другим его не дающий, из-за имущества, накопленного в этой жизни, свое тело погубит, в последующих жизнях по пути зла пойдет!»

Добродетельный муж не ищет богатства, его подлинное богатство — его знания. «Есть богатство двух родов: Первое — вещное богатство. Скот и богатство усердно копишь. Имеешь много и прижизненную славу приобретешь. Отвергнуть его [такое богатство] — корень счастья. Любить его — источник бедствий. Второе богатство — мудрость. Постоянно заботясь об образовании, мудрости обширной научишься. В этой жизни благо при-

---

[1] *Малявин В. В.* Конфуций. С. 162.

обретешь, в последующих жизнях встанешь на путь радости». Знания, ум, славные дела — вот богатство. Как учил Конфуций: «Учиться и всякое время прикладывать выученное к делу — это ли не радость?»[1]

В принципе, мораль — категория общечеловеческая, но постоянно оспариваемая, в том числе и самой жизнью.

КЛАН-МЭ И РОДСТВО

Автор (авторы) «Моря значений, установленных святыми» различали, как мы наблюдаем это и в тангутском праве[2], кровное родство («внутреннее родство», букв. калька с китайского *нэй цинь*) и свойство («внешнее родство», кит. *вай цинь*). Родство обусловлено кармой.

Тангуты выделяли девять лиц и групп лиц «внутренних» родственников, включая в их число и жену, в принципе кровной родственницей не являвшуюся:

1. Четыре близких родственника по отцу: дедушка и бабушка по отцу (родители отца), дядья по отцу (братья отца) и тетки по отцу (сестры отца),

2. Три близких родственника по матери: дедушка и бабушка по матери (родители матери), дядья по матери (братья матери),

3. Два своих (личных) близких родственника: жена (эго) и дети (эго).

Все это родня «одного корня».

Сразу заметим, что мы видим здесь целый ряд недомолвок и отступлений. Во-первых, как уже говорилось, к числу кровных родственников отнесена жена, являющаяся свойственником. Не упомянуты отец и мать эго, его братья и сестры, не упомянуты сестры матери, а только ее братья, не упомянуты братья и сестры дедушки и бабушки эго. Кровное родство с отцом и матерью эго, его родными братьями и сестрами полагалось настолько само собой разумеющимся, что эти лица не попадали в перечень «внутренних» родственников. Отец и мать — источник рождения. Мать дорожит своими детьми, рожденными ею в клане мужа, в «другом корне», больше, чем «своим корнем», т. е. своей кровной родней по своему клану. Родители и дети — «самые близкие в Поднебесной: Что касается близости родителей и детей, то под Небом и на суше-земле [все родители] любят детей, жалеют детей, беспокоятся о дочерях и думают о сыновьях. Не

---

[1] *Малявин В. В.* Конфуций. С. 164.

[2] См.: Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169) / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е. И. Кычанова. В 4 кн. Кн. 1: Исследование // Памятники письменности Востока. LXXXI, 1. М., 1988. С. 84—85.

заботятся о своем собственном теле, своем покое и своей выгоде, а только говорят: "Пусть дети будут знатны и богаты!"». Родители любят всех своих детей — и красивых и некрасивых, и умных и глупых — одинаково. «Разделение же детей на доблестных и слабых будет определено Небом»". Очевидно, в данном случае Небо как верховное божество действовало рука об руку с кармической предопределенностью, ибо текст указывает и на то, что «глупые дети или умные, зависит от кармы родителей: глупые или умные жена и дети, зависит от кармы».

В плане биологическом тело ребенка понималось как кости и плоть отца и матери, точнее, в полном соответствии с китайским представлением, как «гармоничное соединение белых костей отца и красной плоти матери». «Родители и дети — это семья».

В семье родителей для эго мужского пола самая близкая родня (разумеется, помимо родителей) — это братья. «У братьев прежние века [жизни, перерождения] и карма схожи, нынешние отец и материнская утроба одинаковы. Они едины, как корни и листья у дерева, родственной плотью жизни их связаны». Старшинство братьев определено Небом и кармой.

Старший брат должен любить младшего, а младший — почитать старшего. У нас пока нет достаточных оснований считать, что тангутские представления о родстве не различали старших и младших братьев[1] и это различение появилось только в XI—XII вв. под китайским влиянием.

Жизнь братьев в несогласии нарушала корень «пяти постоянств» — отцовской справедливости, материнской жалости, любви старшего брата, проявления почтительности и уважения со стороны младшего брата, проявления почтения к дядьям со стороны их детей.

Рождение сестер тоже определено кармой: у сестер, как и у братьев, «одни отцовский корень и материнская плоть их родителей, одна утроба». Став взрослыми, сестры выходят замуж в другие кланы. В этом была принципиальная разница между линиями жизни братьев и сестер: «Братья, подрастая, образуют *мэ* [клан], землю дедов, дом отца и людей его наследуют, справляют родовой культ. Сестры, подрастая, выходят замуж, образуют иные имеющиеся в мире мэ [кланы]».

При признании нуклеарной группой общества «отцов и сыновей», при исчислении генеалогической линии по линии мужских предков от деда к отцу, от отца к сыну, от сына к внуку, когда все кровные мужские родственники-братья предшествующего поколения были «отцами», а все мужские родственники-братья следующего поколения — «сыновьями», основой ячейки

---

[1] См.: *Кепинг К. Б.* Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим: Факс. рукописи / Изд. текста, пер. и коммент. К. Б. Кепинг // Памятники письменности Востока. LXXXII. М., 1990. С. 136.

общества даже в конце XII в. при составлении исследуемого памятника была не семья, хотя и она походя упоминается в данном памятнике, а *мэ* (клан, линидж, род, фамилия и т. п.). В клане-мэ кроме родителей, жены и детей наиболее близкими родственниками являлись братья отца, дядья по отцу эго и их сыновья (двоюродные братья по отцу эго); такое же место отводилось и сестрам матери (теткам по матери эго). Хотя источник считает, что это «боковые ветви», но братья отца и сестры матери обладали «внешним сходством с отцом и матерью. Для детей высшее почтение — это почтение к отцу и матери. А следующее за ним — это почтение к дядьям по отцу и теткам по матери».

Дядя по отцу наставляет племянников, «обходится с ними, как со своими собственными сыновьями». Более того, приводится эпизод, когда, попав в руки разбойников с сыном и племянником, дядя по отцу из почтения к своему покойному брату предпочел заплатить выкуп за племянника. Или: племянник-сирота относился к брату покойного отца, как к своему родному отцу. Такое отношение племянников к дядьям по отцу и дядьев по отцу к племянникам отвечало древнекитайским представлениям[1].

Вместе с тем источник сохранил нам представления той эпохи, когда мать и соответственно клан-мэ матери считались значимее отца и клана-мэ отца и, сообразно с этим, роль дяди по матери, брата матери — значимее роли дяди по отцу. В XII в. в полном соответствии с духом времени племянники (дети сестры) уважали дядю по матери (брата матери). Но для иллюстрации этого тезиса приведено древнее изречение: «Дядю по матери уважают больше, чем Белое Высокое, оно [уважение к дяде по матери] с почтением к духам-хранителям равно. Племянникам (детям сестры) хвалебные слова [от дяди по матери] большие, чем месту восхода солнца, они — золота дороже».

Был этап в истории предков тангутов, когда дядя по матери, очевидно, являлся вторым по близости родственником после матери, более важным, чем отец. Приведенное в «Море значений, установленных святыми» изречение: «Даже если тонешь, за плечо дяди по матери не хватайся, даже если [на весь свет] зол, зла на дяде по матери не срывай» — хорошее подтверждение этому. В ту легендарную эпоху именно дядя по матери спас «девять братьев Белого Высокого»[2] от мести божества Риэ, которое собиралось мстить братьям за убийство своего сына. Дядя по матери этих девяти братьев заплатил выкуп и тем самым даровал

---

[1] Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. С. 22—24.

[2] В данном случае, вопреки наблюдениям К. Б. Кепинг, слово *лио* — 'брат' сочетается с числительным. Ср.: Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. С. 104.

им жизнь. Интересно, что аналогичные представления отражены и в преданиях ицзу:

В очень давние времена
[Хотя] мужчины и женщины
Также уже различались,
Но не было способа их разделить,
Мужа и жену трудно было установить.
В те времена
Дети точно не знали отца,
Дети знали только мать,
Все матери были велики,
Мать была выше на ступень,
Все дела полностью решали женщины,
Женщины были государями,
Женщины же являлись и чиновниками[1].

В этнографии особая роль дяди по матери в свое время однозначно истолковывалась как один из признаков если и не наличия матриархата, то как показатель ведущей роли рода (клана) матери. Ныне нередко упор делается на том, что хотя дядя по матери и родственник с материнской стороны, но он все равно представляет мужскую линию. Не вдаваясь в детали, отметим, что в любом случае сюжеты в тексте «Моря значений, установленных святыми» представляют собой реликты тангутских преданий, когда люди-предки были еще «божественными», «богоподобными», ибо жили и действовали в одном ряду с божествами и демонами.

Судя по тексту издаваемого памятника, браки одобрялись и заключались на уровне клана-мэ. «Если люди желают породниться, то вступают в брак. Равные мэ [кланы] одинаково ищут родства друг с другом. Справляются о возрасте девушки и парня, и если возраст подходящий, то обращаются с просьбой друг к другу. Забирая девушку, ставшую невестой, сваты от одной семьи передают другой семье плату за породнение и пищу». Из этого текста очевидно, что брак одобрялся кланом-мэ, но фактически заключался семьями, членами мэ, ибо они несли расходы по заключению брака. Брак означал появление новой семьи в составе клана-мэ.

Текст «Моря значений...» свидетельствует, что первоначально семьи были большими. Идеалом почиталось то время, когда братья «твое-мое не говорили», а «трех поколений люди не выделялись». В тексте приводится такая притча. Три брата жили порознь. Каждый перед своим домом высаживал дерево, и у всех троих деревья постоянно засыхали. Тогда братья решили жить вместе, и деревья зацвели. Изречение гласит: «Всю свою жизнь

[1] Краткие записи о начале сущего. Т. 1. С. 36—37.

братья друг друга любят и уважают, сто лет живут одной семьей и не могут отделиться». Выдел не одобрялся. В тексте памятника есть рассказ о том, как братья жили вместе, жили бедно. Жена старшего брата стала уговаривать мужа отделиться. Муж в ответ на это собрал родню и перед всей огромной семьей публично объявил о том, что разводится со своей женой.

Вместе с тем именно раздел оставался тенденцией развития кланов-мэ. В «Море значений...» есть другая притча. Два брата жили вместе. Младший затем выделился. Старший брат при разделе имущества оставил себе немолодую скотину, пожилых рабов и подержанное имущество, а все доброе и хорошее отдал младшему брату. Кончилось же все тем, что старший брат все же разбогател, а младший брат обеднел. Данная притча отлична от сюжетов мирового фольклора: там чаще при разделе имущества обделяют младшего брата, и именно он позже становится богатым.

К. Б. Кепинг в статье «Система родства тангутов»[1] на базе исследованного ею текста и других привлеченных материалов обнаруживает следующие особенности употребления терминов родства у тангутов:

1. Для обозначения своего брата мужчины используют один термин, женщины — другой. Старшинство указывается прибавлением прилагательных «старший» и «младший».

2. В текстах употребляются два слова со значением «сестра» — «сестра братьев» и «сестра сестер».

3. Существование кроскузенного брака в тангутском обществе. Отец невесты (жены) мог быть братом матери, т. е. дядей по матери.

4. Соответственно в тангутском языке терминологически, возможно, не различались «сестра отца» (тетка по отцу) и «свекровь».

Это важные выводы. Однако следует заметить, что если различие терминов «брат» — «сестра» при обращении братьев к сестрам и сестер к братьям, братьев к братьям и сестер к сестрам подтверждается текстами, приведенными из изданного К. Б. Кепинг памятника, то наличие кроскузенного брака и все дальнейшие сделанные на этом тезисе выводы пока текстами не подтверждены. Может быть, догадка К. Б. Кепинг и верна, но это предположение, а не твердый вывод.

М. В. Крюков также в приложенной к книге К. Б. Кепинг статье пишет: «Можно полагать, что в тангутском обществе уже реально существовали группы родственных семей, связанных по мужской линии, имеющих общее наследственное имя и представляющих определенное общественное, идеологическое и хо-

---

[1] *Кепинг К. Б.* Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. С. 94—108 (Приложение).

зяйственное единство»[1]. Вот это бесспорный вывод. Такие объединения действительно существовали, они и были кланами-мэ, хотя, думается, в эпоху Великого Ся уже происходил их распад. В тангутских законах кланы-мэ как хозяйственные единицы не упоминаются, хотя, возможно, это объясняется и влиянием китайского права. Идеологическое их единство также пока трудно вычленить, разве что по изречению: «Помыслы братьев едины — бить тибетцев и китайцев, нрав их тот же, что и у предков — иметь коней да яков». Но важно, что кланы-мэ фигурируют в кодексе при рассмотрении поступления на государственную службу и продвижения по ней, приняты во внимание законом в системе кандидатства на должности и в наследовании должностей. Тангутские законы, которые как-то регулировали бы внутреннюю жизнь мэ, пока не обнаружены; возможно, их и не было.

Несколько слов о двух конкретных терминах родства. Высказывая предположение о наличии у тангутов кроскузенного брака, К. Б. Кепинг указывает на термин родства *жвей мо*, где первый знак означает «кроскузен/кроскузина», а все сочетание «по всей вероятности, означает "мать кроскузенов", она же "мать невесты (жены?)"»[2]. М. В. Крюков отказывается признать за *жвей* обозначение кроскузенов и предлагает считать, что термин означает племянника (сына сестры), если говорит мужчина, и племянника (сына брата), если говорит женщина[3]. Согласно публикуемому тексту, данный термин скорее обозначает племянников (дяди по матери), сыновей его сестры. Термины дядя по отцу (брат отца) и племянники (сыновья братьев дяди по отцу), а также дядя по матери (брат сестры) — племянники (сыновья сестер дяди по матери) — парные. Одновременно это и сыновья дяди по матери, ибо по одному из приведенных изречений: «От кости дяди по матери кузены родятся, в печи для выплавки металла железо родится». Таким образом, *жвей* — это двоюродные братья, сыновья дяди по матери для детей матери (сестры дяди по матери) и племянника (дети сестры) для дяди по матери (брата сестры). В принципе все это «внешняя» родня из чужого клана-мэ. Употреблялся ли этот термин для обозначения не только племянников, но и племянниц, пока сказать трудно, необходимо подкрепить эту версию примерами из текстов, ибо при строгом различении у тангутов терминов родства по полу такое смешение в данный момент вызывает сомнение. Требует доисследования и термин *кай* (по К. Б. Кепинг — «сестра Эж, патрилинейная и матрилинейная параллельная племянница»[4]. Судя по «Мо-

---

[1] *Кепинг К. Б.* Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. С. 147.

[2] Там же. С. 115.

[3] Там же. С. 143.

[4] Там же. С. 137.

рю значений, установленных святыми», где термин кай употреблен в паре с термином родства, значащим «тетка по отцу» (сестра отца), это сестры, вышедшие замуж, именно родные замужние сестры эго. Возможно, этот термин обозначал замужнюю сестру как для ее родных братьев, так и для сестер. Примеры из «Вновь собранных записей...» в этом отношении весьма характерны, особенно два последних, где братья и сестры хотели вторично выдать замуж свою сестру кай»[1].

Автор данного исследования отчетливо сознает всю сложность реконструкции не только системы родства тангутов, до чего еще очень далеко, но и отдельных терминов, как это мы видим из приведенного выше материала. Наличие кроскузенных браков находится в известном противоречии с законом, запрещающим вступать в брак с однофамильцами. Кроскузенные браки допускались в древнем Китае, однако уже в первые века н. э. они не одобрялись; при Сун, т. е. во время существования государства Си Ся, они, если имели место, аннулировались, а при династии Мин были запрещены законом[2]. Наличие же кроскузенных браков в древнем Китае тоже выводят из терминов родства[3]. Столь нечеткие термины могли использоваться и при переводах с китайского, в каждом конкретном случае нужно точно знать контекст.

Сяо

Можно, не рискуя впасть в преувеличение, сказать, что одной из ведущих идей исследуемого памятника является идея *сяо* и пропаганда этой нормы поведения во взаимоотношениях людей. В «Сяо цзине» сказано: «Сыновняя почтительность есть корень добродетели. Получая тело, волосы, кожу от отца и матери, не смей их повреждать — в этом начало сыновней почтительности. Утвердить себя в осуществлении Пути и прославить свое имя в последующих поколениях, чтобы показать миру, каковы твои отец и мать, — завершение сыновней почтительности»[4]. Конфуций учил: «Молодой человек должен быть послушным сыном в родительском доме и прилежным работником вне дома, взы-

---

[1] *Кепинг К. Б.* Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. С. 108.

[2] См.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. М., 1987. С. 176.

[3] Там же.

[4] Цит. по: Бяньвэнь о воздаянии за милости [Рукопись из дуньхуанского фонда Института востоковедения]. Ч. 1: Факс. рукописи / Исслед., пер. с кит., коммент. и табл. Л. Н. Меньшикова // Памятники письменности Востока. 34. М., 1972. С. 72.

скательным и внушающим доверие в своих речах, радушным со всеми и любезным с родственниками. Если у него остаются силы после выполнения этих требований, пусть он отдает их учению»[1]. «Редко случается, чтобы люди, твердые в сыновней почтительности и уважении к старшим, затевали смуту. Благородный муж отдает свое внимание основе, когда же основа прочна, появится и правильный путь. Почтительность к родителям и уважение к старшим братьям — вот основа человечности в этой жизни»[2].

То, что составляет содержание сяо, — общечеловеческое, но именно в Китае представление о сяо было наполнено высоким философским смыслом и досконально разработано в течение многих сотен лет. В основе сяо лежит идея о почтении, преданности и служении детей родителям. Дети почитают и слушаются родителей, родители проявляют родительскую любовь к детям, заботятся о них. В семье младшие почитают старших, старшие отвечают младшим любовью и заботой. Учитель сказал: «В обращении с отцом и матерью проявляй мягкость и уступчивость. Когда видишь, что твои желания противны им, все равно проявляй почтительность и не противься их воле. И хотя ты и устал, не смей гневаться на них[3]. Учитель сказал: «Когда отец жив — следуй его стремлениям, когда отец скончался — следуй его поступкам, если в течение трех лет не изменить Пути отца, то [про такого человека] можно сказать, что [он исполнил свой долг] сыновней почтительности»[4].

Со временем принцип сяо был перенесен с семейных отношений между детьми и родителями, младшими и старшими членами семьи и на отношения между государем и подданным. «Живя в семье, чти старших. Находясь на службе, будь предан государю»[5] — учил Конфуций. «Сыновняя почтительность начинается со службы родителям, продолжается в служении государю»[6]. «Мудрый правитель управляет государством так же, как любящий отец управляет своей семьей. Любящий отец терпеливо и беспристрастно воспитывает, обучает, наставляет, добиваясь, чтобы сыновья и внуки стали почтительными и добропорядочными. А когда сыновья и внуки почтительны и добропорядочны, то семья процветает!»[7] «Человек получает повеление от Неба. <...> В доме у него есть отношения родственной близости между отцом и сыном, старшими и младшими братьями, вне

---

[1] *Малявин В. В.* Конфуций. С. 156.
[2] Там же. С. 157.
[3] *Переломов Л. С.* Конфуций. Жизнь, учение, судьба. С. 216.
[4] Там же. С. 215.
[5] *Малявин В. В.* Конфуций. С. 184.
[6] Бяньвэнь о воздаянии за милости. С. 73.
[7] *Ван Чун.* Лунь хэн // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 281.

дома у него есть отношения между государем и подданными, высшими и низшими»[1]. Следует подчеркнуть, что сяо — это взаимоотношения, обоюдные отношения сыновей и отцов (детей и родителей), подданных и государя, отцов (родителей) и детей и государя и подданных.

В издаваемом памятнике мы уже сталкиваемся с государственной доктриной сяо: «Есть три формы сяо: Высшее выражение сяо — это действия государя. Государь в Поднебесной благую силу дэ распространяет, на суше-земле сяо и нормы поведения и ритуала (ли) накапливает. Если сяо и дэ распространились по государству, то это и есть сяо государя. Следующее — это сяо чиновников. Если человек благородно и преданно соблюдает законы и ли, не имеет дурной репутации, не ищет наград от государя, служит почтительно своим родителям, то это и есть сяо чиновника. Если человек сильный и способный направляет свои силы и способности на почитание родителей и служение им, то это и будет проявление сяо со стороны народа государства».

Наиболее полное выражение сяо возможно в семье. «Родители и дети — это семья: Почитание родителей возможно тогда, когда есть родители. Семья [есть тогда, когда члены семьи] с воодушевлением кланяются [родителям и старшим], когда они, отбросив чтение или даже с непрожеванной пищей во рту сразу же, не дожевав, спешно бегут [на родительский зов], а находясь подле родителей, родительским приказаниям и советам внимают». Тангутский закон считал семьей «супругов — мужа и жену», «двух и более членов одной семьи»[2]. «Из всех самых разных дел, связанных с выражением почтительности, дело почитания отца с матерью — высшее». Выражение сяо ребенка в отношении родителей в полном соответствии с китайскими представлениями предполагало:

1. Заслуги [родителей] обширны и велики, они выше, чем Небо, и ответной благодарностью на них является постоянное почитание родителей.

2. Ребенок, получивший свое тело от родителей, своим «костям и плоти вред причинять не может», т. е. физическое здоровье ребенка, забота его о своем здоровье — одно из важных выражений сяо. «Если переправляются через реку, то садятся в лодку и не заставляют родителей беспокоиться о том, переправятся они или нет». Исключением было доблестное поведение в бою и исполнение приказа родителей. Почитая родителей, дети не должны совершать преступлений, особенно же наказуемых смертной казнью.

---

[1] *Бань Гу.* Хань шу // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 148—149.

[2] Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 4. М., 1989. С. 35.

3. Дети служат отцу и матери. «Встают рано утром, до петухов, готовят почтительно одежду и обувь родителям, находятся поблизости от отца с матерью. Когда отец и мать встанут, то одежду и обувь им подают, ласковым голосом справляются об их самочувствии». «Зимой родителям теплую комнату подыскивают». «Вечером, когда отец и мать спать укладываются, спокойного сна и благополучия им желают». Сравни «Ли цзи» глава 12-я, в которой повествование начинается с того, что почтительный сын, как и его жена, «должны встать с пением петухов, быстро умыться, причесаться, одеться и сразу же направиться к родителям. Затаив дыхание, они должны почтительно осведомиться, как те спали, не холодно ли им, удобна ли постель и одежда, не испытывают ли они еще каких-либо неудобств, не больны ли. Затем надо помочь родителям встать, умыться, позаботиться о завтраке для них... и только после этого можно удалиться на время для своих дел»[1].

4. Стараться ничем — ни своими поступками, ни своим здоровьем [болезнью] не огорчать отца и мать.

5. Покидают дом с позволения родителей. «Воротясь домой, с почтением кланяются родителям, смотрят, как они выглядят, и ласково справляются об их здоровье».

6. Дети учатся на распоряжениях и советах отца и матери, их благородных делах, «наперекор родителям не поступают», «недобрых слов не говорят».

7. Если родители долговечны, радуются тому, что это так, но одновременно и печалятся, что они старятся, ибо смерть их близка. Соблюдая сяо, не говорят родителям, что они старые.

8. Дети должны постоянно искать работы, став взрослыми — служить. Не болтаться без дела, «на глазах у родителей не веселиться». «Тот, кто не служит, не достоин имени почитающего родителей».

9. Поскольку, как мы писали выше, в общественном сознании традиционно основной общественной ячейкой признавался клан-мэ, то источник не одобряет отделение детей (женатых сыновей) от родителей. В полном соответствии с такими представлениями закон запрещал сыну против воли родителей отделяться от семьи. От детей могли отделиться родители, это было их право. За выделение без согласия родителей сын осуждался на год каторжных работ. Фактически хранителем имущества семьи был домовладыка — отец, глава семьи. Самоуправное, без разрешения домовладыки пользование имуществом семьи со стороны ее члена было уголовно наказуемо[2].

---

[1] *Васильев Л. С.* Этика и ритуал в трактате «Ли цзи» // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 188.

[2] Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 309—310.

10. Почитающие родителей дети почитают, уважают и не ругают дурными словами всех чужих людей старше себя и старых людей.

11. «Дети, почитающие родителей, на то место, где сидят отец с матерью, не садятся, одежды, которые носят отец с матерью, не надевают и не обсуждают».

12. Когда отец имеет от государя ранг и должность, то если сыну скажут, что он может получить ранг и должность более высокие, чем отец, то «он... вежливо отказывается и не принимает их».

13. «Когда родители заболеют, то почитающие родителей дети печалятся, волосы на голове не причесывают, новых одежд не надевают, пения и плясок не устраивают, вина не пьют, пищи вкусной не едят, безудержной радости или сильного гнева не проявляют, для лечения данной болезни лекарства составляют. Когда родители лекарство пьют, то почтительные к родителям дети из своих рук отцу и матери лекарство подают».

14. «Когда родители умрут, то они [дети] дни поминовения родителей тремя годами [траура] не ограничивают, но и после этого срока обряды почитания родителей исполняют так, как будто родители живы».

Сяо родителей предполагало:

1. Мать бережет ребенка в своей утробе, думает о хорошем, «заботится о том, как ей ходить и сидеть», рожает дитя, не думая о своей жизни, а родившегося ребенка кормит грудью, перепеленывает и купает.

2. Отец «в помыслах своих заботится о них [детях], думает о том, как прокормить их и одеть, заставляет их учиться и приобретать знания, добивается того, чтобы они были не менее достойны и отважны, чем другие дети».

3. Родители учат детей вести дела и отдавать распоряжения и приказы, дочерей учат материнству, умению шить одежды, одеваться подобающим образом. «Сыновей до пятнадцати лет наставляют владеть своим телом, избегать бедствий, причиняемых огнем и водой, не болеть постыдными болезнями. После пятнадцати лет вслушиваться в звон оружия. Девочек до пятнадцати лет наставляют в семьях матери, обучают правилам поведения. В возрасте после пятнадцати лет и старше они войдут в ту семью, в которую их выдали замуж. [Там] они станут шить домашним и близким одежду и обувь, трудиться не покладая рук».

В данном положении, пропагандируемом памятником, есть некоторые отличия от действовавшего права: оно не устанавливало для юноши минимального возраста, позволявшего ему вступать в брак, а брачный возраст для девушек был определен в 13 лет[1]. С 15 лет по тангутскому праву юноши считались военнообязанными[2].

---

[1] Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 298.
[2] Там же. С. 424.

Сяо братьев

1. «Старший брат любит младшего, младший брат почитает старшего».

2. Растут, поддерживая друг друга, как ноги и руки служат друг другу опорой.

3. Относятся к другим, как к брату, — к тому, кто младше по возрасту, относятся с любовью, как к своему младшему брату, к тому, кто старше, относятся с почтением, как к старшему брату.

4. Без нужды не выделяются и не копят отдельно имущество.

5. Младшему должно стараться не получать чин и ранг выше, чем у старшего брата.

6. Жить в согласии. «Если братья живут не в согласии, то рушится корень "пяти постоянств"» [1].

Сяо сестер в принципе не должно было отличаться от сяо братьев, главным было взаимное уважение между сестрами и сестрами и братьями.

Сяо дяди по отцу и племянников

1. Племянники почитают дядю по отцу, он — наиболее почитаемый после родителей.

2. Дядя по отцу должен наставлять племянников, как своих детей.

3. Племянники стараются не иметь должностей и рангов выше тех, которые у дяди по отцу.

Сяо племянников к тетке по матери

1. Племянники почитают тетку по матери. Это почтение — «следующее по значимости после почитания родителей».

Сяо дяди по матери и племянников

1. Норма поведения племянников — почитание дяди по матери. Дядя по матери, поскольку «кость его — источник появления на свет двоюродных братьев по матери», почитается племянниками.

2. Дядя по матери защищает племянников (детей сестры).

Сяо женщины

Сяо женщины имело целый ряд особенностей.

1. Считалось, что женщине принадлежит особая роль в том, чтобы родственники жили в согласии. Женщина должна быть украшена четырьмя добродетелями: добрым поведением, умением говорить, красивой наружностью и трудолюбием.

2. Женщина подчиняется троим: «Находясь в доме матери, женщина подчиняется отцу и братьям, выйдя замуж, она подчиняется мужу, а если муж умрет, то подчиняется сыновьям»[2]. В

---

[1] «Пять постоянств»: справедливость со стороны отца, жалость со стороны матери, любовь старшего брата к младшему, почтение со стороны младшего брата к старшему, почтение детей братьев к своим дядьям.

[2] Ср.: «Ли цзи», гл. 22 (см.: *Васильев Л. С.* Этика и ритуалы в трактате «Ли цзи». С. 192).

«Море значений, установленных святыми» изложен и эталон женской красоты; красивой считалась женщина «не маленького роста», лицо имевшая белое, «губы алые, зубы белые и ровные, волосы черные и блестящие, глаза чистые и веселые».

Сяо невесток

1. Уважают друг друга. «Если невестки друг друга уважают... то и братья живут в согласии, и в доме покой».

2. Сяо невестки в отношении свекра и свекрови равнозначно сяо детей к родителям. «Невестка встает на рассвете, прежде чем петухи запоют, причесывается, одевается, обувается и находится поблизости от свекра и свекрови. Когда те встают, она ожидает их распоряжений, готовит и подает им воду для умывания и полотенце, наблюдает за выражением их лиц, ждет приказаний, подает чай и вино, готовит вкусную пищу».

3. Имущество и запасы семьи по своему усмотрению не использует и в долг не отдает. То, что получит от своих родных отца и братьев, не скрывает.

Сяо зятьев

Зять в соответствии с правилами поведения почитает тестя и тещу, относится к ним, как к дяде по отцу и тетке по матери. Посезонно в соответствии с ритуалом он совершает им поклонения и ожидает приказаний.

Сяо тестя и тещи

От тестя и тещи не требовалось, чтобы они рассматривали зятьев как родных сыновей, ибо считалось, что «даже добрый зять, как бы он ни был усерден в почитании тестя и тещи, с их собственным, пусть дурным, сыном не сравнится».

Сяо мужа и жены

1. Муж и жена — опора друг другу. «Так как мальчик Небо, а девочка Земля, то домашнюю работу выполняют женщины».

2. Муж и жена друг друга уважают. Если они живут в согласии, то становятся хозяевами всей семьи: «Муж и жена, когда здравствуют, то вместе спят на одной подушке, а когда умирают, то хоронят их в одной могиле».

3. Женщина должна стараться родить мужу сыновей. Жена не должна испытывать чувства ревности к мужу за то, что он спит с другими женщинами. К детям мужа от наложниц должна относиться, как к своим. Ревнивая женщина праведной не станет. Напомним, что и по китайскому, и по тангутскому праву ревность жены к мужу была одной из законных причин для развода.

4. Овдовев, женщина должна стараться не выходить вторично замуж. Ее долг — воспитывать детей.

Сяо мужа

1. Муж, выбирая жену, должен судить о девушке по ее уму и поведению, а не по внешности.

2. Муж обязан отдавать распоряжения жене.

Буддизм, который, как мы видели ранее, пронизал всю тангутскую культуру, в принципе, не нашел себе места при изложении составителем (составителями) памятника учения о сяо. С момента проникновения буддизма в Китай была отмечена его контрверсия с сяо. Монах-отшельник, монах, ушедший от мира в монастырь, порывал связи с родителями и государством: его аскеза причиняла вред его телу, и поэтому конфуцианцы обвиняли буддизм в «трех разрушениях» — своего тела, семьи и государства[1].

В ответ буддисты объявили учение Будды наивысшим выражением сяо. Монах заботится о чистоте и возвышенности своих помыслов, он исправляет дурные нравы мирской жизни, «спасает утопающий в бездне мир». И хотя он не блюдет в семье обязанности, налагаемые на него кровными узами, он не нарушает сыновней почтительности. «Приносить жертвы в храме предков есть высшее выражение сыновней почтительности, и в мире ничего нельзя к этому добавить. Но если возжигать благовония перед образом Будды... заботясь о всех живых существах, то подобную широту и величие сыновней почтительности и отцовской любви невеждам и слепцам не понять!»[2]

Таким образом, буддисты выводили сяо за рамки кровнородственных и семейных уз и возводили эту норму поведения на уровень заботы и почитания всех живых существ.

Не соглашаясь с японским исследователем Макита Тайре в том, что «буддийские вероучители Китая апокрифической "Сутрой о силе родственной любви" пытались согласовать буддийскую и конфуцианскую мораль», Л. Н. Меньшиков полагает, что «путь прославления родителей через служение государству вряд ли стал приемлем для буддизма и в более позднее (чем I тыс. н. э. — *Е. К.*) время»[3]. Думается, что проф. Л. Н. Меньшиков был неточен в своей критике проф. Макита Тайрё. Материалы издаваемого и исследуемого нами памятника наглядно показывают правоту японского исследователя, и они, очевидно, отражают и положение в китайском буддизме в XI—XII вв., кстати, полностью поставленном под контроль государства.

Китайский буддист IV в. Сунь Чо полагал , что «Будда — это то же, что и Конфуций. Конфуций исправил пороки, лежавшие на поверхности, учение Будды разъясняет их исток. Вместе они подобны голове и хвосту, учения не расходятся»[4]. Мы видим,

---

[1] Бяньвэнь о воздаянии за милости. С. 74.

[2] *Малявин В. В.* Буддизм и китайская традиция (к проблеме формирования идеологического синкретизма в Китае) // Этика и ритуал в традиционном Китае. М.: Наука, 1988. С. 268, 269.

[3] Бяньвэнь о воздаянии за милости. С. 82.

[4] *Малявин В. В.* Буддизм и китайская традиция. С. 258.

что тангутские идеологи пытались, и небезуспешно, соединить эти учения в одном теле, правда, избегая, как, кстати, и Сунь Чо, утверждения о том, какое учение — голова, а какое — хвост!

ИЗДАВАЕМЫЙ ПАМЯТНИК И ТАНГУТСКАЯ КУЛЬТУРА (НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Из текста памятника и того, что читатель мог прочесть выше в небольшом нашем исследовании, кажется очевидным, что перед нами сочинение, главная задача которого — просвещение. Это, во-первых, сведения об окружающем мире на уровне прежде всего китайских представлений ко времени династии Сун (X—XIII вв.). Сообщаемые сведения сжаты, но достаточно полны, сочинение вполне могло выполнять, и, очевидно, выполняло роль учебника. Это особенно касается первой части «Моря значений, установленных святыми». Во-вторых, другая часть памятника преследовала цель наставления, поучения. В данном случае текст «Моря значений, установленных святыми» прямо смыкается с современной ему нравоучительной литературой, столь обильной в средние века, на ранних стадиях развития литератур. Как пишет Д. С. Лихачев, «литература не носила развлекательного характера, она была школой, а ее отдельные произведения в той или иной мере — поучениями»[1].

Поучения основываются на примерах, на притчах, взятых из достаточно известных сочинений. Притчи историчны и повествуют о вечном. Они, как отмечает Д. С. Лихачев применительно к древнерусской литературе, выдумывались редко и призваны были рассказывать «правду». «Поэтому они традиционны и обычно переходят в русскую литературу из других литератур в составе переводных произведений. Здесь много бродячих сюжетов»[2]. Так, в «Поучениях Владимира Мономаха» (конец XI—начало XII в.) исследователи находят тексты из наставлений отцов церкви (особенно Василия Великого), из пророчеств Исайи, из болгарской и даже англосаксонской литературы[3]. Тангутские притчи, приводимые в поучение в издаваемом памятнике, взяты из китайской литературы, из собственно исторического предания, иллюстративную роль широко выполняют изречения. Перевод сочинения с другого языка, включение его в состав своей литературы, как и переводы сочинений на древнерусский язык, «был одновременно и его приспособлением к системе жанров древней

---

[1] *Лихачев Д. С.* Вечный путь. М., 1987. С. 29.
[2] Там же. С. 16.
[3] *Лихачев Д. С.* Великое наследие. М., 1980. С. 153.

Руси»[1]. Нравоучения, поучения — как раз, пожалуй, основной жанр тангутской литературы, по крайней мере в той ее части, которая чудом дошла до наших дней, таковы, кроме публикуемого памятника, «Вновь собранные драгоценные парные изречения», «Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим», «Лес категорий», «Двенадцать царств», «О достойном поведении» (памятник, еще не изучавшийся). Поучения, содержащие общие нормы исповедуемой нравственности, обращены к народу вообще и к служилому сословию, чиновничеству отдельно, прежде всего как к тому костяку, на котором держится государство, по образному китайскому представлению, «к рукам и ногам» государя. Можно без преувеличения сказать, что конфуцианское учение о сяо — почитании старших и любви старших к младшим, преданном служении учителю, начальнику и в первую очередь государю — это центральная идея той части издаваемого памятника, которая имеет целью не только просвещение, но и поучение.

Как станет ясно читателю из комментария, автором (или авторами) «Моря значений, установленных святыми» при использовании для иллюстрации китайского сюжета или реальной канвы из биографии какого-либо лица из прошлого китайского народа опущены не только источник информации, но и имя героя, и ссылка на время, в которое он жил. Сюжет вводится в текст просто словами «некогда», «в прошлом» и т. п. Сделано это было с определенной целью — включить «чужое» прошлое в «свое». Что касается пропаганды сяо, то, очевидно, были использованы специальные сборники о деяниях наиболее пропагандируемых в Китае носителей этого качества. Издателю памятника не удалось отождествить все сюжеты, особенно касающиеся рабов и поступков женщин. Нам не удалось отыскать первоисточники (естественно, китайские коллеги сделают это успешнее, как уже произошло в случае с «Лэй линь») или какая-то часть этих первоисточников не сохранилась до наших дней. Часть китайских рассказов и на родине существовала в нескольких вариантах. Поскольку сяо детей наиболее легко поддалось сопоставлению, отметим, что тангутские авторы не заостряли внимание на проявлении сяо после смерти кого-либо из родителей (на таких широко популяризируемых в китайской литературе примерах, как отказ на долгие годы употреблять в пищу мясо, рыбу, соленые овощи, селиться подле могилы родителя или родительницы в шалаше и т. п.) или на таких «рутинных» проявлениях сяо, как прикрытие тела матери или отца своим телом, чтобы родительницу или родителя не кусали комары. Нет примеров и оставления службы чиновником в связи с трауром по ком-то из родителей.

---

[1] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1971. С. 66.

В Китае это было достаточно распространенным явлением и конкретных примеров такого проявления сяо сохранилось немало.

Зато охотно тангутский автор (авторы) приводит все рассказы с элементом чуда — чудесные реакции Неба и природы на проявление сяо — зимой вырос бамбук, из-подо льда выпрыгнули рыбы, забил родник вкусной воды, птицы и звери помогли соорудить могильную насыпь, Небо чудесным образом, через появление крови на костях, помогло опознать мертвого родителя и т. п.

Факт использования огромного резервуара полуторатысячелетней китайской литературы в литературе тангутской заслуживает специального литературоведческого исследования в сопоставлении с аналогичными явлениями в литературах японской, корейской, вьетнамской и т. п. Мы упоминали выше, что образованный тангут должен был уметь брать из китайской литературы то, что необходимо, и памятник, издаваемый в данный момент, наглядно свидетельствует о том, что тангуты владели этим мастерством.

Создав в 1036 г. письменность и приступив в 1038 г. к систематическому переводу буддийского канона на родной язык, тангуты заложили мощные предпосылки развития своей словесности. Буддизм поощрял чтение священных текстов и отправление служб на родном языке адептов веры. Перевод требовал наиболее точной передачи текста на языке оригинала (в данном случае китайского, тибетского, санскрита). Это не могло не содействовать развитию словесности, уже — литературы, хотя в среде книжности буддийский канон и сопутствующая ему комментаторская литература преобладали. Буддизм пробудил к жизни науку о родном языке. Нам представляется, что имевшая в тангутском государстве место словарная работа, разработка фонетики родного языка и, вероятно, выработка строго нормативного произношения и стандартных форм письма вызвали к жизни в XI—XII вв. ту тангутскую филологию, о которой, даже на основании сохранившихся памятников, мы можем твердо сказать, что это был феномен в развитии мировой филологической науки тех лет, еще не получивший должной оценки у современной лингвистики.

Тангутская культура была в одно и то же время неотъемлемой частью культуры Восточной Азии (у́же — Дальнего Востока) и находилась в тесном контакте с культурой тибетской (и потому — в соприкосновении с культурой индийской), соприкасалась с культурой центральноазиатской, реально тюркско-раннемонгольской. О последних контактах мы знаем ничтожно мало.

По сравнению с культурой Китая и даже с культурой тибетской, тангутская культура была молодой. Всякому, кто читал в оригинале или в переводах тексты тангутской письменности, не переведенные с китайского или тибетского языков, бросается в глаза вечное сравнение тангутами своей культуры с культурой

китайской и тибетской, постоянное самоутверждение, как бы связанное с предчувствием непрочности своего бытия и своей гибели. Из некоторых изречений ясно, что китайцы и тибетцы являлись теми этносами, с которыми тангуты — *ми*, *минья*, *лха* — соперничали и в догосударственный период. Тангутская государственность не была случайной, общество созрело до уровня государственности, но это была государственность вторичная, которая могла быть, а могла и не быть. В идеале все этносы носят в себе потенцию государственности, большинство таковых к началу истекающего тысячелетия, к рубежу X—XI вв. созрели до нее, но не все смогли (и даже, возможно, должны были) ее реализовать. Не возникни тибетская держава в VII в., не будь почти трехвекового соперничества Тибета и Тан, тангутские племена не оказались бы севернее места своего первоначального обитания, принеся с собой местные потенции государственности (Чоу Чи, Дэнчжи, дансянские Тоба, контакты с Тугухунь) в регион ее более высокого развития (Ордос, окраины Танского Китая) и включившись в государственную систему Тан. Смутное время периода Пяти династий в X в. позволило тангутам реализовать потенции своей государственности и той, что была усвоена от Тан, в своем государстве через свою правящую династию, которая собрала вокруг себя цянский этнос, сформировавшийся вскоре в ся-тангутский, и сумела подчинить своей власти проживавших в близлежащих районах китайцев, тибетцев, уйгуров. На западной окраине Сунского Китая возникло полиэтническое государство при господстве тангутского этноса. Пережив столетний период войн с Китаем, наблюдая победное правление некитайских этносов в северных районах Китая и по соседству (кидани, потом чжурчжэни), тангуты уверовали в свою силу и свое право на независимое государственное существование. Китай, прижатый с севера Цзинь, утративший общую границу с Си Ся, не казался уже столь грозным. Мы, собственно, не знаем, как тангуты относились к киданям, может быть и не столь почтительно:

Тангуты смело и бодро идут вперед,
Кидане ступают медленным шагом,
Тибетцы большей частью чтят будд и монахов,
Китайцы же все любят светскую литературу.

К чжурчжэням — может быть, почтительнее, как к победителям китайцев, но все-таки это были «варвары». Тангуты не были равны с ними, особенно первоначально, по силе, но были равны по своему «варварскому» состоянию, «и» в системе «хуа — и», «китайцы — иноплеменники». Позже, возможно, тангуты не полагали себя более слабыми и менее уважаемыми, чем чжурчжэни, об этом можно судить по тому, что сохранились сведения, что чжурчжэньский, циньский двор ценил Ся-тангутский за развитие и утверждение своего собственного языка и культуры.

Оглядывая окружающий мир, тангутский поэт в «Большой оде» утверждал, что

Тангуты и китайцы удачу поделили,
И солнцу это очевидно.

Сознавая молодость своей культуры, ее силу, которая для нас ныне не очевидна:

Обряды тангутов
Широко распространились по земле,
Их учение неоценимо! —

тангутский поэт неоправданно кичился этой молодостью своего государства и своей культуры. Сравнивая свое государство с Китаем, он пишет:

Но раньше родившийся раньше состарится,
Раньше в прах обратится.
Выросший позже, позже расцветший,
Останется молодым и сильным!

На глазах Поднебесной сунский Китай был уничтожен варварами-чжурчжэнями, и именно это подогревало неуместную самонадеянность тангутского, очевидно придворного, поэта:

Тангуты — в середине расцвета,
Это [они] — центр Неба!

Ссылаясь на расцвет своей культуры, тангуты явно воспринимали ее как ценность, обладающую побудительной силой для развития их общества и государства. Будучи в основном в сфере культуры Дальнего Востока и, очевидно, сознавая это, они пытались отстоять в ней свое собственное место.

Существование региональных культур невозможно отрицать. Для региональной культуры характерно наличие в прошлом или настоящем страны с глубокой культурной традицией и мощным культурным влиянием (например, Древняя Греция и Рим для европейских культур, арабская культура для культур исламского региона и т. д.). Для дальневосточного культурного региона, шире — региона Восточной Азии такой страной являлся Китай. Конфуцианство, китайский буддизм, мощная традиция письменной культуры, из которой тангуты широко заимствовали образцы для поучений и нравственного воспитания людей в духе, характерном для той эпохи, — это далеко не все, что оказывало воздействие на культуру Ся. Кроме этого, были еще военная доктрина и изучение способов ведения войны, рецепция права, заимствованные структура и аппарат управления и т. п.

Для региональной культуры важна проблема общего и особенного. В рамках культуры региональной между культурами данного региона больше общего, чем между данной региональ-

ной культурой и культурами других регионов. Но не менее важно и особенное, самобытное, что отличало и отличает культуры данного региона друг от друга, например японскую, корейскую, вьетнамскую, тангутскую от китайской и все таковые друг от друга. Важнейшими особенностями были язык, бытовая культура и все, что с ними связано. Но были отличия и в иных сферах. Например, по нашему мнению, даже судя по издаваемому памятнику, в культуре и идеологии Великого Ся произошло такое слияние, такой сплав буддийских и конфуцианских идей, какого не было в Китае, несмотря на наличие неоконфуцианства. Вместе с тем для всех культур дальневосточного региона было (и есть) характерно отсутствие религиозной доминанты и распространение, кажется, также сформировавшегося в эпоху Сун и позднее комплекса «сань цзяо» — «трех учений, религий», в котором у некитайцев даосизм мог дополняться местной религией и верованиями, как, например, синто у японцев. Общим было наличие социально стратифицированных культур (культуры чиновника, культуры монаха — здесь большее единство, культуры воина — единство значительно меньшее и т. д.). Наибольшее различие, очевидно, наблюдалось в культуре крестьян, шире — простонародья, быт и культура тангутов-скотоводов, кажется, наиболее яркий тому пример. Не следует упускать из виду и то, что различие имелось и даже подчеркивалось на уровне людей образованных. Средневековый «национализм» в этом смысле мало отличался от современного, и мы наблюдаем те же явления, когда образование, приобщение к передовому уровню культуры современности порождает не только углубленный, но и гипертрофированный интерес к своей культуре, стремление к самоутверждению в сфере культуры и сепаратизму в политике.

Понимаемая широко культура — это образ жизни и образ мышления общества в данный момент, универсальная форма деятельности человека, включающая культуру духовную, материальную, поведенческую и т. п. Культура всегда взаимодействие традиционного и приобретаемого вновь.

Региональная культура чаще всего обнаруживает географическое единство, но необязательно полное. Культура имеет свои пространственные и временные характеристики, зоны «сгущения» (истинно такая-то культура) и более разреженные зоны, а также зоны контактов. Для региональной культуры характерен аксиоматический подход к культуре: признание неких непреходящих ценностей, общих для культур региона (христианских для европейских культур, ислама для ближневосточных, конфуцианства, буддизма для дальневосточных и т. п.).

В истории формирования региональной культуры важно выделить пути влияния. Таковыми могут быть завоевание, переселение носителей культуры-доминанты, поездки в центр, в стра-

ну культуры-доминанты (японцев, корейцев, вьетнамцев в Китай, наличие в Китае, например при Тан, специальных школ для иностранцев). Иногда важно значение культуры посредника. Для Дальнего Востока такова роль Кореи в культурных контактах Китая и Японии.

Для культур Дальнего Востока важнейшими объединяющими началами явились:

а) наличие общей письменности или письменностей, созданных под влиянием (по образцу) китайской, каковой была письменность тангутская;

б) отсутствие религиозной доминанты и религиозной нетерпимости;

в) появление комплекса *сань цзяо* и общность права;

г) как итог вышеназванного, значительная общность культуры духовной, создание типологически близких литератур, философских учений. Различие в обрядности, сохранение своего прежде всего на самом низу, в гуще народа, и на самом верху, при дворе и в быту, жизни династии.

В культуре материальной общность выражалась прежде всего в общности архитектуры (примером могут служить сохранившиеся пагоды времени Великого Ся в г. Иньчуань, бывшей столице Ся, и в окрестностях этого города, у подошвы гор Хэланьшань), и не только культовых, но и административных комплексов. Происходил постоянный диалог культур, автор словаря «Перл в руке, отвечающий запросам времени», словаря тангутско-китайского и китайско-тангутского, настаивал на том, что образованные люди Ся должны знать китайский язык и труды «китайских мудрецов», а образованные люди Китая — тангутский язык и труды тангутских авторов. Протекал процесс преобразования и поглощения культур малых этносов при усвоении их отдельных элементов более сильными культурами (возможно, таковым было воздействие тангутской культуры на уйгурское население Ся?).

Итак, строго говоря, культура Великого Ся (думается, что это явление более широкое, чем собственно тангутская культура) была частью региональной культуры Дальнего Востока. В этом смысле она может быть и должна быть сопоставляема с культурами Кореи, Японии, Вьетнама. От вышеназванных она отличается тем, что процесс ее формирования прошел в сжатые сроки и оказалась она недолговечной.

Тангутская культура имела еще одну особенность. Она была пограничной, как в данном аспекте культуры корейская или вьетнамская. Корейская пограничная культура передавала континентальную (китайскую) и свою собственную культуры Японии. Японская культура была окраинной, пограничной без контакта, если не считать ее влияния на культуры рюкюсцев и айну.

Вьетнамская культура несла китайское в культуры народов Юго-Восточной Азии, сама подвергаясь их влиянию и будучи в широком смысле слова, как и Тибет, контактной зоной между южноазиатским культурным регионом (с центральными индийскими культурами) и культурами дальневосточными. Культура Ся и тангутская культура передали элементы культуры дальневосточной, и уже китайской, Тибету и Монголии после гибели тангутского государства, несмотря на широкие самостоятельные контакты и культуры тибетской, и культуры монгольской с культурой китайской. Эти последние стали культурами «барьерными». Известно, что Монголия и Тибет явились как бы естественной природной преградой распространению конфуцианства. Хотя найдены монгольский перевод «Сяо цзина» и среди дуньхуанских рукописей есть фрагменты переводов текстов китайских классических книг на тибетский язык, конфуцианство, по причинам прежде всего социальным, не смогло внедриться ни в Тибете, ни в Монголии. Тангуты же приняли его как «свое» учение и вслед за киданями в 1146 г. пожаловали Конфуцию посмертный титул императора Вэнь-сюань, и во всех административных центрах страны были сооружены храмы для совершения поклонений Конфуцию. Трипод культуры тангутского государства прочно стоял на собственной духовной традиции, буддизме и конфуцианстве, как и культуры Кореи, Японии, при том, что это своеобразное, не уподобляемое абсолютно китайскому *сань цзяо* («три учения») включало наряду с даосизмом, кстати, известным и в Великом Ся, и местные верования, например синто в Японии. На территории Великого Ся даосами, возможно, были китайцы и некоторые представители тангутской знати[1]. В Великом Ся даосизм, видимо, не стал религией господствующей тангутской народности, как и в Корее, где, несмотря на увлечение даосизмом в определенные периоды учеными и представителями знати, он «мало проложил себе путь как религия»[2].

Мы мало знаем о добуддийских верованиях тангутов бонско-шаманского толка. Древние тангуты (дансяны) поклонялись Небу и небожителям, приносили им жертвы, у них имелись шаманы, именовавшиеся *сы* в китайской транскрипции. Небожителями (кит. *тяньжэнь*) являлись предки, таковые имелись, конечно, не только у правящего дома Нгвеми (Вэймин, Тоба), но и у других кланов-мэ, вроде клана-мэ Сими, брачного партнера клана Нгвеми в XII в., а может быть, и ранее — клана Лян, из которого в XI в. были императрицы. Но мы не имеем генеалогий и не знаем клановых божеств древней религии тангутов. Часть из них, бесспорно, были зооморфными, как предки правящего кла-

---

[1] См.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. С. 295.
[2] *Joe W. J.* Traditional Korea. A cultural History. Seoul, 1972. P. 112.

на Нгвеми, отдельные представители которых имели облик собаки или коня, о чем говорилось ранее. Объектами поклонения были горы и камни. Сведения об этом есть и в публикуемом источнике. Известно, что буддизм достаточно гибко включал в себя местные культы, что должно было иметь место и у тангутов, — в свое время мы писали об одном обряде древней религии тангутов, вошедшем в буддийский ритуал[1], этот процесс прослежен А. Н. Мещеряковым у японцев, например, когда в VIII в. синтоистское божество Хатиман стало защитником буддизма[2]. Корейская поэзия на родном языке — *хянга* «постепенно начинала играть все большую роль в буддийском церемониале, вытесняя непонятные слушателям санскритские и китайские стихи»[3]. Возможно, что исследование памятника тангутской буддийской поэзии «Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям» («относящихся к трем правлениям», возможно, кит. *сань* ч4ао)[4] также позволит установить связь традиционной тангутской поэзии, закрепленной в одах (?), с поэзией буддийской и способами перевода стихов в буддийском каноне.

В китайской философии при Сун и после Сун происходил процесс взаимовлияния в рамках сань цзяо — *сань цзяо хэ и*, «соединение единого в трех учениях»[5]. Широкоизвестный феномен такого сближения — появление неоконфуцианства. На примере издаваемого памятника мы видим, что буддийские и конфуцианские идеи также уживаются друг с другом, но происходило ли нечто подобное на высоком «философском» уровне, мы сказать не можем, ибо тангутской философии, если таковая имелась, пока не знаем.

Буддизм воспринимался тангутами, во всяком случае правящей династией в XII в., как охранитель государства. В Корее, в государстве Корё, объявлялось, что успехи государства «зависят от помощи и защиты Будды»[6]. В Японии «на уровне официального летописания буддизм... был осмыслен в первую очередь как покровитель и охранитель государства»[7]. Для тангутского государства Великое Ся эта тема не разработана даже на имеющихся

---

1 *Кычанов Е. И.* Об одном обряде религии бон, сохранившемся в буддийских ритуалах тангутов // Советская этнография. 1959. № 1. С. 86—90.

2 *Мещеряков А. Н.* Древняя Япония. Буддизм и синтоизм. М., 1987. С. 71—72.

3 *Никитина М. И., Троцевич А. Ф.* Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., 1969. С. 13.

4 См.: Тангутские рукописи и ксилографы / Сост. З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов. М., 1963. С. 54—55.

5 *Жэн Цзи-юй.* Фо цзяо юй жу цзяо (Буддизм и конфуцианство) // Фо цзяо юй чжунго вэньхуа (Буддизм и китайская культура). Пекин, 1988. С. 15.

6 *Joe W. J.* Traditional Korea. P. 187.

7 *Мещеряков А. Н.* Древняя Япония. С. 67.

источниках. Но мы хотели бы подчеркнуть в данном случае сходство идеологическое, идеологии как части культуры.

Завершая эти общие суждения в связи с изданием конкретного памятника тангутской письменности, мы хотели бы предложить читателю наш общий вывод о том, что культура тангутского государства, такая, какой она сформировалась в XII в., была культурой дальневосточной, а не центральноазиатской, хотя и с элементами культур Центральной Азии, прежде всего культуры тибетской. В тангутской культуре имелось столько очевидного «чужого», что возникал и возникает вопрос о ее самобытности, например на материале иконографии[1]. Не будем говорить о случайной репрезентативности тангутского материала. О кратковременности бытования тангутской культуры. Но обратим еще раз внимание на то, что она была частью целого — дальневосточной культуры, представляя такую же ее составную, как и культуры Кореи, Японии, Вьетнама, дошедшие до наших дней. Составные части этих культур в неменьшей степени китайские, однако мы не отказываем этим культурам в самобытности. У нас нет оснований как гиперболизировать самобытность культуры тангутского государства Великое Ся, так и отказывать этой культуре хотя бы в известной самобытности. Говорят, всякая аналогия хромает. Но представим себе, что Русь была бы уничтожена татаро-монгольским нашествием и мы занимались бы реконструкцией ее культуры. Думается, сходство было бы велико.

---

[1] *Samosyuk K. F.* The Art of the Tangut Empire. A Historical and Stylistic Interpretation // Lost Empire of the Silk Road. Electa. Milano, 1993. P. 79.

ПЕРЕВОД

л. 1 (инв. № 143, л. 1б)

Формы, возникнув в давние времена,
Хотя и отличны одна от другой,
В сути своей одинаковы[1].
В соответствии со своим внешним обликом
Они стали отличаться наименованиями[2].
В [этом] мире из имеющих формы
И обладающих наружностью
Многие способны и высокочтимы.
[Хотя] в этих границах-пределах
Как обладающие знанием,
Так и не имеющие знаний укрываются.
Высшие и чистые[3], утвердившиеся в добродетели,
Все получают выгоды
От ношения шапок чиновников[4].
У низших и грязных[5],
Но полагающихся на сыновнюю почтительность,
Заслуги обширны.
Сила Ян[6], вниз устремляясь,
Ярким солнечным светом освещает,
По своей природе
Холодному противостоит.
Испарения Инь[7], вверх устремляясь,
Полные теплом возносятся.
Времена года, все четыре сезона,
Разные богатства, дарованные Небом,
Являют.
Смены поколений кровных родственников
Рождение, рост и старение
Наглядно поясняют.
У всех живых тварей
Из-за давних причин[8]
Счастье бывает низкое и высокое,
Из-за кармы[9] у многих категорий живых существ
Благополучие неодинаково.
Среди людей счастливые и несчастливые,
Знатные и презираемые[10] имеются,
Девять категорий поступков[11]
Качества людей, [как реки], берегами
Разделяют.
Если мудрое слово
И глупый гнев столкнутся,
Вспыхнет ссора,
Поэтому, когда священномудрые и человеколюбивые[12]
Поддерживаются государем,
В государстве устанавливаются нормы поведения
И хранится преданность.
Монахи законам Будды
Всех непосвященных обучают, л. 2 (инв. № 143, л. 2а)
Княжеские законы в стране введены,
Дела народа по ним решаются.

Драгоценности и разного рода вещи
По своему назначению употребляются.
Иметь много утвари
И ходить на охоту
[Все] постоянно стремятся.
Обширное число наименований всех дел
Записывается письменами,
Множество понятий,
Связанных с государственными делами,
Разъясняется с помощью письменных знаков.
Законы Будды, [его] сутры[13],
Разошедшиеся по всему миру, —
[Залог] добродетельного поведения и следования этикету,
Княжеский ритуал находит выражение
В сочинении од и изящных изречений.
Отобрав многочисленные книги,
Приобретают сведения
Об искусстве изящно выражаться.
Вникнув в суть написанного [в книгах],
Должные суждения выносят.
Под Небом все вещи равно
В сфере пустоты находятся[14],
На Земле имеющие наименования формы,
Подобно морю, обширны.
Чиновники и обладающие знаниями люди,
Одни достаточно, другие нет,
Владеют искусством выражать свои мысли,
Поэтому если смысл стихотворной строфы
Или какой-то части [в нашем] сочинении неточен,
То пусть его после нас
Знающие исправят.

л. 3 (инв. № 143, л. 2б)

[Мы] составили [эту книгу] из пяти разделов и поделили на пятнадцать цзюаней. В [книге] разъясняется смысл 142 разных [явлений и понятий]:

Глава первая. Небо, Солнце, Луна. Звезды. Девять звезд[15]. Двенадцать созвездий[16]. Двадцать восемь звезд[17]. Двадцать восемь созвездий[18].

Глава вторая. Млечный путь. Облака. Туман. Дождь. Гром. Молния. Огонь. Источники света. Град. Радуга. Ветер. Иней. Роса. Снег.

Глава третья. Первый весенний месяц. Второй месяц. Третий месяц. Четвертый месяц. Пятый месяц. Шестой месяц. Седьмой месяц. Восьмой месяц.

л. 4 (инв. № 143, л. 3а)

Девятый месяц. Десятый месяц. Одиннадцатый месяц. Зимний месяц — последний месяц года. Дополнительный месяц. Центр.

Глава четвертая. Земля. Горы.

Глава пятая. Деревья. Травы. Овощи. Цветы.

Глава шестая. Камни. Вода. Лодки. Мосты. Дороги. Льды. Солончаки. Соленые озера Цзе и У[19]. Пахотные земли. Драгоценные посевы. Навоз для удобрения полей, зола и пыль. Сельскохозяйственные орудия.

Глава седьмая. Драгоценные злаки. Светлый жемчуг. Драгоценные камни. Золото. Серебро. Шелковые ткани. Окрашенные ткани. Шерстяные ткани.

л. 5. (инв. № 143, л. 3б)

Белый войлок. Холсты.

Глава восьмая. Парадное платье вдовствующей императрицы и императора. Парадное платье императрицы. Парадное платье наследника престола. Парадные платья наложниц. Парадные платья чиновников. Исподнее платье. Рабочая одежда. Простое платье. Чай. Вино. Пища.

Глава девятая. Верблюды. Лошади. Коровы. Овцы. Разные домашние животные. Собаки. Кошки. Свиньи. Дикие животные. Птицы, живущие на воде. Куры.

Глава десятая. Вдовствующая императрица мать. Император. Сыновняя почтительность государя. Императрица. Вдовствующая императрица.

л. 6 (инв. № 143, л. 4а)

Сыновья императора. Дочери императора. Родня императора. Почтение к государевым чиновникам. Искренность государевых чиновников. Почтение к старым людям, служившим государю. Правила сыновней почтительности чиновников.

Глава одиннадцатая. Законы Будды. Буддийские храмы. Имущество сангхи[20]. Монахи. Жилища монахов. Княжеские законы. Все управления. Ведение и решение дел. Награждения за заслуги. Командование войсками. О ведении сражений. Боевое оружие.

Глава двенадцатая. Дворцы. Женские покои. Жилища. Посуда для еды. Чайная посуда. Посуда для вина. Кисти для письма и бумага. Письма. Извещения. Разные вещи и утварь. Инструменты. Меры веса и объема.

л. 7 (инв. № 143, л. 4б)

Конская сбруя. Музыкальные инструменты.

Глава тринадцатая. Установления о людях. Священномудрые. Человеколюбивые. Мудрые. Благородные мужи. [Простые?] люди. Чистые люди. Простой человек. Глупые люди. Рабы.

Глава четырнадцатая. Родители воспитывают и любят детей. О сыновней любви и сыновней почтительности детей. Благие знамения, свидетельствовавшие об исполнении долга сыновней любви и почтительности. Старшие и младшие братья. Дядья по отцу и племянники. Дядья по матери и племянники.

Сестры. Тетки по отцу и племянники. Невестки. Женская родня. Правила поведения, предписываемые невесткам. Правила поведения, предписываемые зятьям.

л. 8 (инв. № 143, л. 5а)

Пятнадцатый раздел[21]. Бракосочетания. Красивый жених. Некрасивый жених. [Их] жизнь в браке [?]. Мужчина и женщина. Мудрая женщина. Злая жена. Некрасивая жена. [Их] жизнь в браке [?]. Красивая женщина. Кормящая грудью мать. Сыновья племянников по материнской линии. Дочери старших сестер. Рабы и прислуга. Родственники и друзья. Бедность и богатство.

МОРЕ ЗНАЧЕНИЙ, УСТАНОВЛЕННЫХ СВЯТЫМИ. ГЛАВА ПЕРВАЯ

Небо, Солнце. Луна. Звезды. Девять звезд. Двенадцать созвездий. Двадцать восемь звезд. Двадцать восемь созвездий.

л. 9 (инв. № 143, л. 5б)

Суть понятий и выражений, [связанных] с Небом

Западное облако[22]
Источник происхождения, ставший корнем[23].

Широта Неба
То, что среди миров обширное и великое.

Небом самый почитаемый
В пределах всех миров все победивший[24].

Обитель тверди Небесной
Все разнообразие вещей и явлений во внутренних пределах[25].

Белая небесная высь
Разного рода ценностей источник.

Верховный бык
Десяти тысяч вещей надежное укрытие и опора.

Шапка, все укрывающая
Самое совершенное укрытие.

Выше всего прочно утвердившееся
Прекрасный простор, все множество [вещей и явлений] вмещающий.

Далекое окаймляющее
Насколько это возможно, видимый с четырех сторон горизонт.

Свет с высоты
Наверху высоко излучаемый свет.

Твердь одной природы
Верховная чистота, Небом став, постоянно и твердо установлена, [это то,] что не поддается разрушению, обладает подлинным качеством.

Небесная сила Ян оплодотворяет

Солнце, яркие звезды, все звезды, исчисляемые среди созвездий, эманацию силы Ян вниз испускает, и она, с эманацией силы Инь соединяясь, всем многообразием вещей становится.

Среди миров является великим

В пределах миров в перечне Небо, Земля, государев этикет и государевы [богатства], Небо является наипервейшим.

На востоке восходят, на западе заходят

Двигаясь по кругу, солнце, луна, звезды на западе заходят.

Путь Неба — расцвет и увядание

Весной и летом все расцветает. Осенью и зимой вызревает и увядает.

Путь Неба — постоянный труд

От рождения и до завершения пути в постоянном круговороте сыновья рождаются, становятся взрослыми и умирают — и так без устали.

Деятельность Неба приносит плоды

Четыре времени года, сменяя друг друга, все сущее сами производят.

[Оно], тайное ведая, поступает справедливо

л. 10 (инв. № 143, л. 6а)

Небо безмолвно. Не издавая указов, оно устанавливает сроки жизни.

На Небе являются знамения

Известно, что появление благоприятных и неблагоприятных знамений есть свидетельство соотнесенности деятельности государя с нормами этикета и принципами морали.

[Оно] в соответствии с благой силой дэ данного лица поступает.

Побуждает поступать так, что в соответствии с достоинствами [данного лица] устанавливает его возможности быть знатным или притесняемым, бедным или богатым, иметь большую семью или маленькую, жить в благополучии или в неблагополучии.

Указывает на доброе и дурное

Небо, если человек дурные поступки совершает, то беды и несчастья на него насылает, а если [человек] добрые поступки совершает, то богатством и благополучием [его] вознаграждает.

[Оно] — всех миров богатство

Милосердное Небо заставляет вовремя дуть ветры и проливаться дожди.

Действия Неба оценить трудно

В слуховое окно Небо разглядывая, тела Неба не разглядишь. Обыкновенному человеку поступки Неба оценить невозможно.

Постоянно поступает с сердцем, преисполненным добродетели Милосердное Небо справедливыми делами низко павшим оказывает добро, заслуженных вознаграждает.

[Оно], не считаясь, жалует за заслуги

Милосердием своим Небо живым существам помогает, никакими заслугами не пренебрегая, драгоценную карму побуждает приобретать.

Суть понятий, связанных с Солнцем

[Солнце] — источник

Исток рождения всего сущего.

Солнце согревает

Восходит на рассвете и государство теплом живительным согревает.

Солнце светит

Весь день в большом количестве испускает свет.

[Это] Великое Ян

Будучи в сущности своей горячим, низкое разогревает.

л. 11 (инв. № 143, л. 6б)

[Оно] всю жизнь пасет скот

Лхэы-лвон, находясь под солнцем, всю жизнь свою пас скот.

Раньше всего его появление на востоке видно

У истока своего на востоке появляется, тепло и свет принося, государство тщательно осматривает.

Солнечный свет всем пользу приносит

Все освещает и всего достигает, народ [от солнца] самую разную и всевозможную пользу получает.

Пользу приносит в соответствии с временем года

Обладая по своей природе теплом и светом, весной и летом все ценное побуждает рождаться и вырастать.

Солнцу ворон помогает

[Солнце?], сила Ян, ворон — трое помогают, солнцу помогают тепло давать[26].

В полдень светит наиболее ярко

Солнечный свет, всюду достигая, всем пользу приносит.

[Это] — великий свет

Говорят, что среди источников света, имеющихся в трех мирах[27], свет солнца самый победоносный.

[Это] — вечный свет

Имея в Небе опору, вечно освещает Поднебесную.

[Хотя] иногда случаются солнечные затмения

Солнечные затмения[28] — проявление этикета того пути, которому следует Небо. Если в действиях государя проявление благой силы дэ соответствует [пути Неба], то для солнечного света не возникает препятствий.

[Солнце] всем без различия пользу приносит

Солнечный свет, до всего достигая, чистое и грязное не различает. Государь, отмечая в государстве имеющих заслуги, о близких и дальних не говорит.

[Оно] народ и любит, и устрашает

Как зимой солнечное тепло любят, так если государь благой силой дэ обладает, то и весь народ защищен. Как летом жара солнечных лучей страшатся, то так точно и государевы законы строги.

Нежные травы тянутся к солнцу

Как нежные лики этих трав поворачиваются к солнцу, так, подобно этому, мудрые чиновники с сыновней почтительностью [постоянно] обращены лицом к государю.

Солнечный свет порождает изобилие

Если, всюду проникая, солнечные лучи изобилие умножают, то [так же] и государевы священномудрые дети рождаются.

Цвет солнечных лучей

Если солнце пятицветные лучи[29] испускает, то говорят, что это есть явленное Небом знамение богатства и мощи государства, проистекающее из добродетельных поступков государя...

л. 12 (инв. № 684, л. 21б)

...находится

В седьмом месяце если в полдень роса сохранилась и перепелки поют, то народ будет радостен и спокоен, а государство станет процветающим.

[В седьмом месяце] мудрая сангха[30] собирается на моления

Пятнадцатый день седьмого месяца — день бхикшу Мулянь[31]. Это тот день, когда, воздавая за заслуги деревьям, у расставленных у священного камня Нгиу[32] сосудов с жертвоприношениями собирается собрание мудрой святой сангхи.

В государстве совершаются церемонии

Государь, чиновники и народ, ведомые сыновней любовью к своим отцам и матерям, установив сосуды у священного камня Нгиу, говорят о своем раскаянии и исповедуются[33].

Суть понятий и выражений, связанных с восьмым месяцем

[Восьмой месяц] — средний месяц осени

Те, кто держит птиц, в государстве для забав собираются. Ставят силки, подкарауливают птиц. В тех местах, где с луками и стрелами охотятся на диких животных, выпадают росы.

Солнце движется, птицы меняют гнездовья

В солнечном восьмом месяце пернатые добираются до своих старых заброшенных жилищ и попарно в нынешних жилищах находятся.

[Люди] своевременно огуливают скот

В восьмом месяце матерых баранов и быков в стада запускают, [коровы и овцы] огуливаются, приплод зарождается.

А плоды дерев своевременно созревают

В восьмом месяце вызревают плоды персика, жужуба[34], акации, винограда. Косят спелую коноплю, жарят плоды цхве[35], делают масло.

В государстве люди убирают зерновые

В восьмом месяце в прохладное время люди государства убирают созревшие хлеба, черные [волокнистые растения] та[36] и белые ци[37]. На токах орудия обмолота в дело пускают, в государстве радость, слагаются хвалебные песни.

Приближаются холода, выпадает иней

В восьмом месяце если в прохладное время с приближением холодов поют скворцы, то это значит, что холода приближаются и падет холодная роса.

В середине осени по продолжительности
[день и ночь] равны

л. 13 (инв. № 684, л. 22а)

В середине восьмого месяца день и ночь равными становятся и одинаково прохладными, как и во втором месяце пути солнца, и луны перекрещиваются[38].

Прекращаются грозы, улетают ласточки

После середины осени не слышно раскатов грома, а ласточки возвращаются к южным морям.

Конец месяца — время сбора урожая

Когда наступает конец восьмого месяца, то созревают овощи; появляются спелые дыни — кушанье, приносящее прохладу.

[Люди] зерно духам-хранителям в жертву
приносят

Осенью, с наступлением времени обмолота разных злаков, злаки приносят в жертву духу-хранителю, отцу черноголовых Мбэ.

Суть понятий и выражений, связанных с девятым месяцем

[Девятый месяц] — последний месяц осеннего
сезона

Девятый месяц принадлежит [циклическому знаку] собака[39]. Говорят, что в это время Небесные ваны[40] инспектируют государства. Если государь и народ поступают добродетельно, то снег и иней с выси небесной вреда не причинят, растения будут плодоносить.

Солнце, передвигаясь, свое местоположение
меняет

В девятом месяце, пройдя созвездия Цитра[41] и Свати[42], оно в созвездии Небесные весы[43] находится.

Созревают последние плоды фруктовых деревьев

Плоды каштана, хурмы и сливы созревают.

В холода на цветы иней выпадает

На возвышенных местах травы украшаются, иней к себе приманивают. Девятый день девятого месяца [день предка] Гхва, время народного праздника, приготовления вина и напитков.

Приближается зима — довольство и покой

Приближается время холодов. И суть довольства и покоя для семей в зимнее время заключается в том, что жилища, крепости и города отремонтированы и укреплены, а [люди] на свои тела надевают дополнительно много одежд.

л. 14 (инв. № 684, л. 22б)

Засыхают растения, приостанавливаются
сельхозработы

В конце девятого месяца наблюдают за стихией Инь. Благодаря нарастанию ее мощи растения теряют листья, [сельскохозяйственные работы] сокращаются и приостанавливаются.

[Это] время подрезки деревьев

В девятом месяце побеги у всех деревьев больше не растут, культурные растения подрезают, а обрезки сжигают для получения тепла.

Приближаются холода, прячутся насекомые и черви

В конце девятого месяца падают росы, холода приближаются, насекомые и черви прячутся.

Время прилета и отлета птиц

В конце осени пролетают дикие гуси, улетают к Восточному морю[44], воробьи слетаются к водоемам, становятся...

Плодоносит произрастающее в воде

Рис высажен весной и рос в воде, в девятом месяце его убирают.

Разных плодов обилие

В девятом месяце огороды и сады дали плоды, диких и домашних животных добавилось в изобилии.

В середине месяца собираются добродетельные

В пятнадцатый день девятого месяца собираются мудрые и святые. Появляются монахи школы Чань[45]. Полагаясь на благую силу дэ государя, почитание народом государя, [почитание людьми] родителей и старших, [они] молят Небесных ванов о [благоденствии] государства.

Суть понятий и выражений, связанных с десятым месяцем

[Десятый месяц] — время сбора в стаи белых журавлей

Десятый месяц принадлежит [циклическому знаку] свинья[46], среди пяти первоэлементов принадлежит воде[47]. [Это] время сбора в стаи белых журавлей, вслед за которыми в середине месяца наступают холода.

Давнее время обильных угощений в стране

л. 15 (инв. № 684, л. 28а)

Десятый месяц — время наступления холодов. В государстве устраиваются пиры. Собираются чиновники, делают [друг другу?] подношения. Выводят лошадей, люди государства состязаются в стрельбе из лука и метании камней из пращи.

Определяются признаки четвертого сезона года

Среди звуков он принадлежит звукам, характерным для сезона холодов[48]. Среди чисел соотносится с шестеркой[49]. Среди свойств [человека] соотносится с обладанием знаниями[50], в деловой активности — с обладанием влиянием и властью[51]. Среди обладающего вкусом соотносится с соленым[52]. [В данный сезон] при поклонении духам предков приносят в жертву предкам почки[53]. Из насекомых и гадов [этот сезон] соотносится с черепахой[54].

Солнце, передвигаясь, свое местоположение меняет

Солнце в десятом месяце, пройдя через созвездия Вишакха[55], Анурадха[56] и Естха[57], находится в созвездии Скорпиона[58].

Черный государь северных территорий[59]

Духи севера помогают воде[60]. В зимний сезон производится сбор и взвешивание [налогов][61].

Стихия Инь набирает силу, воды обильны

В десятом месяце промерзает земля, превращается в ледяные комья, в спину дует пронизывающий до костей ветер, не появляется радуга.

Поднимаются черные ветры[62]

В десятом месяце черные ветры воют, напоминая рев оленя. Ветер хлещет травы. Дикие козы в испуге убегают в леса. [Люди] мэ-кланов на территории государства верхом на лошадях преследуют их и стреляют из луков.

Зная о наступлении холодов, [люди] начинают помогать друг другу

Зимой государь, зная о приближении холодов, проявляет сострадание, людям из народа — престарелым и малолетним, бедным и одиноким, сиротам — одежду и пищу раздает.

Выступают в поход сражаться с врагами

Когда в десятом месяце падет с Неба иней и погубит травы, государь, следуя велению Неба, поднимает войска и выступает в поход[63].

Ночи длинные, дни короткие

В десятом месяце благодаря тому, что стихия Инь расцветает[64], ночи становятся длинными, а дни — короткими.

Процветание государства — награда Неба

Благодаря сыновней любви к родителям и старшим (*сяо*), мудрости (*чжи*) и благой силе дэ государя Небо оказывает милости. Без пахоты и посева [дикие] злаки и плоды сами полностью созревают. В десятом месяце их собирают, [круглый?] год люди страны сыты.

Суть понятий и выражений, связанных с одиннадцатым месяцем

л. 16 (инв. № 684, л. 28б)

[Одиннадцатый месяц — это] средний месяц зимы

Одиннадцатый месяц соотносится с [циклическим знаком] «мышь»[65]. Это время больших холодов, [реки] покрываются льдом, [что-либо] поместить на воду и плавать на лодках трудно.

Солнце, передвигаясь, свое местоположение меняет

В одиннадцатом месяце солнце достигает созвездий Мулам[66] и Пурвасадха[67] и находится в созвездии Кентавра[68].

Время опадения листьев в густых лесах

В одиннадцатом месяце густые леса теряют листья. Реки и пруды скованы льдом. Мастеровые люди и путники спокойно проходят [по льду].

Время середины зимы наступает

С середины зимы стихия Инь в конечном итоге уменьшается, а стихия Ян в конечном итоге набирает силу. Благодаря тому, что стихия Ян принадлежит девятке[69], девять на девять дней проходит и холода уменьшаются, а тепло увеличивается.

[В это время] наблюдают за цветом облаков

В середине зимы наблюдают за солнцем и облаками. Если цвет облаков желтый, то будет великое спокойствие, если голубой (зеленый), то в наступающем году нападут гусеницы, если белый — то будут болезни и смерти. Когда же [цвет облаков красный], то будут войны, когда черный — будут наводнения[70].

Суть понятий и выражений, связанных с последним зимним месяцем

[Двенадцатый месяц] — последний месяц зимнего сезона

Последний зимний месяц принадлежит быку[71]. Скопления льда и снега громоздки и тяжелы, как [кучи] земли. Все промерзло на три чи[72].

Солнце, передвигаясь, свое местоположение меняет

В последнем зимнем месяце солнце доходит до созвездий Уттарасадха[73] и Шравана[74] и находится теперь в созвездии Козерога[75].

л. 17 (инв. № 684, л. 29а)

Солнце, луна и звезды вращаются

Солнце проходит круг — год кончается, луна проходит круг — месяц кончается. Звезды проходят круг — год кончается, поскольку солнце, луна, звезды внутри двенадцати созвездий в пределах года движение завершают[76].

[По приметам] узнаем о временах года

В конце последнего зимнего месяца сороки чинят гнезда. Дикие звери и птицы начинают свои любовные призывы и спариваются.

В конце зимы дикие животные спариваются

Когда наступает конец последнего зимнего месяца, то барсы и тигры спариваются и в будущем году в седьмом месяце у них детеныши появятся.

Слышны звуки работ по подготовке сельскохозяйственных орудий. С приближением времени сельскохозяйственных работ ремонтируются сельскохозяйственные орудия.

[В] дни последнего зимнего месяца в конце года

Государство относится к [металлу] золото[77]. В день благой силы дэ[78] государь выезжает на охоту стрелять диких животных. Готовится разнообразная еда, ставят изображения божеств планет[79]. Приносят жертвы небесным духам[80] и совершают моления. Чиновникам и народу раздают лекарства от простуды.

На Новый год изгоняют [нечистую силу]

В ночь на тридцатый день последнего зимнего месяца отводят бесовские лисьи чары[81], провожают старый год, встречают новый.

Суть понятий и выражений, связанных с дополнительным месяцем

[Кроме того], когда времена года, чередуясь, сменяют друг друга, возникает дополнительный месяц

В течение трех лет отсекается [некая] доля времени, выражающаяся в [определенном] количестве дней, которые и становятся дополнительным месяцем[82]. <...>

л. 18 (инв. № 684, л. 29б)

Центр — Желтый государь

Среди звуков середина соотносится с губными, среди пяти первоэлементов — с землей, среди свойств характера — с искренностью, среди видов деятельности — с мышлением, среди имеющих вкус — с пресным[83]. При поклонении духам предков с молитвой приносят в жертву желудок[84]. В каждом из четырех сезонов по восемнадцать дней принадлежит земле[85]. Поэтому астрологи считают, что в году четыре сезона, двенадцать месяцев и семьдесят два периода[86].

Море значений, установленных святыми. Первая глава, конец. Заново сверено и отпечатано управлением книгопечатания в десятый день пятого месяца тринадцатого года под девизом царствования Небесная помощь под циклическими знаками воды-тигра (11 июня 1182 г.)

л. 19 (инв. № 144, л. 1б)

...две верхние опоры установлены.

Четыре моря окружают сушу

Восточное море — море Ци, Южное море — море Мо, Западное море — море Си, Северное море — море Ра[87] с четырех сторон землю окружают, не отдаляясь и придавая государству стабильность[88].

Запад — верх, а восток — низ

Если говорить об отделении тыльной [задней] стороны[89], то ветры, поднявшись, дуют с запада, а реки текут, спускаясь, на восток[90].

Великая суша подобна лодке

Земля движется по кругу, но живые существа [этого] не осознают, точно так же, как, когда корабль в море находится, корабль движется, а пассажиры [этого] не замечают[91].

[Она] в пределах мира считается великой

Из четырех имеющихся в пределах мира — Неба, Земли, Воздуха и Воды Земля есть выражение понятия великого.

Будучи четырехугольной по форме, краев не имеет

В «Ши[цзине]» сказано: «Четыре угла у Земли, а края ее люди никогда не достигают».

Мать-земля всего ценного белый источник[92]

Источник, порождающий все драгоценные хлебные злаки

Место рождения всего имеющегося разнообразия
Все имеющиеся в мире вещи на Земле появились и умножились. Живые существа [Земля] питает.

Свойством Земли является и мягкость и твердость
Благодаря мягкости [Земли] разные вещи появляются и процветают, благодаря твердости [ее] горы, моря, люди — все покоится на твердой основе и не погружается в воду

[Она] — первый из пяти первоэлементов
Земля принадлежит первоэлементу «земля», она наличествует у всех четырех времен года, в круговом вращении сменяющих друг друга, и ее благополучное бытие не зависит от смены времен года. Поэтому она и является первым [среди пяти первоэлементов].

Ей не свойственны любовь и ненависть
Земля не относится с любовью ко всем достойным любви вещам и не причиняет вред тому, что достойно ненависти. Милость ее сообразуется лишь с нормами морали и этикета.

Заслуги Земли безграничны
Всех живых тварей и людей земная опора, всяких разных плодов производя без счету, Земля пользу приносит.

л. 20 (инв. № 144, л. 2а)

[Она] — опора становления всех вещей
Все вещи и живые существа, все обретшие четыре великие формы[93] на большой Земле опору становления обретают.

[Есть] пять видов рельефа Земли
Первый — лесистые горы. Второй — холмы. Третий — песчаные пустыни. Четвертый — равнины. Пятый — реки и болота. Все это разнообразные прибежища рождающихся, тех, кто ищет опоры.

Первый — горные леса
Место рождения прячущихся корней разных трав и деревьев, золота, серебра и драгоценностей.

Прибежище диких зверей
Место обитания барсов, тигров и оленей из числа девяти красивых животных[94]. Разные звери в горах пристанище ищут, тысячи птиц на ветвях деревьев гнездятся.

Подходящее место и для домашних животных
В числе прочих стад домашнего скота яков и овец в горах пасти удобно.

На удобных для возделывания горных склонах выращивают хлеба
Ожидая дождей, высаживают рис. Земля в сильные ветры не выдувается, подходит для посевов риса, конопли и гречихи.

Второй — холмы
Холмы, по которым, лаская взор, ниспадают посевы различных хлебов, одеты в яркие красивые одежды.

Прибежище диких зверей

Если среди девяти разноцветных диких животных[95] появится горный козел, то [для него] это удобное убежище от волков.

[На холмах] удобно пасти домашних животных

На горных склонах целебные травы. И когда находящиеся в числе пасущихся стад разного домашнего скота белые овцы с аппетитом едят питательные травы, то становятся очень жирными. Несколько лет они являются источником получения приплода, молока и сыра.

[На холмах] выбирают те места, где земля плодородная, и землю распахивают

На горных склонах, в тех местах, где земля плодородная, ожидая дождей, удобно распахивать землю под гречиху и просо.

Третий — пески пустыни

Дюны покрыты кустарником...[96] на рыхлой почве травы вырастают.

л. 21 (инв. № 144, л. 2б)

Дикие животные [пустыни] — гады и грызуны

[В пустынях] живет много ящериц, грызунов и песчаных лисиц.

Домашние животные [в пустынях] на питательных травах нагуливают тело

В песках пустыни растут вперемежку разные крепкие травы: цагху[97], перекати-поле...[98] В числе прочих стад домашнего скота в пустыне удобно пасти верблюдов, которые поедают питательные травы.

Пустыни не годятся для земледелия, там не вызревают хлеба

В пустынях не занимаются хлебопашеством. Небо даровало траву тон[99], которую не сеют, она сама растет.

Четвертый — степи

Из числа девяти красивых животных в степях живут белые антилопы и красные дзерены. [Они] пьют воду, поедают траву, бродят друг за другом.

[В степях] много домашних животных

В степях среди стад домашнего скота пасут на приволье коней. Лошадей случают, жеребят в степи выращивают.

Когда бывают дожди, [в степях] землю пашут

В степях земля плодородная. Если не теряя времени, когда идут дожди, пахать землю, то зерна будет много.

Пятый — реки и болота

Если травы болотные едва-едва видны, пал туман, вблизи [все] голубое, то это [верная примета], что засухи не будет.

[На реках и болотах] живет много диких животных

Много зайцев, немало птиц.

[Это] удобные места для разведения домашних животных

Среди стад домашнего скота благоприятное место для разведения коров.

[Тут] землю не возделывали, а плоды появились

И одного доу[100] семян болотных трав не сеяли, а овощи летом сами выросли. Людям в несчастье помощь.

[Все это] — дали неоглядные

Вершины мощи земли видны. С краем голубого простора соприкоснувшись, доблестный муж знание сокровенное приобретает, на земле — [все] преграды преодолевает.

л. 22 (инв. № 144, л. 3а)

Смысл понятий и выражений, связанных с горами

Корни гор в земле рождаются,
Вершины их окутаны облаками,
Пестрыми цветами и травами они одеты,
[С одной горы] смотришь вдаль,
[Там] другие [горы] стоят.
Дикие звери надежно [в горах] укрываются,
Разные птицы пристанище себе [в горах] находят.
[Горы] — источник сокровищ
И неиссякаемый источник вечности.
[Они] опора Неба, придавливают Землю.

Основания гор — священные камни. Вершины [гор] подпирают обширное Небо. [От] голубого Неба спускаясь, они придавливают Землю. Такая величавая небесно-голубая гора в учении Будды зовется горой Сумеру[101]. [Такие горы] прекрасными крутыми горами также зовутся.

Высочайшая священная гора Ме

Когда не были еще рождены Небо и Земля, вырос священный камень Кэлан, горой Ме стал, истоком рождения, обителью, местом, где взросли этикет и церемониал.

Корни гор в земле зарождаются

Утесы и кручи высятся меж облаков, вершины гор облаками окутаны.

Восемь гор южных территорий

В пределах материка Шиапху имеются восемь больших гор[102]. В «Леы» (Лу) говорится: «Восемь высоких и крутых гор голубому Небу стали опорой.

л. 23 (инв. № 144, л. 3б)

Красную сушу, окруженную четырьмя морями, придавили»[103].

Исток — запад, восток — хвост

По тому, как появляется солнце на востоке, наступление утра определяют. По тому, как на западе темнеет, луна появляется, конец дня очевиден. В «Стихах» (Ндзио) говорится: «Запад — глава и источник сил тьмы. Восток — источник богатства»[104].

Истоки «Белых рек»

В верховьях рек Белых источник рождения вод открывается, белая крутизна — опора народа.

Озаренные солнцем скалы и
сумеречно-молчаливые утесы

Что касается озаренных солнцем скал, то и стремясь к вершинам [их] не достигнешь. Что касается сумеречно-молчаливых утесов, то основания [их] обширны, [они] глухих селений опора, деревни придавили.

Восьми материков золотые кручи

Восемь материков[105] — это то, что явлено Буддой, гор наименование. Золотая круча — это престол, на котором покоится Ваджра[106].

В землях тангутов-лхи[107] прекрасные горы

В государстве тангутов-ми[108] есть большие и маленькие горы. У тех, кто [на Земле] обитает, моления и желания неодинаковы.

Тела гор двух родов

[Имеются тела той] породы гор, на которых растут леса, [и той] породы гор, которые имеют жилы, порождающие драгоценные камни. В горах укрываются дикие животные, почва на склонах гор плодородна, и на ней растут деревья. Эту землю обрабатывают, надежно укрепляют и выращивают на ней плоды и злаки.

И зимой и летом в горах идет снег

В государстве тангутов-ми на трех высоких горах зимой и летом идет снег и не тает на солнце, лежит постоянно. Снег лежит на горах Хэланьшань, горах Иньшань и горах Чжишань.

Горы Хэланьшань не имеют себе равных

Зимой и летом в горах идет снег. Все в горах имеется — и тенистые леса, и разные плодоносящие деревья, съедобные и лекарственные травы. Барсы, тигры, разные олени надежно укрываются в горах. Горы защищают от ветров, от нашествий саранчи.

Пять западных чистых обителей

Место жизни и обретения покоя бодхисаттв[109] и святой сангхи, строительства храмов, созерцания, воссоздания буддийского канона[110], место, где народ ищет покровительства и защиты. У обителей доброты[111] дикие животные, видя людей, не страшатся.

л. 24 (инв. № 144, л. 4а)

Вечные утесы мудрости

Шестьдесят мудрых святых[112] постоянно проживают в горах, совершают жертвоприношения. [В горах] сладкие росы и обильные дожди выпадают, являются духи-хранители государей[113], оказывают защиту и покровительство.

В центре гор Хэланьшань — плоскогорье с травой
и водой

[Там] собираются всякие животные, пасут домашний скот и яков. Горы черные[114] обильны. Люди пользуются десятью тысячами пород разных деревьев[115] и не стремятся вырубать [их][116]. В горных ущельях неустанно бьют ключи.

Облака клубятся на горных кручах

Если священные горы окутаны облаками и облака не исчезают, это значит, что повсеместно прольются дожди.

Пещеры-обители святых имеются

На горных склонах [обители] мудрости, на южной стороне имеются горные пещеры, в которых живут отшельники. В горах повсюду бродят святые, и действительно, там, где они ходили, остались следы на камнях[117].

[Горы] — кладезь большой и малой жирной пищи[118]

В горах дикие животные множатся, горные бараны, олени, горные козлы живут.

[Горы] Аланпалянь

В черных горах изобилие, в ущельях повсюду растут разные деревья, [в горах] плавят руду, изготовляют железо, для людей разные инструменты и утварь выковывают[119].

Большие горы на южных границах

На границе государства тангутов-ми и Тибета имеются плоскогорья Мбаучион и Чонруо. Там много разных деревьев, растений и диких животных. У подножий гор бьют ключи, [там] обрабатывают землю.

На больших горах снег лежит

Высоко в горах зимой и летом идет снег, ледники не тают, тают только по краям, давая воду южным рекам[120], в стране тангутов-лхи струятся воды и злаки созревают.

л. 25 (инв. № 144, л. 4б)

Горные хребты длинны и широки

Покрытые снегами горы тянутся, не прерываясь, во всем государстве всего достигают, [они] — исток, белые верховья рек.

Высокие горы Яньчжи [Иньчжи]

Зимой и летом [там] идет снег, [снег] и от летней жары не тает, люди землю пашут, из-под земли бьют ключи. [Там, где] земля холодная, ячмень и пшеница в девятом месяце вызревает. [В горах] разводят лошадей и овец, от добрых кобылиц получают напиток-кумыс.

Горы — достойное [место] рождения мудрого[121]

Яшмовое тело, тело Будды[122], рожденного мудрым, действительно появилось. [Горы] — место молений о благополучии народа.

Драгоценные горы Западных областей

[В этих горах], водой промывая породу, золото добывают. Плавят руду, серебро и медь получают, богатства накапливают. [Там] — важные для государства поселения, говорят, что [эти горы] — источник сокровищ.

Горы мудрецов в Шачжоу

Контур [этих] гор похож на Будду. Здесь много храмов и монастырей.

Западные с крутыми склонами горы Мошань

В глубине гор охотятся. Из десятков тысяч рождающихся на свет там много трав, деревьев, диких животных.

Плоскогорье Сишань

[Там] растут толстые деревья. Люди рубят их и делают бревна. Сжигая дерево, получают топливо на зиму (уголь). Счет заслуг [у этих гор] огромный. Здесь живет много яков.

Северные черные горы Во

В черных горах трав, деревьев и диких животных много.

В горных лесах живут барсы

В лесах гор Маниа, Тото, Цонже, Тхахунин, Ние и Ветха живет много барсов и тигров, [прочих] диких животных. Имеется скот, лошади, яки, много горячих источников, деревьев, растут шелковистые травы.

Священные воды в середине протекают

Река Ма[123] священной мощью своей Черные горы, как поясом, охватывает и разрезает. Обильные голубые реки двумя потоками текут в Западных горах. Они имеют много названий. О самых важных из них кратко уже говорилось.

л. 26 (инв. № 144, л. 5а)

Восточные реки в горах Саньшань

Черные горы Тяньдушань, Ниме, Моань, Тяньхань, Цекей, Цзэгэн — при приближении к границе и на границе видны их черные вершины. Там растет много вязов и живет много диких животных.

Журавль Ндзаукэлие

Священными камнями ограждая, реки в жизненно важные места направляют, великое дело обводнения вершат. Талантливые сочинения используют, от важных и насущных дел не отрешаются.

Восточные горы Юэгуан

Горы округа Иньчжоу все порождают: ценных пород деревья, плоды, мед, масло, гриб чагу, чистую снеговую воду, коноплю, дающую холст, драгоценные камни и разного рода иные продукты. [В горах] округа Ючжоу пасутся стада скота, в горах колодцы. Земли, примыкающие к горным склонам, плодородны и производят злаки.

Горы Хэн прекрасной дхармы[124]

Прекрасные горные пики красивые лики имеют. Когда наступает засуха, [у гор] просят дождя. Появляются облака и проливаются дождем. В злаки и деревья горы одеты, [в горах] храмы и кумирни. В черных горах — в ущельях, у крутых горных склонов и у горных хребтов края черные.

Длинные горы Цзиньцзы

Видны вершины черных гор Мэйшань, Мэйба, горных проходов Шивелайца и Кхинраран. [В этих горах] произрастает много вя-

зов, трав, идущих в пищу на приправы. Там много диких животных — горных козлов, мускусных оленей, горных баранов.

Драгоценные горы Вэйцзин

[Здесь] вырубают разные деревья с длинными стволами и используют их для изготовления бревен. Из руды выплавляют железо, из которого для нужд народа делают инструменты, колющие и режущие орудия. На трех горных хребтах пасутся яки, растет трава ру[125]. На крутых склонах черных гор пасется скот.

Обширные горы Куй...

Имеются большие деревья разных пород, густые зеленые заросли трав. Здесь живет много диких животных, [особенно] оленей, пасется разный скот — козы и овцы, сменяя друг друга рождаются.

л. 27 (инв. № 144, л. 5б)

Крутые горы Монин

В горах произрастают десятки тысяч разных деревьев, трав, лекарственных трав и корней, которые все используются людьми.

Большие горы Тяньду

В горах много деревьев, бамбука, корней. Живут дикие животные: барсы, тигры, олени. Не рассеиваются облака и туманы, много ущелий, где бьют родники и ключи. У подножий гор пашут землю и орошают поля.

Красивые горы Бивань

[Здесь] имеются разные деревья, разнообразные коренья, плоды, строевой лес. Живут олени. Есть древние ворота, на горном склоне храм с большой статуей Будды, здесь народ молится и делает подношения.

Горы Мояньмо

Горы круты. [Здесь] ущелья с горными потоками, густые заросли дерев, переплетения корней. Горные пики окутаны туманом. Живут олени.

[Там] имеются реки, текущие на восток

Когда желают сказать, сколько [рек] у подножий гор, то говорят: «Рек, текущих на восток, много».

Духи гор — владыки-хозяева

Ядовитые и лекарственные коренья, деревья, золото и серебро, разного рода сокровища, которыми владеют горы, — все это образуется и множится, произрастает благодаря защите духов-хранителей[126].

Совершенные и талантливые люди
дают наименования горам

Низкие и высокие, узкие и широкие, высотою в сто чи[127] — [все такие характеристики] становятся наименованиями гор. Спрашивают талантливых и совершенных, тех, кто учится, как вести дела, и в словах истины, сказанных [ими], прочие люди находят наименования гор.

[Горы] и добро и зло укрыть смогут

Большие горы и доброе и злое, целебное и ядовитое укрыть смогут. Реки по своей природе чистые и грязные бывают. В государстве умные и глупые вперемешку живут.

[Они] — опора, как чиновники, государю

Если барсов и тигров в горы пустить, жди от них бед. Если оленей в загонах держать, погибнут они. Если мудрые чиновники государю изменят, преступление совершат.

[Только] добродетелью и упорным трудом
добьешься благополучия

Долбить [скалу] у края пропасти трудно. Лишь упорным трудом добьешься надежного благополучия.

Стоя перед государем, говорить трудно

[Только] достойный и мудрый слово [государю] сказать может.

л. 28 (инв. № 144, л. 6а)

[И] горы высокие — надежный заслон

Пусть гора даже высокая, но если к ней пылинку добавить, то и она станет больше. Пусть это даже сам государь, но если и он добрый совет услышит, то государство станет долговечнее и будет процветать.

Море значений, установленных святыми. Цзюань четвертая закончена.

МОРЕ ЗНАЧЕНИЙ, УСТАНОВЛЕННЫХ СВЯТЫМИ. ЦЗЮАНЬ ПЯТАЯ

Суть понятий и выражений, связанных с деревом

Природа дерева порождена землей
Обширные леса, горные корни,
Разные птицы вечером ищут ночлега [в листве дерев],
Дикие звери днем укрываются [в лесных чащах],
Летом деревья дают тень и прохладу,
Холодной зимой они сохраняют тепло...

л. 29 (инв. № 2614, л. 1)

МОРЕ ЗНАЧЕНИЙ, УСТАНОВЛЕННЫХ СВЯТЫМИ. ЦЗЮАНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Суть понятий и выражений, связанных с появлением и утверждением человека

Слово о возникновении природы человека

Человек — это тот, кто под Небесным сводом на тверди земной знаниями обладает и среди прочих [живых существ] является высшим.

[Человек] находится в тесной связи с дэ Неба и Земли

Сверху человек благой силой дэ Неба, как шапкою, накрыт, внизу [он] прочно опирается на кладовую недр Земли.

[Он] плод слияния [стихий] Инь и Ян

Сила Ян, возрастая, появилась, с основой Инь слилась, и [они человека] породили.

Пять первоэлементов — основа тела [человека]

Человек сверху от пяти планет[128] имеет защиту, внизу на пять постоянств[129] опирается.

От злых духов [его] духи-хранители оберегают[130]

Если добрые дела стараешься делать, то тебя духи-хранители оберегают. Если зло творишь, то [добрые духи] помочь тебе не в состоянии.

По природе своей [человек] честен и правдив

В основе своей человек чист и по природе своей честен. Однако после рождения благодаря карме и житейским невзгодам разные свойства своей натуры позволяет себе проявлять и становится гневным.

На великое вместилище разума надежно полагается

Размышляя о рупа[131] и ведана[132], в их суть мудро проникает. Все дхармы[133] в пяти скандха[134] собраны, добро и зло выявляются и различаются. Из четырех великих [первоэлементов][135] — земли, воды, огня и воздуха — тела созидаются[136].

Форма головы [человека] небесному своду подобна

л. 30 (инв. № 2614, л. 2)

Форма головы человека — округлая полусфера, подобна небесному своду, пять постоянных свойств характера[137] порождать может, свойствами прозрения, предвидения и мудростью обладает. Поэтому среди имеющих шесть кругов перевоплощений[138] человек наиболее близок Небу.

Форма ноги [человека] подобна чертежу земли

Нога — чертеж квадратной земли, поэтому ноги — опора человека. Среди четырех милостей[139] милости и награды Неба и Земли — самые обширные и великие. Все необходимое для содержания живого тела — и пища и одежда — Землею взращивается и производится.

[Человек] блюдет четыре человеческих верности[140]

Почитание родителей и старших (*сяо*), добродетель (*дэ*), сердечность (*синь*) и человеколюбие (*жэнь*). Верность способности сердцем распознавать добро и зло. Верность законам и нормам поведения (ли), способность быть уступчивым. Верность мудрости — способности познать истину. Это подлинное обладание человеком четырьмя верностями.

Тело человека прямо и красиво

Под Небом на земной тверди из числа всех живых тварей тело [у человека] стройно и красиво и одинаково по форме [с телами] святых и совершенномудрых.

Характер же [у человека] бывает и добрый и злой

Если человек творит добро, то среди прочих [людей] получает славу [человека] правильного. После же достижения жизненного предела [такой человек] обретает покой. Если же человек совершает злые дела, то такого человека всю его жизнь [другие люди] не любят, а после смерти он обречен на страдания.

Устремления князя должны быть подобны устремлениям совершенномудрого землепашца

Если законы справедливы, то они подобны обработке земли. Если смысл их понятен, то они подобны семенам. Если князь учит поступать в соответствии с законом, то это подобно прополке посевов. И [князь в таких случаях] поступает как человек, который собирает урожай и просеивает зерно[141]. Делать все это, заставляя так же поступать и других, и есть истина. Если человек следует пяти постоянствам[142], то в своей жезнедеятельности обретает истинный путь и заслуживает репутации добродетельного.

[Человек] живет в согласии с Небом и Землей

Если [человек] сердцем живет в согласии с Небом и Землей, поступки свои согласует с Солнцем и Луной, то это означает, что он дорожит добродетелью Неба и в соответствии с нею совершает свои дела.

л. 31 (инв. № 2164, л. 3)

Разного рода работы и службы справляет

[Человек] во всех сферах [жизнедеятельности] все службы старательно справляет, все от начала до конца делает, не допускает изъянов в работе.

Знает корни поколений людей

По смене поколений людей можно вычислить их исток, происхождение человека, узнать и разъяснить корень своего клана-мэ и клана-мэ свойственников.

Люди собираются для предварительного обсуждения дел

Люди собираются, чтобы предварительно обсудить дела. Прежде люди все говорили друг другу в лицо. В старину, собравшись на общую сходку, дела обсуждали, лишнего не делали[143].

Добрые дела и мудрость — истинный дар

Если совершать добрые дела, со знанием предмета говорить о ведении дел, постоянно учиться и не лениться, то число мудрых дел возрастет и мудрость увеличится.

[Люди] творят допустимое с теми, кто совершает зло

Тем, кто не страшится людей, облеченных властью, кто не испытывает чувства любви и привязанности к родственникам, кто не наставляет своих близких родственников, не пресекает дур-

ные поступки других, выносят приговоры, исходя из допускаемого [законом] и в зависимости от характера совершенного преступления.

Значение понятий и выражений, связанных с людьми

Люди последовательно распределены по рангам

Люди распределены в пределах девяти степеней рангов[144]. В соответствии с четырьмя высшими степенями рангов и качествами четырех[145] низших степеней рангов они отличаются один от другого. Среди людей, обитающих в пределах [данного мира][146], искусные в делах, способные и сильные, умеющие владеть оружием, наставляющие членов своей семьи, люди с мягким характером и характером волевым — все безошибочно и по достоинству получают тот ранг, который они заслужили.

Дела людей — осуществление их намерений.

Десять тысяч людских дел — это осуществление намерений [людей], все это... проявляется в словах. Если слова истинны, то и дела... [правильны?].

л. 32 (инв. № 2416, л. 4)

Замыслы [людей] глубокие

[Люди], подобно отцу черноголовых Мбэ, замыслы великие и обширные утверждают. Высокоталантливые люди, замыслы глубокие мастерски осуществляя, добиваются успеха.

Способные и сильные...

...совершеннолетний, сильный и крепкий, полный замыслов, искусный оратор, храбрый воин, добившийся коня, доспехов и оружия, в ярости неукротим [?].

Умеют сражаться

При сражении с врагом, в стремлении добиться успеха, сделать обманный маневр и разбить неприятеля — все это достигается осуществлением замысла.

Стараются сражаться острым оружием

Имеющий мудрый замысел, стойкий характер во время сражения среди бела дня на врага с боевым кличем устремляющийся, старается [заранее] подготовить воинское снаряжение и оружие.

Из лука стреляя, врага уничтожить

Лук с силой натянув, острую стрелу пустив, [надо] прочный панцирь врага пробить, [сделать так, чтобы] шлем врага не защитил. Увидав такое, враг покорится.

[В армии] слабый телом крепким и отважным становится

Людей, телом и слабых и крепких — всех берут [на воинскую службу]. Умных и сильных, крепких и отважных[147] посылают на войну, поручают им сражаться.

Искусством сражаться все овладевают

Если государство спокойно, то живя благополучно и занимаясь разведением скота, ремонтируют панцири и откармливают ло-

шадей. Когда же армия выступает в поход и начинаются сражения, то, используя слабость врага, устраивают [для него] ловушки. Сильные и способные [враги] сами попадают в них.

Государь назначает способных генералов

Людей, способных командовать войсками, призывают тогда, когда нападает враг. Солдаты и генералы, получив приказ, там, куда они придут сражаться, дело свое исполняют.

Приказывают людям не нарушать свой долг

Приказывают солдатам учиться сражаться. Имеющим заслуги дают ранги и награды, [их] как доблестных сыновей прославляют.

Войсками командуют...

л. 33 (инв. № 2644, л. 5)

Следующие [люди] третьей категории

Мудрецы, низшие и высшие. Хотя в этом мире людей и много, обладающих качествами священномудрых мало.

Следующие люди высшей категории

Благородными мужами (*чжанфу*[148]) называются те, кто среди людей, живущих [в этом] мире, достигнув душевной чистоты и овладев ораторским искусством, талантливые, исполненные глубокого смысла речи произносят. В проявлении [своего] таланта и владения изящной словесностью преград не имеют.

[Они] взвешивают [свои] мысли, знают пределы [допустимого]. Безошибочно соизмеряя великое, знают пределы того, что можно понять чувствами, способны обдумывать и понять мирские слова добродетели.

[У них] речи искусные, слова точно подобраны

Если слова безошибочны, то лишним словом зла не причинишь. Если пристрастия не имеешь, то и слово достойное скажешь.

Все, что связано с употреблением письма,

[они] знают

Знают все [приемы] проявления таланта, связанные с употреблением письма, на все, о чем спрашивают, безошибочно отвечают.

Проявлению талантов не знают преград

В проявлении [своих] талантов, в практике использования письма преград не имеют. Слагать талантливые стихи и оды, составлять деловые бумаги, умело и соразмерно оценивать достоинства китайских книг — все могут и умеют.

Внутреннего просветления и душевной чистоты

добиться в состоянии

В Поднебесной, на суше-земле, при внутренней чистоте и просветленности души разные способы вычислений демонстрируют, занимаются астрологией и наблюдают за небом, определяют времена года, дают знать [о результатах своих наблюдений] государеву бюро наблюдений [за погодой].

Все дела народа знают

Предсказывают счастливый или несчастливый исход добрых и злых людских дел, пользу и вред узнать в состоянии.

Людей приводят к согласию

Говорят, что если великие люди выражают свои мысли, то и к дальним, и к близким их слова доходят. Если люди друг с другом в согласии живут, то они и со всеми остальными людьми станут ладить.

л. 34 (инв. № 2614, л. 6)

Речи [их] правдивы, без обмана

Двух истинных законов придерживаясь[149], [умеют] вести дела по справедливости и не допускать обмана, мастерски справляются с делами и не допускают промахов.

Строго придерживаются законов Будды

Истинному учению Будды всем сердцем преданы, постоянно не забывают [его] и почитают. Возвышают три сокровища[150], стремятся постичь смысл мудрых сутр[151], хранят учение Будды и из поколения в поколение не прерывают приношения жертв.

Уразумели пути добра и зла

Зная кармическую обусловленность воздаяния за добро, понимаешь направление последующего пути. Уразумев кармическую обусловленность воздаяния за зло, постигаешь, как пресечь пагубный путь[152].

Отшельники в горах постигают законы спасения

Благородные люди, уразумев практику и законы спасения, движения и свойства пяти первоэлементов[153], высоко в горах отшельниками став, приносят жертвы и выражают всемерное почтение Небу[154].

Драгоценное невесомое тело себе подбирают

Говорят, благородные люди при молениях о получении истинного и драгоценного, истинной природы тела и достижения прозрения также исправляют ошибки, совершенные на долгом пути жизни[155].

Ван устанавливает законы и нормы поведения

Законы при исполнении гражданских и военных дел в государстве устанавливаются милосердные, но строгие, и все [их] исполняют.

Разъясняют поступки, идущие наперекор почтительному отношению к родителям и старшим

Выражая почтение отцу и матери, лепеча, как младенцы, обихаживают их, ни в чем им не перечат и ненавидят поступающих иначе.

В полном соответствии с законом рассматривают дела и выносят приговоры

Люди, занимающие должности в государственных управлениях, в соответствии с законом определяют виновному меру наказания

и выносят справедливые приговоры, не допуская искажения сути дела и нарушения законов[156].

[Такие люди] выражают почтение к знатным,
[своих] проступков стыдятся

По принятым правилам, восхваляя поступки других и выражая к ним почтение, своих поступков стыдятся, разных неправедных слов не говорят.

Отправляются вести дела на границе

Государь отправляет [их] на службу. Там, куда [они] прибывают, [они] ведут дела старательно, сдерживают [свой] гнев.

л. 35 (инв. № 2614, л. 7)

Знатоки словесности составляют изречения[157]

Составляют грамматические правила, знают происхождение любого слова[158], составляют изречения, попусту не болтают.

[Знают], что нельзя употреблять грубые слова

Близкие люди [должны обращаться друг к другу] доброжелательно. Это общее правило милосердия и сострадания.

Знают о дурных поступках и [от них] отказываются

Видя зло и ложь в [этом] мире, зная все дурные поступки, [таковых] не совершают.

Обращаясь вверх, живут в согласии с законами
Будды

Обращаясь вверх, живут, согласуя характер [своих] поступков с законами Будды и священномудрых[159].

Обращаясь вниз, живут в согласии с народом

Управляют, стремясь добиться благополучия, обращаясь вниз, действуют в согласии с народом, побуждают [народ] добиваться выгоды.

Добрый закон способствует восстановлению истины

Много размышляют о сочинениях священномудрых, всегда чтят добрые законы, верят, что там, где поступают в соответствии с канонами истины, нет дурного. Говорят, что действовать обдуманно, с выдержкой и следуя истине, — это и значит поступать добродетельно.

Дурных поступков не совершают

Будучи гуманными, не совершают поступков, которые причиняют вред всем живым существам

Суть понятий и выражений «гуманный человек»

[Гуманные люди] — люди высшего и следующего
за высшим разряда

Среди пребывающих во всех мирах[160] гуманный человек близок к священномудрым. [Он] есть [человек] высшего разряда. Природа человека, почитающего родителей и старших, соответствует природе бодхисаттвы.

Столь же справедлив, как и честен, и предан

Что касается гуманности, то если содействовать увеличению справедливости, добродетели, мудрости, искренности и добра, то это и есть гуманность. Если [кто-то] ненавидит зло, чьи ответные гуманные поступки не способствуют процветанию зла, то тот по этой причине становится подобным гуманному человеку.

В согласии с [милосердием] бодхисаттвы

Гуманность — это то, когда, в сердце своем постоянно сострадание имея, поступают в соответствии со своими природными свойствами, приведенными в согласие [с таковыми] у всех живых существ.

Мудрыми помыслами заботится о добре

Помыслами мудрыми [все] постигнув, знают взаимозаменяемость добра и зла, о делах неправедных не думают, постоянно о пути добродетели заботятся.

В речах [его] много уважения к родителям и старшим

Все уразумев — и уважение к родителям и старшим, и непокорство, — поступков, идущих наперекор, не совершают. Когда говорят о своих поступках и правилах добродетели, то [в речах] их много уважения к родителям и старшим.

[Он] ведет себя достойно

С высшими и совершенномудрыми держит себя достойно, подчиненными и народом управляет заботливо.

Всегда поступает по справедливости и долгу

Блюдет верность. Благодаря своим личным добродетелям и поступкам, отвечающим чувству долга, приводит в состояние гармонии три вида действий[161], постоянно добрые дела творит.

Близким не потворствует

Государственный муж, поступая в соответствии с правилами долга и добродетели, держится нелицеприятно, не говорит: «Это моя родня!» — всем и всеми управляет [равно] милосердно.

К дальним не относятся с неприязнью

Поступая в соответствии с законами родства, не говорят: «Это дальняя родня!» — не проявляют неприязнь и злобу, со всеми держатся [равно] спокойно.

С любовью и почтением относится к отцу и матери

В выражении любви и почтения к отцу и матери делает это своевременно, не нарушает правил почитания родителей и старших, служит родителям и день и ночь. Череда его поступков, выражающих любовь и почтение к родителям, нескончаема.

Милосерден и сострадателен к низшим

Постоянно милосерден и сострадателен к подчиненным и слугам, сердце имея, раздает имущество бедным и спасает страждущих.

л. 37 (инв. № 2614, л. 19)

Люди мудрые и прозорливые

Мудрые и прозорливые все дела знают. Небо свет внутренний имеет. Земля-кормилица простор для государств имеет.

[Обо всем], находящемся на суше-земле, все знают

На суше-земле все обо всем знают — дела, требующие мудрости, и государственные дела, различают добро и зло.

Помнят о заслугах четырех благоволящих[162]

Всей душой преданы государю, почитают отца и мать, с уважением относятся к учителям, не забывают о заслугах Неба и Земли.

Милосердны к людям и ко всем живым существам

Поступают всегда с любовью к родителям и старшим, управляют милосердно. Жизням всех живых существ неоправданно вреда не причиняют и [их] не убивают.

Суть понятия и выражения «мудрый человек»

[Мудрый человек] — человек высшего и среднего разряда.

Термин «мудрость». Среди обитающих во всех мирах мудрый есть тот, кто приблизился к священномудрым. Термин «высший». Проявляющий качества панча мудра[163] сходен с проявляющим качества мудрого.

Умный сын Мэю[164] подобен

Мудрость — великая драгоценность. Мудрый сын Мэю подобен, самые разные дела знает, даром предвидения обладает.

Чистый и даром предвидения обладающий схож с Небом

Телом и душой чистый, даром предвидения обладающий, подобен Небу.

В помыслах своих постоянно о добре не забывает

Схож со святым отшельником в том, что он мудр, прозорлив, источник добра, радостен и испытывает ненависть, когда видит, что кто-то творит зло.

Говорит истину

Постоянно поступая по правилам и законам, заседая в Совете[165], говорит правду, уважает тех, кто не допускает грубости и обмана.

л. 38 (инв. № 2614, л. 10)

Государю всей душой предан

Усердно служит государю, преданно выполняет его поручения посыльного по разным делам, верой и правдой [оберегает] государево имущество, управляет, способствуя благополучию [государя].

Служит усердно, почтительно

Ревностно проявляет усердие на службе государю, почтителен, боится совершить оплошность. Не тяготится тем, что часто ходит пешком.

Почитает учителей

Стремится к добродетельным поступкам, ищет законы добра, никогда не забывает вознаградить за обучение, не перестает относиться к учителю сердечно и почтительно.

Доброму делу постоянно учится

Не говорит: «Среди имеющихся в мире искусств и ремесел все, какие есть, я знаю!» Доброму делу учится постоянно.

Не надменен

Мудрые, хотя и увеличивают знания, не становятся невнимательными, хотя и укрепляют свое положение и авторитет, не становятся надменными, хотя и произносят смелые речи, но знают меру [смелости], хотя и владеют имуществом, но не в чрезмерном количестве.

Поступают в соответствии со своими качествами и талантом

Сообразуются со своими качествами и силой, знают меру своего дарования, с другими говорят с такой же добротой, с какой относились бы к себе.

У мудрого человека и помыслы мудрые

Дела ведут, сообразуясь [с замыслами и приказаниями] высших, мудро-милосердны с низшими, не поддакивают сильным, не чинят зла бедным и слабым.

[Он] знает все законы государства

При ведении больших или малых, высоких или низких дел сообразуются с законами государства, все-все [законы] знают.

Суть понятия и выражения «благородный человек»

л. 39 (инв. № 2614, л. 11)

...своими войсками командует. Если сил достаточно, вражеские злые силы теснит.

[Благородный человек] командует войсками, заботясь о сохранении тайны.

Если вражеская армия не нападает, то сражения не произойдет. Если армия [нашего] государства продвигается скрытно, то вторжение врага [нас] не застанет врасплох.

Посланный государем справляется с делами

Отправленный с поручением от государя, если имеет полномочия, выносит решение о распределении обязанностей, с разными делами справляется.

Состоит на службе у государя и домом [своим] управляет

Должностные лица всех управлений, занимая в соответствии с законом должности и не бросая государевой службы, разными домашними делами управляют

Три драгоценности[166] почитают и возвышают

Люди три драгоценности почитают и возвышают. Кланяются Будде, слушают Учение и, следуя ему, почитают сангху.

[Он] — средний среди чиновников девяти разрядов рангов

Если у кого-либо из людей много доброты и мудрости, то такие соответствуют [чиновникам] высших четырех разрядов рангов. Если у кого много зла, то [таковые] соответствуют [чиновникам] четырех низших разрядов рангов.

Смысл понятия и выражения «чистый человек»

[Чистый человек] — человек второго и третьего разрядов

Понятие «чистый человек». Чистый тот, кто среди обитающих в [этом] мире чистым сердцем обрел просветление, благодаря своей воле и природным дарованиям важные дела старательно исполняет.

Замыслы его отличаются смелостью и твердостью

Замыслы имея, постоянными усилиями воли и усердием чистое дело почтительно и искусно исполняет.

[Он] — надежный посыльный, выполняет порученное ему дело... там, где посыльный надежный, государево дело...

л. 40 (инв. № 145, л. 10а)

...с родственниками схожи.

[Дурной человек] со мной о своей выгоде и приятном для себя говорит

И в пути, и в местах собраний, не сообразуясь с поступками мудрых, говорит лишь о важном для себя лично и не забывает рассказать о своей выгоде.

Желудок у него набит, а сердце невежественно

Говорят, тот, у кого брюхо набито и сердце ленивое, слов преданности не услышит. Тот, кто добр и начитан, чужд невежества, всякое дело исполняет быстро.

Работать старательно и мастерски он ленится

Умный, но ленивый и торопливый, учиться не желает. Глупый, но трудолюбивый, и не обучаясь, сам себя совершенствует.

Сердце у него злое, а глаз — дурной

Накопивший зло говорит: «Ты мне не нравишься, я могу, поглядев на тебя, порчу на тебя напустить!»

Слова, сказанные им в гневе, — слова слабости

Слова, сказанные в гневе, — слова неразумные. Слова, добытые большим трудом, — слова точные.

Смысл понятия «слуга»

[Слуги] — средне-среднего разряда люди

Понятие «слуга». Слуга работу понимает и мастерски делает. Не мудрец. Человек чистый (лично свободный), законов и правил поведения и церемониала не знает. Что же касается его натуры, то он денно и нощно думает только о том, как бы разбогатеть, [все] прикидывает и пересчитывает. Глуп.

[Они] глупы и сердцем нечисты

[Слуги] глупы, неумны, не понимают добродетели, добро и зло не различают, душою грязны, тупы.

Постоянно думают о стяжательстве

В душе своей постоянно проявляют стяжательство и жажду богатства,

л. 41 (инв. № 145, л. 10б)

богатством дорожат, как жизнью, от малой толики не откажутся. Пищу готовя, плачут.

Не помнят последних распоряжений хозяина

После получения каких-либо [распоряжений] придут и все дела, связанные и с радостями, и со страданиями, перепутают. О прекрасном скажут, что оно уродливо, о добре, что это — зло, все переврут.

Подлинное видя, судят о нем по внешнему

Видя подлинное, внешнему во всех вещах без исключения радуются. К чему-либо прикипеть душой или что-либо решительно оторвать от сердца не в состоянии.

Ради вещи готовы жизни лишиться

Алчны к вещам, не отдадут свою вещь другому. Любят брать у других взаймы. Завистливы. Клянутся и ругаются. Желая заполучить хорошую вещь, рвутся в бой, забывая о жизни.

[Слуга], видя пищу, стыд теряет

Душа на то, чтобы брюхо[167] набить, направлена. А потому, сладкого и пресного не разбирая, постоянно, приличий не соблюдая, брюхо набить стремится.

С родней не близок

Родни не знает, законов родства не соблюдает, печется о сиюминутных делах, о делах отдаленных не заботится.

Часто близким зло причиняет

Любит причинять зло близким. Даст вещь и снова требует обратно. Угостят его, требует добавки. Дела своего не имеет. Следуя за родственниками, зло им причиняет. Как говорят: «Слуга спит крепко и сладко, работу же без души делает!»

Ничтожного и великого не различает

Великое видя, его не почитает. Мыслями и душой медлителен. И малое сделать неспособен. Шагу без ошибки не ступит.

Счастья и несчастья не разбирает

Счастья не осознает, несчастья не понимает. Говорят: «Разговор о счастье — несчастье навлекает. Ложь — правду скрывает!».

л. 42 (инв. № 145, л. 11а)

Перечит воле родителей

Не почитает отца и мать, прекословит им, добрых наставлений не понимает, в непослушании упорствует.

Потакает жене

Женскую красоту видя, постоянно ей потакает. Детей жалеет. [На жену и детей] гневается мало, на работу их не определяет.

Не усваивает три сокровища

В будд не верит. Закон слушая, его не постигает. Сангху не почитает. Служит на посылках.

[Слуга] у почтенных людей должен быть посыльным

Почтенные люди посылают [слуг] делать указанную им работу. Своего же ума не имея, слуги не могут без промахов и ошибок дела делать.

[Он] слаб и глуп

Умом слаб... скорбен. Телом слаб, глуп, работает там, где укажут, об усталости не говорит.

Дела сделать не в состоянии

Главное — [он] всю работу чистого человека сделать не в состоянии. Постоянно озабочен, ни о чем ином не думает, как о раздаче пищи и одежды.

Связан предрассудками, невежда

При исполнении дела связан предрассудками. Невежда, неумен. Речь его вульгарна, полностью, во всем отвечает образу поведения слуги.

Туп и глуп

Мысли его дурацкие, речи — невежественны. Дело делает бестолково, а говорит так, как будто с кем-то ссорится.

И душа и тело его направлены на нечистое

И телом и душой сумасброден, не понимает сути добра и зла[168]. Подобен барану на привязи, с гнойными язвами на голове. Как и овцу, его бьют и подгоняют плетью. Груб. Копит имущество. [Накопленное] самонадеянно тратит сотнями. Говорит чепуху, что говорит, не осознает. Светлым днем пойдет, и то дорогу потеряет. Среди ночи спать ляжет и есть захочет, собачий аппетит, душа ненасытная. Сыт слуга или голоден, но всегда, когда предложат ему поесть, то, что досталось другим членам семьи, считает пропащим[169].

л. 43 (инв. № 145, л. 11б)

Море значений, установленных святыми. Цзюань тринадцатая, конец

МОРЕ ЗНАЧЕНИЙ, УСТАНОВЛЕННЫХ СВЯТЫМИ. ЦЗЮАНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Суть понятий и выражений, связанных с любовью родителей к детям

[Что касается родителей], то

Отец детей жалеет

Отец детей жалеет. Говорят, что отец в сердце своем постоянно жалость к детям имеет, в помыслах своих заботится о них, думает, как прокормить их и одеть, заставляет их учиться и приобре-

тать знания, добивается того, чтобы они были не менее достойны и отважны, чем другие дети, чтобы [дети] вышли в люди.

Мать детей любит

Мать, когда дети еще в ее утробе находятся, постоянно думает о хорошем, заботится о том, как ей ходить и сидеть. Когда ребенка рожает, то о жизни своей забывает. Когда ребенок уже родился, сердцем радуется, может постоянно день и ночь купать дитя, перепеленывать его и кормить грудью. Дорожит [дитем] больше, чем своим

л. 44 (инв. № 145, л. 12а)

корнем, заботится о благополучной жизни ребенка, решительно берет на себя все трудности.

У матери и ее детей добродетели равны

Предание гласит: Дети от покойной матери были уже взрослыми, а дети от мачехи маленькие. Внезапно семья столкнулась с [вражеской] армией. Маленькие дети мать свою бросили, а большие дети, взяв с собой [мачеху], бежали. Командующий армией спросил мудрого и знающего: «Маленькие — ее дети, а большие дети — от покойной матери. Почему их добродетели [должны быть равны]?». [Тот] ответил: «Если судить по справедливости, то маленькие дети глупы и потому бросили свою родную мать. А большие дети — умные и потому позаботились о ней». Командующий армией изумился и повелел собрать матерей по всей стране. Государь, узнав об этом, в зависимости от их любви к младшим (*сяо*) и добродетелей (*дэ*) дал им награды, повысил их в ранге и оповестил о них в Поднебесной[170].

Отцы учитывают способности детей

[Они] обучают сыновей отдавать приказы, заставляют их учиться вести дела. Дорожат дочерьми и хвалят их, стараются научить их шить одежды.

А матери воспитывают детей

Холят тела сыновей, стремятся одеть их в хорошие одежды. Дочерей обучают мастерству одеваться подобающим образом.

[Есть] правила обучения отцами детей

В пятнадцать лет сыновья учат сочинения, рассказывающие о любви и браке. Сыновей старше пятнадцати лет учат тому, как ввести в дом жену, заставляют их обучаться искусству ведения боя. Дочерей в возрасте пятнадцати лет готовят к замужеству. О дочерях старше пятнадцати лет говорят, что их следует выдать замуж[171].

[И есть] правила материнской заботы о детях

Сыновей до пятнадцати лет наставляют владеть своим телом, избегать бедствий, причиняемых огнем и водой, не болеть постыдными болезнями. После пятнадцати лет вслушиваться в звон оружия. Девочек до пятнадцати лет наставляют в семьях матери, обучают правилам поведения. В возрасте полных пятна-

дцати лет и старше они войдут в ту семью, в которую их выдали замуж. [Там] они станут шить домашним и близким одежду и обувь, трудиться не покладая рук[172].

Родители любят детей всю свою жизнь

л. 45 (инв. № 145, л. 12б)

Когда дочери и сыновья маленькие, родители с любовью растят их и заботятся о них. Когда же они становятся большими, то родители все равно постоянно любят своих детей. Даже когда дети состарились, то если у них еще есть родители, эти родители беспокоятся о детях и любят их, не отрывают их от своего сердца.

[Родители и дети —] самые близкие друг другу в Поднебесной

Что касается близости родителей и детей, то под Небом и на суше-земле [все родители] любят детей, жалеют детей, беспокоятся о дочерях и думают о сыновьях. Не заботятся о своем собственном теле, своем покое и своей выгоде, а только и говорят: «Пусть дети будут знатны и богаты!»

[Родители] твердыми приказами детей обучают

Когда дети малолетние, родители их твердыми приказами обучают. Говорят: «Разве можно не заставлять учиться того, кто не любит делать свою работу. Только тот сможет полностью овладеть любым ремеслом, кто интересуется всем!»

Детей воспитывая, относятся ко всем детям одинаково

Родители любят всех своих детей и ко всем детям относятся одинаково, хотя дети и отличаются и умом, и успехами. Изречение гласит: «Относиться к детям неодинаково — это значит из двоих детей одного сделать глупым, а другого умным. Относиться к женам неодинаково — это значит уметь поступать с ними сообразно их достоинствам!»

[Небо] — причина разделения детей на сильных и слабых

Родители не говорят о детях, умные они или глупые, а всех любят [одинаково] и различают их по их поступкам. Изречение гласит: «Отец и мать, детей воспитывая, ко всем относятся одинаково. Разделение же детей на доблестных и слабых будет определено Небом!»

Родители любят всех появившихся на свет детей

Родители не любят детей за красоту и не ненавидят их за уродство. Изречение гласит: «Родители и уродливых детей любят. Бедняк и худой собаки не выгонит!»

л. 46 (инв. № 145, л. 13а)

Любят всегда, и эта любовь не прекращается

Все родители любят летей, касается ли это детей, почитающих родителей, или тех из них, кто поступает родителям наперекор. Изречение гласит: «Сердца родителей обращены к детям. Сердца детей обращены к семье!»

Отцы мудры, матери красивы

У мудрых отца и матери детей мужественных и умных немало. А у нерадивого отца и неумной матери детей глупых много. И появится ли достойный сын — неизвестно. Изречение гласит: «Если отец мудрый, то и сын доблестный — такое правило в Поднебесной. Если отец слабый, то и сын робкий — таков уж порядок на суше-земле».

[А уж то], глупы дети или умны, зависит от кармы родителей. Глупые или умные жена и дети, зависит от кармы. Изречение гласит: «Ребенок умный родился — счастье большое у родителей. Жену безошибочно выбрал — удача у благородного мужа».

Умный отец судьбу детей в зависимости
от их способностей решает

Отец поступает, сообразуясь с поступками детей, по которым можно узнать их ум или глупость. Тех, кто поступает умно, заставляет учиться грамоте. Тех же, кто неумен, заставляет пасти скот и пахать землю.

И если заботиться о детях и наставлять их, то они
станут благодарны и преданны

Если родители заботятся о воспитании детей, то те не совершают дурных поступков и не нарушают данного слова. Изречение гласит: «Если ребенок воспитан с добрым сердцем, то он данной им клятвы не нарушит. Если же выращивать скот с добрым сердцем, то дохода не получишь».

л. 47 (инв. № 145, л. 13б)

Смысл понятий и выражений, связанных с почитанием детьми родителей

[Что же касается детей], то тело ребенка — это
кость и плоть отца с матерью

Ребенок — это гармоничное соединение белых костей отца и красной плоти матери. Говорят, что поскольку таковые телом ребенка стали, то ребенок из почтения к родителям тело свое любить обязан и полученным от родителей костям и плоти вред причинять не смеет.

Заслуги [родителей] выше Неба

Отец — исток рождения ребенка. Он обеспечивает рост его тела, получает радость от его воспитания. Мать — прочная опора становления тела ребенка. После его рождения она кормит его грудью и является опорой его взращивания. Заслуги [родителей] обширны и велики, они выше, чем Небо, и ответной благодарностью за них является постоянное почитание детьми родителей.

Когда родители старятся, то дети и радуются
и печалятся

Почтительные к родителям дети, когда их отец с матерью состарятся, говорят: «[Они] достигли долголетия» — и сердца их радуются. Затем говорят: «Смерть их близка» — и печалятся.

Почтительные к родителям дети служат
отцу и матери

Встают рано утром, до петухов, готовят почтительно одежду и обувь родителям, находятся поблизости от отца и матери. Когда отец и мать встанут, то одежду и обувь им подают, ласковым голосом справляются об их самочувствии.

Стараются не огорчать отца и мать

Дети, почитающие родителей, дурных поступков и преступлений не совершают. Если и заболеют, то не извещают об этом, говорят, что заботятся только об одном, чтобы не огорчать родителей.

Когда уходят или уезжают, то просят
распоряжений и наставлений

Дети, почитающие родителей, когда они куда-либо уезжают, то прежде всего просят у родителей распоряжений и наставлений. Уходят или уезжают с согласия родителей. Воротясь домой, с почтением кланяются родителям, смотрят, как они выглядят, и ласково справляются об их здоровье.

л. 48 (инв. № 145, л. 14а)

Слушаются приказаний и советов [родителей]

Почитающие родителей дети учатся на приказаниях и советах отца и матери, их благородных делах, добрых словах и сочинениях. Споря и враждуя, от родительских приказов и наставлений не отказываются, всему [от родителей] учатся.

Хотя родители и состарятся, дети, следуя долгу,
от них не отказываются

Почитающие родителей дети, когда отец с матерью состарятся, не говорят им, что они старые, предписанному для детей закону следуют.

Попусту слов не говорят

Почитающие родителей дети, если дела нет, то на глазах у родителей не резвятся. Если [для них] дела нет, то сердятся. Недобрых слов не говорят, наперекор родителям не поступают.

[От родителей] не обособляются

Почитающие родителей дети так, чтобы родителей не признавать и с чужими людьми сблизиться, не поступают. За спиной родителей пищей и вещами лично для себя не пользуются.

Родители и дети — это семья

Почитание родителей [возможно тогда, когда] есть родители. Семья [есть тогда, когда члены семьи] с воодушевлением кланяются [родителям и старшим], когда они, отбросив чтение, или даже с непрожеванной пищей во рту сразу же, не дожевав, спешно бегут [на родительский зов], а находясь подле родителей, родительским приказаниям и советам внимают.

И те из них [детей], кто не служит [государю],
недостойны имени почитающих родителей

Почитающие родителей дети там, куда они направлены на службу, доброго имени своего не теряют. Государевых приказов ожидают и преданно их исполняют. В управлениях дела ведут аккуратно, друг с другом дружат, бывают правдивы и искренни. В схватках с врагом храбро сражаются. Почитающие родителей дети — это те, кто эти пять дел[173] добросовестно исполняет, имени родительского не порочит.

[Дети], шагая по жизненному пути, постоянно помнят о родителях

л. 49 (инв. № 145, л. 14б)

Почитающие родителей дети там, куда приведет их судьба, родителей не забывают. Постоянно сердцем своим о них помнят. Поэтому-то почитающие родителей дети, прожив большую жизнь, сомнительными путями не ходят. Если переправляются через реку, то садятся в лодку и не заставляют родителей беспокоиться о том, переправятся они или нет.

Речь ведя, об отце с матерью не забывают

Почитающие родителей дети дурных слов не произносят, родительские кости и плоть не поносят. А потому дурной славы не приобретают, а славу детей, почитающих родителей, имеют.

Зрелища устраивают только пристойные

Почитающие родителей дети, устраивая театральные представления в благоприятное для этого время, грубых и непристойных слов не произносят. А в неподходящее время зрелищ не устраивают, всегда поступают только так, как удобно родителям.

Там, куда их направили, все старательно исполняют

Почитающие родителей дети там, куда их родители послали, о трудностях и неисполнимости данного им поручения не говорят. И если даже оно смертельно опасно, не уклоняются от его выполнения, родительского приказа не нарушают.

Родителей уважают и помнят

Почитающие родителей дети своих отца и мать чтят превыше всего. И если они их [родителей] почитают и кормят, то и чужих людей, старше себя и старых, также почитают, разговаривают с ними вежливо и дурными словами их не ругают.

Славу детей, почитающих родителей, получают по делам своим

Почитающие родителей дети, став взрослыми, если не станут считать себя за младших, разных слов уступчивых не станут произносить, а об имеющемся имуществе будут говорить: «Ваше и наше» — этих трех дел не станут исполнять, то они хоть каждый день режь быков и баранов и приглашай родителей, все равно репутации детей, почитающих родителей, не приобретут.

[Почитание родителей] — самое высшее из дел, связанных с выражением почтительности

Из всех разных дел, связанных с выражением почтительности, дело почитания отца с матерью — высшее.

л. 50 (инв. № 145, л. 15а)

Ребенок почитает мать

В давние времена жил некий ребенок шести лет. О почитании им матери рассказывают следующее: «Его мать приготовила еду [рис]. Среди евших эту еду чиновников оказался тот, который понял, что это краденая еда [рис]. Он спросил об этом ребенка. И тот сказал: «Из-за того, что мать приготовила вкусную еду, она наказания за кражу не избежит!» Об этом доложили старшему чиновнику и тот дал ребенку высокий ранг сына, почитающего мать[174].

[А] мудрый ребенок мачеху почитает

В давние времена [у одного человека] был сын от первой жены Лу Лан и два сына от второй жены — Лу и Ло. Мачеха, видя отцовского сына Лу, гневалась. [Отец] захотел развестись со второй женой. Мудрый и почитающий родителей сын увещевал отца: «Если ты разведешься с матерью, то три сына останутся сиротами, они будут более несчастливы, чем даже ты, оставшись один. Не ошибись!» Отец не развелся с женой. Узнав об этом, мать одинаково ласково и вежливо стала относиться ко всем трем сыновьям[175].

Сын почтительный и мать любящая

В давние времена сын торговал дровами и тем кормил мать. Как-то раз сын уходил рубить дрова. А после этого матери сказали: «Твой сын убил человека!» Трижды приходили и говорили ей об этом. Мать перепугалась и от страха кусала пальцы. По этой причине сын, [видя такое состояние матери], заболел. Его спрашивали: «Ты что, ходил за дровами из почтения к матери?» — а мать спросила его: «Ты что, действительно убил человека?» Сын ответил: «Если у меня есть родная мать, зачем мне совершать преступление? Вероятно, у преступника то же имя, что и у меня». Так из-за того, что его мать кусала от страха пальцы, почтительный сын сам заболел[176].

[Вот примеры]: мать испугалась грома небесного

В давние времена некий человек схоронил свою мать, которая умерла от страха, испугавшись грома. Если в летнее время гремел гром и в это время почтительный сын плакал на могиле матери, Небо из почтения прекращало греметь. Узнав такое, государь послал дать ему награду и по всей Поднебесной оповестил о нем как о почтительном сыне[177].

л. 51 (инв. № 145, л. 15б)

Почтительный сын нес мать на спине

В давние времена Мэ Мба-ие носил на спине свою мать, а навещая близких, стремился раздать им одежду и пищу. Однажды

в пути он натолкнулся на разбойников. Те хотели их убить. Почтительный сын, обращаясь к ним, сказал: «Убейте меня, но сжальтесь над престарелой матерью, которую я ношу на спине!» Злые разбойники растрогались и из-за проявления такого чувства почтительности сына к матери отпустили их и отдали им вещи[178].

Престарелый сын почитал родителей

В давние времена жил престарелый сын восьмидесяти лет, а его родителям было по сто лет. Из почтения к престарелым родителям [этот сын, сам старик,] играл, как ребенок. После того как умер его отец, дело почитания родителей он сделал высшим для себя. Узнав об этом, государь пригласил его к себе, но он не пришел, не пожелал ранга и награды и укрылся в горах. Кончил свою жизнь, проявляя почтение к [своему] истоку и теплу[179].

[Сын], чтобы прокормить мать, продал своего ребенка

В давние времена некий человек, твердый в проявлении почтения к своей матери, продал своего ребенка. Почитая мать и служа ей, он у своей плачущей жены отнял от груди ребенка и унес в сетке для ловли птиц. Узнав об этом, государь дал ему в награду зерна, а [дитя] соединил с родной матерью[180].

[Сын] кормил слепую мать, превратившись в оленя

В давние времена у некоего почтительного к родителям сына отец и мать были слепыми. Сын, надев оленью шкуру, бродил, как олень, добывая пропитание родителям. Выехав однажды на охоту, государь этого оленя подстрелил. Сын пожаловался ему, и государь, сожалея о случившемся, этих престарелых родителей взял во дворец и там содержал[181].

Престарелая мать била палкой сына, [а он плакал от того, что силы ее слабели]

В давние времена жила вдвоем с сыном мать-родительница. Если мать била сына, то сын с радостью переносил удары палкой. И вот однажды, когда мать била сына, он вдруг заплакал. Мать сказала: «Такого не случалось прежде, почему ты плачешь?» Сын ответил:

л. 52 (инв. № 145, л. 16а)

«Мудрая мать, когда была молодой и била меня палкой, то причиняла мне боль. Теперь же, когда она бьет меня палкой, то боли мне не причиняет. Мать уже состарилась. Вот поэтому я и плачу!» Государь, узнав об этом почтительном к матери сыне, дал ему ранг и награду[182].

Почтительная к родителям дочь спасла отца

В давние времена дочь находилась в пути со своим родным отцом. По дороге, в горах, когда они расположились на ночлег, злой тигр хотел убить отца. Почитающая родителей дочь внезапно оседлала тигра, схватила его за уши и призвала на помощь

Небо. Благодаря ее добродетели тигр покорился и оказался не в состоянии даже ранить отца[183].

А мудрый внук почитает деда

В давние времена жил престарелый дед. Он сам приказал отцу своего внука [своему сыну] отправить его на место погребения. Его отвезли в пустынное место и там оставили. Тот [внук] как почитающий родителей сын сидящего на пустыре деда с места погребения принес обратно домой. Отец разгневался и ругал сына: «Зачем ты принес его домой с нечистого места погребения!» Сын ответил: «Когда отцы старятся, то им выбирают место погребения, но не бросают их на пустырях. Разве это не так?» Его отец понял свою ошибку. Вернул деда и постоянно с почтением прислуживал ему[184].

[Сын] должен учиться на своих поступках

Сын, почитающий родителей, лично сам должен поступать преданно и справедливо. И если он на добродетельных поступках учится, то имени своих предков, дедов и бабок, не опозорит.

На почетное место в доме не садиться

Дети, почитающие родителей, на то место, где сидят отец с матерью, не садятся. Одежды, которые носят отец с матерью, не обсуждают и не надевают. Никогда и ни в чем от уважительного отношения к родителям не отказываются.

Чина, более высокого, чем [чин] отца, не принимать

Дети, почитающие родителей, если у них родители имеются, а отец от государя ранг и должность имеет, в том случае, когда сыну скажут, что у него есть возможность получить ранг и должность более высокие, чем имеет его отец, он как почтительный сын в таких случаях от [ранга и должности] вежливо отказывается и не принимает их.

л. 53 (инв. № 145, л. 16б)

Есть три формы[185] выражения почтения

Высшее выражение сяо — это действия государя. Государь в Поднебесной благую силу дэ распространяет, на суше-земле почитание родителей и старших (*сяо*) и нормы поведения и ритуала (*ли*) накапливает. Если сяо и дэ распространились по государству, то это и есть сяо государя. Следующее сяо чиновников. Если чиновник благородно и преданно соблюдает закон (*фа*) и нормы поведения и приличия (*ли*), не имеет дурной репутации, не ищет наград от государя, служит почтительно своим родителям, то это и есть проявление почтительности чиновников. Если человек сильный и способный направляет свою силу и способности на почитание родителей и служение им, то это и будет проявление сяо со стороны народа государства.

Почитающие родителей дети телу своему вреда не причиняют

Почитающие родителей дети, когда родятся, то изначально им принадлежащие пять корней[186] и пять ветвей[187] полностью получают и, родителей почитая и им прислуживая, лично сами преступного вреда и порчи [телу своему] не причиняют. С одним телом живут до старости, родителям не причиняют беспокойства и тем самым славу детей, почитающих родителей, приобретают.

Исполняют [нужные] обряды и дни почитания родителей

Почитающие родителей дети, когда отец и мать живы, то поступают в соответствии с волей и действиями отца и матери и почтительно прислуживают им. Когда же родители умрут, то они дни поминовения родителей тремя годами [траура][188] не ограничивают, но и после этого срока обряды почитания родителей исполняют так, как будто родители живы. Поэтому и говорят, что такие дети славу детей, почитающих родителей, приобретают.

Заботы родителей намеренно не губят

Если родители живы, то почтительные к родителям дети, которые любят родителей и которых родители любят, наказуемых смертной казнью преступлений[189] или иных преступлений, за которые хотя и наказывают, но сохраняют жизнь[190], не совершают. Родителей почитая и им прислуживая, их не огорчают. Поэтому и говорят, что такие дети славу детей, почитающих родителей, приобретают.

Когда родители заболеют — [лечат их и ухаживают за ними]

Если родители заболеют, то почитающие родителей дети печалятся, волосы на голове не причесывают[191], новых одежд не надевают, пения и плясок не устраивают. Вина не пьют, пищи вкусной не едят, безудержной радости и сильного гнева не проявляют, для лечения данной болезни лекарства составляют. Когда родители лекарство принимают, то почтительные к родителям дети из своих рук отцу и матери лекарство подают, чтобы они не болели. Заботятся о больных родителях так, как будто это они сами больны.

л. 54 (инв. № 145, л. 17а)

Зимой и летом [родителям] почтительно прислуживают

Почитающие родителей дети в зимнее время родителям теплую комнату подыскивают, прислуживают им, заставляя их находиться в теплом доме. Летом тонкое и легкое [платье им] подыскивают, прислуживают им в прохладном помещении. Вечером, когда отец и мать спать укладываются, спокойного сна и благополучия им желают. Утром почтительные к родителям дети быстро встают и справляются о самочувствии отца и матери.

Ибо дела, связанные с почитанием родителей, самые важные

Если речь идет о почитании людьми родителей, то дело почитания родителей есть высшее из пяти постоянств[192], корень десяти тысяч дел[193]. Поэтому дело почитания родителей есть самое высшее.

Почитающие родителей дети трех правил[194] придерживаются

Когда родители живы, то, следуя правилам почитания родителей, усердно им служат. Когда родители умерли, то хоронят их по обряду. После этого почтительные к родителям дети памятных дат не забывают и совершают жертвоприношения и моления. Если они эти три правила соблюдают, то о них говорят как о детях, имеющих славу детей, почитающих родителей.

Обязаны исполнять пять людских дел[195]

Человек сам лично должен поступать в соответствии с установленными правилами, служить искренне и преданно. Если он занимает должность в управлении, то в силу своих возможностей решать дела. Когда он ищет любви близких, то должен поступать искренне. Когда государь отправляет его в стан врага, то он должен держаться стойко и мужественно. Если человек не станет исполнять этих пяти возможных дел, то не только на себя лично накличет зло, но и отца своего в беду вовлечет. Про такого говорят, что он не является сыном, почитающим родителей.

л. 55 (инв. № 145, л. 17б)

И благодаря почтению к родителям обретают счастье

[Так один сын] матери, любившей вкусную пищу, добыл овощи

Речь идет о давних временах, о почтительном сыне, почитавшем свою мать. Мать постоянно ела свежие овощи, но зимой не было свежих овощей. Если мать говорила: «Я поела бы свежих овощей!» — то сын, который был не в состоянии выполнить ее просьбу, плакал. Об этом было доложено императору и тот пожаловал почтительному сыну овощей. Благодаря тому, что [этот сын] приобрел славу почтительного сына, он был включен в число советников [государя][196].

[Или другой] благодаря почтительному отношению к родителям стал добродетельным государем

В давние времена некий человек был почтительным сыном своей матери. Жестокая мачеха дурно обращалась с ним и хотела его убить. Почтительный к родителям сын, благодаря своим добродетелям, убит не был, а был удален в захолустье, где пас свиней и пахал землю, разводил разную домашнюю птицу. Сеял хлеб, перевозил зерно и накопил много зерна. Будучи человеком трудолюбивым и почитая отца и мать, кормил их. Когда отец ослеп, он стал его поводырем. Узнав об этом, государь дал ему в жены двух дочерей, сделал их государынями. Так благодаря своей добродетели [этот человек] унаследовал титул вана и стал государем[197].

[Третий] продал себя, чтобы достойно ухаживать за матерью

В давние времена один человек усердно ухаживал за рано умершим отцом. После [смерти отца] он обеднел. При почитании умирающей матери оказался не в состоянии достойно ухаживать за ней. Продал себя, чтобы достойно оказать матери сыновнее почтение. Отправившись в путь в поисках работы, он в пути встретился с некоей умной женщиной, они пошли вместе. Этот человек нанялся на работу к хозяину. Хозяин сказал: «Если наткете пятьсот кусков шелка, то отпущу!» — так сказал. Мудрая женщина за полдня соткала пятьсот кусков шелка, и их отпустили. Эта женщина сказала: «Эта помощь пришла за твое почтительное отношение к родителям, и я отдаю то, что задолжала. Я возвращаюсь в свой Небесный дом». И, говорят, она села на облако и улетела на Небо[198].

л. 56 (инв. № 145, л. 18а)

[Для почтительного сына] в зимние холода лед раскололся, рыба появилась

В давние времена один человек почтительно относился к родителям. Мать его любила есть рыбу. Говорят, в последнем зимнем месяце года[199] мать как-то сказала: «Я хотела бы поесть рыбки!» Этот почтительный к родителям сын опустился на лед и заплакал, воззвав к Небу о помощи. Благодаря его почтительности к матери лед раскололся и появились две рыбины, которые он и поднес своей матери[200].

Пожар не разгорелся

В давние времена жил некий сын, почтительный к родителям. Семьи жили в трех домах. В среднем доме лежал труп умершей матери. В западном доме случился пожар. Почтительный сын преклонил колени и плакал у трупа матери. Говорят, что благодаря его почтительности огонь не распространился на средний дом, а восточный дом сгорел[201].

Почтительному к родителям сыну ворона помогла

В давние времена некий человек в высшей степени почтительно относился к отцу. Некая трехлапая ворона[202] часто садилась ему на голову. Среди живых существ ворона отличается высшей сыновней почтительностью[203]. [Птенцы у ворон] сто дней сидят в гнезде, и родители приносят им пищу. Когда же птенцы вырастают и покидают гнезда, то их родители сто дней сидят в гнезде, а птенцы приносят им пищу в благодарность за родительскую милость. Поэтому-то почитающим родителей детям ворона постоянно с чистой душой помогает[204].

[У него] забил источник вкусной воды

В давние времена некий человек почитал родителей. Мать его любила пить вкусную воду из омута, и почтительный сын, нахо-

дясь при матери и постоянно прислуживая ей, посылал собственного сына к омуту брать там воду. Этот сын [однажды] упал в омут и утонул. Мать спросила о внуке. Почтительный сын ответил, что отправил его учиться. После этого, почитая мать, он заплакал, приговаривая: «Кто же теперь будет приносить воду?» Из-за его почтительности [к матери] у их дома забил родник вкусной воды, [как] из омута[205].

[Почтительный сын] мачехе почтительно служил

Рассказывают, что в давние времена жил один почтительный сын. Его родная мать умерла молодой, и он с почтением относился к своей мачехе. Эта мать любила есть ростки каменного бамбука. Как-то в последний

л. 57 (инв. № 145, л. 18б)

месяц зимы[199] она сказала: «Поела бы я ростков бамбука!» Этот сын, поскольку для ростков бамбука было не время, хотя и искал их, но не добыл. И поэтому, как и почтительные сыновья в древности, заплакал. И когда он заплакал, перед ним появились ростки каменного бамбука, и он преподнес их матери[206].

Бабушке почтительно служил

В давние времена некий почтительный внук уважительно служил бабушке. В последнем зимнем месяце года[199] бабушка сказала: «Я поела бы свежих овощей!» Почтительный внук обратился с мольбой к Небу и заплакал. Благодаря силе его почтительности у него перед домом появились свежие овощи[207].

Почтительно служил тетке по матери

Рассказывают, что в давние времена жил один человек. Когда он был маленьким, его мать умерла, и его воспитала тетка по матери. Поэтому он относился с почтением к тетке по матери. Эта тетка по матери ослепла на оба глаза. Врач сказал: «Если достанете желчный пузырь большой змеи, то вылечите ее!» Этот племянник-сын, будучи почтительным, искал желчный пузырь большой змеи, но не нашел. Однажды некий ребенок бросил... и после не появлялся. Когда открыли... то там оказалась змея. Тетке по матери дали выпить лекарство, и ее глаза стали видеть[208].

[Известно] о почтении одинокого сына к матери

Рассказывают, что в давние времена жили одинокая мать и одинокий сын, у которых не было родственников. Мать умерла, и, оставшись совершенно один, сын оплакивал ее. Благодаря силе его почтительности в течение нескольких дней две птицы...[209] прилетали помогать ему оплакивать мать[210].

[О том, как почтительный сын] благодаря силе почтительности увидел во сне злаки

В давние времена некий человек почитал родителей. Начались стихийные бедствия. Однажды ночью ему приснился сон, [будто некто], указывая на запад, сказал: «Там имеется просо!» После этого начали поиски на западе. И в просе, обнаруженном в яме, оказался камень с вырезанными на нем письменами: «Награда Неба. Почтительному сыну семь лет выдавать провиант!»[211]

л. 58 (инв. № 145, л. 19а)

Почтительные дети увековечили память родителей

В давние времена два брата с почтением относились к родителям. Из земли сооружали могильную насыпь. Оба брата сами [все] строили, других строителей не звали. Благодаря их почтительности все птицы прилетали помогать им, строили вместе с ними и завершили могильную насыпь[212].

Как благодаря почтению к родителям свершилось чудо

В давние времена жил один бедный человек. Когда умер его отец, он принес его на кладбище предков. Там заплакал и сказал: «Я по своим способностям не в состоянии устроить кладбище предков!» Благодаря силе его почтительности кладбище само собой устроилось и на нем на всей его территории правильными рядами выросли и зацвели бамбуки[213].

И дикие звери, и птицы оказали помощь

Рассказывают, что в давние времена некий человек почитал родителей. Когда умер его отец, то он только сам один оборудовал его могилу. Родня же помогать ему не пожелала. Исполненные почтения к родителям, все дикие звери и птицы помогали ему. Появилась могила. На расстоянии пяти ли вокруг выросли сосны и кипарисы. Один кормившийся [подле могилы] олень бодал [растущие вокруг деревья]. Почтительный сын спросил: «Ты почему бодаешь эти деревья?» Олень был злой и бодучий, и почтительный сын предложил: «Ради моего отца убьем этого оленя!» Оленя ввели внутрь могилы, и свирепое животное, ошеломленное силой почтительности, само рухнуло на землю и скончалось. Говорят, что это, хотя и введенное в могилу, животное жило в могиле вместе со свирепыми по характеру дикими животными и птицами[214].

Как почтительная к родителям дочь искала труп отца

Рассказывают, что в давние времена жила некая девушка, почитавшая своего отца. Сам отец утонул, и эта девушка сказала: «Я пойду искать в воде тело покойного отца!» Родственники отговаривали ее и не пускали. Не прошло и ста дней, как она ушла к тому месту, где утонул ее отец, плакала там и сама бросилась в воду. Некий селянин увидел ее во сне, она сказала ему: «Послезавтра труп отца появится у берега!» В этот день вытащили труп отца. Позже при обучении людей

л. 59 (инв. № 145, л19б)

почтительности [этот случай] стали использовать в качестве примера[215].

Объясняем понятие «братья»

Порядок следования братьев друг за другом определен Небом. Следование друг за другом старших и младших братьев устанавливается в порядке первородства, определяемого кармой.

Братья бывают мудрые и глупые

Глупый брат, если его о чем-то спрашивают, хотя кое-что и не понимает, но характер имеет твердый. И случись несчастье, сразу же защитит.

Есть правила поведения братьев

Старший брат любит младшего, младший брат почитает старшего, и они постоянно действуют на благо один другому.

[Ведь] братья произрастают из одного корня

У братьев прежние века [перерождения] и карма схожи, нынешние отец и материнская утроба одинаковы. Они едины, как корни и листья у дерева, родственной плотью жизни их связаны.

Как руки и ноги, [помогая друг другу], вырастают

Братья рождаются и растут, поддерживая друг друга, как ноги и руки, служат друг другу опорой. Изречение гласит: «Все братья в исподнем на одной кошме сидят, но только старший брат кланмэ продолжает!»

[Братья] совместно имущество копят

Братья совместно питаются в одной семье и накапливают имущество, на путь грабежа не вступают. Изречение гласит: «Помыслы братьев едины — бить тибетцев и китайцев[216]. Нрав их тот же, что и у предков — [побольше] иметь коней и яков!»

л. 60 (инв. № 145, л. 20а)

И поступки братьев определяются правилами взаимоуважения

Если старший брат встречает того, кто по возрасту младше, чем он, то он обращается с ним с любовью, как со своим младшим братом. Если младший брат встретит того, кто по возрасту старше, чем он сам, то почитает его так же, как своего старшего брата.

Младший брат старшего почитает

В давние времена мачеха из ревности хотела дать яд сыну от первой жены [букв.: «прежней матери мужа»]. Ее родной сын отличался почтительностью и мудро сказал: «Дай мне выпить этот яд!» И младший сын от этой матери из-за любви [к старшему, единокровному, брату] этот яд выбросил на двор [букв.: «в степь»]. Если братья от этих матерей почитали друг друга, то и злобу друг к другу из сердец своих отринули. Если двух сыновей равно любить, то и душевное расположение друг к другу станет одинаковым[217].

[Известно], как младший брат, грамоту постигнув раньше старшего, ранга и должности не добивался

В давние времена жили три брата. Они начали учиться грамоте. И младший брат первым овладел грамотой [букв.: «стал писать правильно»]. Учитель сказал: «Ты овладел грамотой, проси для себя ранг и должность!» Младший брат ответил: «Оба старших брата грамотой еще не овладели, поэтому я просить ранг и должность не могу!» Затем, когда оба старших брата в равной мере овладели грамотой, все братья получили одинаковые ранги и должности[218].

[Братья], имущество поделив, отдельно живут

В давние времена жили три брата, каждый отдельно со своей семьей. У старших братьев еды и имущества было мало, и младший брат много отдавал своим старшим братьям. Старший брат благодаря своей почтительности (*сяо*) и добродетели (*дэ*) еды и имущества много накопил, а младшие братья обеднели. И тогда старший брат велел выделить двум братьям часть из своих еды и имущества[219].

[Бывали случаи], когда ранг и должность отца давали младшему брату

В давние времена было двое братьев. Старшему брату дали ранг и должность отца, а потом ранг и должность дали и младшему брату. Когда государь на это не согласился, [то старший брат], подобно человеку, лишившемуся рассудка, ушел в степь. Этот ранг и должность отдали младшему брату. После этого прошло пять лет, и когда среди знающих грамоту стали отбирать на службу, то и старший брат получил ранг[220].

л. 61 (инв. № 145, л. 20б)

[Но бывали и случаи], когда [старший брат] давал жене развод из-за того, что она сказала: «Давай жить отдельно!»

В давние времена шестеро братьев жили вместе. Семья была бедной. Из тех, кто [жил в этой семье], жена старшего брата говорила мужу: «Давай отдельно жить, свое имущество иметь!» Этот муж собрал свою родню и перед всеми объявил, что дает жене развод[221].

[Известны истории], когда братья из-за того, кому умереть, спорили

В давние времена был некий человек, совершивший преступление. [Затем совершивший преступление] и находившийся в бегах старший брат возвратился. Если пустившегося в бега старшего брата не было на месте, то это значило, что он бежал к младшему брату. [Его арестовали у младшего брата], и было объявлено, что беглец должен быть казнен. Оба брата заспорили о том, кто из них должен быть предан казни[222]. [Младший] говорил: «Он бежал ко мне!» — [и требовал казни для себя]. Эти слова стали широко известны и дошли до государя. Учитывая взаимное уважение братьев друг к другу, государь простил им их преступления[223].

[Как] братья друг друга почитали

В давние времена среди стойких и твердых людей, поддерживавших друг друга, были два брата. Оба они держались вместе. И однажды, столкнувшись с армией грабителей, должны были принять смерть. Хотели казнить младшего, но старший стал оспаривать то, кто из них должен умереть: «Я толще, убейте меня!» — сказал он. Младший же брат из почтения к старшему го-

ворил: «Меня следует казнить!» Грабители поняли, что братья уступают [смерть друг другу] и отпустил их. После этого государь узнал, что эти братья самые почтительные среди почитающих друг друга, и за их почтение друг к другу дал им высокие ранги и большие награды[224].

[Как] три дерева цвет изменили

В давние времена были три брата, которые жили отдельными семьями. Захотели они перед своими домами посадить по три дерева. [Но деревья] все время засыхали. Братья передумали и решили прекратить жить отдельными семьями. И эти деревья вновь расцвели. Изречение

л. 62 (инв. № 145, л. 21а)

гласит: «Всю свою жизнь братья друг друга любят и уважают. Сто лет одной семьей живут, не желают выделяться!»[225]

А старший брат был мудр и уступчив

В давние времена были братья, которые жили одной семьей. Младший брат сказал: «Я выделяюсь!» Старший брат, будучи человеком благородным, из имевшегося имущества оставил себе весь старый скот, пожилых рабов и подержанные вещи. А все добытое имущество отдал младшему брату[226].

А младший брат требовал имущество

В давние времена были братья, которые жили одной семьей. Младший брат сказал: «Женюсь!» — и стало известно, что он уже и говорил: «Отделяюсь!» Этому младшему брату, который отделялся, старший брат из имеющегося имущества все, что было в наличии, отдал. Позже старший брат разбогател, а младший обеднел. Изречение гласит: «Если делишь дома и скот, то всего, что есть в наличии, не унесешь. Если после удачной охоты мясо диких животных делишь, то слишком много не забирай!»[227]

[Очень важно] почитание братьями друг друга

В давние времена братья, одной утробы сыновья, хорошо относились друг к другу, трех поколений люди не выделялись, «ты — я» [«твое — мое»] не говорили. Семьи и целые поселения удивлялись этому, и [эти люди] приобрели репутацию почтительных[228].

Братья ненавидели друг друга, [но пришли к согласию]

Старший брат сказал. Младший брат возразил. Младший брат пошел наперекор. Старший брат разгневался. Видя неправду, мудрый человек увещевал их: «Важны две руки вместе. Правую ли, левую ли руку отруби, тело станет неполным!» Те два брата, услышав это порицание, пришли к согласию[229].

Младший брат оговорил старшего, [а тот простил его]

В давние времена жили трое братьев. [Все они] учились грамоте.

л. 63 (инв. № 145, л. 21б)

Младший брат оговаривал двух [старших братьев] и причинял им зло. После этого старшие братья, посоветовавшись, [решили следующее]: оба пришли к младшему брату и, не помня зла за его прежние слова, дали ему имущество[230].

[Если братья живут в несогласии],
то корень-основа рушится

Если братья живут в несогласии, то рушится корень «пяти постоянств» — отцовской справедливости, материнской жалости и любви старшего брата, проявление почтения и уважения со стороны младшего брата, проявление почитания со стороны детей[231]. Поэтому и говорится о приходе в состояние дисгармонии «пяти постоянств». И репутации родителей нанесен урон.

[Надо помнить], как [старший брат] искал труп
умершего младшего брата

В давние времена в реке утонуло пятьдесят человек. Среди них был и некий младший брат. Старший брат искал его труп. Трупы пятидесяти человек положили вместе, но [старший брат] трупа [младшего брата] опознать не мог. Он сказал: «Если на руке младшего брата будет кровь, на костях она просочится, то это и будет мой брат!» Действительно, по этим признакам он и узнал брата и труп брата забрал[232].

[Поговорим] о дядьях и племянниках

Дядя по отцу и тетка по матери — боковые ветви [эго], это лица, имеющие внешнее сходство с отцом и матерью. Для детей высшее почтение — это почтение к отцу и матери. А следующее за ним — это почтение к дяде по отцу и тетке по матери.

Дядя по отцу отдает распоряжения племянникам
и наставляет их

Поскольку дядя по отцу отдает приказы племянникам не грубо, а когда наставляет их, то не гневается на них, то обходится с ними, как со своими собственными сыновьями. Соблюдая порядок, любит их, отдает им приказы и наставляет их.

л. 64 (инв. № 145, л. 22а)

[Известно], как дядя по отцу заплатил за
племянника выкуп врагу и враг проявил
милосердие

В давние времена двое — сын и племянник [некоего лица] попали в руки разбойников. Зашла речь о выкупе. Враги заставляли [этого человека] заплатить выкуп за родного сына. Но [тот человек], дядя по отцу, плача, заплатил выкуп за племянника: «Покойный брат, — сказал он, — завещал мне заботиться о его сыне, и я от данного мною слова не откажусь!» Враги, проявив милосердие, отпустили того и другого пленника[233].

Как дядя по отцу племянника-сироту заботливо
вырастил

В давние времена у дяди по отцу жил племянник-сирота, [человек] характера стойкого и упорного. Дядя поил его и кормил наравне с другими и племянника-сироту заботливо воспитывал. Позже племянник выучился грамоте и поэтому получил ранг и должность. Он почтительно служил дяде по отцу, говорят, даже с большим усердием, чем служат родному отцу[234].

И как племянник из почтения к дяде по отцу не принял первым должности и ранга

В давние времена у одного человека, когда он был малолетним, умер отец, и он жил у дяди по отцу. Когда он вырос, то обучился грамоте. Государь давал ему ранг и должность, но он ранга и должности не принял, а объявил: «После того как дадут ранг и должность дяде по отцу, то одновременно с ним и я приму ранг и должность!»[235]

[Поговорим] о дядьях по матери и их племянниках

[Дядья по матери] связаны с источником появления на свет

Дядья по матери и их племянники [сыновья их сестер] — [люди] одного корня с матерью, один источник появления на свет. Изречение гласит: «Кость дяди по матери — источник появления на свет двоюродных братьев по матери. В печи для плавки металла железо родится».

Дядя по матери и племянники уважают друг друга

Племянники [дети сестры] дяди по матери постоянно дядю по матери уважают. Изречение гласит: «Дядю по матери уважают больше, чем Белое Высокое, оно (уважение к нему. — *Е. К.*) с почтением к духам-хранителям равно. Племянникам [детям сестры] хвалебные слова от [дяди по матери] большие, чем месту восхода солнца, они золота дороже».

л. 65 (инв. № 145, л. 22б)

Племянники чтят дядю по матери

Норма поведения племянников — почитание дяди по матери. Изречение гласит: «Даже если тонешь, за плечо дяди по матери не цепляйся. Даже если на весь свет зол, на дяде по матери зла не срывай!»

[Известно, как] дядя по матери сохранил жизнь племяннику

В давние времена в Мбуну был убит сын божества Риэ[236]. Небесное божество стало притеснять и грабить. Дядя по матери девяти братьям Белого Высокого жизнь даровал, благодаря помощи дяди по матери дали [божеству Риэ] имущество и жизнь [девяти братьев Белого Высокого] выкупили[237].

Как дядя по матери защитил племянника

В давние времена отец прекрасноликого предка Лдаынгвин Ндживумие был убит демоном Мэ. Желая отомстить, [Лдаынг-

вин Ндживумие] стал мериться силами с демоном Мэ. Поскольку [Лдаынгвин Ндживумие] не мог одолеть демона, то Ндживумие со своим дядей по матери Ндинмбо отправился к трем братьям просить защиты у духа-покровителя (?). Они двинулись на [демона] Мэ и отомстили за отца[238].

Что касается сестер

То [сестры] имели касательство друг к другу в прошлых перерождениях

Сестры в прошлых перерождениях имели касательство друг к другу. И благодаря близости истока в этом перерождении у них одни и те же отец и мать.

У сестер корень рождения одинаков

У сестер один отцовский корень и материнская плоть их родителей, одна утроба. Среди подрастающих людей корень жизни у них един и налицо высшая степень родственной близости.

Став взрослыми, [сестры] выходят замуж

Братья, подрастая, клан-мэ образуют, землю дедов, дом отца и людей его наследуют, родовой культ справляют. Сестры, подрастая, замуж выходят, иные имеющиеся в мире кланы-мэ образуют. А государство устанавливает нормы взаимоотношений для родни[239].

л. 6б (инв. № 145, л. 23а)

Добрые сестры помогают братьям

Жил в давние времена некий человек, умный и с характером твердым. Будучи человеколюбивым, он половину своей пищи отдавал на пропитание бедным. Это обозлило [его] братьев. Тогда старшая сестра, любя братьев, дала им тысячу монет и зерно, с тем чтобы и они помогали бедным, как их брат[240].

О младшем брате заботятся

В давние времена жили старшая сестра и брат, который был по возрасту младше ее. Родители у них умерли. Сестра замуж не выходила. Она обучила [брата] грамоте, и только тогда, когда он встал в жизни на правильный путь — получил ранг и должность, она вышла замуж и покинула дом[241].

[Известно, как старший брат] младшую сестру облагодетельствовал

В давние времена в государстве была смута. Среди погибших в ней оказались некие отец и мать, у которых осталась маленькая дочь. Она воспитывалась в семье своего старшего [двоюродного] брата, сына ее дяди по отцу. Когда она выросла и выходила замуж, то брат дал за ней приданое большее, чем то, которое он дал своим родным сестрам[242].

Что касается замужних сестер и теток по отцу

То поясним, что значит тетка по отцу и замужняя сестра

Тетка по отцу — это сестра отца. Замужние сестры — это те сестры, с которыми ты [эго] рожден одними и теми же родителями, но каждая из которых, выросши, вышла замуж в другой клан-мэ и породнилась с другим кланом-мэ.

[И укажем], что дети тетки по отцу — это братья и сестры, близкая родня

Дети тетки по отцу, дети сестер — это братья и сестры, близкая родня. О них говорят как о родственниках, едой и имуществом с ними обмениваются. Изречение гласит: «Дети тетки по отцу и дети сестер имущества просят. Овцы и яки блеют и хрюкают — травы просят»[243].

л. 67 (инв. № 145, л. 23б)

А вот тетки и свояченицы

Это родня другого корня

[Девушки], ставшие женами братьев [невестками], имеют других родителей, от чужих людей[244] не отличаются. Когда они становятся женами братьев, то получают наименование невестки. Младшие и старшие невестки уважают друг друга.

Правило поведения невесток — взаимоуважение

Невестки друг друга уважают. Если они поступают по правилам доброго поведения, то и братья живут в согласии, а в доме покой.

Они обязаны увещевать друг друга, не считаясь с положением своих родителей

В давние времена жена старшего брата была дочерью маленького человека, а жена младшего брата — дочерью человека, имевшего ранг и должность. Она не заносилась[245] и почитала старшую невестку, как и свекровь. Братья жили в полном согласии, и семья процветала[246].

И свояченицы с золовками друг друга уважают

Сестры мужа — это золовки. Муж свояченицы [сестер жены] уважает. Когда просят приданое золовкам, просимое дают без любви.

Все это женщины

А женщины должны вести себя, руководствуясь четырьмя добродетелями[247]

Женская добродетель заключается в том, чтобы в полном согласии жили девять поколений родственников[248]. Говорят, что женщина должна говорить голосом ласковым и приятным, исполняя дело, иметь непринужденный вид, быть постоянно бодрой, уметь делать все женские дела и женскую работу.

л. 68 (инв. № 145, л. 24а)

И подчиняться троим[249]

Находясь в доме матери, женщина подчиняется отцу и братьям, выйдя замуж, она подчиняется мужу, а если муж умрет, то подчиняется сыновьям.

Подчиняться приказам родителей

Девушка, находясь в [родительской] семье, на приказ отца отвечает: «Я слушаюсь», выйдя замуж, свекру говорит: «Слушаюсь». Находясь дома, на приказ матери говорит: «Слушаюсь», и [все] приказы крепко запоминает.

Служить свекру и свекрови

Невестка встает на рассвете, прежде чем петухи запоют. Причесывается, одевается, обувается и находится поблизости от свекра и свекрови. Когда те встают, она ожидает их распоряжений, готовит и подает им воду для умывания и полотенце, наблюдает за выражением их лиц, ждет приказаний, подает чай и вино, готовит вкусную пищу.

Постоянно трудится, ожидая приказаний

Невестка встает рано, почтительно прислуживает свекрови, ласково справляется об ее самочувствии, говорит: «Не больны ли вы?», по желанию свекрови то, что ей доставляет удовольствие, готовит и делает.

Не поступать своевольно

Невестка пищу и вещи тайком не кладет [не прячет], по своему личному усмотрению не поступает, за спиной отцу и братьям тайком вещи в долг не отдает[250]. Если без согласия свекра и свекрови у отца и братьев баранину просит, то принесенное не скрывает, старшим подносит.

Заботится об имуществе семьи

Невестка постоянно разделяет заботы свекра и свекрови, бережет имущество семьи. Если имеет что продать другим, то продает тайно.

л. 69 (инв. № 145, л. 24б)

[Ибо женщины] только благодаря почтительному отношению к мужу и старшим счастье [свое] обретают

В давние времена жил некий человек. У него была старая мать. Кормились они тем, что ловили рыбу в реке. Невестка по нескольку раз в день давала поесть матери и ходила на реку за водой. Как-то раз она задержалась [у реки], муж рассердился и развелся с ней[251]. Но жена осталась жить в той семье, как и прежде, в положенное время ходила на реку за водой. И хозяин дома посылал ее за водой. Однажды старая мать спросила: «Кто же приносит воду?» Домашние ответили: «Ваша невестка приносит!» Старая женщина обрадовалась и приказала сыну снова вернуть ее в семью. Так невестка благодаря своему благородству и почтительности вернулась в семью. Как и прежде, вода в той реке была такой же вкусной, и, как говорят, по нескольку раз в день там [в реке] появлялись две рыбы, которых она и дарила матери [мужа — свекрови][252].

[Известно, как одна невестка] больной свекрови на лекарство [свое] мясо отрезала

В давние времена жила одна невестка, почтительная к старшим. Ее свекровь долго болела. Ее [свекровь] лечили разными лекарствами, но она не выздоравливала. Врач сказал: «Если больная поест мяса живого человека, то выздоровеет!» Та почтительная невестка тайно отрезала мясо от своего левого [бедра], мелко накрошила его и накормила им свекровь. Свекровь выздоровела. У невестки же рана болела и гноилась. Однажды свекровь спросила, отчего невестка так плохо выглядит. И истинно почтительная невестка ответила: «Ранее, когда свекровь болела, невестка от своего бедра мясо отрезала, и из-за раны плохо выглядит!» Свекровь осмотрела рану и сказала: «Разве есть еще такие почтительные невестки!» — была очень изумлена случившимся и плакала. У невестки же за ее сердечную заслугу рана зажила. Государь, узнав о случившемся, дал невестке в награду ранг и имя ее стало широко известно[253].

[И что стало с] невесткой, которая причинила свекрови вред

В давние времена жил некий сын, который очень почитал свою мать. Он был еще малолетним, когда его мать умерла. Тогда он вырезал из дерева куклу, точно похожую на мать, и день и ночь прислуживал ей,

л. 70 (инв. № 145, л. 25а)

как живой матери. Если он хоть на короткий срок уходил куда-то, то говорил жене: «Пока меня нет, как и прежде, старательно прислуживай ей!» Как-то раз невестка рассердилась и сказала: «Живой матери нет, разве можно деревянного человека любить, как живую мать?» И она ударила куклу палкой по голове. На голове у куклы появилась шишка. Когда же невестка ножом срезала ее, то потекла кровь. Сын возвратился, поклонился деревянной матери и увидел, что вид у нее сердитый, а из глаз текут слезы. Сын посмотрел на голову [куклы] и увидел шишку, след от ножа и появившуюся кровь. Сыновье сердце опечалилось, и он заплакал. Жену же он побил, сделал прислугой[254].

Поговорим о зятьях

С кланом-мэ, с которым роднятся, заключают брачный союз

Желающие жениться юноши из клана-мэ зятьев с кланом-мэ девушек заключают брачный союз. Невестки и зятья в соответствии с правилами, как [их собственные] дети, уважают свекра и свекровь [тестя и тещу][255].

Зять поступает так, как положено поступать зятю

Зять в соответствии с правилами поведения почитает тестя и тещу, относится к ним как к дяде по отцу и тетке по матери. Посезонно, в соответствии с ритуалом, он совершает им поклонения и ожидает приказаний.

Зятья и невестки с детьми одинаковы

[Зять и невестка] свекра и тестя, свекровь и тещу любят так же, как их [родные] дети. Но даже добрый зять, как бы он ни был усерден в почитании тестя и тещи, с их собственным, пусть дурным, сыном не сравнится. Изречение гласит: «Даже хороший зять с дурным сыном не сравнится. Даже лунная ночь с солнечным днем неодинакова».

л. 71 (инв. № 145, л. 25б)

Море значений, установленных святыми. Цзюань четырнадцатая, конец

Море значений, установленных святыми. Цзюань пятнадцатая

Вступление в брак

Роднятся в зависимости от кармы. То, что люди роднятся и вступают в брак, происходит потому, что они роднятся и вступают в брак в этой жизни в зависимости от их кармы и их связей в жизни прошлой. Заключая брачные союзы, кланы-мэ на равных просят друг друга. Если люди желают породниться, то вступают в брак. Равные кланы-мэ одинаково ищут родства друг с другом. Справляются о возрасте девушки и парня. И если возраст подходящий, то обращаются с просьбой друг к другу. Забирая девушку, ставшую невестой, сваты от одной семьи передают другой семье плату за породнение и пищу.

Сообща в назначенный день провожают [невесту] и передают в дом мужа

Роднящиеся посредством браков кланы-мэ уважают друг друга и, выбрав день и желая благополучия, девушку провожают и невесткой вводят в дом мужа. Сваты и сватьи уважают друг друга и поступают так, как положено по обряду[256].

л. 72 (инв. № 145, л. 26а)

Браки бывают разные

Люди, заключая брачные союзы, делают выбор. Имеется много разных семей, и низких и высоких [по своему социальному положению], и поэтому [единых] правил [выбора брачных союзов] нет. Если девушка и парень веселую и праздную жизнь любят, настоящей работы не делают и вступают в брак только ради того, чтобы иметь пищу и вещи, то [с такими молодыми людьми] браков заключать не следует. Люди разного семени и характера строптивого и въедливого [друг с другом] в брак не вступают, подобно тому как кирпич не может стать яшмой.

[Кланы, заключающие брачный союз], стараются уважать друг друга

Среди самых разных родственников таких, которые заключали бы брачный союз и при этом не уважали бы друг друга, нет. Изречение гласит: «Тот, кто и достойных почтения не уважает, тех,

с кем заключает брачный союз, уважает. Тот, кто и достойных презрения не презирает, врагов [своих] презирает».

О красивых мужчинах

[Так] мужчина телом строен и красив

В давние времена жил некий стройный и красивый мужчина, он действительно был очень красив. Когда он постоянно появлялся на местном рынке, то сидел в экипаже. И когда какой-либо человек видел этого красивого мужчину, то [непременно] говорил: «От него глаз не оторвать!» Люди бросали ему цветы и фрукты, и его экипаж был полон фруктов и цветов. И на этого красивого человека все смотрели непрестанно[257].

Был такой, имел тело белое,
подобного которому нет

В давние времена жил один мужчина. Цвет тела и лица был у него белым, красоты он был необыкновенной, как будто напудрен. Государь, увидев этого белого человека, сказал: «Он, вероятно, напудрен!» — и приказал дать ему горячее питье, чтобы тот вспотел. Говорят, что тот человек действительно вспотел, но стал только еще более чистым и белым[258].

л. 73 (инв. № 145, л. 26б)

Что значит, мужчина некрасив, но умен
Мужчина может быть некрасив, но умен

В давние времена жил один некрасивый мужчина. Тело его было в семь чи[259], лицо длинное, в три чи, и шириной тоже в три чи[260]. Однако в мудрости и мастерстве не было равного ему в Поднебесной[261].

[Известен] сын, который был некрасив,
но мудр и доблестен

В давние времена жена некоего чиновника родила сына. Лоб [у ребенка] был узкий, щеки впалые и морщинистые, нос же широкий и со свиным пятачком. Мать думала, что люди будут не в состоянии смотреть на него и захотела его убить. Она не смогла заставить отца убить его. [Отец сказал]: «Среди высказываний древних людей есть и такое, что люди, именно таким образом уродливые, вырастают мудрыми и доблестными. Пусть этот сын вырастет в моем доме!» После этого сын вырос, получил образование и был до такой степени мудр, что вошел в число советников государя[262].

[Но известно также, что] некрасивого
все не любили

В давние времена жил один некрасивый человек. Когда он, сидя в колеснице, проезжал через селения, то люди ненавидели его, бросали в него комья земли и куски черепицы. И когда он возвращался, то его колесница была поистине полна [этими] комьями земли и кусками черепицы. Но в сущности это был умный человек. И все-таки пусть [человек] известен своим умом, но

внешне уродлив, среди всех людей, которые смотрят на него, нет таких, которые бы не ненавидели его[263].

л. 74 (инв. № 145, л. 27а)

[Кем быть] мужчиной или женщиной

Обусловлено кармой

То, кем станешь, мужчиной или женщиной, в давние времена правилами [твоего] поведения уже определено. Небо и Земля, Солнце и Луна, Ян и Инь в гармонии пребывают, и то, какого пола станет некто из нарождающихся, силой не установить.

Женщина в доме работает, мужчина — в поле

Муж и жена — опора друг другу. Так как девочка — Небо, а мальчик — Земля, то домашнюю работу выполняет женщина. Это и есть внутреннее и внешнее. Поэтому-то они и опираются друг на друга[264].

Умная женщина мужчину уважает

Муж и жена друг друга уважают. Изречение гласит: «Умная женщина уважает супруга. Мудрый мужчина наставляет жену».

[Муж и жена] в семье пользуются

авторитетом и властью

Если муж и жена живут в согласии, то они становятся хозяевами всей семьи. Изречение гласит: «Если дом с хозяйкой — в кланемэ, [откуда вышла хозяйка], женщины мудрые. Если враг стойко сопротивляется — кони у него откормленные».

Таланты их равные, речи удачливые

Мужчина и женщина подобны [своим] родителям. Если [родители] жили в согласии и характером были схожи, то и дети, когда вырастут, свадьбу сыграв, с важными лицами породнятся.

Весь свой век хвалят друг друга и уважают

Муж и жена, когда здравствуют, то вместе спят на одной подушке, а когда умирают, то хоронят их в одной могиле. Изречение гласит: «Олень и олениха всю жизнь друг за другом ходят. Сильный муж и чистая жена всю жизнь друг за другом ухаживают».

А после смерти могила [у них] одна

л. 75 (инв. № 145, л. 27б)

Муж и жена, пока живы, в одном доме живут, друг друга уважают. Когда же жизнь проживут и умрут, то их на одно кладбище снесут, в один сосуд прах их поместят[265].

Что значит «умная женщина»?

У благородной женщины детей столько,

сколько нужно

Муж и жена Небом творятся, Землей взращиваются. Девушка достойная и мудрая сыновей родит столько, сколько нужно. Изречение гласит: «У благородной женщины сыновей столько, сколько лучей у солнца».

Благородная женщина заботится о рождении детей

У благородного мужчины дочери воспитаны, сыновья — красивы. Женщина, благородная заботится уже о тех детях, которые еще не родились. Не испытывает ревности к тому, что муж спит с другими женщинами, и к детям, рожденным от наложниц[266]. Любит их, как рожденных ею самой, не поступает двоедушно. Изречение гласит: «Помыслы благородной женщины — солнечные лучи».

У благородной женщины кость чистая

Муж и жена век неравный имеют. Супруг раньше, более молодым скончается, а жена еще после этого жива. Дочери у нее воспитанные, сыновья — красивые и умные, кость у нее чистая, репутации своей она не запятнает[267]. Изречение гласит: «У женщины благородной кость чистая, как лучи солнца».

Умные женщины грамотой овладевают

В древние времена некий чиновник был послан государем на границу, где он дослужился до генерала. После этого его жена грамоте обучилась. Сделала мужу плащ и на посылаемом плаще написала стихи:

л. 76 (инв. № 145, л. 28а)

«На указанном тебе пути трудную службу исполняй достойно, государево дело исполняя, будь благороден и предан. Медлительность и лень тут недопустимы. Я ныне служу твоим родителям, домашние дела ведутся по тем же правилам, что и в прошлом!»[268]

Умная женщина о благе мужа заботится

В давние времена один умный чиновник отдал свою дочь некоему бедному, но грамотному человеку и сделал его своим зятем. Бедный супруг был человеком душевным, платья дорогого не покупал, одежду красивую не любил. Если он был сердит, то жена мужа ублажала, нарядное платье снимала, в старой одежде шла с ним вместе. Направляясь к свекрови, шла с почтительностью, по новым правилам[269] черпала воду и убирала жилье. После этого ее супругу увеличили ранг[270].

Чистая жена [вторично] замуж не вышла

В давние времена жила некая чистая жена. Она овдовела молодой. После трехлетнего траура свекор и свекровь, жалея ее, сказали: «Не выйдешь ли замуж за другого?» Она не согласилась, сказала: «Я стану ожидать распоряжений от свекра и свекрови!» Ножом отрезала себе нос и всю жизнь прожила, ожидая приказаний свекра и свекрови[271].

[Она] глаз себе повредила, но [вторично] замуж не вышла

В давние времена некий муж пал в битве среди тех, кто штурмовал вражеский город. Жена его была молода. Она отправилась искать тело супруга. Среди убитых под стенами города не нашла

и заплакала. Костей и трупов у городских стен было много, и ошибиться было легко. Тогда она снова заплакала и сказала: «Если это будут кости или труп моего мужа, то пусть на них появится кровь!» Силою ее благородства на трупе ее мужа выступила кровь. Она забрала труп и похоронила его. Молву о такой ее почтительности узнал государь. Государь послал человека пригласить ее ко двору и сказал: «Я сделаю тебя императрицей!» Она не согласилась. И чтобы остаться чистой, глаз себе повредила[272].

л. 77 (инв. № 145, л. 28б)

Чистая жена мужа наставляет

В давние времена двое сирых, муж и жена, кормили холодной зимой корову. Раз, одевшись, муж сказал: «Бедная наша семья!» — и заплакал. Женщина разгневалась и сказала мужу: «Коль благородный муж грамоте не учился, то почему бы ему и не плакать?» Услышав эти слова, муж старательно грамоте выучился и, будучи хорошо грамотным, получил ранг и должность в управлении. Как-то раз муж сказал: «Наш государь решает дела несправедливо! Надо увещевать государя!» Жена сказала: «Ты забыл, что прежде был беден, ты не смеешь увещевать государя!» Муж же, не вняв этим советам, стал увещевать государя. Государь разгневался и лишил его ранга и должности[273].

[Как] мудрая мать, она выбирает зятя

В давние времена жил некий крупный чиновник. У него была умная жена и единственная дочь, красоты необыкновенной. Отец с матерью очень любили ее и расстаться с ней им было невмочь. По обычаю следовало выдать ее замуж, среди окружающих выбрать жениха, подходящего по возрасту. Благородных юношей было много. Мудрая мать не хотела иметь зятя легкомысленного и ветреника. Пусть лучше будет бедный, но умный, подходящий по возрасту и с будущим. Выражая свою волю, мудрая мать сказала: «Парень богатый, но ветреный и легкомысленный, быстро умрет. Бедный же зять, благодаря своим добродетелям, долго проживет и ранги получит!»[274]

[Известно, как,] оставшись в цветущем возрасте вдовой, она малолетнего сына вырастила

В давние времена некая женщина, проницательная и умная, тринадцати лет родила сына. А когда ей исполнилось четырнадцать лет, муж ее скончался. Вся родня умной женщины в установленном порядке воспитывала сироту. А после этого сын выучился и получил ранг, а мать прославилась по всей Поднебесной[275].

л. 78 (инв. № 145, л. 29а)

[На таких женщинах] держатся крепкие кланы-мэ, опора государства

Умные женщины — семьям польза. Они и с близкими, и с дальними иметь дело способны. Изречение гласит: «Если жена умная и семье предана, то и муж ее добрую славу имеет. Если чиновники мудрые и делам государства преданы, то и государь добрую славу имеет».

А есть злые жены

И вредные жены Небом созданы,
Землей вскормлены

Муж и жена — опора друг другу — это правило Поднебесной. Жена злая, муж вредный — [и такой] порядок бывает на суше-земле. Изречение гласит: «Пусть злой жены и седла тяжелого хозяин не знает. Пусть людей достойных и людей мудрых император знает!»

Бессовестная женщина жену брата почитает

По обычаю, распределяя обильную пищу, женщина и к дальней, и к близкой родне относится одинаково. Женщина же бессовестная лишь близкую родню замечает. Изречение гласит: «Хотя женщина бессовестная и прячет все в кладовую, жена ее брата не может не знать об этом. Хотя трава на галечнике и не растет, голуби туда не могут не долететь!»

[Оставленный ею] камень в пище и близким
достанется

Бессовестная женщина, готовя пищу, должна помнить о своих близких. Мужчина слабый, деля имущество, своим [все равно] дает побольше. Изречение гласит: «[Чужого] человека завидев, голову прикрывать — и для глупых женщин правило. В горшке, хоть и прикрытом крышкой, каша с камнями — и близкие есть не станут».

Женщина, ревнивая и злобная,
праведной не станет

Женщина благородная блюдет правила приличия. Мужчина добрый дочерей воспитывает, сынов красивых растит. Женщина глупая, своих детей не имеющая и заботящаяся о том, чтобы муж не взял наложницу, праведной не станет. Слабый мужчина, который при жене находится и лишь после ссор ее попрекает, и век прожив, праведным не станет[276].

л. 79 (инв. № 145, л. 29б)

[Она, как тот] хороший камень, который
все равно оставляет рану

Жена бессовестная наложниц оговаривает, родню ссорит, близких разъединяет. Муж, услышав сказанные ею пустые слова, все запоминает — и правду, и ложь, и то, что правдоподобно, — и жену ненавидит.

Лживая жена идет мужу неперекор

Жена бессовестная уверяет, что в душе слов пустых не держит, а сама мастерски во всем идет мужу наперекор. Когда она с му-

жем, то искусно притворяется, когда же она одна, то за его спиной ему изменяет. Сыны государства от таких жен плачут. Изречение гласит: «Хотя один клан-мэ подле другого клана-мэ палатки ставит, а пустой земли все равно много. Хотя государство с государством, враждуя, сыновей теряют, всегда остаются те, кто их оплакивает».

Глупая жена вещи любит

В давние времена некая замужняя сестра императрицы любила еду и вещи. А родным и близким толики вещей и еды не подносила. Муж же, человек очень умный и грамотный, к вещам и пище не был пристрастен, о деньгах не говорил. Жена, чтобы изумить мужа, в комнате деньги раскладывала, их стоимости не учитывая. Как говорят, если женщина любит вещи, она их добудет.

[А ведь] и мужу и жене в соответствии
с правилами поведения поступать должно

Мужчина отдает приказы семье, голос повышая. Женщина семью укрепляет, почтительно поступая. Изречение гласит: «Петух поет ко времени. Жена завтракает к своей пользе!»

Глупая [жена] раздражительна

Дурная жена раздражительна и мужа не почитает. Находясь близко от него, разными дурными словами его поносит. Отбежав же, идет сзади и предлагает помириться. Ликом красива, а душою грязна, [она, как] бельмо на глазу.

л. 80 (инв. № 145, л. 30а)

Злая жена может быть не только мужем побита

Женщина, которая не придерживается норм поведения, предписанных женам, не знает сама ни в чем меры, умных слов не слушает, любит затевать ссоры в семье, несправедлива, подлежит наказанию палками [со стороны властей][277].

Как мачеха, которая ненавидела детей

В давние времена жил некий важный чиновник. Жена его умерла. Он растил детей и взял себе в жены вдову. Вторая его жена оказалась очень ревнивой и злой. Она убила детей мужа от первого брака и тайно бросила [их трупы] в канаву. Позже, узнав о том, государь произвел следствие по этому делу. Истина была установлена и [виновная] была казнена по закону — растоптана и разодрана в клочья пятью быками[278].

Но есть женщины, некрасивые внешне,
но мудрые и благородные

[Конечно], власть женского тела в его красоте

Если женщины красивы, то в государстве людей, вступающих в брак, очень много. Изречение гласит: «В женщине красоту, в мужчине ум ценят».

Но есть женщины, внешне некрасивые,
но умные и благородные

Достойная женщина славна умом и благородством. Чтящих женскую красоту очень много, а околдованных женской красотой множество. Изречение гласит: «Умный мужчина о женщине по ее делам судит. Глупый мужчина на женскую внешность глядит».

[Известно, как] женщину некрасивую,
[но мудрую] умный мужчина в жены взял

В давние времена жила женщина, внешне некрасивая, но мудрая и благородная. Ей уже исполнилось сорок лет, а из-за того, что она была некрасива внешне, не находилось никого, кто бы женился на ней.

л. 81 (инв. № 145, л. 30б)

Она отправилась к государю, сказав: «Стану-ка я императрицей у государя! Ведь [я] человек, который способен проявить свои достоинства!» Узнав, что она [действительно] стала императрицей, [люди] всего государства одобрили это, ибо и государь не прельстился внешней красотой, а оценил человека по его достоинствам[279].

[Как] мудрый государь женские добродетель и
благородство оценил

Как-то раз в давние времена, проезжая через деревню, государь увидел бедную девушку, внешне некрасивую, с длинной шеей и шрамами. Она сидела на дереве тутовника и рвала листья. Увидав государя, девушка не слезла с дерева. Государь остановился и, сидя на коне, спросил: «Почему эта некрасивая девушка, увидав государя, не слезла с дерева?» Некрасивая девушка ответила: «Среди четырех достоинств женщины[280] есть и повиновение приказам родителей. Поэтому, слушаясь их приказа, я рву тутовые листья! А вопрос государя о некрасивой девушке не есть ли свидетельство того, что государь видит только внешность и не желает знать об имеющихся у меня достоинствах. А может быть, государь сделает меня императрицей? Почему бы и нет?» По ответу некрасивой девушки государь оценил ее достоинства. А она сказала: «Во всем государстве все подчиняются государю. Но если государь просит меня, чтобы я стала императрицей, то пусть по всем правилам сватается к моим родителям!» Государь, принимая во внимание достоинства некрасивой девушки и все им услышанное, послал сватов, женился на ней и ввел ее в свой дом. Она стала императрицей и родила государю наследника престола[281].

[Как] некрасивая женщина мужу достойно
ответила

В давние времена жил некий мужчина, учившийся грамоте. Он взял себе некрасивую жену, но муж не обращал внимания на внешность жены. Однажды он расспрашивал о чем-то некрасивую жену и сказал: «Какими из четырех женских добродетелей

ты обладаешь?»[280] Некрасивая жена ответила: «Я обладаю тремя. Но исходя из прежних заслуг (кармы) красивой внешности еще не получила. А ты из всех ста дел[282] благородного мужа что можешь?» Муж ответил: «Я все могу!» Некрасивая

л. 82 (инв. № 145, л. 31а)

жена сказала: «Ты на внешность смотришь, ума не ценишь! Разве ты полностью исполняешь все дела благородного мужа?» Муж понял, что его внешне некрасивая жена умна, и ему стало стыдно[283].

Поговорим о красивых женах

Обаяние женского тела в красоте

То, что ценится обычными людьми более всего, — это внешняя красота. И только после этого воля, ум и красноречие. Если тело женщины красиво и она волевая и умная, говорит ласково, то она обладает всеми достоинствами.

[Но] внешне красивая женщина может быть и не умна

Если женщина внешне пусть даже и очень красивая, но не умна, то та семья, в которую она выйдет замуж, разрушится. Изречение гласит: «Если женщина обольстительная — девять колен родственников разобщены. Если мужчина легкомысленный — весь клан-мэ живет в несогласии!»

Известны признаки женской красоты

Формы женских тел неодинаковы. Если женщина не маленького роста, лицо у нее белое, губы алые, зубы белые и ровные, волосы черные и блестящие, глаза чистые, веселые, поступки благородны, речь ласкова, она умна, ходит и сидит красиво, то говорят, что три манеры достойного поведения[284] в ней слиты воедино.

[Как] красивая женщина обольстила врага

л. 83 (инв. № 145, л. 31б)

В давние времена некий генерал имел обольстительно красивую жену. Однажды вражеская армия осадила город. Генерал испугался. А красивая жена сказала: «Я заставлю армию отступить!» Эта красивая женщина поднялась на городскую стену и стала говорить обольстительные речи. Говорят, вражеская армия изменила прежние намерения и отступила[285].

[Что] красивые девушки не просят, чтобы их взяли замуж

В давние времена в одной из близких друг другу семей жила некая красивая девушка. В другой [семье] был обучавшийся грамоте [молодой] человек. Мать дала ему указание подыскать себе невесту, и эта девушка попросила: «Возьми меня, я стану твоей женой!» Мать сказала сыну: «Если женщина обольщает, то станет источником беспокойств и волнений и разрушит семью. В

ее просьбе ей следует отказать!» Ученый муж послушался своей матери, и просьбы прекратились[286].

[Но] обольстительные женщины разрушают государства

В давние времена император имел обольстительно красивую императрицу. Говорят, государь любил ее и слушался. Эта обольстительно красивая императрица выносила решения по государственным делам и несправедливо казнила людей. Заставляла людей напиваться допьяна в прудах, наполненных вином, раздрабливала [людям] ноги, вспарывала животы. Она творила несправедливости и тем вызвала гнев народа государства. Поскольку государь мог потерять государство, то государя увещевал некий родственник, высокий сановник: «Жена [вас] обольстила, — говорил он, — нельзя ее слушать. Ведь так можно и государство потерять!» Когда же обольстительная жена узнала об этих словах, то сказала государю: «Этот сановник-родственник более умен, чем государь!» Государь сказал: «Поясни?» Обольстительно красивая жена ответила: «В сердце имеется три сосуда и девять отверстий[287]. Послушай, убей сановника и посмотри на имеющиеся в его сердце три сосуда и девять отверстий!» Действительно, поскольку государь послушался того, что сказала ему жена, то государство его погибло![288]

л. 84 (инв. № 145, л. 32а)

[Женщина] — мать-кормилица

Человек растет благодаря тому, что питается

После того как человек родился, важно питание. Из материнской груди вкусное молоко сосет, поэтому, говорят, и растет. В сутре сказано: «Из всех милостей милости матери самые высшие»[289].

После рождения сосет молоко

После того как человек родился и обособился, младенца кормят грудью, его холят и любят, своевременно купают и меняют пеленки. Кормящая грудью всегда кладет его к любящему сердцу.

[Матери младенцам] сырое меняют, в сухое пеленают

Кормящая грудью мать по правилам, по которым поступают любящие матери, там, где сыро, сама ложится, а там, где сухо, ребенка укладывает. Когда он из пеленок выходит, то пищу вкусную и одежду хорошую стремится ему дать.

Учат понимать сказанное и приказы

Когда вырастет ребенок, воспитанный кормившей грудью матерью, то он обучен усваивать сказанное ему и приказания, тому, чтобы разные сомнительного свойства дела не усваивал, а добрым и благородным делам обучался.

[Поэтому] воспитанный сын правила почитания родителей и старших исполняет

Если ребенок вырос и исполняет все правила почитания родителей и старших, то в этом он матери и тетке по матери подобен.

л. 85 (инв. № 145, л. 32б)

Приемные сыновья и дочери

Из чужого клана-мэ детьми стали

Если человек не имеет детей или хочет добавить сына [к имеющимся дочерям], то просит в приемные дети детей у родственников из другого клана-мэ или у сестер. Делает их дочерьми или сыновьями и относится к этим детям так же, как к рожденным им самим[290].

[Они] в проявлении почтительности и послушания неодинаковы

Приемные дети неодинаковы: имеются почтительные к родителям и непослушные. Дети, почтительные к родителям, умные и мудрые, слушают отца с матерью с большей любовью, чем их родные дети. Непослушные дети, оставшиеся чужими, отворачиваются от родителей, к своему старому истоку стремятся уйти, в клане-мэ своего родного отца пополнить недостающее. Изречение гласит: «Племянники подросли — дяде по отцу голову проломили. Приемыши сыновьями стали — места своего не имеют».

Поговорим о рабах и слугах

Недостало благих деяний — и получил карму презираемого

То, что человек благородный или ничтожный, чистый (лично свободный) или раб, определяется его кармой. В этой жизни получаем воздаяния [за прошлые дела]. И если [благих деяний было] мало, то и становишься рабом или слугой.

[Рабы и слуги] должны служить знатным людям

Рабы и слуги должны служить знатным людям. Изречение гласит: «Если нет слуг, то кто будет служить на посылках у благородного мужа? Если не появится человек, пользующийся влиянием, то разве в государстве не будет смут?»

л. 86 (инв. № 145, л. 33а)

В доме они исполняют разную работу

Рабов отправляют в поле делать там разную работу, слуги в доме вычищают песок и золу, заготовляют дрова и воду.

И теми из них, кто мастер своего дела, хозяин дорожит

Если раб или слуга сердцем чист и известен как мастер своего дела, то хозяин дорожит им, верит ему, как своему сыну или дочери. Изречение гласит: «Мудрый человек, чтобы выгоду приобрести, рабами и слугами дорожит. Низкий человек детьми дорожит»[291].

[Известно, как] почтительный раб хозяйского сына воспитал

В давние времена жил некий богатый и знатный человек. В дом его вошла болезнь, и все старшие члены семьи умерли. Остался только маленький грудной ребенок. В семье жило несколько рабов. И они единодушно решили: «Давайте этого маленького ребенка убьем, а имущество и продовольствие семьи поделим!» Среди них был один почтительный [к хозяину] раб, который не обрадовался тому, что ребенка хотели убить. Он выкрал ребенка и ночью бежал, ушел жить в чужой город. У чужой женщины он покупал грудное молоко, кормил ребенка грудным молоком и воспитал его. Ребенок вырос, и когда ему исполнилось десять лет, он возвратился в свое государство. [Раб] представил ребенка градоначальнику и подал ему официальный доклад: «Этого ребенка хотели убить!» Созвали всех рабов и допросили. И поскольку все оказалось правдой, всех казнили. Продовольствие и имущество [вымершей семьи] возвратили почтительному рабу и ребенку. Доложили [о случившемся] государю. И он этому рабу и ребенку пожаловал ранги и должности[292].

[А другой] раб благодаря своим заслугам получил ранг и должность

В давние времена среди имеющихся нескольких [букв.: «четырех-пяти»] рабов был один в годах. Как-то трое рабов разговаривали, и он сказал [одному из них]: «Среди этих рабов ты тот некий раб, которому, судя по формам его тени[293], будет позволено иметь высокое положение и ранг!» Тот раб сказал: «Разве я не смогу сделать дела? Или у меня также недостанет сил спасти кому-то жизнь?» После этого войска государя выступили в поход и сразились с врагом. Этот

л. 87 (инв. № 145, л. 33б)

раб взял в плен вражеского генерала и представил его государю. Говорят, тот раб получил ранг и должность[294].

[Наш предок] Нгвэндин имел раба

В давние времена, когда сын Нгвэндина Вендупу прибыл к народу-государству[295], то тот, кто держал его облачного коня[296], был раб с севера по имени Син Ние[297].

Слуги из народа

В давние времена, когда девушка из народа научила нас пользоваться огнем и, находясь на земле, сеять злаки, то после тот, кто подстелил парчовую полость, был ее брат-наследник Лда[298].

Их дети — их потомки

Тот, кто воспитал раба с северной стороны[299] со слугами, родил трех сыновей[300]. Изречение гласит: «Три доблестных раба хозяину помогают. Четыре мертвеца-оборотня детей охраняют» [301].

[Известно, как] раб тигра схватил, хозяйку спас

В давние времена жена хозяина Мбунундина была беременна[302]. Госпожа Гхеы уходила и приходила пятнадцать ночей. Раз, когда она возвращалась, то была унесена тигром. Раб погнался за тиг-

ром, тигра убил и из пасти у тигра забрал жену [хозяина]. Поэтому, говорят, получил имя «Раб, поймавший тигра»[303].

Погнавшись за вором, хозяйку Миэ спас

В давние времена хоронили отца Лхинжа. Когда Гхиэ, отец, умирал, то напал враг. Беременная[304] жена Гхиэ как раз родила, убежала в пустынное место и была похищена — под отцовский родной войлок положена и увезена. Раб беременной погнался за врагом. Задумав прикинуться «глупым богачом», он, разъезжая верхом на маленьком муле или осле, рассыпал золу[305]. Жену хозяина выручил, украденное хозяину спас[306].

л. 88 (инв. № 145, л. 34а)

Как раб Синкхвитву хозяину жену купил

В давние времена добродетельный сын Мбиуси Пимбиеву отправился на поклон к императору с просьбой позволить стать его зятем. Свекор сказал: «Среди даваемого в качестве платы за дочь принеси мне золото и серебро!» Раб Синкхвитву застрелил оленя, золото, серебро и оленьи почки и селезенку принес, за хозяйскую жену плату отдал[307].

И что мудрый слуга хозяину предан

В давние времена некая женщина хотела убить мужа. [Она] положила в вино яд и отправила служанку передать вино мужу. Служанка знала, что вино отравлено. Притворившись, что она будто бы неожиданно заболела, она упала и разлила вино. Этот хозяин хотел побить служанку палкой. Женщина, желая вывернуться, сказала разгневанному мужу: «Эту служанку надо убить!» — и, схватив палку, собиралась забить ее до смерти. Младший брат мужа стал уговаривать [своего брата]: «Эту служанку не следует бить палкой, возможно — вино отравлено?» Все внимательно осмотрели. Кусочки яда еще остались, их расковыряли. Хозяин, поняв в чем дело, остриг жене голову и сделал ее служанкой. Ту же, почтительную к хозяину служанку, удочерил. И по всем правилам выдал ее замуж[308].

Поговорим о родстве

Люди роднятся благодаря карме

Родственники благодаря согласию по прежним причинам (*карме*) и в этой жизни становятся родней. Благодаря карме, внутренними или внешними родственниками становятся[309].

л. 89 (инв. № 145, л. 34б)

Девять родственников[310], связанных внутренним родством

Четыре близких родственника по отцу: дедушка, бабушка, дядя по отцу и тетка по отцу. Три близких родственника по матери: ее родители и братья — три. Своих двое близких родственников: дети и жена — двое. Все девять категорий внутренних родственников.

Все они благодаря карме люди одного корня

Девять близких родственников в прошлых жизнях благодаря карме сблизились, в этой жизни близкими родственниками стали. Изречение гласит: «Близкая родня одной кости и плоти всю жизнь друг друга любит. Дерево одинокое, если у него корни с другими деревьями общие, невозможно погубить!»

Внешние родственники из одного клана-мэ

В одном и том же клане-мэ влиятельные, следующие одно за другим поколения власть имеют[311]. Изречение гласит: «Сыновей клана-мэ любя, за уши их вытягивают. Жеребцы, мчась наперегонки, шеи вытягивают».

Сваты дружат, друг друга уважают

Кланы-мэ роднятся, государству словом и делом помогают. Сваты равно, близкую родню связывая друг с другом, по обычаю установления родства [ее] отыскивают, желают [породнившимся] счастья и богатства. Изречение гласит: «И того, кто близкий, и того, кто дальний, отыскивают, чтобы породниться. И низкая земля, и высокая земля солнечным теплом согревается!»

Во всех и добрых и несчастливых делах
родственники подают друг другу советы и
оказывают помощь

Если с человеком благодаря его карме случается счастье или несчастье, то близкая родня по плоти и корню — если это удача, то делит с близкими, а если это беда, то близкие родственники выручают друг друга. Изречение гласит: «Для родни близость важна. Для будущих жизней — добрые дела важны».

Не вступают в брак те, кто одного клана-мэ

...если люди одной утробы, и их дети, потомки и братья имеются, то [лишь] сменив клан-мэ, они вступают в брачные отношения. Что же касается людей из одного клана-мэ, то... поколений в брак вступать не должны. Изречение гласит: «Одного клана-мэ поколения навсегда близкая родня. Дальние и близкие родственники живут и вырастают по обычаям родства!»

л. 90 (инв. № 145, л. 35а)

Породнившиеся кланы-мэ связаны
сердечными узами

Породнившиеся кланы-мэ изначально сердцем связаны друг с другом. И нет таких, кто хотел бы других хулить, добиваться отчуждения их и отринуть их от своего сердца. Изречение гласит: «Ссора с близким родственником от сердца его не отринет. Летнюю зелень солнечный свет не иссушит!»

Вступление в брак людей из одного клана-мэ —
забвение обычаев

Человек глупый, неумный, если, своего корня не зная, с сородичем вступает в брак, то оскорбляет добродетель и идет наперекор правилам почитания родителей и старших (сяо). Изречение гласит: «Если зять легкомысленный — репутация клана-мэ

страдает. Если клан-мэ большой и мудрый, у него умные и авторитетные свойственники имеются».

[Родственники] соблюдают и исполняют обряды жизни и смерти

Одного клана-мэ здравствующие сородичи друг друга уважают, по обрядам родства друг друга любят. По умершим близким и дальним родственникам постоянно совершают обряды, траурные одежды по обряду надевают и совершают обряды в зависимости от низкого или высокого [положения умершего в клане-мэ].

[Известно], как близкие родственники почтительному и мудрому родственнику помогли

В давние времена некий мудрый человек обучался грамоте среди бедняков. Все близкие родственники, посоветовавшись, решили собрать [необходимое] и дать ему. После того как он выучился, он по обычаю родственной близости от всей души [сам] проявил к родне родственную близость[312].

Как благодаря умному родственнику [его родня обрела счастье]

В давние времена некий человек обучался грамоте и постиг ее за три года. Через шесть лет тяжкого и упорного труда он получил высокий ранг и должность. Поскольку этот мудрый человек чтил своих родственников, то государь всем его родственникам дал золото и включил их в число лиц, получавших награды. После этого у его родни была добрая репутация среди людей[313].

л. 91 (инв. № 145, л. 35б)

Поговорим о бедности и богатстве

[Известно, что] люди бывают бедными и богатыми

Человек богатый имеет много вещей и продуктов питания, живет не печалясь. Бедный человек продуктов питания и вещей не имеет, жизнью не удовлетворен.

И становятся они таковыми благодаря карме

Что касается богатства, то говорят, что продукты питания и вещи, розданные другим в прошлых жизнях, вдруг в этой жизни становятся большим богатством, [оно] — компенсация, полученная за розданное. Что же касается бедности, то бедными становятся за то, что в прошлых жизнях были жадными и не раздавали [пищу и вещи].

[Бедность и богатство] подпирают друг друга

В своей жизнедеятельности бедные и богатые опираются друг на друга. Изречение гласит: «Бедный у богача скот пасет. Бедный от богатого средства к жизни имеет».

[Богатые] имущество старательно копят

Богатые пищу и одежду старательно зарабатывают и имущество копят. Изречение гласит: «Сын богатого заботой окружен, в собрании в центре сидит. Сын бедняка и веревки не имеет, чужого коня держит».

[Богатство] — основа власти и авторитет человека

Личные авторитет и власть определяются имуществом так же, как и нормы отношений с близкими и дальними родственниками. Изречение гласит: «Имущество имеющий — важное лицо, и, будь он даже далеко, он будет приближен. Бедный человек не имеет своего лица, и, даже будучи близко, он будет нелюбим».

Имущество же — корень счастья и несчастья

Говорят, что человек, делающий добро, скопивший имущество честным путем, там, где это имеет смысл, поделится им. Имеющий в этой жизни доброе имя и в последующих жизнях удачу приобретет. Человек же безнравственный, накопивший имущество и сам им не пользующийся и другим не дающий, из-за имущества, накопленного в этой жизни, свое тело погубит, в последующих жизнях по пути зла пойдет.

Богатый всегда низок душевно

Богатство самого человека унижает, не возвышает [его], он постоянно имуществом подавляем. Если поступать, исходя из добродетели, то только вечность богатство. Вещи имея, косое не выпрямишь, от несчастий не избавишься, вещи и продукты питания не выбросишь.

[Ибо] добродетельный человек богатства не ищет

Что касается разного рода еды и питья, вещей, то люди все любят. Человек же добродетельный и мудрый их не ищет, он сам собой богат. Глупый человек постоянно их ищет, не зная пресыщения. В итоге же, благодаря карме, бедность приобретет.

Полное знание есть богатство

Умный человек учится, а не доискивается богатства. Если имеешь мало, но душа полна, то ты богат. Глупый человек жаден к вещам, если и много имея, ты недоволен, то ты — бедняк.

Есть богатство двух родов

Первое — вещное богатство. Скот и богатство усердно копишь — имеешь много и прижизненную славу приобретаешь. Отвергнуть его, [такое богатство] — корень счастья. Любить его — источник бедствий. Второе богатство — мудрость. Постоянно заботясь об образовании, мудрости обширной научишься. В этой жизни благо приобретешь, в последующих жизнях встанешь на путь радости.

Бедный имуществом — богат делами

Если ты и беден, но делами славен — это значит, что на чужое не заришься, родственникам по обычаям родства богатства и счастья желаешь. Изречение гласит: «Скот имеющий не богат, ум имеющий — богат. Богатство и глупость пути не имеют, бедность путь имеет».

л. 93 (инв. № 145, л. 36б)

Умный — не беден

Умный, вещи имея, среди богатых не числится. Говорят, что знание и добродетель — его богатства. Глупый же, и вещи имея,

добрые поступки не ценит. Изречение гласит: «Знающий людей не страдает. Знающий вещи не бедствует»[314].

Бедный человек — добр и усерден

В давние времена жил некий чиновник. Он не искал продуктов питания и вещей. Государевым делам отдавал все свои силы. Других чиновников он поучал: «Святые люди творят добро. Простые люди желают вещей. Ты-то к вещам не стремись, усердствуй в сотворении добра!» Поэтому я говорю...[315]

[Известно, как] умная женщина бедность оценила

В давние времена жил некий бедный человек. Был он славен своими делами. Отправившись в путешествие, как-то в дороге он поздним вечером заночевал в богатой семье. По речам этого человека можно было судить о его поступках. У хозяина была умная дочь. Оценив поступки этого человека, его ум и знания, она сказала: «Я стану его женой!» Родители не одобрили ее, сказали: «Зачем иметь зятем бедного человека?» Умная дочь ответила: «Дело имея, потом и человеком станешь!» На основе этого заключили брак. Позже бедный человек нашел свой путь и стал советником государя[316].

[Как] бедный человек усердно учился

В давние времена жил некий бедный человек. Он учился грамоте. Светлым днем, нуждаясь в вещах, для других переписывал книги, [зарабатывал] на покупку бумаг и кистей. Темной ночью учился сам, переписывал книги. После этого получил повышение в чине, занял важное место в управлении, был посажен в центре[317].

[Как] бедному человеку обучение грамоте не давалось

В давние времена один бедный человек учился грамоте. Если проходил день и он не добивался правильного написания знаков, то он сердился и бросал кисть для письма на пол...[318]

КОММЕНТАРИЙ

1. Имеется в виду теория первоэлементов (кит. *фа сян*) — дхарм, из многообразия которых образовано и образуется все многообразие форм (кит. *сэ, рупа*) неживой природы и живых существ.

2. Одинаковые в сущности своего строения вещи, существа имеют множество форм (*рупа*), разность которых определяет и разность их наименований (кит. *мин, мин сэ*, санскр. *наман рупа*, имена и формы). «Имя или название (*нама*) и форма (*рупа*)... составляют духовное и физическое начала индивидуума. Теория *нама* и *рупа* берет начало еще в Упанишадах» (Дхаммапада / Пер. с пали, введ. и комм. В. И. Топорова // Памятники литературы народов Востока. Переводы. 3. М., 1960. С. 150).

3. Чистые (кит. *цин, амала*; полнее — *цин синьнань* (*упасака*) и *цин синьнюй* (*упасика*) — светские верующие буддисты, мужчины (*упасака*) и женщины (*упасика*). В тангутском языке слово «чистый» означало и лично свободного человека, не раба. Высокое социальное положение определялось преданностью делу веры и, соответственно, хорошей кармой, обеспечивавшей высокое положение в обществе.

4. Получают чины, должности, форменное платье и шапки — т. е. приобретают высокое социальное положение.

5. Грязные (кит. *чжо*) — люди непросвещенные, порочные (*чжо жэнь* — темный человек, тупица), плохие буддисты. За свои дурные деяния в прошлом плохой кармой обречены быть низшими в данном перерождении — рабами, слугами и т. п.

6. Ян — в старой китайской натурфилософии мужское, светлое, теплое начало природы.

7. Инь — парное с Ян женское, темное, холодное начало природы.

8. Давние причины (кит. *инь, хету*) — первопричина, давшая плод (*го*). Закон причинно-следственной связи, в соответствии с которым совокупность деяний живого существа в прошлом определяет его нынешнее состояние.

9. Карма (кит. *е*), следствие кармы (кит. *е юань*) — причинно-следственная связь, определившая положение живого существа в настоящем и определяющая его состояние в следующем перерождении.

10. Презираемые (кит. *цзянь жэнь*) — лично несвободные люди разного правового статуса (рабы и иные категории лично несвободных).

11. Девять категорий поступков (кит. *цзю син*) — почитание родителей и старших, любовь к младшим (*сяо*), милосердие, сострадание (*цы*), образованность (*вэнь*), верность (*синь*), умение владеть словом (*янь*), преданность (*чжун*), почтительность (*гун*), храбрость (*юн*), чувство долга (*и*).

12. Священномудрые и человеколюбивые (кит. *шэн, жэнь*) — люди высшей одаренности и моральных качеств, способные оказать государю действенную помощь в управлении государством.

13. Законы Будды (кит. *фо фа, буддхадхарма*) — это учение Будды, основные принципы учения Будды, буддизм. Сутра (кит. *цзин*) в собрании буддийских сочинений — Трипитаке, наименование текстов поучений, принадлежащих (приписываемых) Будде.

14. Пустота (кит. *кун, шунья, шуньята*) — учение, в соответствии с которым все вещи не имеют реальности, они — сочетание определенного числа *дхарм* и их *скандха* (кит. *у юань*): *рупа* — чувственных, *виджньяя* — познания, *ведана* — чувства восприятия, *санджная* — процессов различения, *самскары* — вообще процессов. Их сочетания, обусловленные причинностью, возникают и исчезают.

15. Девять звезд, или девять созвездий (кит. *цзю син*) — звезды, созвездия, солнце, луна и четыре сезона года.

16. Двенадцать созвездий — Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы, т. е. двенадцать зна-

ков Зодиака (см.: *Цыбульский В. П.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М., 1987. С. 6).

17. Двадцать восемь звезд — возможно, то же самое, что и двадцать восемь созвездий, см. коммент. 18.

18. Двадцать восемь созвездий. — Древние китайские астрономы выделяли двадцать восемь созвездий, в основном соответствующих двадцати восьми зодиакальным созвездиям (перечень см.: Цы хай (Море слов). Шанхай, 1948. С. 61; Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990. С. 454; *Невский Н. А.* Культ небесных светил в тангутском государстве // Тангутская филология. Кн. 1. М., 1960. С. 52—73). «Древние китайцы делили небо на четыре сектора, в каждом из которых имелось по 7 созвездий» (*Цыбульский В. П.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. С. 4—5).

19. Соленые озера Цзе и У — озера на территории тангутского государства в Ордосе, из которых добывали соль высокого качества (см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 89. 93—94; Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169) / Изд. текста, пер. с тангут., примеч. Е. И. Кычанова. В 4 кн. Кн. 4: Факс., пер. и примеч. (главы 13—20) // Памятники письменности Востока. LXXXI, 4. М., 1989. С. 159—160. Ст. 1306—1307, в которых идет речь о добыче соли из этих озер).

20. Имущество сангхи. — Речь идет о движимом и недвижимом имуществе, принадлежавшем буддийским общинам и монастырям. В число этого имущества входили земля и люди. Возможно, земля могла быть полностью в собственности буддийской общины, например — пожалованная общине от государя, или в собственности разделенной, например — община могла только пользоваться доходами с пожалованной (подаренной) ей земли. Вопрос изучен недостаточно (см.: Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1: Исследование // Памятники письменности Востока. LXXXI, 1. М., 1988. С. 188—191, 263—265). Буддийские общины имели также прикрепленных к ним людей, которые именовались «постоянно живущими» (при общине). Часть их доходов и труда шла в пользу и на содержание общины, часть — на их личное потребление и государству (см.: Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 253—255).

21. В тексте оригинала использованы три способа обозначения глав: гл. 1—3 — «Первая (вторая, третья) цзюань», со словом «цзюань»; гл. 4—14 обозначены без слов «цзюань», просто как «четвертая», «пятая» и т. д. В обозначении же гл. пятнадцатой употреблено для названия главы другое слово, не «цзюань», а «раздел» — «пятнадцатый раздел».

22. Западное облако. — Тангутская цивилизация, кажется, была ориентирована лицом на запад, к горным снежным вершинам Тибетского нагорья, на которых, по тангутским поверьям, зародилась жизнь. На западе были «лики предков» тангутов. И по китайской символике тангутское государство было связано с западом, белым цветом и металлом. Если обратиться к буддизму, то, по представлениям буддистов той эпохи, на западе находилась Чистая земля, рай будды Амиды, в котором мечтал переродиться верующий тангут (см. также коммент. 23).

23. Помимо того, что сказано ранее (см. коммент. 22), добавим, что, очевидно, имеется в виду та «облачная среда» (облака и туманы), в которой на вершинах гор была зарождена, сотворена жизнь. Мы имеем аналогию в мифологии ицзу (см. исследование); облака, безусловно, одна из форм эфира *ци*, той субстанции, из которой, по некоторым китайским поверьям, произошло все сущее.

24. Все миры. — Очевидно, имеются в виду шесть миров бытия, сансары: мир богов, мир асуров, мир людей, мир животных, мир претов и ад. Все победивший — Бхагават, один из эпитетов Будды.

25. По-видимому, речь идет о том, что Небесная твердь покрывает все — Землю и все находящееся на ней. «Небо — предок всех существ. Поэтому оно все покрывает, охватывает и вмещает и не выделяет никого из этих существ, создало солнце и луну, ветер и дождь, чтобы привести их в гармонию, упорядочило темное и светлое начала, холод и жару» (Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 147).

26. Солнце и мужское светлое начало Ян — ипостаси одного и того же. Солнце — это Тайян, Великое Ян. О связи солнца с вороном рассказывается в китайском мифе о стрелке И, поразившем девять солнц. Когда их было девять, они изливали на землю нестерпимый жар. И выстрелил, солнце рухнуло на землю, «что-то сверкающее с треском упало на землю. Люди подбежали и увидели огромную трехпалую золотую ворону, пронзенную стрелой» (*Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. С. 312).

27. Три мира (*сань ши*) — мир прошлого, мир настоящего и мир будущего. Прошлые, настоящие и будущие перерождения.

28. Солнечное затмение (кит. *жи ши*) — относилось к числу небесных знамений, которые служили предупреждением Неба о том, что не все в порядке в действиях государя и его подданных. Император и его окружение должны были подумать над тем, что в их поступках обеспокоило Небо, и исправить создавшееся положение.

29. Пять основных цветов — голубой, желтый, красный, белый, черный. У буддистов ассоциировались: белый цвет — с верой, красный — с усердием, желтый — с памятью, голубой — с созерцанием, черный — с мудростью. Различение в лучах солнца этих пяти цветов считалось благим знамением.

30. Сангха — первоначально собрание трех-четырех монахов, слушающих учение. Позже — община буддийских монахов, община верующих буддистов. Сангха — одно из трех сокровищ буддизма.

31. Мулянь — китайское сокращение от Махэмуцзяньлянь (Махамаудгальяяна), имя одного из основных учеников Будды Шакьямуни, в иконографии обычно помещается слева от Будды. Бхикшу — нищенствующий монах, покинувший семью.

32. Поклонение камням было древней традицией и у тибетцев, и у народов, проживающих к востоку от Тибета, между тибетцами и китайцами. В наши дни мы знаем о культе белого камня у цянов пров. Сычуань. Об этом говорится в исследовательской части работы (см. также: *Кычанов Е. И.* Сычуаньские цяны. Центральная Азия и Тибет // История и культура Востока Азии. Т. 1. Новосибирск, 1972. С. 56—59). Сказать что-либо более конкретное о камне Нгиу и его культе пока невозможно; ясно только, что данная церемония была связана с культом деревьев, камня и одного из учеников Будды Шакьямуни, являлась синтезом добуддийских верований тангутов и буддизма. О культе гор в древнем Китае см.: *Яншина Э. М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984. С. 32—37.

33. Речь, видимо, также идет о церемонии поминовения родителей у того же камня Нгиу. Церемония сопровождалась исповедью и покаянием. Думается, что это не буддийская церемония, а тангутская, подробности и суть которой нам остаются пока неизвестными.

34. Жужуб (ююба или зизифус) — небольшое деревцо со съедобными плодами красно-коричневого цвета. Китайский финик.

35. Плоды цхве — какие это плоды, нам неизвестно.

36. [Волокнистое растение] та — нами не отождествлено.

37. [Волокнистое растение] ци — нами не отождествлено.

38. Речь, видимо, идет о весеннем и осеннем равноденствии.

39. По китайскому лунному календарю девятый месяц относится к циклическому знаку *сюй* — «собака». *Сюй юе* — месяц собаки.

40. Небесные ваны — махараджа. У буддистов небесные ваны — стражи четырех стран света. Восточный — белого цвета, одноликий, двурукий, играет на лютне. Южный — черного цвета, одноликий, двурукий, держит меч. Западный — красный, одноликий, двурукий, в правой руке бечева в виде змеи, в левой — пагода. Северный — голубой, одноликий, двурукий, в правой руке трезубец, в левой — ихневмон.

41. Цитра (кит. *цинь*, тиб. *нагпа*) — одно из 28 зодиакальных созвездий, относимых к числу южных. Изображалось одноликим, двуруким, зеленого цвета, с факелом. (*Невский Н. А.* Культ небесных святых в тангутском государстве // Тангутская филология. Кн. 1. М., 1960. С. 65).

42. Свати (кит. *кан*, тиб. *сари*) — одно из 28 зодиакальных созвездий, относимых к числу южных. Изображалось одноликим, двуруким, желтого цвета, с бичевой.

43. Небесные весы (кит. *тяньчэн*, тиб. *сранг*; рус. — *Весы*) — одно из 12 зодиакальных созвездий (один из знаков Зодиака). Созвездие относится к числу западных. Солнце проходит созвездие Весы в октябре.

44. Восточное море — имеется в виду современное Восточно-Китайское море и все моря, омывающие восточное побережье Китая.

45. Чань (яп. *дзэн*) — одна из школ китайского и японского буддизма, сформировавшаяся в V—VI вв. (см.: *Абаев Н. К.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989. См. также переводы текстов школы Чань на русский язык в кн.: Буддизм в переводах: Альманах. Вып. 1. СПб, 1992. Вып. 2. 1993).

46. По китайскому лунному календарю десятый месяц относится к циклическому знаку *хай* — «свинья»; *хайюе* — «месяц свиньи».

47. Вода была связана с зимой и стихией Инь, поэтому и с десятым месяцем, началом зимы. О пяти первоэлементах см. ранее в исследовательской части, а также: Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 225—236.

48. Что касается звуков сезона холодов, то сезон [великой силы Инь] является зимою. Слово *дун* — «зима» тождественно слову *чжун* — «кончаться». Местонахождение [великой силы Инь] — в северной части света. Ее музыкальный тон — *юй*; *юй* тождественно понятию *шу* — «покоиться». «Почему музыкальный лад 10-й луны называется *инчжун*. *Ин* означает *ин* — "откликаться", *чжун* — то же, что *дун* — "двигаться". Это значит, что тьма вещей, откликаясь на силу Ян, нисходит, чтобы сохранить свои [жизненные силы]». (Бо ху тун. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 231—233).

49. Шестерка (кит. *лу*) — женская прерывистая черта в триграмме «И цзина», обозначает женское начало природы, силу Инь, связанную с холодами и зимой.

50. Среди свойств [человека] соотносится с обладанием знаниями — из органов человека он был связан с почками (см. коммент. 53). Почки были связаны с ушами, умением слушать и мудростью, т. е. с обладанием знаниями (см.: Бо ху тун. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 248—249).

51. Обладание властью проявлялось в осуществлении наказаний. Четвертый сезон — осень и зима традиционно были в Китае приведением в исполнение смертных приговоров. «Сила Инь убивает» (Бо ху тун. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 235). «По примеру чего достойный правитель сначала награждает, а потом карает? По примеру четырех годовых сезонов, которые сначала порождают, а потом уничтожают» (там же. С. 239).

52. Северный элемент «вода» был связан с соленостью (см.: Бо ху тун. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 228).

53. Почки были связаны с первоэлементом «вода». Четвертый сезон года, сезон стихии Инь, сезон воды. Отсюда принесение в жертву почек.

54. Сезоном силы Инь была зима. Священным покровителем силы Инь почитался «дух-покровитель — Черная черепаха. Выходя наружу из укрытия, она сбрасывает свой прежний покров. [По внешнему виду] она походит на черепаху, змею и жемчужную устрицу сразу» (Бо ху тун. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 232).

55. Вишакха (кит. *ди*, тиб. *сага*) — одно из 28 китайских зодиакальных созвездий, включается в число южных. Изображалось одноликим, двуруким, синего цвета, в руках ваджраданда. В сутре «Маха-майури-видья-раджни» об южных созвездиях Цитра, Свати, Вишакха сказано: эти созвездия «пребывают на юге и, охраняя юг, способствуют его благополучию. Пусть они тоже при посредстве этой Великой Павы, царицы заклинаний, ученика (такого-то) оберегут. Чтоб он прожил сто лет, сто осеней увидел» (*Невский Н. А.* Культ небесных светил. С. 54).

56. Анурадха (кит. *фан*, тиб. *лхацам*) — в числе 28 китайских зодиакальных созвездий относится к западным. Изображалось одноликим, двуруким, желтого цвета, держащим голубой ненюфар с сиянием.

57. Естха (кит. *синь*, тиб. *снрон*) — в числе 28 китайских созвездий относится к числу западных. Изображалось одноликим, двуруким, красного цвета, с музыкальным инструментом в руках (*Невский Н. А.* Культ небесных светил. С. 55). О созвездиях Анурадха и Естха в сутре «Маха-майури-видья-раджни» сказано, что «эти созвездия пребывают на западе и, запад охраняя, способствуют благополучию. Пусть они тоже при посредстве Великой Павы, царицы заклинаний, ученика (такого-то) оберегут. Чтоб он прожил сто лет. Сто осеней увидел» (*Невский Н. А.* Культ небесных светил. С. 55).

58. Скорпион (кит. *тяньхэ*, тиб. *сдигпа*, санскрит. *Вршчика*) — одно из двенадцати созвездий знака Зодиака. Солнце проходит через созвездие Скорпиона в ноябре.

59. По китайским представлениям, божеством севера являлся первопредок Чжуаньсюй, который являлся божеством тьмы, божеством севера и зимы. Имел облик черногривого коня. Изображался в виде существа со сросшимися ногами и сросшимися бровями (см.: Боху тун. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 232, 435, 451).

60. Выше уже говорилось, что север, зима были связаны с первоэлементом «вода».

61. Зима — время сбора налогов в тангутском государстве. Подробности на тангутском материале см. в разделе «Налоги и трудовые повинности»; Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169). Кн. 1: Исследование. С. 194—203.

62. Зимой над территорией тангутского государства дуют сильные северо-западные ветры, которые несут с собой песок из пустынь Алашань и Гоби (см.: *Чу Шао-тан*. География нового Китая. М., 1953. С. 240).

63. Судя по многочисленным свидетельствам самых различных источников, относящихся к прошлому данного региона, войны чаще всего начинались осенью и зимой, после уборки урожая, когда кони за лето были откормлены.

64. Выше не раз говорилось о том, что зимний период соотносился с холодной, темной женской стихией Инь.

65. Китайский циклический знак *цзы* (мышь или крыса), первый из 12 циклических зодиакальных знаков, обозначает одиннадцатый месяц по лунному календарю и север.

66. Мулам (кит. *вэй*, тиб. *снрубе*) — в числе 28 зодиакальных созвездий относится к числу западных. Изображалось одноликим, двуруким, голубовато-зеленого цвета, с небесным цветком в руке. (*Невский Н. А.* Культ небесных светил. С. 64).

67. Пурвасадха (кит. *цзи*, тиб. *чустод*) — в числе 28 зодиакальных созвездий относилось к числу западных. Изображалось одноликим, двуруким, красного цвета, с лотосом в руке (*Невский Н. А.* Культ небесных светил. С. 64).

68. Кентавр (он же Стрелец, кит. *жэньма*, тиб. *гзу*) — один из 12 знаков Зодиака и одно из зодиакальных созвездий, относимых к числу западных. Солнце проходит созвездие Стрельца в декабре.

69. Девятка — в «И цзине» мужская цельная черта в триграмме и гексаграмме, символизирует мужское светлое начало, силу Ян, юг.

70. Желтый — цвет первоэлемента «земля», центра, сулит урожай и покой. Зеленый (голубой) — цвет первоэлемента «дерево», востока, символизирует обилие зарождения жизней. Белый — цвет первоэлемента «металл», запада, связан с зарождением силы Инь, упадком и смертью, поэтому предвещает болезни и бедствия. Красный — цвет первоэлемента «огонь», юга. Кровавый красный цвет сулит войны. Черный — цвет первоэлемента «вода», севера. Вода сулит наводнения. Дух-хранитель востока — зеленый дракон. Дух-хранитель запада — белый тигр. Белый цвет — цвет траура в Китае. Дух-хранитель юга — Красная птица. Дух-хранитель севера — Черный воин Сюань-у.

71. Китайский циклический знак *чоу* — знак быка, двенадцатого месяца по лунному календарю.

72. Чи — мера длины, один чи равен приблизительно 0,3 м; т. е. земля промерзала почти на один метр.

73. Уттарасадха (кит. *доу*. тиб. *чусмед*) — изображалось одноликим, двуруким, белого цвета, с жемчужиной в руках (*Невский Н. А.* Культ небесных светил. С. 64).

74. Шравана (кит. *ню*, тиб. *гробзин*) — изображалось одноликим, двуруким, голубого цвета, с лотосом в руках (*Невский Н. А.* Культ небесных светил. С. 64).

75. Козерог (кит. *мацзе*, тиб. *чусрин*) — одно из 12 зодиакальных созвездий и знаков Зодиака. Солнце проходит созвездие Козерога в январе.

76. Речь идет о прохождении солнца через 12 основных зодиакальных созвездий. Луна вращается вокруг Земли и проходит в одном и том же месте среди звезд за период 27,3 суток.

77. Тангутское государство находилось на западе, к западу от собственно Китая. Первоэлементом запада был металл.

78. Благая сила *дэ* — особая благодать, которой обладали Небо, Земля и государь. Благая сила дэ государя находилась в гармонии с благой силой *дэ* Неба и обладала свойством благотворно, мироустроительно воздействовать на подданных (см.: *Мартынов А. С.* Статус Тибета в XVII—XVIII веках. М., 1978. С. 6—46). День благой силы *дэ* — имеется в виду день весеннего солнцестояния (с 20 на 21 марта), с которого начинала набирать силу стихия Ян.

79. В тангутском государстве, по-видимому, широко практиковалось поклонение божествам планет, связанное как с древним тангутским культом Неба, общим для глубинной истории Центральной и Восточной Азии, так и с буддизмом, с сутрой Павлина. Павлин — одно из перерождений Будды Шакьямуни и имя одного из бодхисаттв, который ездил верхом на павлине (см.: *Невский Н. А.* Культ небесных светил в тангутском государстве). Изображения божеств планет имеются в собрании П. К. Козлова из Хара-Хото в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН и в Государственном Эрмитаже.

80. Небесные духи — это, во-первых, предки-небожители (*тянь-жэнь*), которым поклонялись тангуты с древности, и, во-вторых, *тяньшэн* (*дэва*), небесные божества, в частности и те, которые были привнесены в буддизм из индуизма, например Индра и его свита и т. п.

81. Интересно, что китайское поверье о лисах-оборотнях, лисицах, воплощающихся в красивых женщин и причиняющих пагубу, по-видимому, было достаточно широко распространено в тангутском государстве. Помимо издаваемого памятника, лисицы-оборотни упоминаются в оде «Месяц за месяцем», цитированной в исследовании. О лисицах-оборотнях см.: *Цзи Юнь.* Заметки из хижины «Великое в малом» (Юэ вэй цао тан би цзи) / Пер. с кит., предисл., коммент. и примеч. О. Л. Фишман // Памятники письменности Востока. XLIV, М., 1974. С. 49—56.

82. Дополнительный месяц лунного календаря (кит. *жуньюе*) вводился один раз в три года, 2 раза в пять лет и 7 раз в девятнадцать лет из-за несоответствия лунного месяца (в среднем 29,5 суток) принятой длине месяцев по лунному календарю в 29 и 30 суток. Детальнее см.: *Цыбульский В. В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М., 1987. С. 16—32.

83. Первоэлемент середины (центра) — земля, ее вкус — пресный.

84. В перенесении элементов на тело земля как центр сопоставляется с желудком.

85. Если число дней в году по лунному календарю поделить на четыре (четыре сезона года) и затем число дней каждого сезона на пять первоэлементов, то получится, что в каждом сезоне года каждому из первоэлементов принадлежит примерно по 18 дней. В 1180 г. год по лунному календарю исчислялся 364 днями. На каждый сезон пришлось по 91 дню, на каждый первоэлемент в сезоне — по 18 дней. Один день оказался лишним.

86. Семьдесят два периода. — Имеются в виду пятидневки (364, деленное на 72), на которые дополнительно к сезонам и членению сезонов по пяти первоэлементам делится китайский лунный год.

87. Четыре моря (кит. *сы хай*) — образно означали вселенную, в более узком смысле — только Китай. У буддистов это четыре океана вокруг священной горы Сумеру. По старым китайским представлениям, также еще наименование иноземцев четырех сторон света: «Девять восточных иноземцев И, восемь северных иноземцев Ди, семь западных иноземцев Жун, шесть южных иноземцев Мань. Называют их четыре моря».

88. Придавая государству стабильность. — Земля — опора всего сущего, она центр, на ней покоятся горы, из нее произрастают деревья и растения, она — платформа для жизни животных и людей. На земле размещаются государства и от нее приобретают свою стабильность, в том числе используя и естественные границы рельефа земли.

89. В принципе, по китайским представлениям: если император сидел на троне лицом к югу, то тыльной стороной должен быть север.

90. Вероятно, это древнее представление может быть отнесено еще ко временам синетической общности. По китайским мифам, как-то раз была повреждена одна из опор, державших небо, и земля слегка накренилась на юго-восток. По тибетским и тангутским представлениям, запад был верхом, восток — низом. На тангутской территории господствующие зимой ветры дули с северо-запада и запада. Эти взгляды образно отражали реальную природную ситуацию: высокое Тибетское нагорье, с которого стекают все великие реки Восточной и Юго-Восточной Азии, и лежащая к востоку от Тибета Великая китайская равнина.

91. Судя по пояснению в тексте, речь идет об известном представлении древних, что земля, как корабль, плавает в Мировом океане. Раз она плавает по кругу, значит, она движется, но живые существа, в частности люди, этого движения не ощущают. «Небо и Земля, вращаясь, образуют единство» (Хуайнаньцзы. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 57).

92. Белый источник. — Очевидно, здесь «белый» в смысле «добрый, щедрый», как белая ласточка — предвестник счастья, белая мышь — знак богатства и т. д.

93. Четыре великие формы (санскр. *махабхута*, кит. *сы да*) — собственно четыре элемента, из которых создан весь вещный мир, или четыре сферы — земля, вода, огонь и воздух, представляющие твердое, жидкое, теплое и находящееся в движении.

94. Девять красивых животных. — Нам не удалось найти конкретного перечня этих животных. Очень возможно, что, учитывая то, что девятка означала полноту, «все имеющееся», в данном случае просто речь идет обо всех «красивых животных».

95. Девять разноцветных диких животных. — Как и в вышеприведенном комментарии, нам не удалось найти конкретного перечня этих животных и, вероятно, речь идет обо всех «разноцветных животных».

96. Наименование кустарника нами не установлено.

97. Что это за трава, нами не установлено.

98. Название травы нами не установлено.

99. Что это за трава, нами не установлено.

100. Доу — мера объема, равная 5,9 л.

101. Сумеру — по буддийским представлениям, при множестве миров центральная гора каждого мира. Вокруг этой горы восемь колец гор, а между ними — восемь морей. См. также: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. М., 1975. С. 226—228.

102. Восемь больших гор. — Перечень этих гор нами не установлен.

103. Мы уже писали выше, что, по представлениям древних китайцев, Земля окружена четырьмя морями. Китай располагался на «божественном континенте красного региона, занимающего восточную часть мира». Всего таких континентов было девять, каждый из них был подобен той Поднебесной, которую знали китайцы, каждый континент омывался четырьмя малыми морями (см.: Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 418).

104. Можно было полагать, что речь идет о «Книге песен» («Ши цзин»), однако в тексте этого памятника древней китайской культуры нам схожих строк найти не удалось.

105. По представлениям буддистов, в каждом из миров вокруг горы Сумеру имеется восемь материков, из них четыре главных: южный Джамбудвипа, восточный Пурвавидеха, западный Апарагоданийя, северный Уттаракуру.

106. Ваджра (кит. *цзиньган*) — громовой скипетр Индры, символ силы и мудрости, защищающий от злых сил и наваждений. Мог быть по форме совершенно прямым, одноперьевым, с тремя перьями и далее до девяти перьев (вет-

вей). По буддийскому преданию, Индра обитал в пещере на горе, которая именовалась Гора божества Змея или Гора одинокого пика.

107. Лхи — одно из наименований тангутов, народа с самоназванием *ми*, минья. *Лхи* нередко встречаются в тангутских текстах, см., например, «Гимн священным предкам тангутов» (*Кычанов Е. И.* Гимн священным предкам тангутов // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования, 1968. М., 1970. С. 217—231). Чем наименование тангутов *лхи* отличалось от более употребительных ми и минья, сказать пока затруднительно. Можно попытаться увязать тангутское *лхи* с тибетским *лха* — «священный».

108. Ми — одно из самоназваний тангутов, в сочетании «государство ми» означало тангутское государство. Чем оно отличалось от *минья* и *лхи*, пока сказать невозможно. Слово можно попытаться сопоставить с тибетским *ми* — «человек».

109. Бодхисаттва — достигший просветления и имевший возможность уйти в нирвану адепт буддийской веры, но оставшийся в состоянии бодхисаттвы с тем, чтобы помочь в достижении спасения другим существам. Наличие бодхисаттв — особенная черта северного буддизма Махаяна.

110. Пять западных чистых обителей как место воссоздания буддийского канона. Могут иметься в виду горы Утайшань и храмовые комплексы в этих горах, находящиеся в пров. Шэньси, в ее северо-восточном углу, когда-то по соседству с северо-восточными границами государства тангутов Великое Ся. По последним сведениям, в тангутском государстве в горах Хэланьшань также мог иметься монастырь (комплекс храмов и монастырей), именовавшийся Утайшань (см.: *Ню Да-шэн*. Хэланьшань Байсыгоу Фанта фасюй каогу сань лунь (Некоторые суждения по поводу раскопок развалин пагоды Фанта, Байсыгоу, горы Хэланьшань) // Нинся шэхуй кэсюе. 1993. № 4. С. 61). Монастыри были местом переводов буддийского канона с китайского и тибетского языков на тангутский, его переписки или печатания как способом ксилографии, так и подвижным шрифтом (набором).

111. Обитель доброты — буддийский храм, пагода или иное святое для верующих буддистов место. Подле святыни запрещалось проливать кровь живых существ, в нашем случае — убивать диких животных, которые, живя поблизости, в действительности часто переставали бояться людей.

112. Шестьдесят мудрых святых — возможно, образное обозначение множества, большого числа буддийских монахов, вероучителей, проповедников, проживавших в обителях, укрывшихся в горах.

113. Сладкая роса — амрта, амброзия, нектар богов. Образно выпадение сладкой росы означает учение Будды. Речь, видимо, идет о проповеди учения Будды буддийскими вероучителями, обитающими в уединении в горах. Духи-хранители государей — вероятно, весь комплекс божеств как буддийских, так и добуддийских, связанных с культами камней и гор, духи-хранители призваны были защищать государя, династию и государство.

114. Горы черные — горы без снежных вершин.

115. Имеется в виду все обилие деревьев, леса.

116. Не стремятся вырубать их. — В тангутском государстве имелись законы, охранявшие леса и древесные насаждения, особенно вдоль оросительных каналов и рек (см.: Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 393—395).

117. Следы на камнях. — Почти у всех народов имелись представления о предках, божествах, необычных существах, которые оставили следы, чаще всего на камнях. Очевидно, это связано с подлинными отпечатками на камнях от исчезнувших растений, моллюсков, следов животных и т. п. В буддизме известны «следы Будды». Тангуты не были исключением, и в тексте идет речь о всех необычных отпечатках на камнях, подлинных и мнимых, а также, вероятно, о камнях необычайных форм, которые породили разные поверья или были увязаны с какими-то поверьями.

118. Жирная пища — пища животного происхождения, молоко и его продукты, мясо и жир.

119. Тангуты славились как хорошие металлурги и кузнецы (см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. С. 89—90; *Чэнь Бин-ин*. Си Ся

вэнь у яньцзю (Изучение материальной культуры Си Ся). Иньчуань, 1985. С. 403—420).

120. Южные реки. — Возможно, имеются в виду вообще реки, стекающие с Тибетского нагорья на юго-восток, более конкретно — реки и речки, притоки рек Хуанхэ и Вэйхэ в юго-восточных районах тангутского государства.

121. Принц Сиддхарта, будущий Будда Шакьямуни, родился в местечке Лумбини, близ столицы государства его отца г. Капилавасту, в северных горных районах Индии. Подробнее см.: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. С. 172—173.

122. Яшмовое тело Будды. — Известен яшмовый (нефритовый) образ Будды из Хотана. Но, возможно, имеется в виду так называемый «яшмовый источник», «белый завиток» между бровей Будды, из которого исходят лучи света, озаряющие весь мир.

123. Река Ма — река Хуанхэ, Желтая река. У тибетцев она называется Ма чу, Красная река.

124. Горы Хэн[шань] — горы в центральной части Ордоса, входили в состав территории тангутского государства. Дхарма — закон, учение Будды. Горы Хэншань, как мы видим из текста, являлись средоточием буддийских монастырей, кумирен и храмов.

125. Трава ру — нами не отождествлена.

126. Мы уже не раз видели из текста издаваемого памятника, что мир тангутов полон духами-хранителями. Дух горы был хранителем данной местности (тиб. *са даг*). Подробнее см.: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. С. 163—166, 234—236.

127. Высотою в сто чи. — Видимо, просто высокие. Сто чи — приблизительно 300—320 м.

128. Пять звезд (планет): Марс (звезда огня), Меркурий (звезда воды), Юпитер (звезда дерева), Венера (звезда металла), Сатурн (звезда земли). «Пять планет содержат жизненные первозданные силы пяти стихий (*у син*)» (Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 332).

129. Пять постоянств (кит. *у чан*) — гуманность, долг, нормы этикета и ритуала, мудрость и вера (кит. *жэнь, и, ли, чжи, синь*).

130. Каждый человек имел своих духов-хранителей, в данном случае это божества (духи), связанные как с буддизмом, так и с иными верованиями тангутов. Тибетскую аналогию см. в: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. С. 233—234.

131. Рупа (кит. *сэ*) — мир материальных форм.

132. Ведана (кит. *шоу*) — восприятие, чувства, знания, приобретенные чувствами.

133. Дхарма (кит. *фа*) — в широком смысле учение Будды. Кроме того, «качество, атрибут, вещь, предмет, объект. Все дхармы — все явления или предметы этого мира». «Трансцендентный субстрат единичного элемента сознательной жизни, составной элемент сознательной жизни» (см.: Сутра мудрости и глупости (дзан лун до) / Пер. с тибет., введ., коммент. Ю. М. Парфионовича // Письменные памятники Востока. 7. М., 1978. С. 312; Дхаммапада. С. 43). «Дхарма (фа) — одно из центральных понятий буддийской философии и психологии. Дхарма — элементарная единица психики субъекта, носитель одного (собственного) качества. Дхармы не субстанциональны (поскольку субстанция несет множество качеств), не отличны от несомого качества, причинно обусловлены и мгновенны. <...> В китайском буддизме слово "дхарма" также часто имеет значение вещь» (Буддизм в переводах. Вып. 1. СПб., 1992. С. 98).

134. Пять скандха (кит. *у юань*). — По скандха распределены все дхармы. Это *сэ* (*рупа*) — чувственные, *ши* (*винайя*) — сознания, *шоу* (*ведана*) — восприятия, *сян* (*санджинья*) — процессы различения и *син* (*самскара*) — процессы вообще.

135. Четыре великих [первоэлемента] — четыре составные (*махабхута*): земля, вода, огонь и воздух, из которых созданы все вещи, физические тела.

136. Тела созидаются — образуется вещный мир.

137. Пять постоянных свойств характера (кит. *у чан*). — См. коммент. 129.

138. Шесть кругов перевоплощений (кит. *лю дао*) — перевоплощение в аду, в голодного духа-*прета*, в животное, в асура, в человека, на небесах.

139. Четыре милости (кит. *сы энь*) — милости родителей, всего живого, государя, Будды и его последователей.

140. Четыре верности (кит. *сы чжун*) — *сяо* — почитание старших и любовь к младшим, *дэ* — добродетель, *синь* — сердечность, искренность и *жэнь* — человеколюбие, гуманное отношение.

141. Сравнение деятельности правителя с трудом землепашца — нам не удалось отыскать такого прямого сопоставления. В «Го юй» сообщается, что в древности главным занятием ванов было земледелие, «три сезона года они занимались земледелием, а один сезон упражнялись в военном деле», «при таком положении они могли доставлять радость духам и устанавливать согласие среди народа» (Го юй (Речи царств) / Пер. с кит., вступ. и примеч. В. С. Таскина. М., 1987. С. 30).

142. См. коммент. 129.

143. В древности предки тангутов дансяны собирались раз в три года для совершения жертвоприношений и обсуждения дел (см.: *Кычанов Е. И.* К вопросу о происхождении тангутов // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961. С. 148—160; *Окадзаки Сэйро.* Тангуто кодай рэкиси кэнкю (Изучение древней истории тангутов). Киото, 1972. С. 12 и др.). Собрания упоминаются в тангутских изречениях, в том числе — в издаваемом памятнике.

144. Девять степеней рангов (кит. *цзю пинь*) — разряды рангов, на которые были поделены китайские чиновники. Система появилась в Китае при династии Северная Вэй (386—534). Поскольку каждый разряд рангов делился еще на основной и вспомогательный, а ранги 6—9 разрядов еще дополнительно подразделялись на верхние и нижние (например, седьмой, основной, верхний или седьмой, основной нижний и т. п.), то всего было 30 рангов. Ранг определял «качество» чиновника, ибо он давал право на определенные должности, на определенный доход, был соотнесен с титулом знатности (см.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. М., 1986. С. 25). Из тангутского свода законов между тем очевидно, что тангуты не заимствовали систему девяти разрядов рангов.

145. Четыре высших разряда рангов давали наибольшие права, четыре низших — наименьшие, хотя чиновники резко отличались по своим правам от простолюдинов. Из тангутских первоисточников очевидно, что, заимствовав самое систему рангов у китайцев, тангуты не ввели ее в своей стране в китайской форме девяти разрядов рангов. О рангах чиновников в тангутском государстве см.: Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 92—98.

146. Имеется в виду реальный физический мир, мир форм (*рупа*).

147. Тангутская система набора на военную службу предполагала отбор из числа совершеннолетних военнообязанных людей на службу в регулярную армию и вспомогательные войска. В регулярную армию, в число тех солдат, которые непосредственно участвовали в военных действиях, как раз, что и естественно, рекомендовалось отбирать людей сильных и отважных. О системе набора в армию Великого Ся см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. С. 117—118; Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 424—429.

148. Чжанфу — в принципе, общее название мужчины, наименование мужа, супруга. В старом Китае — наименование благородного мужа, человека знатного, обладающего знаниями, отвагой и достоинством.

149. Два истинных закона, две истины (кит. *эр ди*) — в данном случае законы государя (*ван фа*) и закон, учение Будды (*фо фа*).

150. Три сокровища (кит. *сань бао*, *триратна*) — Будда, его учение и буддийская община.

151. Сутра — в собрании канонических буддийских текстов (Трипитака) проповеди (изложение учения), по традиции приписываемые лично Будде.

152. Делая добрые дела, не увлекаться накоплением имущества; раздавая милостыни и пожертвования, соблюдать учение буддизма — верующий буддист «понимает направления последующего пути», т. е. пути к хорошему перерождению и спасению, зная закон кармы и воздаяния за злые дела, буддист понимает, «как пресечь пагубный путь», т. е. не навлечь на себя своими дурными поступками плохого перерождения, например в животное, и не попасть в ад. Северный буддизм Махаяна со временем признал наличие ада и рая. (Описания буддийского ада см.: *Ван Янь*. Вести из потустороннего мира: Буддийские короткие рассказы V века / Пер. с кит. М. Е. Ермакова. СПб., 1993.) Комментируемая фраза как раз отражает правила поведения в этой жизни верующего буддиста-мирянина.

153. Пять первоэлементов (кит. *у син*) — дерево, огонь, земля, металл, вода. «Небо обладает пятью элементами. Первый называется дерево, второй — огонь, третий — земля, четвертый — металл, пятый — вода. Дерево — начало пяти элементов, вода — конец пяти элементов, земля — центр пяти элементов. Таков их порядок, определенный Небом» (Древнекитайская философия. Эпоха Хань. С. 125).

154. В данном контексте речь идет об отшельниках-даосах. (См.: *Торчинов Е. А.* Даосизм. СПб., 1993.)

155. Даосские отшельники (кит. *сянь*) особыми приемами пытались достичь такого состояния тела, что они могли летать. Они искали и составляли средства достижения бессмертия. (См.: *Торчинов Е. А.* Даосизм.)

156. В тангутском государстве, как и в старом Китае, суд не был отделен от местной администрации. Главы уездов и округов являлись и судьями соответствующей инстанции. Подробнее см.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. С. 100—114.

157. Этот тезис — любопытное свидетельство наличия авторских изречений, часть из которых, вероятно, имела своим источником памятники тангутской, китайской, тибетской словесности, как письменные, так и устные. О тангутских изречениях подробнее см.: Вновь собранные драгоценные парные изречения: Факс. ксилографа / Изд. текста, пер. с тангут., вступ. ст. и коммент. Е. И. Кычанова // Памятники письменности Востока. 11. М., 1974. С. 30—86.

158. Мы уже писали выше, во вступительной части, что объем даже известной нам проделанной тангутами филологической работы поражает. Поражает и ее научный (без кавычек) уровень, хотя и базировавшийся на достижениях филологической науки Китая. (См.: Тангутские рукописи и ксилографы / Сост. З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов. М., 1963. С. 43—53; *Невский Н. А.* О тангутских словарях; Материалы для изучения тангутского произношения; Тангутские фонетические таблицы. Все три статьи в: Тангутская филология. Кн. 1. С. 95—139; Море письмен: Факс. тангут. ксилографа / Пер. с тангут., вступ. ст. и прилож. К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского. Ч. 1 и 2 // Памятники письменности Востока. 25. М., 1969; *Софронов М. В.* Грамматика тангутского языка. Кн. 1. М., 1968. С. 69—89.)

159. В данном случае под «священномудрыми» кроме буддийских божеств могут подразумеваться божества собственно тангутского пантеона и даосские божества.

160. Все миры — видимо, трилока, три мира: мир буддийской космологии, мир желаний, мир форм. Вариант — три тысячи миров, бесчисленное количество миров по буддийской космогонии, один из них тот, в котором мы живем. В обобщенном смысле — «из всех людей».

161. Три вида действий (кит. *сань син*) — *сяо* — почитание старших и любовь к младшим, *ю* — дружба и *шунь* — уступчивость, послушание.

162. Четыре благоволящих (кит. *сы энь*) — в буддийском перечне это родители, все живое, государь, Будда и его последователи. В традиционном китайском — Небо и Земля, государь, родители, учителя или, в ином варианте, родители, учителя, государь, благодетели.

163. Панча мудра (кит. *у ши*) — пять способов познания окружающего мира с помощью зрения, слуха, обоняния, вкусовых ощущений, осязания.

164. Мэй — фамильный знак. Речь, видимо, идет о каком-то лице, хорошо известном из тангутских преданий и пока неизвестном нам.

165. Совет (собрание) — в составе органов управления тангутским государством — Государственный совет, совет при императоре. В догосударственный период также, по-видимому, достаточно широко бытовавший у тангутов орган управления и совещательный орган как в кланах-*мэ*, так и межклановый. Нередко упоминается в тангутских текстах, например в изречениях. (См.: Вновь собранные драгоценные парные изречения. С. 159, 196.)

166. См. коммент. 150.

167. Авторы подчеркивают бездуховность жизни слуг, думающих только о еде. Ниже подчеркивается скудоумие слуг.

168. Авторы вновь подчеркивают бездуховность слуг, их жадность, стремление к накопительству и т. п.

169. Это свидетельство того, что часто слуг плохо кормили.

170. Китайский первоисточник данного рассказа нами не установлен.

171. Все это в полной мере соотносится с тем, что известно о тангутском обществе из китайских источников и тангутского права (см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. С. 117; Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание. Кн. 1. С. 424). Закон определял брачный возраст девушек в 13 лет (Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 297—303).

172. Это очень любопытная информация о воспитании в семье мальчиков и девочек. Для мальчиков предполагалось физическое воспитание и владение оружием, умение вести себя во время стихийных бедствий и бедствий обыденных (пожар), вести нормальную гигиенически обеспеченную половую жизнь. Девочек учили женскому этикету в своей семье и семье будущего мужа и женским рукоделию и ремеслам — шитью одежды, обуви и т. п.

173. Пять дел — перечислены в самом тангутском тексте: 1) служить, соблюдая свою честь и достоинство, «не терять доброго имени», 2) исполнять приказы государя, 3) старательно вести дела, 4) сохранять на службе с сослуживцами дружеские взаимоотношения, 5) ответственно и отважно исполнять свой воинский долг.

174. Китайский первоисточник данного рассказа нами не установлен.

175. Перед нами переложение следующего рассказа из китайской литературы: «Минь Цзя-цянь, второе имя Сунь, был человеком из Лу. Отец [его] взял мачеху, которая родила двух сыновей. Цянь кормил отца и мать, относился к ним почтительно и не ленился. Мачеха же относилась к нему ревниво, рожденным ею родным сыновьям одежду утепляла хлопковой ватой, а Цзя-цяню дала одежду, [утепленную] тростниковым пухом. Его отец не знал об этом и послал зимой сына возницей. Цянь не справлялся с делом, руки у Цяня замерзли, он несколько раз ронял поводья, и тогда отец ругал его. Цянь погибал, не в состоянии справиться с собой. Отец тайно осмотрел его и обнаружил, что Цянь замерзает. Отец отогрел его [своими] руками и понял, что его одежда очень тонка, он разорвал ее, осмотрел и только тогда понял, что она не утеплена. А два сына мачехи были в чистых одеждах, утепленных ватой. Тогда отец разгневался и прогнал свою жену. Цзя-цянь, у которого слезы лились градом, говорил отцу: "Матушка заморозила одного сына. Если же матери не станет, то трое сыновей останутся одинокими. Прошу вас обдумать это!" Отец устыдился и оставил [жену]. Мачеха исправила свою ошибку и стала равно относиться ко всем трем сыновьям, одевать и кормить их одинаково, стала любящей матерью. Почтительный сын стал известен в Поднебесной. Луский Юань-гун пригласил Цяня и назначил его правителем области. Он прославился как последователь Кун-цзы. Жил во времена Чжоуского Цзин-вана (519—476 г. до н. э.)» (извлечено из «Чунь цю». Дуньхуан бяньвэнь цзи. Кн. 2 / Сост. Ван Чжун-мин, Ван Цин-шу, Сян Да, Чжоу И-лян, Ци Гун, Цзэн И-гун. Пекин, 1984. С. 904). В хронологии в рассказе явное несоответствие, так как Юань-гун правил в княжестве Лу с 428 по 408 гг. Возможно, и неувязка с местностью Лу (см. этот же рассказ в кн.: Ши Цзюе-шоу сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. Шанхай, 1935. С. 17).

176. Сюжет позаимствован из «Ши цзи». «Цзэн Шань был человеком, почитающим старших и любящим младших. И был некий человек, который носил

то же самое имя Цзэн Шань. Вдруг кто-то сказал: "Цзэн Шань погубил человека!" Его мать знала, что ее сын почитает старших и любит младших и никак не мог сделать этого. [Ее] трижды призывали и говорили, [что ее сын убил человека]. Мать стала верить случившемуся, в чрезвычайном гневе перелезла через [стену] и пошла разобраться в этом деле» (Дуньхуан бяньвэнь цзи. Кн. 2. С. 93).

177. Это часть повествования о почтительном сыне Цай Шуне из «Хоу Хань шу». Начало сюжета см. в коммент. 201. «...Мать Шуня при жизни боялась грома. Каждый раз, когда начиналась гроза, сверкали молнии и гремел гром, Шунь сам в это время ходил вокруг могилы матери и, громко плача, восклицал: "Шунь здесь, матушка, не пугайся!" Тайшоу узнал об этом, и когда случалась гроза, давал Шуню коляску, запряженную лошадью, чтобы [тот] поскорее прибыл к могиле [матери]. Тайшоу Хань Чжи поручал Шуню совершать жертвоприношения с вином в Южной палате» (Дуньхуан бяньвэнь цзи. Кн. 2. С. 903).

178. Этот сюжет встречается в разных вариантах, приведем для примера рассказ о Сыма Чжи. «Сыма Чжи, второе имя Цзы Хуа, человек из Вэнь, Хэнэй. С малолетства любил читать книги. Покидая места беспорядков в Цзинчжоу, в горах Луян столкнулся с разбойниками. Все, кто был вместе с ним, бросив старых и слабых, бежали. Только Чжи остался оберегать старую мать. Подошли разбойники с ножами, приблизились к нему. Чжи склонил голову и сказал: "Господа, у меня только и осталось что старая мать". Разбойники сказали: "Это почтительный сын! Нельзя убивать его!" Затем, чтобы избавить его от бедствий, посадили мать в небольшую повозку. Они жили на юге более десяти лет. [Чжи] пахал землю и жил скромно. Дослужился до *дасынун* [управляющего сельхозработами]» (Цэ фу юань гуй. Цз. 751. Пекин, 1960. Т. 10. С. 8947).

179. Сюжет из «Сяо цзы чжуань». «Лао Лай-цзы. Человек из княжества Чу. Был чрезвычайно почтителен к родителям. В возрасте 70 лет не называл себя старым, чтобы не причинять боль своей матери. Носил пеструю одежду, чтобы показывать, что он ребенок, и радовать мать. Даже играл перед матерью в детские игры, или укладывался спать ничком, или спал с матушкой у ног благодетельницы-кормилицы. Сучил [ручками] и ножками и плакал, как младенец. Чуский ван узнал об этом и наградил его золотом и парчой, назначил его *линьи*, но [Лай-цзы] отказался и не принял назначения» (Ши Цзюе-шоу сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 17).

180. Сюжет, схожий с рассказом о Ван Дэ-чу. «Ван Дэ-чу. Когда скончался [его] отец, то он был настолько беден, что не имел средств для [его] похорон. Тогда он продал сына в казенное рабство и при этом [еще] одну дочь, чтобы сделать все нужное, связанное с похоронами» (Цэ фу юань гуй. Цз. 755. Т. 10. С. 8988). Поскольку детали не совпадают, то, возможно, тангутскими авторами использован или другой рассказ из серии подобных, или они объединили в одном рассказе несколько разных, с чем мы также сталкиваемся в данном памятнике.

181. Сюжет в неполном виде сохранился в рукописи из Дуньхуана. «Некий Ван Цзы, человек из Цзянго. Отец и мать были у него престарелые, при этом оба не имели средств. <...> Ван Цзы с раннего утра до позднего вечера неустанно заботился об их пропитании. Надев оленью шкуру, водил дружбу с оленями ...брал воду, находясь в оленьем стаде, однажды столкнулся...» (Дуньхуан бяньвэнь цзи. Кн. 2. С. 910).

182. Этот популярный рассказ нам приходилось в пересказе встречать неоднократно, в особенности в изложении доктрины *сяо* в популярной европейской литературе. Но, к сожалению, китайский первоисточник его нам обнаружить не удалось.

183. Есть близкий по содержанию сюжет, только не про дочь, а про сына Вэй Цзюня. «Вэй Цзюнь, второе имя Вэнь Гао, человек из Дулин, Цзинчжэнь. Часто находился вместе с отцом. Как-то они ночевали на постоялом дворе. В это время было много тигров. Собирались засыпать, когда тигр стал ходить вокруг дома и рычать. Тогда Цзюнь выскочил во двор и лицом к лицу столкнулся с ним [тигром]. Тигр прижал уши, изогнулся, припал к земле и не двигался. Цзюнь встал на колени и сказал: "Ты голоден и можешь съесть меня, но не пугай моего престарелого родителя". Тигр потоптался в нерешительности на

месте, а затем ушел. Все находившиеся в доме были в безопасности» (Сун Гун сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 19).

184. Это рассказ об Юань Гу. «Юань Гу. Откуда этот человек — неизвестно. [Его] дед был стар, и отец и мать [Юань Гу] не любили его и намеревались бросить. Гу [в это время] было пятнадцать лет. Он горько плакал и увещевал [отца и мать не делать этого], но родители не послушались его. Сделали погребальную тележку, отвезли и бросили его [деда]. Тогда Гу, взяв погребальную тележку, привез ее обратно. Отец сказал ему: "Ты почему пользуешься этими погребальными принадлежностями?" Гу тогда ответил: "Боюсь, позже состарится и отец, не сможет сделать их заново, возьмем эти и используем их!" Отец почувствовал угрызения совести, после чего взял деда, привез его обратно, прислуживал ему и кормил его, почувствовал свою ответственность, снова стал искренне почитающим [отца сыном], а Гу стал искренне любящим внуком» (Сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 34).

185. Три формы (*сяо*) — это *сяо* государя, сяо чиновников и *сяо* подданных. *Сяо* государя — это любовь к подданным, распространение на них благой силы *дэ*, наставление их в духе почитания родителей, старших и начальников и соблюдения ими норм ритуала (*ли*). *Сяо* чиновников — строгое соблюдение законов (*фа*) и норм ритуала и поведения (*ли*), соблюдение правил почитания родителей. *Сяо* подданных — служить родителям и почитать старших.

186. Пять корней (кит. *у гэн*) — пять духовных качеств: вера, энергия, память, сосредоточение, мудрость. Также пять способов познания мира: обонянием (носом), вкусом (языком), зрением (глазами), слухом (ушами) и телом.

187. Пять ветвей (кит. *у чжи, у фэнь*), *авяяна* — пять моральных принципов из «Маха паринирваны сутры»: 1) чистота своей кармы, 2) чистота кармы предков и потомков в своей семье, 3) чистота сознания, освобожденного от всего дурного, 4) поддержание чистоты истинного сознания, 5) возвращение к морали божества Анубодхи. Кроме того, пять логических силлогизмов: пропозиция (посылка), причины, примеры, применение, заключение.

188. Трехгодичный траур (кит. *чжаньцуй*) носили дети по отцу и матери и жена по мужу. О трауре и его социальной и правовой роли см.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. С. 71—75; Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 84—90.

189. Почтительные к родителям сын и дочь обязаны беречь свое тело, поэтому не совершать преступлений, наказуемых смертной казнью, особенно обезглавливанием, нарушавшим целостность тела (см.: Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1—4).

190. Иные преступления, за которые хотя и сохраняют жизнь — имеются в виду преступления, наказуемые битьем палками и каторжными работами (см.: Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 66—79). Наказание битьем палками нередко имело своим последствием причинение увечья, т. е. причинения повреждения телу, дарованному родителями.

191. При ношении траура и как способ выражения печали тангуты оставляли волосы распущенными, непричесанными (см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. С. 75—76; *Кычанов Е. И.* К вопросу о происхождении тангутов. С. 154).

192. См. коммент. 129. Но хотя в тексте говорится о «пяти постоянствах», фактически имеются в виду «пять основных норм человеческих отношений» (кит. *у лунь*) — отношений между государем и подданными, между родителями и детьми, между старшими и младшими братьями, между мужем и женой, между друзьями.

193. Десять тысяч дел — все дела.

194. Три правила. — Они перечислены в тексте: почтительное и усердное служение родителям при их жизни, достойное погребение родителей по обряду в случае их смерти, поминовение родителей после их смерти, совершение им жертвоприношений и чтение молитв.

195. Пять людских дел. — Собственно, эти дела перечислены в тексте: 1) соблюдать законы и нормы поведения и ритуала (*ли*), 2) служить преданно и искренне, 3) делать и решать дела по службе в полную меру своих сил и

возможностей, 4) быть искренним с близкими людьми, 5) быть стойким и мужественным воином.

196. Это, возможно, один из вариантов сюжета про Цзяо Хуа. «И, отец Цзяо Хуа, постоянно очень болел. В разгар зимы захотел поесть тыквы. Хуа во сне увидел человека в желтой шапке, который сказал: "Получил известие, что твой отец болен и хотел бы поесть тыквы. Поэтому посылаю, чтобы оказать помощь". Хуа поклонился и взял ее [тыкву]. Проснулся, в руках [тыква] и аромат от нее необычайный. Отец поел [тыквы] и поправился» (Сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 34).

197. Китайский первоисточник данного рассказа нам найти не удалось.

198. Сюжет полностью изложен в «Сяо цзы чжуань». «Дун Юн был человеком из Цзычэн. В раннем возрасте лишился матери и был воспитан только одним отцом. Семья была бедной, и он много работал, старался с почтением содержать [отца]. Как-то в страду Юн взял небольшую повозку и толкал ее, посадив отца на край повозки. Кормил и ухаживал за ним по-прежнему. После того как он несколько раз грузил так [отца на повозку], отец скончался и хоронить его было не на что. Юн взял у благородного человека в долг десять тысяч монет, как раз тысячу связок, и похоронил отца. Когда похороны были закончены, как раз настало время отдавать долг. По дороге [Юн] встретился с девушкой, которая выразила желание стать женой Юна. Юн сказал: "Я живу в бедности и холоде, скончался отец, не на что было похоронить его, я взял у хозяина десять тысяч монет, теперь хочу продать себя, стать рабом, чтобы возвратить долг. Как я осмелюсь испортить жизнь девушке!» Женщина ответила: "Коли сердца испытывают взаимную радость, то чего же стыдиться!» Юну нечего было возразить, и они вместе с женой прибыли к хозяину. Хозяин сказал: "Ты вначале говорил об одном человеке, а теперь вас прибыло двое вместе. Почему это?» Юн ответил: "Покупал одного, получил двоих, что же тут удивительного?» [Хозяин спросил]: "Чем можешь вернуть долг?» [Юн] в ответ сказал: "Умею ткать шелк". Хозяин сказал: "Однако, если соткешь 300 кусков, тебя отпущу, мужа и жену возвращу". Ткали [Юн и его жена] десять дней, соткали 300 кусков шелка. Хозяин испугался и удивился, отпустил их, и два человека пошли обратно. Когда они дошли до того места, [где встретились ранее], жена сказала: "Я — Небесная ткачиха! [На небе] увидели, что господин весьма почитает родителей. Поэтому Небесный император послал меня помочь господину отдать долг. Теперь как раз избавила тебя от трудностей, и мне не след долго оставаться среди людей". Сказала — и вознеслась на Небо. Юн не смог удержать слезы. Император наградил Юна, пожаловал ему должность цензора (юйши дафу)» (*Лю Сян.* Сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 1—2).

199. Последний зимний месяц года — приблизительно январь или январь—часть февраля, т. е. самый разгар зимы.

200. Данный сюжет из рассказа про Ван Сяна из «Ши Цзюе-шоу сяо цзы чжуань». «Ван Сян с малых лет отличался добродетельным поведением. Рано лишился матери. Мачеха ненавидела и оговаривала его. Сян же относился к ней почтительно и [в ответ на ее нападки] становился еще более усердным. В разгар холодов, когда реки были скованы льдом и нельзя было использовать сети, мать пожелала свежей рыбы. Сян сбросил одежду и долбил лед, стараясь добыть ей [рыбу]. И вдруг лед слегка раздвинулся и выплыли две рыбины. Сян закинул удочку и поймал их. Люди того времени говорили, что это было достигнуто благодаря его чрезвычайному почтению к родителям» (Ши Цзюе-шоу сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 18). Это сюжет частый; например, в «Соу шэнь цзи» есть рассказ про Ван Тина, в котором на лед выпрыгнула рыба размером в пять чи [более 1,5 м]. Близок к вышеназванным и рассказ про Чу Лао. Он рано потерял мать, жил с мачехой, был почтителен. Мачеха заболела, увидела сон, что она поправится, если поест карпа. Она проснулась и рассказала об этом Лао. Стоял последний зимний, 12-й месяц года. Лао вышел на лед, пал на колени, молился Небу. Лед сам раскололся, и на лед выпрыгнул карп (Соу шэнь цзи // Цуншу цзичэн. Цз. 11. С. 81).

201. Тангутский текст передает часть более объемного рассказа: «Цай Шунь, второе имя Цзюнь Чжан, человек из Пинъюй. В ранние годы потерял своего

отца и кормил только свою старую мать. В конце правления Ван Мана в Поднебесной начался голод. [Шунь] обрывал зеленые туты, красные и черные и складывал их, переменяя блюда. Краснобровые разбойники, увидав это, спросили его [о том, что он делал] ранее. [Тот] ответил: "Черные я поднесу моей матушке, [страдающей от голода], а красные возьму себе". Разбойники, увидав, что перед ними сын, почитающий мать, не задержали Шуня. Дали ему риса три шэна и коровье копыто, чтобы он и дальше служил своей мудрой матери. Мать Шуня еще до замужества много пила вина, блевала и падала. Шунь боялся, что материнское нутро зазеленело [отравлено]. Сам часто пробовал на вкус ее блевотину. Мать затем скончалась. Тело покойной положили в открытом помещении [зале] в среднем доме. У семьи в восточном доме вспыхнул пожар. [Их дом] соприкасался с домом Шуня. Один он не мог перенести тело и тогда упал у гроба и зарыдал. Огонь перелетел через [его дом], сжег [дом] западной семьи и вскоре погас (Дуньхуан бяньвэнь цзи. Кн. 2. С. 902—903).

202. Трехлапая ворона — по китайским преданиям, жила на солнце. Со времен Хань (II в. до н. э. — II в. н. э.) сохранились изображения трехлапых ворон в центре солнца (см.: Трехлапая ворона // Чжунго шэньхуа чуаньшо цыдянь (Мифологический словарь). Шанхай, 1985. С. 21. О связи ворона и вообще птиц с солнцем см.: *Яншина Э. М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. С. 106—115). В «Тай-пин юй лань» сказано: «Сила Ян многократно поднимается, из одного образует два, поэтому в центре солнца имеется трехногий ворон» (Тай-пин юй лань. Цз. 3. Шанхай, 1960. Кн. 1. С. 15). Там же говорится: «В середине солнца имеется трехногий ворон. Солнце — огонь. Ворон входит в огонь и сгорает. Коли это так, то ворон — *ци* солнца» (цз. 4, с. 18). Среди чудес «Соу шэнь цзи» имеется такой рассказ: «При императоре Чжан-ди династии Хань... ворон родил птенца с тремя лапами. [Когда птенец] вырос, то стал похож на курицу, цвета красного, на голове — рога, рот больше цуня» (Соу шэнь цзи. Цз. 6 // Цуншу цзичэн. С. 50).

203. Поверье о том, что птенцы ворона сто дней кормят сидящих в гнезде родителей, реально не имеет под собой никакой почвы. Однако в сложном комплексе мифологических представлений о вороне, например у народов Севера — ительменов, коряков, есть поверье о том, что ворон «защищает своих детей от злых духов, помогает в устройстве их браков» и т. п. (см.: Мифы народов мира. Т. 1. С. 246).

204. Забота четы воронов о потомстве, особенно наглядная при обучении птенцов летать, могла породить поверье об особенном чадолюбии ворон и о том, что вороны помогают почтительным к родителям детям. Найти этому подтверждение в текстах нам не удалось.

205. Это рассказ о Цзян Ши. «Цзян Ши, второе имя Ши Юй, человек из Гуанханьло. Случилось, что в зрелые годы жил в оскудении. С женой работали, чтобы прокормить мать. Через их деревню проходили разбойники. Командовавший солдатами приказал не спешить, сказал: "Не надо беспокоить почтительного сына!» Мать [Цзян Ши] любила пить речную воду. Сын [Цзян Ши], который часто брал воду в реке [для бабушки], утонул. Муж и жена испугались, что мать узнает об этом, и, обманув мать, сказали, что он уехал учиться. Раз, как и всякий год, они полоскали белье в реке. Внезапно подле их дома забил родник, вода в нем по вкусу была как речная. А в колодце появилась пара карпов. Ши вскоре вышел в отставку с должности правителя Цзянян, умер при чине» (Цэ фу юань гуй. Цз. 757. Т. 10. С. 9001).

206. Это вариация на тему рассказа о Мэн Цзуне и других, подобных ему. «Мэн Цзун. Второе имя Гун У. Человек из Цзянся. По натуре своей был очень почтителен к родителям. Мать любила побеги бамбука. Зимой не было побегов. Цзун ушел в лес и горько плакал. Внезапно появились побеги бамбука» (Соу шэн цзи // Цуншу цзичэн. С. 35).

207. Собственно, это сюжет на ту же тему, что приведен в коммент. 206. Близких по характеру рассказов довольно много, но рассказа, в котором речь шла бы о бабушке и внуке, нам обнаружить не удалось.

208. Данный сюжет схож с историей про Янь Ханя. Жена его старшего брата «заболела и ослепла. Врач сказал, что нужно достать желчный пузырь тигро-

вого питона и [тогда] добьешься того, чего хочешь [т. е. исцеления]. Не было способа добыть ее [желчь питона]. Хань опечалился, часто целыми сутками сидел в одиночестве. Вдруг однажды появился мальчик в зеленой одежде, лет примерно 13—14. В руках он держал зеленый мешок, который отдал Ханю. Хань открыл его и увидел, что там желчь змеи. Мальчик потоптался на месте, выскочил за ворота, превратился в синюю птицу и улетел. Из полученной желчи приготовили лекарство, и жена старшего брата выздоровела» (Соу шэнь цзи. Цз. 11 // Цуншу цзичэн. С. 82).

209. В тексте лакуна.

210. К данному сюжету близок рассказ о Вэнь Жане. «Вэнь Жан, человек из Саньхэ. Был очень привержен пути почитания старших и любви к младшим. Так, как никогда не слыхано ни теперь, ни прежде, почтевал старую мать, никогда не покидал ее. После смерти матери Жан дал клятву не служить, благоустроить могилу [матери]. Могильная насыпь не завершалась. [Жан] дни и ночи не прекращал работы, плакал подле могилы, [чем] привел в содрогание небосвод. Растрогавшиеся [его почтительностью], прилетели птицы, пришли звери, [птицы] приносили в клювах землю, [звери] подавали комья земли. И через несколько дней эта могила была построена. Император узнал об этом, пожаловал [Жану] золото и шелк и почтил должностью *сяна* [главы правительства]. Но Жан отклонил это предложение (Дуньхуан бяньвэнь цзи. Кн. 2. С. 909; Сяо Гуан-цзи сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 5).

211. Это рассказ про Чан Шэна из «Соу шэнь цзи». «Синьсинский Лю Ин, второе имя Чан Шэн. Семи лет потерял отца. Обессилел от горя и страданий, три года носил траур и ни разу не улыбнулся. Случилось так, что прадеду матери Вану ночами во сне постоянно являлся человек и говорил: "Под западной изгородью имеется просо!» Ван проснулся и стал копать там, нашел проса пятнадцать чжун [1 чжун — около 660 л]. Надпись [на камне в яме?] гласила: "Сто дань [1 дань — примерно 60 л] проса — дар на семь лет почтительному сыну Лю Ину". С этого момента [Чан Шэн] ел [просо] семь лет, пока оно не кончилось» (Соу шэнь цзи. Цз. 11 // Цуншу цзичэн. С. 82—83).

212. Ср. рассказ о Ли Тао. «Ли Тао, человек из Цзяочжи. Когда умерла мать, Ли Тао поселился подле ее могилы. Сам сооружал могилу, не получал помощи от соседей. Птицы, неся в клювах комья земли, помогали ему сооружать могилу» (Ван Шао-чжи сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 13). Может быть, даже более близок к сюжету, приведенному в издаваемом памятнике, рассказ о Вэнь Жане. «Вэнь Жан, из области Ба. Кормил мать и был очень почтителен. Когда мать умерла, то не пользовался помощью прислуги. Два человека, старший и младший братья, сооружали ее могилу. [Для сооружения могилы] недоставало земли. Тогда они вспахали один му [0,06 га] земли, чтобы получить грунт для могильной насыпи. Как-то раз, когда они возвращались [к месту работы], взяв с собой запасы еды, стая в несколько тысяч птиц носила в клювах подготовленную ими для насыпи землю и ссыпала ее на могилу. Вскоре могила была достроена» (Сяо Гуан-цзи сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 4). Ср. также коммент. 210.

213. Близок этому рассказ про Цзун Чэна. «Цзун Чэн. Второе имя Ши Линь. Когда скончался отец, [он] захоронил его на старом кладбище. Носил землю и делал могильную насыпь. Не посылал слуг работать [на могиле отца]. Однажды ночью земляная насыпь сама поднялась на пять чи, а [вокруг могилы] выросли сосны и бамбуки» (Сун Гун-цзи цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 21).

214. Это рассказ про Чу У-ляна. «Чу У-лян, сын Яньского вана Фу Цзяньго. Принося жертвы вином, поминал мать. На время траура оставил службу, поселился в шалаше подле могилы [матери]. Когда [он] на том месте [у могилы] посадил сосны и кипарисы, какой-то олень приходил и бодал их. У-лян заплакал и сказал: "В горах много травы, зачем же портить мои деревья у могилы [матери]?» Из-за [этого оленя] он целыми вечерами охранял посадки. Однажды появилось стадо оленей. Они были совсем ручными и не причиняли вреда посадкам. По этой причине У-лян до самой своей кончины не ел оленьего мяса» (Цэ фу юань гуй. Цз. 757. Т. 10. С. 9013).

215. Это рассказ про Сюн из «Соу шэнь цзи». Ее отец Ни Хэ утонул. «Труп не нашли. Сюн скорбела и горько плакала. Нежданно-негаданно жизнь ей стала

немила. Она говорила младшему брату Сяню и мужу: "Распорядитесь старательно разыскивать труп отца. Если поиски будут безрезультатны, я сама утоплюсь и найду его". Сюн было 27 лет, у нее были сыновья: Гун — пяти лет и Гуань — трех лет... К 15 дню двенадцатого месяца труп отца не нашли. Сюн села в маленькую лодку и приплыла к тому месту, где отец упал в воду. Долго и горько плакала, а потом сама бросилась в воду и тут же погрузилась на дно. Ночью [она] явилась во сне младшему брату и сказала: "21 числа [я] появлюсь вместе с отцом!» Когда наступил срок, как и было сказано [брату] во сне, они вместе с отцом, держась друг за друга, появились в реке» (Соу шэнь цзи. Цз. 11 // Цуншу цзичэн. С. 84—85).

216. Это изречение отражает известное «промежуточное» проживание тангутов-дансянов в догосударственный и государственный период между тибетцами и китайцами. И с теми, и с другими им приходилось воевать. Об этих войнах см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. С. 11—21, 40—41, 136—140, 185—195; *Окадзаки Сэйро.* Тангуто кодай рэкиси кэнкю. С. 42—43; *Бай Бинь.* Дансян ши яньцзю (Изучение истории дансянов) // Чжунго шаошу миньцзу вэньку (Сокровищница культур национальных меньшинств Китая). Чанчунь, 1989. С. 1—9.

217. Этот рассказ встречается в сборнике «Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим» (с. 28, рассказ 21). По определению К. Б. Кепинг, его источником послужил текст «Сань го чжи» (см. с. 44). Мы находим его и в лэйшу «Лес категорий», изданной также К. Б. Кепинг (см. рассказ 35). Предлагаем аналогию к данному тексту в рассказе о госпоже Чжу из энциклопедии «Тай-пин юй лань». «Ван Лань, второе имя Сюань Тун. Мать, госпожа Чжу, плохо относилась к сыну от первой жены [своего мужа] Сяну. Когда Ланю было всего несколько лет, он увидел, как Сяна наказывали палкой. Лань горько заплакал и обнял его. Когда он вырос и стал отроком, он всякий раз увещевал свою мать. Мать же мало прекратила свое жестокое обращение [с пасынком] Сяном. Сян же мало-помалу приобрел известность. [Тогда] госпожа Чжу тайно поручила отравить Сяна. Лань узнал об этом, быстро вскочил, чтобы забрать [отравленное] вино. Сян сомневался, что вино отравлено, спорил и вино Ланю не отдавал. [Тогда] госпожа Чжу быстро выхватила [у них чашу с вином и] опрокинула ее. После этого, когда госпожа Чжу устраивала [пасынку] Сяну угощение, [ее родной сын] Лань всегда первым пробовал кушанья» (Тай-пин юй лань. Цз. 516. Шанхай, 1960. Т. 3. С. 2346).

218. Возможно, это рассказ про Чжун Хао. «Хао еще в малолетнем возрасте был очень трудолюбив, проявил большие способности и был приглашаем на государеву службу. Несколько раз он отказывался, ссылаясь на то, что два его старших брата еще не служат, укрылся в горах, писал стихи, обучил более тысячи учеников» (Тай-пин юй лань. Цз. 516. С. 2342).

219. Это история про Бу Ши. «Бу Ши, человек из Хэнань. Занимался обработкой полей и разведением скота. Родители умерли. У Ши был младший брат. Когда младший брат подрос, Ши расстался с ним, выделил его, взяв себе только более ста голов овец и прочего скота, а все поля, постройки и прочее имущество отдал младшему брату. Ши ушел в горы, где и прожил десять с лишним лет. Число овец у него перевалило за тысячу, он [снова] купил себе поля и постройки. А младший брат растранжирил все свое имущество. Тогда Ши снова наделил младшего брата неким количеством [имущества]» (Тай-пин юй лань. Цз. 514. Т. 3. С. 2340).

220. Это рассказ про Гэ Хэ. Когда его отец умер, «Хэ должен был наследовать ранг отца. Он подал прошение на высочайшее имя и просил дать ранг и младшему брату. Государь не подписал дозволение дать ранг и младшему. Когда императорский указ [о его назначении] был подписан, Хэ не подчинился и бежал в горы, где и скрывался три года. Государь вытребовал Хэ и так же, [как и его брата], пожаловал его государевой должностью» (Тай-пин юй лань. Цз. 516. С. 2344).

221. Это рассказ про Ли Чуна. «Ли Чун, второе имя Да Сунь. Семья была бедной, братья жили вместе, носили одно и то же платье и вместе питались. Жена Ли Чуна, таясь от других, говорила ему: "Теперь [мы] живем бедно, жить

так трудно, не подумать ли о том, как бы выделиться?" Чун притворно согласился, сказал: "Надо сделать вина, собраться и пригласить односельчан и всех родственников". [Когда все собрались], Чун встал на колени перед седовласой матерью, сидевшей в центре, и сказал: "Эта женщина непочтительна, [она] уговаривала Чуна выделиться, посеять рознь между матерью и братьями. Не соответствует ли в качестве наказания за ее преступление изгнание?» После чего приказал своей жене убираться за ворота, и женщина, обливаясь слезами, ушла» (Тай-пин юй лань. Цз. 515. Т. 3. С. 2342).

222. По старому китайскому закону близкий родственник не имел права доносить на близкого родственника и не мог подвергаться уголовному преследованию за укрывательство близкого родственника, совершившего преступление. Исключение составляли преступления против императора и государства. В нашем случае брат требовал для себя казни незаконно, хотя в каких-то частных случаях, не оговоренных в кодексах, сын, например, мог пойти на казнь вместо отца.

223. Первоначальный, возможно китайский, текст рассказа мною не установлен.

224. Сюжет встречается также во «Вновь собранных записях о любви к младшим и почтении к старшим» (с. 27, рассказ 19). Отнесен к династии Хань, к восстанию Краснобровых. Источник К. Б. Кепинг не отождествлен.

225. Сюжет включен и во «Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим» (с. 27—28, рассказ 20), а также в «Лэй линь» (рассказ 232). Источник К. Б. Кепинг не отождествлен. Очевидно, это сюжет из «Чжоу Цзин-ши сяо цзы чжуань»: «В древности жили братья. Внезапно они решили разделиться. Вышли за ворота и увидели, что терновник переплелся стволами и слился листьями. Инь Тань сказал: "Похоже, деревья желают жить вместе, а мы, братья, хотим разделиться?» Они вернулись к прежней жизни и жили в согласии» (Чжоу Цзин-ши сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 15).

226. Ср. рассказ о Бу Ши во «Вновь собранных записях о любви к младшим и почтении к старшим» (с. 27, рассказ 17). По определению К. Б. Кепинг, о Бу Ши сообщается в «Цянь Хань шу», цз. 58. Возможно, по содержанию более близок к рассказу из «Моря значений, установленных святыми» другой рассказ из «Вновь собранных записей...» (с. 23, рассказ 7). Правда, в нем идет речь о дяде и племяннике. Источник К. Б. Кепинг не отождествлен. Про Бу Ши см. также коммент. 219.

227. Как раз к этому сюжету наиболее подходит рассказ о Бу Ши, см. коммент. 226.

228. В Китае и тангутском государстве закон требовал согласия родителей на выделение сыновей из семьи. Реально процесс дробления семей шел постоянно. И хотя общественное мнение, как мы видим из текста издаваемого памятника, в принципе часто относилось к разделу братьев и распаду больших семей неодобрительно, разделы имели место.

229. Схожий сюжет имеется в «Тай-пин юй лань». «Юань Тань хотел напасть на младшего брата. Шань Вэнь, предостерегая его, сказал: "Старший и младший братья — это как левая и правая рука. Например, человек готовится к сражению, отрубает себе левую руку и заявляет: "Я непременно одержу победу!» Разве может быть такое? Отец покинул братьев, а они не признают друг друга за родню. Кто же в Поднебесной их близкий родственник?"» (Тай-пин юй лань. Цз. 515. Т. 3. С. 2342).

230. Известно несколько китайских рассказов о помощи старших братьев младшему, но рассказа, близкого по своему конкретному содержанию данному, мне найти не удалось.

231. Перед нами так называемые «пять постоянств» в несколько ином наборе: отцовская справедливость, материнская жалость, любовь старшего брата к младшему, почтение младших братьев к старшим, почитание родителей детьми.

232. Это рассказ о Чэнь Е. «Чэнь Е, второе имя Вэнь Ли. Старший брат Е, переправляясь через море, погиб. Одновременно тех, чьи останки имелись, было 50—60 человек. Кости и плоть [погибших] истлели, и невозможно было отличить одного погибшего от другого. Е поклонился Царственному Небу, покло-

нился Государыне Земле и сказал: "Слышал, что близкую родню обязательно можно отличить. Пусть на поврежденной руке кровь обагрит кости". Тотчас же просочилась кровь» (Тай-пин гуан цзи. Цз. 161. Пекин, 1959. С. 1158).

233. Это рассказ про Чжан Фаня. «Родной сын Чжан Фаня Лин и сын его младшего брата [племянник] Цзянь были захвачены горными разбойниками. Фань отправился прямо к разбойникам и просил обоих сыновей. Разбойники возвращали Фаню только Лина. Фань поблагодарил и сказал: "То, что вы возвращаете сына, очень великодушно. Я люблю своего сына. Однако я скорблю о малолетстве Цзяня и прошу взять Лина и обменять на него [Цзяня]". Разбойники справедливо оценили его убеждения и отдали Фаню обоих» (Тай-пин юй лань. Цз. 512. Т. 3. С. 2332).

234. Схож рассказ про Ван Куана. «Ван Куан, второе имя Чу Дао. Рано осиротел и был воспитан дядей, сыкуном Чан. Служил Чану, как отцу, содержал мачеху и вдову старшего брата. Отличался почтением к старшим и любовью к младшим, чувством долга. Дослужился до *шаншулина* [главы государственного секретариата]» (Цэ фу юань гуй. Цз. 752. Т. 10. С. 8951).

235. Возможно, это рассказ про Инь Чуна. «Инь Чун, второе имя Вэнь Ван, человек из Синье, Наньян. В малолетстве потерял отца. Жил с матерью и младшим братом отца. <...> Когда в нарушение долга Ван Ман поднял войска, он вместе с дядей скрылся. После [подавления мятежа Ван Мана], когда приглашали на должности, поскольку дядя был опечален [из-за неназначения на должность], сам тоже отказался от должности» (Тай-пин юй лань. Цз. 512. Т. 3. С. 2334).

236. Мы пока не знаем иных упоминаний этого божества у тангутов.

237. Данный сюжет отражает тангутское предание.

238. Данный сюжет также отражает тангутское предание.

239. Имеется в виду законодательство о браке и семье и учет родственной близости при совершении уголовных преступлений против личности и против имущества. В китайском праве см.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. С. 71—75. В тангутском праве см.: Измененный и заново утвержденный кодекс (по всему тексту памятника).

240. Оригинал рассказа мною не установлен.

241. Китайский оригинал рассказа мною не обнаружен.

242. Оригинал рассказа мною не установлен.

243. Возможно, речь идет о выдаче отцом эго доли имущества замужней сестре (тетке по отцу эго) или сестре эго. Именно таковым при разделе имущества умершего отца-домовладыки полагалась половинная доля их братьев (по китайскому праву). Тангутское право допускало наследование имущества замужней дочерью или сестрой наследодателя-домовладыки, но при условии, что у него не было сыновей и незамужних дочерей и сестер (см.: Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 315—317). Текст не очень ясен. Возможно, речь идет и просто о помощи близким родственницам, вышедшим замуж, и их детям.

244. Чужие люди — в данном случае, свойственники, не кровная родня.

245. Т. е. не требовала каких-то особых знаков внимания по сравнению с женой старшего брата, хотя и была знатного происхождения, почитала старательно жену старшего брата как старшую невестку.

246. Китайский оригинал рассказа мною не установлен.

247. Четыре добродетели женщины (кит. *сы фу, сы дэ*) — доброта, умение говорить, красивая наружность и трудолюбие. В тексте дан иной набор: ласковый и приятный голос, непринужденный вид, постоянная бодрость, умение исполнять любую женскую работу.

248. Девять поколений родственников (кит. *цзю цзу*) — от прапрадеда до праправнука.

249. Подчиняться троим (кит. *сань цун*) — в девичестве женщина должна подчиняться отцу, в замужестве — мужу, после смерти мужа — сыну.

250. Невестка не могла распоряжаться имуществом свекра и мужа. В принципе, согласно закону, давать в долг (имущество, деньги, зерно и т. д.) мог только домовладыка (см.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. С. 215—218; Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 274—281).

251. В старом китайском праве признавалось семь оснований для развода, причем инициатива развода, право дать развод были только на стороне мужа. Этими основаниями служили: 1) отсутствие детей (до 50-летнего возраста жены), 2) супружеская неверность жены, 3) неспособность жены служить свекру и свекрови, 4) болтливость жены, 5) кража, совершенная женой, 6) ревность к мужу со стороны жены, 7) тяжелое заболевание жены. Ни один из этих семи поводов для развода не применим к описанному в тексте случаю, разве что, может быть, муж заподозрил жену в супружеской неверности. О разводе по китайскому праву см.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. С. 179–182; по тангутскому — Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 303—308.

252. Рассказ в более подробном изложении приведен во «Вновь собранных записях о любви к младшим и почтении к старшим» (с. 20, рассказ 1). Отождествлен К. Б. Кепинг (Хоу Хань шу, цз. 28.) хотя рассказ в «Хоу Хань шу» отличается от тангутского перевода (см. с. 38). Приведем близкий по сюжету рассказ из сохранившихся Дуньхуанских текстов: «Цзян Ши, второе имя Ши Юй. Человек из Гуанхань. [Его] мать любила пить речную воду. Его жена брала воду и вернулась не вовремя. Ши разгневался и прогнал жену. Будучи почтительной к старшим и мужу... [изгнанная жена] осталась жить в семье соседей и не возвращалась в дом родителей. Мать Ши любила есть свежую рыбу... <в тексте лакуна>... возвратили в семью. В это время около дома неожиданно забил родник. Вода в нем по вкусу была такой же, как и в реке. При этом... <в тексте лакуна>... рыба. Мать могла есть ее. Это было вознаграждение Неба за искренние чувства и почтение к старшим» (Дуньхуан бяньвэнь цзи. Т. 2. С. 902).

253. Это рассказ о Ван Цзы. «Ван Цзы был человеком из Хэянь. В годы Кай-юань [713—741] участвовал в походе в Хучжоу и десять лет не возвращался. Его новая жена была очень почтительна к старшим. Семья была бедной, и она день и ночь ткала и шила туфли, чтобы заработать на жизнь. Мать [мужа] давно болела туберкулезом. Один человек сказал матери: "Если достанешь человеческого мяса и поешь его, то поправишься!» Мать ответила: "Откуда же я возьму человеческое мясо?» Невестка услышала эти слова, после чего отрезала у себя с бедра мясо, приготовила суп и подала его матери Ван Цзы. Мать поела его, и болезнь вскоре прошла. Правитель Хэнань подал доклад, и матери пожаловали титул *го тайфужэнь*, а невестке — *чэнцзюнь фужэнь* и записали их деяния в исторические анналы» (Дуньхуан бяньвэнь цзи. Т. 2. С. 909—910).

254. Начало рассказа, может быть, взято из рассказа о Дан Лане. «Дан Лань рано осиротел, не знал свою мать. Тогда он из дерева сделал [куклу, как] мать, и служил ей» (см.: Сяо цзы чжуань // Цуншу цзичэн. С. 30). Более полный вариант мы находим в «Эр ши сы сяо»: «Дин Лань рано осиротел, вспоминал [родителей] и их заботу об [его] воспитании. Затрудняясь в том, как [их] отблагодарить, вырезал деревянного человечка и каждый день называл [его] по имени и всей душой единственно стремился соблюдать путь почитания родителей. И утром и вечером, и рано и поздно он был искренне почтителен. Однажды Дин Лань уехал. Жена взяла и уколола [куклу] свекровь иглой. [Кукла] увидела, что сын вернулся, и у нее из глаз покатились слезы. Дин Лань понял, в чем дело, выгнал жену и развелся с ней» (Синь кэ эр ши сы сяо. Б. м., 1835. С. 11б).

255. Тангутский брак был патрилокальным, обычно жена шла жить в дом мужа. Почитание свекра и свекрови являлось одной из главнейших обязанностей невестки и, как говорилось в коммент. 251, неуважение к свекру и свекрови являлось законным основанием для развода. В реальной жизни и по закону, китайскому и тангутскому, сговор о браке совершали родители жениха и невесты или другие их старшие родственники, если родителей не было (см.: Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 297—303).

256. Брак у тангутов заключался родителями жениха и невесты или их старшими родственниками через сватов. Сваты, естественно, действовали по обычаю, обряду и закону. Они передавали подарки и плату за невесту, возможно — приданое. Свадебных обрядов тангутов мы не знаем. По закону сваты несли ответственность лишь в том случае, если они сосватали однофамильцев, брак

между которыми был запрещен (см.: Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 297—303).

257. Рассказ был включен и в лэйшу «Лес категорий» (см. с. 73, рассказ 364). В тексте самого издания указан и источник, китайская энциклопедия «Юй линь». В «Тай-пин юй лань» помещен рассказ о Фань Юе. «Фань Юе, второе имя Ань Жэнь, человек из Жуняна, Чжунгань. [Это был] человек талантливый, [по своим дарованиям] не имевший себе подобных, служил правителем (*лином*) Хэяня и имел свой [особый] взгляд на управление. Неоднократно повышался по службе и дослужился до контролера (*гэйшичжун*). Внешне был очень красив. В молодые годы часто выезжал в Лоян, держа в руках арбалет. Люди собирались толпами, молодые женщины, взявшись за руки, славили его, бросали ему фрукты. Когда он возвращался, его экипаж был полон ими» (Тай-пин юй лань. Цз. 379. Т. 2. С. 1750).

258. Это рассказ о Хэ Пин-шу. «Хэ Пин-шу был красив и строен и чрезвычайно бел лицом. Император Вэнь-ди [усомнился] в естественности цвета его лица и подумал, не пользуется ли он пудрой. Летом, когда стояла жара, он [император] приказал дать ему [Хэ Пин-шу] горячего бульона и лепешку. Когда он [Хэ Пин-шу] все это съел, он сильно вспотел. Тогда [император] взял свое красное платье и лично сам отер ему лицо. Цвет лица его [Хэ Пин-шу] остался чисто-белым» (Тай-пин юй лань. Цз. 379. Т. 2. С. 1752).

259. Т. е. его рост был примерно 2 м 10—15 см, что вполне допустимо.

260. А вот размеры лица, возможно, преувеличены: оно должно было быть 90x90 см.

261. Поднебесная (кит. *Тянься*) — в узком смысле Китай, в более широком — Китай и весь доступный китайцам на данный момент мир. Рассказ о Гунсунь Люе. «Гунсунь Люй, подданный Вэйского Сянь-гуна, был ростом в 7 чи, лицо имел широкое — в 3 чи, нос и глаза — в 3 цуня» (Цэ фу юань гуй. Цз. 835. Т. 2. С. 9912).

262. Есть похожий рассказ про Ши Юя. «Ши Юй, цзиньский дафу. Вначале, когда он родился, его мать посмотрела на него и сказала: "Это [человек] с глазами тигра, свиным рылом, плечами, вздернутыми, как у коршуна, и коровьим брюхом, алчность которого может расти, но не может быть удовлетворена. Следует наградить [его] смертью» (Цэ фу юань гуй. Цз. 835. Т. 2. С. 9911). В мировом фольклоре уродство предполагало как злой и скверный нрав (карлики, горбуны и т. п.), так и скрытые за уродством доброту и мудрость. В Китае «гадкий утенок» в детстве позже нередко вырастал мудрецом или героем. Ср., напр., историю с предводителем антитанского восстания IX в. Хуан Чао (см.: Заново составленные пинхуа по истории Пяти династий / Пер. с кит., коммент. и исслед. Л. К. Павловской // Памятники письменности Востока. LXV. М., 1984. С. 101—102).

263. Это рассказ о Чжан Мэн-яне. «Всякий раз, когда он выезжал, люди ненавидели его, тотчас бросали в него черепицу и камни, [столько, что] наполнялся экипаж» (Тай-пин юй лань. Цз. 382. Т. 2. С. 1762).

264. Формула «девочка — Небо, мальчик — Земля» кажется нам противоречащей представлениям о Небе как мужском начале, а о Земле — как женском.

265. По сведениям разных источников, у тангутов были известны два способа погребения умерших — в землю и трупосожжение. В данном случае речь идет о трупосожжении и помещении праха покойных мужа и жены в одну урну.

266. И по китайскому, и по тангутскому праву муж мог взять в дом наложницу. Наложница никогда не являлась женой в правовом смысле слова. Ее статус был ниже статуса жены. Жена всегда была одна. Взятие в дом наложницы, кроме случаев, когда муж этого хотел и средства ему позволяли, часто было следствием отсутствия детей от жены или отсутствия от жены сына, даже при наличии дочерей (см.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. С. 182—184; Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 307—308).

267. С согласия свекра и свекрови, вдова, особенно женщина молодая и бездетная, могла вторично выйти замуж. Но старая китайская мораль прославляла верность покойному мужу, особенно если вдова воспитывала сына от покойного супруга. Таких женщин уважали и официально прославляли их, позже возводя в их честь памятные арки.

268. Кажется, в данном случае использован сюжет из «Гу ле нюй чжуань» Лю Сяна о почтительной женщине, вдове Чэня. «Почтительная к старшим и любящая младших — малолетняя вдова Чэня. Шестнадцати лет она была выдана замуж и не имела детей. Ее муж был отправлен служить на границу. Уезжая, он сказал жене: "Я не могу знать, останусь ли я жив или погибну. По счастью, у меня есть старая матушка. Но нет у меня братьев. Допустим, если я не вернусь, сможешь ли ты прокормить мою мать?» Жена твердо сказала: "Да!» Муж действительно погиб и не вернулся. Жена кормила свекровь...» Далее рассказывается подробно о том, что после того, как истекли три года траура по покойному мужу, родители почтительной женщины, печалясь о том, что она такой молодой осталась во вдовах, хотели выдать ее замуж, но она отказалась, даже пригрозила самоубийством. Родители испугались и не осмеливались снова отдать ее замуж. Она кормила мать мужа до самой ее смерти, потом похоронила ее и приносила покойной свекрови жертвы. Император подарил почтительной вдове 40 цзинь (примерно около 25 кг) золота (см.: *Лю Сян*. Гу ле нюй чжуань // Цуншу цзичэн. С. 119—120). Возможно, в основу тангутского текста положен или другой рассказ, или самое начало данного рассказа.

269. По новым правилам — по правилам и обычаю, манерам, принятым в семье мужа.

270. Китайский первоисточник данного рассказа мною не найден.

271. Ср. «Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим», с. 34, рассказ 36. Сходный сюжет и в следующем рассказе издаваемого памятника, в котором повествуется о том, что вдова, чтобы не стать женой государя, повредила себе глаз; героиня рассказа из «Вновь собранных записей...» с этой же целью отрезала себе нос. В «Тай-пин юй лань» есть сразу несколько рассказов о молодых вдовах, которые отрезали себе нос, чтобы не выходить вторично замуж (см.: Тай-пин юй лань. Цз. 367. Кн. 2. С. 1690). Приведем один из них: «Лян Гао-син. Лянская вдова, женщина красивая и ловкая в движениях. Рано овдовела и не выходила замуж. Знатные люди Лян соперничали друг с другом, желая взять ее в жены. Однако не смогли. Лянский ван узнал об этом и послал к ней сватов. Тогда она взяла зеркало, нож и отрезала себе нос, сказав: "Я потому не умираю, что не хочу, чтобы дети остались двойными сиротами [без отца и без матери]. Уже принявшие наказание, кажется, могут быть свободны". Лянский ван высоко оценил ее целомудрие и почтил ее титулом *Лян гао син*, Лян — высокодостойного поведения» (Тай-пин юй лань. Цз. 367. Т. 2. С. 1690).

272. В «Тай-пин гуан цзи» есть рассказ о том, как супруга Лу, когда ее муж умер, выколола себе глаз, чтобы не выходить замуж вторично (см.: Тай-пин гуан цзи. Цз. 270. С. 2120).

273. Китайский оригинал данного рассказа мною не установлен.

274. Китайский оригинал данного рассказа мною не установлен.

275. Рассказ такого типа: «Чжу Цзюнь с малых лет осиротел. [Его] мать постоянно торговала картинами, почтительно воспитала Цзюня. Он получил должность и дослужился до дасынуна [управляющего сельхозработами]» (Цэ фу юань гуй. Цз. 751. Т. 10. С. 8945).

276. Текст порицает бездетную жену за то, что она из ревности не позволяет мужу взять наложницу, с тем чтобы у мужа было потомство (см. коммент. 266). Мужчина должен был вести себя как хозяин и глава семьи, поведение мужей, идущих на поводу у жен, считалось неправедным и аморальным.

277. Во всяком случае, китайское правило предусматривало наказание 40 ударами тонкой палкой за совершение некоего аморального действия, «того, что не следовало делать» (см.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. С. 252).

278. Судя по способу казни злой мачехи, это сюжет из древней китайской литературы. Однако китайский оригинал рассказа мною не установлен.

279. Данный сюжет близок рассказу, помещенному в лэйшу «Лэй линь» (см. с. 73, рассказ 368).

280. Четыре достоинства женщины — см. коммент. 247. Но в данном случае речь идет о таком наборе «четырех добродетелей», в котором бы-

ло подчеркнуто повиновение приказам родителей. Три добродетели — владение речью, доброта, трудолюбие.

281. Это изложение рассказа из «Гу ле нюй чжуань» Лю Сяна. «Циская Су Лю. Су Лю — девушка из Дунго, [княжество] Ци, собиравшая листья тутовника, супруга Минь-вана. На шее у нее была большая опухоль, поэтому ее и прозвали Су Лю [Су — шишка]. Как-то раз Минь-ван отправился в путешествие и доехал до Дунго [Восточного предместья]. Весь народ собрался смотреть на него, а Су Лю по-прежнему собирала тутовые листья. Ван удивился, подозвал ее и спросил: "Я отправился путешествовать, [со мной] очень много телег и всадников, люди, и стар и мал, все побросали дела и пришли посмотреть [на мой выезд], а ты собираешь листья тутовника у края дороги и даже ни разу не взглянула [на меня], почему?» Су Лю ответила: "Я получила от родителей приказание собирать тутовые листья и не получила от них приказания смотреть на великого вана!» Ван сказал: "Это странная девушка. Как жаль!» Су Лю ответила: "Служба женщины — верность, двоим не принадлежать, дарованного тебе не забывать! Как и чем Су Лю могла обидеть вана?» Ван обрадовался и сказал: "Это мудрая девушка!» И приказал посадить ее [в повозку]. Девушка сказала: "Отказываюсь подчиняться великому вану. Родители дома, я не получила распоряжений от родителей, и если я последую за великим ваном, то стану беглой девушкой. Разве ван одобрит такое?» Вану стало стыдно и он сказал: "Я ошибся". И еще сказал: "Добродетельная женщина, если даже одно правило-*ли* не соблюдено, умрет, но не подчинится!» После этого ван отправил посыльного к родителям [девушки], посыльным дал золота сто *и* (2400 лян), дары, чтобы приветствовать их. Отец и мать девушки испугались, захотели вымыться и помыть голову, надеть [новые чистые] одежды, но дочь заявила: "Так встречать вана — значит изменить себе, замена одежды не скроет [нашей] подлинной сущности! Заклинаю не делать этого!» И такой, как она есть, последовала за посыльными. Минь-ван возвратился, устроил аудиенцию сановникам-*дафу* и объявил: "Ныне, отправившись в путешествие, нашел мудрую девушку, теперь представляю ее вам!» Все *дафу* были поражены: в роскошных одеждах, они стали медленно приближаться к ней. Су Лю испугалась. Во дворце все *дафу* смеялись, прикрыв рот рукой. [Стоящие] слева и справа [от вана *дафу*] утратили достойные манеры и не могли сдержаться. Ван был сильно смущен и сказал: "Прекратите смеяться! Не наряжена, только и всего. Разве наряженные и ненаряженные непременно отстоят друг от друга на десятки и сотни [верст]!» Девушка сказала: "Да и наряженные отстоят друг от друга на тысячи и десятки тысяч [верст]! И этого еще недостаточно! Какие там только десятки или сотни?» Ван спросил: "Что ты хочешь этим сказать?» [Девушка] ответила: "Натуры-то [их] близки; а по осведомленности и образу жизни они далеки друг от друга. И Яо и Шунь, и Цзе и Шао — все сыновья Неба. Но Яо и Шунь украшали себя человеколюбием и правдивостью, и хотя они и являлись сыновьями Неба, но довольствовались бережливостью и тростниковыми хижинами, не вырезали украшенных балок, не рубили женских дворцовых покоев, не надевали множества одежд, не ели изысканную пищу. А ныне, через несколько тысяч лет, разве Поднебесная обрела добро? Цзе и Шао не украшали себя человеколюбием и справедливостью, [их] знания и манеры были страшными, [они] сооружали высокие террасы, дворцовые женские покои, топтали узорчатые тонкие шелка, играли жемчугом и яшмой — и не знали пресыщения. [Они] умерли, государства [их] погибли, и они стали тем, что печалит Поднебесную. Ныне, через тысячу с лишним лет разве Поднебесная не погрязла во зле? Если посмотреть с этой точки зрения, то и того, что наряженные и ненаряженные отстоят друг от друга на тысячи и десятки тысяч [верст], еще недостаточно. Какие там только десятки и сотни!» После этого все *дажэнь* очень устыдились, а Минь-ван был очень растроган и сделал девушку государыней» (*Лю Сян*. Гу ле нюй чжуань // Цуншу цзичэн. С. 177—180).

282. Сто дел (кит. *бай ши*) — подразумеваются все дела, любые виды деятельности.

283. Оригинал данного рассказа мною не установлен.

284. Три манеры достойного поведения (женщины) — все они перечислены в тексте: благородные поступки, ласковая и умная речь, изящные манеры.

285. В старой китайской литературе часто речь идет о красивых женщинах, способных погубить и действительно погубивших государства, способных повлиять на исход войны и т. п. Но оригинал данного рассказа нами не установлен.

286. Китайский оригинал данного рассказа мною не установлен.

287. Данное представление не соответствует реальному строению сердца человека.

288. Начало рассказа и некоторые его детали совпадают с рассказом о Лю Си, супруге вана династии Ся — Цзе. «Лю Си, супруга сяского Цзе. Она была красива, но пренебрегала добродетелью, была распущенна и беспутна. Поведение женщины было по душе мужу. С мечом у пояса, в шапке, Цзе также отбросил нормы поведения и чувство долга. Подпевая жене, он требовал красивых девушек и собирал их в женских покоях дворца... Дни и ночи с Лю Си и дворцовыми женщинами пил вино, не зная отдыха. Усаживал Лю Си на колени, слушал ее речи, вел себя развязно и потерял путь. Стал спесивым и расточительным. Потакая своей прихоти, они сделали пруд, наполненный вином, в котором могло плавать военное судно, из которого могли пить три тысячи быков и коров. Люди наклоняли головы и пили из пруда вино, пьянели и тонули. Лю Си смеялась над ними и почитала это забавой. Лун Фэн увещевал Цзе. [Он говорил]: "Государь утратил путь [истины, он] обязательно погибнет!» Цзе отвечал: "Разве погибнет солнце? Коли погибнет солнце, погибну и я!» Не слушался, счел слова его [Лун Фэна] клеветой, казнил его». Кончилось тем, что знать чжухоу восстала, войска Тана разбили войска Цзе. Цзе бежал вместе с Лю Си, и они погибли (см.: *Лю Сян*. Гу ле нюй чжуань // Цуншу цзичэн. С. 189—190). В нашем тексте детали убийства преданного сановника могли быть взяты и из другого источника.

289. В сутре сказано: «Из всех молитв молитвы матери самые верные». Я не смог установить, из какой сутры взяты эти слова.

290. Усыновление племянников (сыновей братьев) или сыновей более дальних родственников по мужской линии, наконец, мальчиков из посторонних семей, свойственников или вообще неродственных, было обычным делом в старом Китае и тангутском государстве Ся. Основным поводом для акта усыновления являлось отсутствие мужского потомства. Усыновленный принимал фамилию (клановое имя) усыновителя и пользовался всеми правами родного сына. После смерти приемного отца он обязан был соблюдать по нему траур, как родной сын, и выполнять положенные обряды поминовения и жертвоприношений (см.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. С. 184—187; Измененный и заново утвержденный кодекс. Кн. 1. С. 312—315).

291. Смысл изречения хотя и понятен, но не очень вяжется с традициями тангутской и китайской культуры. Если только понимать значение слов «низкий человек» в смысле «человек маленький», небогатый, незнатный и, следовательно, не имеющий слуг и рабов, тогда еще можно понять, почему он дорожит детьми: прежде всего — как рабочими руками в семье.

292. Рассказы о рабах, хотя бы частично, возможно, происходят и не из китайской литературы. Все они трудно поддаются отождествлению. Оригинал данного рассказа мною не установлен.

293. Имеется в виду вид гадания о будущем.

294. Оригинал данного рассказа мною не установлен. Рабы за проявленную воинскую доблесть могли получить личную свободу и как свободные люди поступить на военную службу, иметь чины.

295. Термин «народ-государство», возможно, сродни термину древних тюрок *эль*, в котором понятия «народ, объединенный в *эль*» и «государство» совпадали. Вероятно, это достаточно общий этап в истории становления государственности как особого способа управления народом и его организации.

296. Облачный конь. — Имеется в виду какой-то тангутский мифологический сюжет, нам конкретно неизвестный. Крылатые, летающие кони достаточно хорошо известны мировой мифологии, из родственных тангутам народов у тибетцев известен «конь-ветер» (см.: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. С. 234).

297. Это сюжет тангутского предания.

298. Речь идет о «культурном герое», женщине, которая научила свой народ пользоваться огнем и обрабатывать землю. Тибетцев, по их преданию, научил земледелию мужчина, легендарный цэнпо Пудекунгджал (см.: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги страны снегов. С. 30—31). О брате «культурной героини» Лда, «подстелившем парчовую полость» (кому?) у нас никаких сведений нет.

299. Раб с северной стороны — для предков тангутов дансянов — из Китая или из государства сяньбийцев Тугухунь (310—663 гг.), располагавшегося к северо-востоку от озера Куку-Нор. Под давлением тибетцев тангуты переселялись на север вместе с туюйхунями.

300. Кто тот, который «воспитал раба с северной стороны» и «родил трех сыновей», — нам неизвестно. Речь идет о каком-то тангутском предании.

301. Вероятно, речь идет о древнем обычае, который, очевидно, был и у тангутов — убивать людей (рабов, слуг и т. д.) с тем, чтобы убитые (или сопогреенные), попав в потусторонний мир, стали духами-оборотнями, защитниками семьи и детей.

302. Других сведений о Мбунундине у нас нет. Если это персонаж не тангутского предания, а китайского рассказа, то перед нами китайское имя в тангутской передаче.

303. Оригинал рассказа мною не установлен.

304. Данный и предыдущий рассказы связаны общей темой — спасения рабом беременной жены хозяина. Если это не китайский рассказ, то, возможно, какой-то хорошо известный читателю сюжет из тангутского предания.

305. «Глупый богач» — широкоизвестный в мировом фольклоре и мировой литературе персонаж, антипод «умного бедняка». Использование золы из очага как способа «запоминать дорогу», «метить дорогу» также широкоизвестно в мировом фольклоре.

306. Возможно, это рассказ из тангутского прошлого, в котором использован широкоизвестный в мировом фольклоре сюжет о запоминании дороги посредством рассыпания золы или иным способом — камешками и т. п. Оригинал рассказа мною не установлен.

307. Возможно, это рассказ на тему из тангутского прошлого. Оригинал рассказа мною не установлен.

308. Это рассказ об одном из сановников дома Чжоу. «Служил Чжоу. Его жена состояла в любовной связи с соседом. Боясь, что муж, возвратившись, разоблачит ее, изготовила яд и заставила служанку-рабыню подать его. Рабыня испугалась, ведь если она подаст яд, то убьет хозяина, а если донесет [на госпожу], то ее убьет госпожа. Поэтому она притворно упала и разлила вино. Господин разгневался и стал бить ее палкой. Жена [хозяина] испугалась, что рабыня [не выдержит побоев] и выдаст ее, [поэтому] за проступок рабыни предложила убить ее. Рабыня же под палками уже была при смерти, но ничего не сказала. Брат хозяина узнал обстоятельства дела. Доложил хозяину, и тот убил свою жену. Поскольку рабыня была рабыней хозяйки, то она выразила желание покончить с собой. Хозяин же ее щедро наградил и выдал замуж» (Тай-пин юй лань. Цз. 500. Т. 3. С. 2289).

309. Внутренняя родня — кровные родственники и жена с ее родителями. Внешняя родня — свойственники. См. также коммент. 310.

310. Девять родственников — перечислены в тексте: дед по отцу, бабка по отцу, дядя по отцу, тетка по отцу, дед по матери, бабка по матери, братья, жена, дети.

311. Власть и положение в клане-*мэ* переходили от главы клана к его старшему сыну или младшему брату, если сын был еще несовершеннолетним.

312. В качестве образца такого рассказа мог послужить, например, рассказ о Чэнь Тине. «Чэнь Тин — человек школы Ян У. В его молодые годы семья была бедной. Он хорошо учился. Имевшуюся лично у него землю площадью в 30 му отдал старшему брату и дяде по отцу. Дядя постоянно обрабатывал землю, что позволило Тину получить образование в разных местах» (Тай-пин юй лань. Цз. 458. Т. 3. С. 2218).

313. Сходство с данным сюжетом мы обнаруживаем в рассказе о Лю Чжипи. «Лю Чжи-пи. С восьми лет проявил способности к овладению грамотой. В

15 лет талант его расцвел, он хорошо разбирался в делах, был замечен, отличен и дослужился до *шаншу тайчанцин* [распорядителя церемониала]» (Цэ фу юань гуй. Цз. 774. Т. 10. С. 9202).

314. Китайская традиция с древности ставила знания очень высоко. Конфуций говорил: «Учиться и всякое время прикладывать выученное к делу — это ли не радость?» (*Малявин В.* Конфуций. С. 164). Изречение утверждает универсальную ценность знания людей и окружающего мира.

315. Далее в тексте лакуна.

316. Это, по-видимому, рассказ о Люй Фане. «Люй Фан. Второе имя Цзы Хэн, человек из Жуная. Отличался хорошими манерами и привлекательной наружностью. У его земляка господина Лю семья была богата, и [в этой семье] имелась красавица дочь. Люй просил ее в жены, но он не нравился ее матери, [мать] не хотела отдавать дочь за Люя. Лю сказал: "Люй Цзы-хэн не годится? Да тот, кто долго был беден, добьется успеха!» И отдал дочь замуж [за Люя]» (Тайпин юй лань. Цз. 458. Т. 3. С. 2220).

317. Это рассказ о Цуй Гуане. «Цуй Гуан. Семья была бедной. [Цуй] хорошо учился. Днем занимался земледелием, а ночью читал и переписывал книги, чтобы прокормить родителей. Позже дослужился до *сыту шичжун* [высший чиновник в системе образования]» (Цэ фу юань гуй. Цз. 798. Т. 10. С. 9481). Был посажен в центре — т. е. в центральном зале присутственного места (управления), ближе к начальнику.

318. Далее текст памятника не сохранился.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I
Основной поясняемый текст памятника

Западное облако,
Широта Неба,
Небом самый почитаемый,
Обитель тверди небесной,
Белая небесная высь,
Верховный бык,
Шапка, все укрывающая,
Выше всего прочно утвердившееся,
Далекое окаймляющее,
Свет с высоты,
Твердь одной природы.
Небесная сила Ян оплодотворяет,
Среди миров является великим.
На востоке восходят, на западе заходят.
Путь Неба — расцвет и увядание,
Путь Неба — постоянный труд,
Деятельность Неба приносит плоды,
[Оно], тайное ведая, поступает справедливо.
На Небе являются знамения,
[Оно] в соответствии с благой силой дэ
данного лица поступает,
Указывает на доброе и дурное,
[Оно] — всех миров богатство.
Действия Неба оценить трудно,
Постоянно поступает с сердцем,
преисполненным добродетели,
[Оно], не считаясь, жалует за заслуги.
[Солнце] — источник,
Солнце согревает,
Солнце светит,
[Это] — Великое Ян,
[Оно] всю жизнь пасет скот,
Раньше всего его появление на востоке видно,
Солнечный свет всем пользу приносит,
Пользу приносит в соответствии с временами года.
Солнцу ворон помогает,
В полдень оно светит наиболее ярко.
[Это] — великий свет,
[Это] — вечный свет,
[Хотя] иногда случаются солнечные затмения.
[Солнце] всем без различия пользу приносит,
[Оно] народ и любит и устрашает.

Нежные травы тянутся к солнцу,
Солнечный свет порождает изобилие,
Цвет солнечных лучей...

[В седьмом месяце]
Мудрая сангха собирается на моления,
В государстве совершаются церемонии.
[Восьмой месяц] — средний месяц осени.
Солнце движется, птицы меняют гнездовья,
[Люди] своевременно огуливают скот,
А плоды дерев своевременно созревают.
В государстве люди убирают зерновые,
Приближаются холода, выпадает иней,
В середине осени
Продолжительность [дня и ночи] равны,
Прекращаются грозы, улетают ласточки.
Конец месяца — время сбора урожая.
[Люди] зерно духам-хранителям в жертву приносят.
[Девятый] месяц — последний месяц осеннего сезона,
Солнце, передвигаясь, свое местоположение меняет,
Созревают последние плоды фруктовых деревьев,
В холода на цветы выпадает иней.
Приближается зима — довольство и покой.
Засыхают растения, приостанавливаются сельхозработы.
[Это] время подрезки деревьев.
Приближаются холода, прячутся насекомые и черви,
Время прилета и отлета птиц.
Плодоносит произрастающее в воде,
Разных плодов обилие.
В середине месяца собираются добродетельные.
[Десятый месяц] — время сбора в стаи белых журавлей,
Давнее время обильных угощений в стране.
Определяются признаки четвертого сезона года,
Солнце, передвигаясь, свое местоположение меняет,
Черный государь северных территорий,
Стихия Инь набирает силу, воды обильны.
Поднимаются черные ветры,
Зная о наступлении холодов,
[люди] начинают помогать друг другу.
Выступают в походы сражаться с врагами,
Ночи длинные, дни короткие,
Процветание государства — награда Неба.
[Одиннадцатый месяц — это] средний месяц зимы,
Солнце, передвигаясь, свое местоположение меняет,
Время опадения листьев в густых лесах,
Время середины зимы наступает.
[В это время] наблюдают за цветом облаков.
[Двенадцатый месяц] — последний месяц зимнего сезона.
Солнце, передвигаясь, свое местоположение меняет,
Солнце, луна и звезды вращаются,
[По приметам] узнаем о времени года.

В конце зимы дикие животные спариваются,
Слышны звуки работ по подготовке
сельскохозяйственных орудий,
[В] дни последнего зимнего месяца, в конце года
На Новый год изгоняют [нечистую силу].
[Кроме того], когда времена года, чередуясь,
сменяют друг друга, возникает дополнительный месяц...
Центр — Желтый государь...
Четыре моря окружают сушу,
Запад — верх, а восток — низ.
Великая суша подобна лодке,
[Она] в пределах мира считается великой,
Будучи четырехугольной по форме,
краев не имеет.
Мать-земля — всего ценного белый источник,
Место рождения всего имеющегося разнообразия,
Свойством земли являются и мягкость и твердость,
[Она] — первый из пяти первоэлементов,
Ей не свойственны любовь и ненависть,
Заслуги земли безграничны,
[Она] опора становления всех вещей.
[Есть] пять видов рельефа земли:
Первый — горные леса,
Прибежище диких зверей,
Подходящее место и для домашних животных,
На удобных для возделывания горных склонах
выращивают хлеба.
Второй — холмы,
Прибежище диких зверей,
[На холмах] удобно пасти домашних животных,
[На холмах] выбирают те места,
где земля плодородна,
и землю распахивают.
Третий — пески пустыни,
Дикие животные [пустыни] — гады и грызуны,
Домашние животные [в пустыне] на питательных травах
нагуливают тело.
Пустыни не годятся для земледелия,
там не вызревают хлеба.
Четвертый — степи.
[В степях] много домашних животных,
Когда бывают дожди, [в степях] землю пашут.
Пятый — реки и болота,
[На реках и болотах] живет много диких животных,
[Это] удобные места для разведения домашних животных,
[Тут] землю не возделывали, а плоды появились.
[Все это] — дали неоглядные.
Корни гор в земле рождаются,
Вершины их окутаны облаками,
Пестрыми цветами и травами они одеты.
[С одной горы] смотришь вдаль,

[Там] другие [горы] стоят,
Дикие звери надежно в горах укрываются,
Разные птицы пристанище себе [в горах] находят,
[Горы] — источник сокровищ
И неиссякаемый источник вечности,
[Они] — опора Неба, придавливают Землю.
Высочайшая священная гора Ме,
Корни гор в земле зарождаются,
Восемь гор южных территорий —
Исток — запад, восток — хвост,
Истоки «Белых рек».
Озаренные солнцем скалы и сумеречно-молчаливые утесы,
Восьми материков золотые кручи.
В землях тангутов-лхи прекрасные горы,
Тела гор двух родов,
И зимой и летом в горах идет снег.
Горы Хэланьшань не имеют себе равных,
Пять западных чистых областей,
Вечные утесы мудрости.
В центре гор Хэланьшань — плоскогорье с травой и водой,
Облака клубятся на горных кручах,
Пещеры, обители святых, имеются,
[Горы] — кладезь большой и малой жирной пищи.
[Горы] Аланпалянь,
Большие горы на южных границах.
На больших горах снег лежит.
Горные хребты длинны и широки,
Высокие горы Яньчжи [Иньчжи],
Горы — достойное [место] рождения мудрого.
Драгоценные горы Западных областей:
Горы мудрецов в Шачжоу,
Плоскогорье Сишань,
Северные черные горы Во.
В горных лесах живут барсы,
Священные воды в середине протекают.
Восточные реки в горах Саньшань.
Журавль Ндзаукэлие,
Восточные горы Юэгуан,
Горы Хэн прекрасной дхармы,
Длинные горы Цзиньцзы,
Драгоценные горы Вэйцзин,
Обширные горы Куй...
Крутые горы Монин,
Большие горы Тяньду,
Красивые горы Бивань,
Горы Мояньмо
[Там] имеются реки, текущие на восток.
Духи гор — владыки-хозяева,
Совершенные и талантливые [люди] дают наименования горам,
Горы и добро и зло укрыть смогут,
[Они] — опора, как чиновники государю.

[Только] доблестным и упорным трудом
добьешься благополучия,
Стоя перед государем, говорить трудно,
[И] горы высокие — надежный заслон.
Природа дерева порождена землей,
Обширные леса, горные корни,
Разные птицы вечером ищут ночлега [в листве дерев],
Дикие звери днем укрываются [в лесных чащах],
Летом деревья дают тень и прохладу,
Холодной зимой они сохраняют тепло.
Слово о возникновении природы человека:
[Человек] находится в тесной связи с дэ Неба и Земли,
[Он плод] слияния [стихий] Инь и Ян,
Пять первоэлементов — основа тела [человека].
От злых духов [его] духи-хранители оберегают.
По природе своей [человек] честен и правдив,
На великое вместилище разума надежно полагается,
Форма головы [человека] небесному своду подобна,
Форма ноги [человека] подобна чертежу Земли.
[Человек] блюдет четыре человеческие верности,
Тело человека прямо и красиво,
Характер же [у человека] бывает и добрый и злой,
Устремления князя должны быть подобны
устремлениям совершенномудрого,
[Человек] живет в согласии с Небом и Землей,
Разного рода работы и службы справляет,
Знает корни поколений людей.
Люди собираются для предварительного обсуждения дел,
Добрые дела и мудрость — истинный дар.
[Люди] творят допустимое с теми, кто совершает зло,
Люди последовательно распределены по рангам,
Дела людей — осуществление их намерений,
Замыслы [людей] глубокие.
Способные и сильные...
Умеют сражаться,
Стараются сражаться острым оружием,
Из лука стреляя, врага уничтожить,
[В армии] слабый телом крепким и отважным становится,
Искусством сражаться все овладевают.
Государь назначает способных генералов,
Приказывает людям не нарушать свой долг,
Войсками командуют...
Следующие [люди] третьей категории,
Следующие [люди] высшей категории,
[Они] взвешивают [свои] мысли,
знают пределы [допустимого].
[У них] речи искусные, слова точно подобраны,
Все, что связано с употреблением письма, [они] знают,
Проявлению талантов не знают преград,
Внутреннего просветления и душевной чистоты
добиться в состоянии,

Все дела народа знают,
Людей приводят к согласию,
Речи [их] правдивы, без обмана,
Строго придерживаются законов Будды,
Уразумели пути добра и зла.
Отшельники в горах постигают законы спасения,
Драгоценное невесомое тело [себе] подбирают.
Ван устанавливает законы и нормы поведения,
Разъясняет проступки, идущие наперекор
почтительному отношению
к родителям и старшим.
В полном соответствии с законом рассматривает дела
и выносит приговоры,
[Такие люди], выражают почтение к знатным,
[своих] проступков стыдятся,
Отправляются вести дела на границе.
Знатоки словесности составляют изречения,
[Знают], что нельзя употреблять грубые слова,
Знают о дурных поступках и [от них] отказываются.
Обращаясь вверх — живут в согласии с законами Будды,
Обращаясь вниз — живут в согласии с народом.
Добрый закон способствует восстановлению истины,
[Люди] дурных поступков не совершают.
[Гуманные люди] — люди высшего и следующего
[за высшим] разряда,
[Гуманный человек] столь же справедлив,
как и честен, и предан.
В согласии с [милосердием] Бодхисаттвы
Мудрыми помыслами заботится о добре,
В речах [его] много уважения к родителям и старшим,
[Он] ведет себя достойно,
Всегда поступает по справедливости и долгу,
Близким не потворствует,
К дальним не относится с неприязнью,
С любовью и почтением относится к отцу и матери,
Милосерден и сострадателен к низшим.
Люди мудрые и прозорливые
Обо всем находящемся на суше-земле все знают,
Помнят о заслугах четырех благоволящих,
Милосердны к людям и ко всем живым существам.
[Мудрый человек] — человек высшего и среднего разряда.
Умный сын подобен Мею,
Чистотой и даром провидения обладающий схож с Небом,
В помыслах своих постоянно о добре не забывает,
Говорит правду,
Государю всей душой предан,
Служит усердно, почтительно,
Почитает учителей.
Доброму делу постоянно учится,
Не надменен,
Поступает в соответствии со своими
личными качествами и талантом,

У мудрого человека — и помыслы мудрые,
Он знает все законы государства.
[Благородный человек] командует войсками,
заботясь о сохранении тайны,
Посланный государем, справляется с делами,
Состоит на службе у государя и домом своим управляет,
Три драгоценности почитает и возвышает,
[Он] — средний в числе чиновников девяти разрядов рангов.
[Чистый человек] — человек второго и третьего разрядов,
Замыслы его отличаются смелостью и твердостью,
[Он] — надежный посыльный,
выполняет порученное ему дело...
[Дурной человек] со мной о своей выгоде
и приятном для себя говорит,
Желудок у него набит, а сердце невежественно,
Работать старательно и мастерски он ленится,
Сердце у него злое, а глаз дурной,
Слова, сказанные им в гневе, — слова слабости.
[Слуги] — средне-среднего разряда люди,
[Они] глупы и сердцем нечисты,
Постоянно думают о стяжательстве,
Не помнят последних распоряжений [хозяина],
Подлинное видя, судят о нем по внешнему,
Ради вещи готовы жизни лишиться.
[Слуга], видя пищу, стыд теряет,
С родней не близок,
Часто близким зло причиняет,
Ничтожного и великого не различает,
Счастья и несчастья не разбирает.
Перечит воле родителей,
Потакает жене,
Не усваивает три сокровища.
[Слуга] у почтенных людей должен быть посыльным,
Он слаб и глуп,
Дела делать не в состоянии,
Связан предрассудками, невежда,
Туп и глуп.
И душа и тело его направлены на нечистое.
[Что же касается родителей], то
Отец детей жалеет,
Мать детей любит,
У матери и ее детей добродетели равны,
Отцы учитывают способности детей,
А матери воспитывают детей.
[Есть] правила обучения отцами детей,
[И есть] правила материнской заботы о детях.
Родители любят детей всю свою жизнь.
[Родители и дети] — самые близкие друг другу
в Поднебесной,
[Родители] твердыми приказами детей обучают,
Детей воспитывая, относятся ко всем детям одинаково.

[Небо] — причина разделения детей на сильных и слабых,
Родители любят всех появившихся на свет детей,
Любят всегда, и эта любовь не прекращается.
Отцы — мудры, а матери — красивы,
[А уж то], глупы дети или умны, зависит от кармы родителей.
Умный отец судьбу детей в зависимости
от их способностей решает,
И если заботится о детях и наставляет их,
то они станут благородны и преданны.
[Что же касается детей], то тело ребенка —
это кость и плоть отца с матерью,
Заслуги [родителей] выше Неба.
Когда родители старятся, то дети и радуются и печалятся.
Почтительные к родителям дети служат отцу и матери,
Стараются не огорчать отца и мать.
Когда уходят или уезжают, то просят
наставлений и распоряжений,
Слушаются приказаний и советов [родителей].
Хотя родители и состарятся, [дети], следуя долгу,
от них не отказываются.
Попусту слов не говорят,
[От родителей] не обособляются.
Родители и дети — это семья,
И те из них [детей], кто не служит [государю],
недостойны имени
почитающих родителей.
[Дети], шагая по жизненному пути,
постоянно помнят о родителях,
Речь ведя, об отце с матерью не забывают,
Зрелища устраивают только пристойные,
Там, куда их направили, все старательно исполняют.
Родителей уважают и помнят,
Славу детей, почитающих родителей,
получают по делам своим.
[Почитание родителей] — самое высшее из дел,
связанных с выражением
почтительности.
Ребенок почитает мать,
[А] мудрый ребенок и мачеху почитает.
Сын почтительный — и мать любящая:
[Вот примеры]: мать испугалась грома небесного,
Почтительный сын нес мать на спине,
Престарелый сын почитал родителей,
[Сын], чтобы прокормить мать, продал своего ребенка,
[Сын] кормил слепую мать, превратившись в оленя,
Престарелая мать била палкой сына,
[а он плакал оттого,
что силы ее ослабели],
Почтительная к родителям дочь спасла отца,
А мудрый внук почитал деда.
[Сын] должен учиться на своих поступках,

На почетное место в доме не садиться,
Чина более высокого, чем [чин] отца, не принимать.
Есть три формы выражения почтения:
Почитающие родителей дети телу своему
вреда не причиняют,
Исполняют [нужные] обряды в дни почитания родителей,
Заботы родительской намеренно не губят,
Когда родители заболеют — [лечат их и ухаживают за ними],
Зимой и летом родителям почтительно прислуживают,
Ибо дела, связанные с почитанием родителей, самые важные.
Почитающие родителей дети трех правил придерживаются,
Обязаны исполнять пять людских дел,
И благодаря почтению к родителям обретают счастье.
[Так один сын] матери, любившей вкусную пищу,
добыл овощи,
[Или другой] благодаря почительному отношению
к родителям, стал добродетельным
государем.
[Третий] продал себя, чтобы достойно ухаживать за матерью,
[Для почтительного сына] в зимние холода лед
раскололся и рыба появилась,
Пожар не разгорелся,
Почтительному к родителям сыну ворона помогала,
[У него] забил источник вкусной воды.
[Почтительный сын] мачехе почтительно служил,
Бабушке почтительно служил,
Почтительно служил тетке по матери.
[Известно] о почтении одинокого сына к матери,
[О том, как почтительный сын] благодаря силе
почтительности, увидел во сне злаки,
Почтительные дети увековечили память родителей,
Как благодаря почтению к родителям совершилось чудо
И дикие звери и птицы оказали помощь,
Как почтительная к родителям дочь искала труп отца.
Объясняем понятие «братья»:
Братья бывают глупые и мудрые,
Есть правила поведения братьев,
[Ведь] братья произрастают из одного корня,
Как руки и ноги, [помогая друг другу], вырастают,
[Братья] совместно имущество копят
И поступки братьев определяются
правилами взаимоуважения:
Младший брат старшего почитает,
[Известно], как младший брат, грамоту постигнув
раньше старшего, ранга
и должности не добивался.
[Братья], имущество поделив, отдельно живут,
[Бывали случаи], когда ранг и должность отца
давали младшему брату,
[Но и были случаи], когда [старший брат] давал жене
развод из-за того, что она сказала:
«Давай жить отдельно!»

[Известны истории], как братья из-за того,
кому умереть, спорили,
[Как] братья друг друга почитали,
[Как] три дерева цвет изменили,
А старший брат был мудр и уступчив,
А младший брат требовал имущество.
[Очень важно] почитание братьями друг друга,
Братья ненавидели друг друга, [но пришли к согласию],
Младший брат оговорил старшего, [а тот простил его],
Если братья живут в несогласии, то корень-основа рушится.
[Надо помнить], как [старший брат] искал труп
умершего [младшего брата].
[Поговорим] о дядьях по отцу и племянниках:
Дядя по отцу отдает распоряжения племянникам
и наставляет их,
[Известно], как дядя по отцу заплатил за племянника
выкуп врагу, и враг проявил
милосердие.
Как дядя по отцу племянника сироту заботливо вырастил
И как племянник из почтения к дяде по отцу
не принял первым должности и ранга.
[Поговорим и о] дядьях по матери и их племянниках:
[Дядья по матери] связаны с источником появления на свет,
Дядья по матери и племянники уважают друг друга,
Племянники чтят дядю по матери,
[Известно, как] дядя по матери сохранил жизнь племяннику,
Как дядя по матери защитил племянника.
Что касается сестер,
То [сестры] имели касательство друг к другу
в прошлых перерождениях,
С сестрами корень рождения одинаков.
Став взрослыми, сестры выходят замуж,
Добрые сестры помогают братьям,
О младшем брате заботятся.
[Известно, как старший брат] младшую сестру
облагодетельствовал.
Что касается замужних сестер и теток по отцу,
То поясним, что значит тетка по отцу и замужняя сестра,
[И укажем, что] дети тетки по отцу —
это братья и сестры,
близкая родня.
А вот невестки и свояченицы —
Это родня другого корня.
Правило поведения невесток — взаимоуважение,
Они обязаны увещевать друг друга, не считаясь
с положением своих родителей.
И свояченицы с золовками друг друга уважают.
Все это женщины,
А женщины должны вести себя,
руководствуясь четырьмя добродетелями
И подчиняться троим:

Подчиняться приказам родителей,
Служить свекру и свекрови,
Постоянно трудиться, ожидая приказаний,
Не поступать своевольно,
Заботиться об имуществе семьи,
[Ибо женщины], только благодаря
почтительному отношению к мужу и старшим,
счастье [свое] обретают.
[Известно, как одна невестка] больной свекрови на лекарство
[свое] мясо отдала,
[И что стало с] невесткой, которая причинила свекрови вред.
Поговорим о зятьях:
С кланом-мэ, с которым роднятся, заключают брачный союз,
Зять поступает так, как положено поступать зятю,
Зятья и невестки с детьми одинаковы.
Вступление в брак.
Заключая брачные союзы, кланы на равных просят друг друга,
Сообща в назначенный день провожают [невесту]
и передают в дом мужа.
Браки бывают разные.
[Кланы], заключающие брачный союз,
стараются уважать друг друга.
О красивых мужчинах.
[Так] мужчина телом строен и красив.
Был такой, имел тело белое, подобного которому нет.
Что значит — мужчина некрасив, но умен?
Мужчина может быть некрасив, но умен,
[Известен] сын, который был некрасив, но мудр и доблестен,
[Но известно также, что] некрасивого все не любили.
[Кем быть] — мужчиной или женщиной,
Обусловлено кармой.
Женщина в доме работает, мужчина — в поле,
Умная женщина мужчину уважает.
[Муж и жена] в семье пользуются авторитетом и властью,
Таланты их равные, речи удачливые,
Весь свой век друг друга хвалят и уважают,
А после смерти могила [у них] одна.
Что значит «умная женщина»?
У благородной женщины детей столько, сколько нужно,
Благородная женщина заботится о рождении детей,
У благородной женщины кость чистая,
Умные женщины грамотой овладевают,
Умная женщина о благе мужа заботится.
Чистая жена [вторично] замуж не вышла,
[Она] глаз себе повредила, но [вторично] замуж не вышла,
Чистая жена мужа наставляет,
Как мудрая мать она выбирает зятя,
[Известно, как], оставшись в цветущем возрасте вдовой,
она малолетнего сына вырастила,
[На таких женщинах] держатся крепкие кланы,
опора государства.

А есть «злые жены».
И вредные жены Небом созданы, Землей вскормлены,
Бессовестная женщина жену брата почитает,
[Оставленный ею] камень в пище близким достанется,
Женщина ревнивая и злобная праведной не станет,
[Она как тот] хороший камень, который все равно
оставляет рану.
Лживая жена идет мужу наперекор,
Глупая жена вещи любит,
[А ведь] и мужу и жене в соответствии с правилами
поведения поступать должно!
Глупая жена раздражительна,
Злая жена может быть не только мужем побита,
Как мачеха, которая ненавидела детей.
Но есть женщины, некрасивые внешне,
но мудрые и благородные.
[Конечно], власть женского тела в его красоте,
Но есть женщины, внешне некрасивые,
но умные и благородные.
[Известно, как] женщину некрасивую, [но мудрую],
умный мужчина в жены взял,
Как мудрый государь женские добродетель
и благородство оценил,
Как некрасивая женщина мужу достойно ответила.
Поговорим о красивых женах.
Обаяние женского тела в красоте,
[Но] внешне красивая женщина может быть и неумна,
Известны признаки женской красоты,
Как красивая женщина обольстила врага,
[Что] красивые девушки не просят, чтобы их брали замуж,
[Но] обольстительные женщины разрушают государства.
[Женщина] — мать-кормилица:
Человек растет благодаря тому, что питается,
После рождения сосет молоко.
[Матери младенцам] сырое меняют, в сухое пеленают,
Учат понимать сказанное и приказы.
[Поэтому] воспитанный сын правила почитания
родителей и старших исполняет.
Приемные сыновья и дочери
Из чужого клана детьми стали.
[Они] в проявлении почтительности и послушания
неодинаковы.
Поговорим о рабах и слугах.
Недостало благих деяний и получил карму презираемого,
[Рабы и слуги] должны служить знатным людям,
В доме они исполняют разную работу,
И теми из них, кто мастер своего дела, хозяин дорожит.
[Известно, как] почтительный раб хозяйского сына воспитал,
[А другой] раб, благодаря своим заслугам, получил ранг
и должность.
[Наш предок] Нгвэндин имел раба.
Слуги из народа,
Их дети — их потомки.

[Известно, как] раб тигра схватил, хозяйку спас,
Погнавшись за вором, хозяйку Миэ спас,
Как раб Синкхвитву хозяину жену купил,
И что мудрый слуга хозяину предан.
Поговорим о родстве.
Люди роднятся благодаря карме,
[Девять] родственников, связанных внутренним родством,
Все они благодаря карме люди одного корня,
Внешние родственники из одного клана-мэ,
Сваты дружат, друг друга уважают
Во всех и добрых и несчастливых делах
Родственники подают друг другу советы и
оказывают помощь.
Не дозволено вступать в брак людям одного рода,
Породнившиеся роды связаны сердечными узами,
Вступление в брак людей из одного рода —
забвение обычаев,
Родственники соблюдают и исполняют обряды
и в жизни, и в смерти,
[Известно, как] близкая родня почтительному и мудрому
родственнику помогла,
Как благодаря умному родственнику [его родня
обрела счастье].
Поговорим о бедности и богатстве:
Известно, что люди бывают бедными и богатыми
И становятся они таковыми благодаря карме,
Бедность и богатство подпирают друг друга,
[Богатые] имущество старательно копят,
[Богатство] — основа власти и авторитета человека.
Имущество же — корень счастья и несчастья,
Богатый всегда низок душою,
Ибо добродетельный человек богатства не ищет,
Полное знание — богатство.
Есть богатство двух родов:
Бедный имуществом — богат делами,
Умный — не беден,
Бедный человек — добр и усерден,
[Известно, как] умная женщина бедность оценила,
[Как] бедный человек усердно учился,
[Как] бедному человеку обучение грамоте не давалось...

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
ТАНГУТСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ В ТЕКСТЕ ИЗДАВАЕМОГО ПАМЯТНИКА

После сборника «Вновь собранные драгоценные парные изречения», упоминавшегося нами в исследовании, текст «Моря значений, установленных святыми» является вторым текстом на тангутском языке, в котором жанр изречений тангутской словесности представлен достаточно полно. Можно быть уверенным, что изречения в Великом Ся бытовали как в устной, так и в письменной форме. Ранее мы уже писали, что парные изречения были одной из форм,

возможно — ведущих форм паремического речетворчества народов Центральной Азии. А современные пословицы, структурно оформленные как парные изречения, характерны для тибетцев, монголов, уйгуров, киргизов, калмыков, тувинцев, шорцев, бурят. Встречаясь у народов, соседних с вышеназванными, — казахов, каракалпаков, туркмен, китайцев, подобная форма изречений (пословиц) практически отсутствует у народов более удаленных — у японцев, славян, ираноязычных народов.

Письменная традиция указывает на то, что древнейшие образцы парных изречений известны в Индии и Тибете. К народам Центральной Азии они, видимо, попали из Тибета и окружающих его районов, в том числе, возможно, и от тангутов. Эта письменная традиция сохранилась в таких памятниках индотибетской литературы, как джатаки, Панча-тантра, Нити-шастра, субхашита, изречения Сакья-пандита, в таких книгах, как «Книга-мать Сумпа» или «Вновь собранные драгоценные парные изречения», тибетские бе-бумы. Парные изречения были известны древним монголам, современникам Великого Ся, они зафиксированы в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина при изложении событий, относящихся к XII в. Вот одно из таких изречений, вложенных в уста Сарык-хана кереитского:

Журавль, несмотря на свою величину, питается травой и глиной,
Царственный сокол, несмотря на свой малый рост, питается мясом и жиром[1]

Рашид-ад-дин полагал, что в древности монголы вели важные беседы «труднопонимаемой рифмованной прозой и загадками»[2].

Древнекитайская традиция и сформировавшаяся не без ее влияния центральноазиатская имели целью обобщение социального опыта, опыта поведения и опыта управления. Парные изречения встречаются в «Сокровенном сказании монголов» («Юань чао би ши»), как парные изречения построены многие из сохранившихся *биликов* (поучений) Чингис-хана. Думается, что именно после монгольских завоеваний парные изречения попали к народам Южной Сибири. Из этого родилось и сходство пословиц этих народов.

Не исключена связь парных изречений народов Центральной Азии и с китайскими *ляньцзюй*, о чем мы писали ранее. Традиция парных изречений у народов Центральной Азии требует еще глубокого исследования, включая и непростой вопрос о том, являются ли современные народные пословицы исключительно устным народным творчеством или за ними стоит большая забытая или исчезнувшая письменная традиция. В тексте «Моря значений, установленных святыми» изречения, наряду с примерами из литературы, использованы как иллюстративный материал, призванный сделать более убедительным ту или иную посылку автора (авторов).

Изречения

1. Солнечный свет, до всего достигая, чистое и грязное не различает,
   Государь, в государстве имеющих заслуги отмечая, о близких и дальних не говорит.
2. Как солнечное тепло зимой любят, точно так же государь благой силой дэ обладает и весь народ защищен.
   Как летом жара солнечных лучей страшатся, точно так же государевы законы строги.
3. Нежные лики растений поворачиваются к солнцу.
   Мудрые чиновники почтительно обращены лицом к государю.

---

[1] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 39. См. также: Т. 1. Кн. 1. С. 114; Т. 1. Кн. 2. С. 261 и др.

[2] Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 179.

4. Солнечные лучи изобилие умножают,
У государя священномудрые дети рождаются.
5. Реки и чистые и грязные бывают.
В государстве и умные и глупые вперемешку живут.
6. Пусть гора высокая, но если к ней даже пылинку добавить, то и она станет больше.
Пусть это даже сам государь, но если и он добрый совет услышит, то государство станет долговечнее и будет процветать.
7. Если добрые дела старательно делаешь, тебя добрые духи оберегают.
Если зло творишь, то и [добрые духи] помочь тебе не в состоянии.
8. Человек добро творит — и [при жизни] у людей имеет репутацию праведного, а после смерти обретет покой.
Человек зло творит — и при жизни такого человека люди не любят, и после смерти он обречен на страдания.
9. Если слова [твои] безошибочны, лишним словом зла не причинишь.
Если [личного] пристрастия не имеешь, то слова достойные скажешь.
10. Знаешь о воздаянии за добрые дела — способен влиять на [свои] последующие пути [перерождения].
Знаешь о воздаянии за злые дела — постигнешь, как пресечь пагубный путь.
11. Небо внутренний свет имеет.
Земля простор для размещения всех государств имеет.
12. Мудр тот, кто, увеличивая свои познания, не становится невнимательным,
добившись высокого положения, не становится надменным,
произнося смелые речи, знает предел дозволенного,
накапливая имущество, знает меру.
13. Умный, но ленивый и учась ничему не научится.
Глупый, но трудолюбивый и не учась себя совершенствует.
14. Слова, сказанные в гневе, — слова неразумные.
Слова, хорошо обдуманные, — слова безошибочные.
15. Слуга спит сладко и крепко, а работу без души делает.
16. Разговорами о счастье — несчастье навлекают.
Ложью правду скрывают.
17. Разве можно заставить учиться того, кто не любит трудиться?
Любым мастерством в совершенстве овладевает тот, кто интересуется всем.
18. Если относиться к детям неодинаково, то из двух детей одного сделаешь умным, а другого — глупым.
Если относиться к женам неодинаково, то это значит уметь поступать с ними сообразно их достоинствам.
19. Родители, воспитывая детей, ко всем относятся одинаково.
Только Небо поделит детей на доблестных и слабых.
20. Родители и уродливых детей любят.
Бедняк и худой собаки не выгонит.
21. Сердца родителей обращены к детям.
Сердца детей обращены к семье.
22. Если отец мудрый, то и сын доблестный — таково правило в Поднебесной.

Если отец слабый, то и сын робкий — таков порядок на суше-земле.

23. Ребенок умный родился — у родителей большое счастье.
Жену безошибочно выбрал — у благородного мужа удача.

24. Если ребенок воспитан с добрым сердцем, он данной им клятвы не нарушит.
Если скот выращивать, действуя только добром, дохода не получишь.

25. В исподнем все братья на одной кошме сидят,
Но только старший брат род продолжает.

26. У братьев помыслы едины — бить тибетцев и китайцев.
Нрав у братьев тот же, что и у предков, — желают побольше иметь коней и яков.

27. Если двух сыновей равно любить, то и их расположение друг к другу станет одинаковым.

28. Всю свою жизнь братья любят друг друга и уважают,
Сто лет одной семьей живут, не желают выделяться.

29. Если делишь дома и скот, то всего, что имеется в наличии, не уноси,
Если делишь мясо диких животных после удачной охоты, то слишком многого не забирай.

30. Источник появления на свет двоюродных братьев по матери — кость дяди по матери.
Железо родится в печи для плавки металла.

31. Дядю по матери уважают больше, чем Белое Высокое, почтение к нему с почтением к духам-хранителям равно.
Племянникам [детям сестры] хвалебные слова от дяди по матери больше, чем хвалебные слова месту восхода солнца, они золота дороже.

32. Если даже тонешь, за плечо дяди по матери не цепляйся,
Если даже на весь свет зол, на дяде по матери зла не срывай.

33. Дети тетки по отцу и дети сестер имущество просят.
Овцы и яки блеют и хрюкают — травы просят.

34. Женщина должна:
говорить голосом ласковым и приятным,
исполняя дело, иметь непринужденный вид,
быть постоянно бодрой,
уметь делать все женские дела и женскую работу.

35. Даже хороший зять с дурным сыном не сравнится,
Даже лунная ночь с солнечным днем неодинакова.

36. Как кирпич не может стать яшмой, так люди разного семени и дурного нрава в брак не вступают.

37. Даже тот, кто и достойных почтения не уважает, тех, с кем заключает брачный союз, уважает.
Даже тот, кто и достойных презрения, не презирает, врагов своих презирает.

38. Умная женщина супруга уважает.
Мудрый мужчина жену наставляет.

39. Дом с хозяйкой — значит, в клане-мэ, откуда вышла хозяйка, женщины мудрые.
Враг стойко сопротивляется — значит, у него кони откормленные.

40. Олень и олениха всю жизнь друг за другом ходят.
Сильный муж и чистая жена всю жизнь друг за другом ухаживают.

41. У благородной женщины сыновей столько, сколько лучей у солнца.

42. Помыслы благородной женщины — солнечные лучи.
43. У женщины благородной кость чистая, как лучи солнца.
44. Если жена умная и семье предана, то и муж ее добрую славу имеет.
    Если чиновники мудрые и делам государства преданы, то и государь добрую славу имеет.
45. Злой жены и седла тяжелого хозяин не знает.
    Людей достойных и людей мудрых император знает.
46. Пусть женщина бессовестная все прячет в кладовую, жена ее брата все равно знает об этом.
    Пусть на галечнике трава не растет, голуби до него все равно долетают.
47. Прикрывать голову, человека увидев, глупых женщин правило.
    Если в горшке, хоть и прикрытом крышкой, каша с камнями, близкие есть не станут.
48. Род подле рода палатки ставит, а пустой земли все равно много остается.
    Государство с государством враждуя, сыновей теряют, а те, кто оплакивает их, все равно остаются.
49. Если женщина какую-либо вещь любит, она ее добудет.
50. Петух поет ко времени,
    Жена завтракает к своей пользе.
51. В женщине красоту ценят.
    В мужчине ум ценят.
52. Умный мужчина о женщине по ее делам судит.
    Глупый мужчина только на внешность женщины глядит.
53. Если женщина обольстительная — девять колен родственников разобщены.
    Если мужчина легкомысленный — весь род живет в несогласии.
54. Из всех милостей милости матери — самые высшие.
55. Племянники подросли — дяде по отцу голову проломили.
    Приемыши сыновьями стали — места своего не имеют.
56. Если нет слуг, то кто станет служить на посылках у благородного мужа?
    Если не появится человек, пользующийся влиянием, то разве в государстве не будет смут?
57. Мудрый человек, чтобы выгоду приобрести, рабами и слугами дорожит.
    Низкий человек детьми дорожит.
58. Три доблестных раба хозяину помогают.
    Четыре мертвеца-оборотня детей охраняют.
59. Близкая родня одной плоти и кости всю жизнь друг друга любит.
    Одинокое дерево, если у него корни с другими деревьями общие, невозможно погубить.
60. [Своего] рода сыновей любя, за уши их вытягивают.
    Мчась наперегонки, жеребцы шеи вытягивают.
61. Чтобы породниться, и того, кто близкий, и того, кто дальний, отыскивают.
    И низкая земля, и высокая земля солнечным теплом согреты:
62. Для родни близость нужна.
    Для будущих жизней добрые дела важны.

63. Одного рода поколения — навсегда близкая родня.
И дальние и близкие родственники вырастают и живут по обычаям родства.
64. Ссора с близким родственником от сердца его не отринет.
Летнюю зелень солнечный свет не иссушит.
65. Зять легкомысленный — репутация рода страдает.
Род большой и мудрый — и у него авторитетные и умные свойственники имеются.
66. Бедный у богача скот пасет.
Бедный от богатого средства к жизни имеет.
67. Сын богатого заботой окружен, в собрании в центре сидит.
Сын бедняка и веревки не имеет, чужого коня держит.
68. Имеющий имущество — важное лицо — и будь он даже далеко, он будет приближен.
Бедный человек не имеет своего лица — и даже будучи близко, он будет нелюбим.
69. Скот имеющий не богат, ум имеющий богат.
Богатство и глупость пути не имеют, бедность путь имеет.
70. Знающий людей не страдает.
Знающий вещи не бедствует.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
ПЕРЕВОД «БОЛЬШОЙ ОДЫ»

Ниже мы предлагаем читателю предварительный перевод «Большой оды» — памятника, давшего нам значительный материал для попытки реконструкции тангутских мифов. Абсолютно отдавая себе отчет в том, что это перевод, в котором достаточно много ошибок и неточностей, мы все-таки считаем нужным опубликовать его, так как такие тексты, тем более в случае перевода с языка еще недостаточно изученного, со своей особой лексикой, совершенно определенно архаичной уже для самих тангутов в их время, переводятся многократно, и смысл их раскрывается все полнее по мере привлечения сходных по содержанию текстов. Даже сами тангутские оды безусловно должны изучаться в комплексе, это работа, которую науке еще предстоит выполнить. Исправлять других — та работа, которая наиболее остро будоражит мысль и приводит к поиску истины. С этой целью мы и даем в приложении к публикации «Моря значений, установленных святыми» перевод «Большой оды» и текст оригинала факсимиле. Начало текста оды не сохранилось.

[Хоть] ...прошлых лет заслуги не забыты,
Все сущее погибели не избежит.
И лишь заслуги, добытые по другим законам-[дхармы],
Удвоят жизнь, даруют долголетье!
Все вышесказанное крайне важно
Для тех, чьи головы во мраке пребывают,
Все сказанное — то, чем [дорожат]
Черноголовые, что любят.
За шагом шаг, ученья путь познав,
Они шагают по земле
Под ярким светом солнца.
И их пути просторны и широки.

Под твердью Небесной белый журавль
Ндон, черный, глупый,
В Поднебесной черноголовые
Более глупые, чем дикий зверь Лхи.
На суше-земле краснолицые,
Толстые обезьяны Гхо,
На земле краснолицые,
Более глухие, чем медведи.
С именем «мягкотелые», как вата,
Прошли их десятки десятков,
С кличкой «ласковые»
Долгий век прожили, тысячи лет!
В стране [нашей] жили,
Издревле постоянно слабы.
В [их времена] государство теплом [своим]
Жизнь стариков [обогреть] не могло.
[Ныне] государство надолго молодость удвоило,
Государство теплом [своим]
Уже два века[1] молодость [обогревает]!
Солнцебедрая девушка по имени... забавлялась,
С солнцем сражалась, глупая,
Дочь тетки по отцу, забавлялась.
С луноликим западным сыном играла[2]!
Месяц взошел —
Западный сын Ра забавлялся,
Под твердью Небесной,
Журавль белый Ндон, черно-глупый!
Высматривал красную плоть,
Чтобы схватить ее мощной рукой.
Перед ним [букв.: «перед лбом его»]
Красная плоть Земли не рушится,
И он долго-долго грустит,
Спрашивает: «Солнца почему нет?»
Века усиленно думает,
Чтобы хоть что-то уразуметь.
Не опускается. [На] зыбком
Пути учения тяжко не трудится,
[Все] ищет опору для трудной работы,
[Опору] не слабую.
Там, где высоко, дорогу ищет без устали,
С силою на посох оперся,
А твердь не колеблется.
[Тут] неспешно появляется гора

---

[1] Обращаем внимание читателя на то, что издание оды датировано 1185 г. Это значит, что тангуты полагали, что их государство возникло в начале 80-х гг. X в., т. е. дата мятежа Цзи-цяна против Сун (982) признавалась исходной для начала тангутского государства и самими тангутами.

[2] В качестве аналогии укажем еще на «загадочное божество» в японских мифах, «солнечную богиню» Химэгами. См.: Норито, сэммё / Пер. со старояп., исслед. и коммент. Л. М. Ермаковой. М.; Наука, 1991. С. 41.

Окутанная туманом.
Идти [до нее] неблизко,
Чтобы увидеться с [облаками] укрытою.
Медленно вздымается —
Высокая земля, окутанная облаками,
Издали-издали появляется,
Неспешно, небыстро.
Обладающий силой Ян богатырь
На деле не слаб, не растерян,
Сказывают, [как] месяц серебристо-белый
Птицей Ние поет,
Муж благородный, мастер искусный
Ткет драгоценный камень!
Сказывают, [это он] будущие таланты
Собрал, соединил.
Рот смельчака пожирающий пуст,
Тонкое серебро ему продать [?] трудно,
Твердого языка пища не исчерпана,
Слабому серебро продать не под силу[1]!
Свирепый, мудрый-премудрый,
На рассвете ослабел,
Видит, гора солнцем не освещена.
У доблестного, мудрого
Внутри утренний свет клубится,
У слабого, робкого
И вовне мрак ночной[2].
Трус страха преодолеть не сможет,
Заботами убаюканный душою не возвеличится[3].
Врагов с тылу нет — [надежда] на жизнь имеется,
У государей [государства] Ся врагов не счесть!
[Богатырь] силой играет, громом гремит,
Избалованная красавица, как ребенок, резвится,
Громом громыхает.
Слона большого пальцем руки
Схватила, твердою рукой,
[Но] с большим тягаться —
Разве не проиграешь?
Богатырь не опускается вниз,
Он мудр,
В Поднебесной мужи-мудрецы,
Предки небесные, письмена алмазные
В Ся взрастили[1],

---

[1] В хурритском мифе имеется сюжет борьбы серебра с солнцем (см.: Мифы народов мира. Т. 2. С. 462). Месяц, серебро по тангутскому мифу, видимо, природа творца, хотя он и обладал силой Ян, что, очевидно, позднейшая интерполяция, а женское начало — солнце. Слово «продать» могло иметь значение «заключить брак».

[2] В текст вставлено парное изречение.

[3] Это тоже парное изречение.

Правители кланов прошлых веков —
Горы цветущие,
Не станем соизмерять пределы глупости,
[Наши] государи — мудрые шаманы,
Не станем поминать всех глупцов,
[Наше] государство могуче и мудро!
Речь идет о преданных и достойных правителях,
Государи справедливые
[Своему] слову не изменяют,
Государевы советники, говоря,
Языком зря не полощут,
Словом одним способны спасти государство,
Языки их не окаменели,
А злословие и пустословие
Я не обсуждаю[2].
Слова имеющих власть да слова богатых
Порядок жизни устанавливают!
Лик появился плоти красной,
Смотришь [на него] и не видишь!
Белый журавль, твердь небесную творя,
Сам вихрем обернулся,
Перед ним плоть красная,
Ног не видать.
И черноголовые работают,
Как ветер,
Краснолицые по окутанной туманом земле шагают,
Краснолицые землю устраивают,
В облаках проходы делают.
Краснолицые и ночью глубокой забавляться любят,
Краснолицые и при свете белом забавляются!
С солнцем ярким навек породнились,
Отныне за солнцем должны наблюдать!
Что и говорить —
Чреда сыновей краснолицых явилась,
Не усомнишься в числе
Чреды сыновей большеликих,
Они — исток рождения людей,
Не низкая опора.
Женщины идут.
Земля тангутов-лхи — родня нелегкая,
Лишь в преклонных годах прелесть смерти понимаешь,
Сильные и отважные сыновья-потомки
Через облачный мост переходят,
Сильные, добрые молодцы
Справляются о прошлых рождениях,
Сыновья отважные и неотважные

---

[1] Здесь и ранее и далее в тексте чередуются миф и упоминание о современности, хвала государям и их предкам. Как раз это тоже очень усложняет перевод!

[2] Это явно авторская ремарка после славословия государям и сановникам!

Выросли и постарели.
Под твердью Небесной белая сердцевина,
В головах [людских] мудрость не ослабевает.
Среди черноголовых в Поднебесной
Нет сомневающихся в силе
И духовной, и телесной.
На земле краснолицые [черноголовым] родня,
Как орлы трехкрылые[1],
Желчи-злобы не имеющие, любовь имеющие!
На суше у краснолицых
Любовь имеется, ненависти нет,
Все [живут] в согласии,
Сами прямы,
Потому и тени их не кривые,
[Они], как на камнях чистая вода —
Струи мощные, солнцем осиянные,
Играют под солнцем,
Богаче, чем воды морские!
Мухи и обитатели болот — два рода существ,
Стремящихся лишь к одному — кусать,
В старом омуте вода глубже, чем думаешь,
Жемчужная луна
Сильна, мудра, крепка,
Но добродетель сильнее месяца
Взошедшего над перламутровым городом[2].
Западная стальная крепость
Затаилась, белая,
Она крепче, чем западный железный город.
Счастье и беды государства и государя
Раньше всех чиновники замечают.
Желания и запросы дамы благородной
Прежде всех невестки замечают[3].
Отважен человек или нет,
Прежде всего по словам его видно,
Плодородная земля или нет,
Прежде всего по траве видно!
Черепаший панцирь не прям,
У него пять скатов,
У лягушки тело криво-неровно,
И у нее пять скатов,
Шкуры тигров и барсов дороги постоянно,
А за мясо большого слона сколько имеют?
Змеи любят тепло,
Цветущее дерево растет,
Коль яйцо снесено —
Членистоногое вырастет,

---

[1] Какое-то преувеличение типа пятистремянных коней в другой тангутской оде или восьминогих коней в японской норито?

[2] Перламутровый, жемчужный город — один из титулов императора Жэнь-сяо.

[3] Эта и две дальнейшие строфы — явные изречения.

Из семи слов, восьми строк
Золотые оды слагаются,
Воля Неба, сила облаков
С золотыми духами-покровителями связаны,
Сопутствующие друг другу благородство и знатность
К низким людям обращены.
Недостойного мужа, низкого человека не унизить,
Будучи всегда и снова и снова презираемы,
[Такие люди] ведут пустые речи,
Думая о жизни без забот,
Нельзя не грустить, что ее нет.
Хозяину дома, кроме дома, нужна лошадь,
[Владения] священномудрого государя, кроме дворца,
Четырьмя водными потоками окружены,
[Государи] о разных мудрецах разумно заботятся,
Сын, рожденный в густых облаках,
Сравним с мужем, слух напрягающим.
Справа восток — бык и тигр,
Нога и рука — поддерживающие государя,
Силы телодвижений прочная опора.
[Они, сановники], заботятся о том,
Чтобы видеть все вокруг.
Год пройдет, вихрем обернется,
[Смотришь] — молодые и сильные состарились,
Умерло [их] много.
Подумаешь о том, что и со мной то же станет,
Каждый сам осознает расцвет и старость!
День пройдет, время ушло,
По семи слов — шесть строк, восемь строк,
И сложены два стиха,
Только один источник рождения людей —
Взрослых и сильных пара,
Люди рождаются, но с каждым поколением
Их сила не удваивается.
Я утверждаю,
Творить добро зависит только от меня,
И добрые дела, и ненависти слова
В каждом, в нем самом.
Крылья имеющий и не погибая [?],
Может внезапно замедлить полет,
[Но] если крылья имеющий не летает —
Значит, время его прошло.
С момента появления людей годы прошли,
Счет им немалый.
Тангуты и китайцы удачу поделили,
И солнцу это очевидно,
С удачей тангутов, тангутов рожденьем
Провиденье промедлило,
Рука творца их [тангутов] породила,
Как дерево взрастила.
Но раньше родившийся раньше состарится,

Раньше в прах обратится,
Выросший позже, позже расцветший
Останется молодым и сильным[1].
Обряды тангутов широко распространились по земле,
Их учение неоценимо,
Тангуты — в середине расцвета,
Это [они] — центр Неба!
В девятом месяце, десятом месяце ночь опускается,
Внутри храмов, у малых золотых ступа,
Звучат славословия, скандируют оды,
Как ягнята прелестны,
Крытые черепицей дворцы, галереи, дома,
Мы не на задворках, [не] малая родня,
[Это] счастье большого слона.
[У нас] одна забота —
Священномудрых матерей долголетие,
Одна забота —
О нашей драгоценной горе Ме,
Все многообразие Хуаянь[2],
[В] руках мудрых мастеров, [как и]
Прочие три драгоценности[3] Западных гор.
Благополучно живут сыновья,
Месяц взошел, камень драгоценный,
Смотрите, прекрасным украшениям подобный,
Золотые слова [благопожеланий],
Желают в будущем век долгий,
Те, в ком виден талант,
Песнопения наследуют на века,
Хитер зверь, храбра рыба,
[Но] стрела нападающего
Все равно поразит то, что внутри черных лат,
Не будет добрым мудрец, обучая птенцов,
Те, кто еще не узнал друг друга,
Придут поговорить,
Преданности слова, что у птицы крылья,
Последнее слово мало,
Но именно оно предел сказанному кладет!

Непосредственно отсылки к тангутской мифологии прослеживаются в следующих строках оды:

Под твердью Небесной белый журавль,
Ндон, черно-глупый,
В Поднебесной черноголовые,
Более глупые, чем дикий зверь Лхи,

---

[1] Насмешка истории состояла в том, что когда в тангутском государстве публиковались эти напыщенные строки, несправедливые в отношении китайцев, уже Чингис-хану было примерно 30 лет и гибель не только тангутского государства, но и самого народа была не за горами!

[2] Хуаянь — школа китайского буддизма.

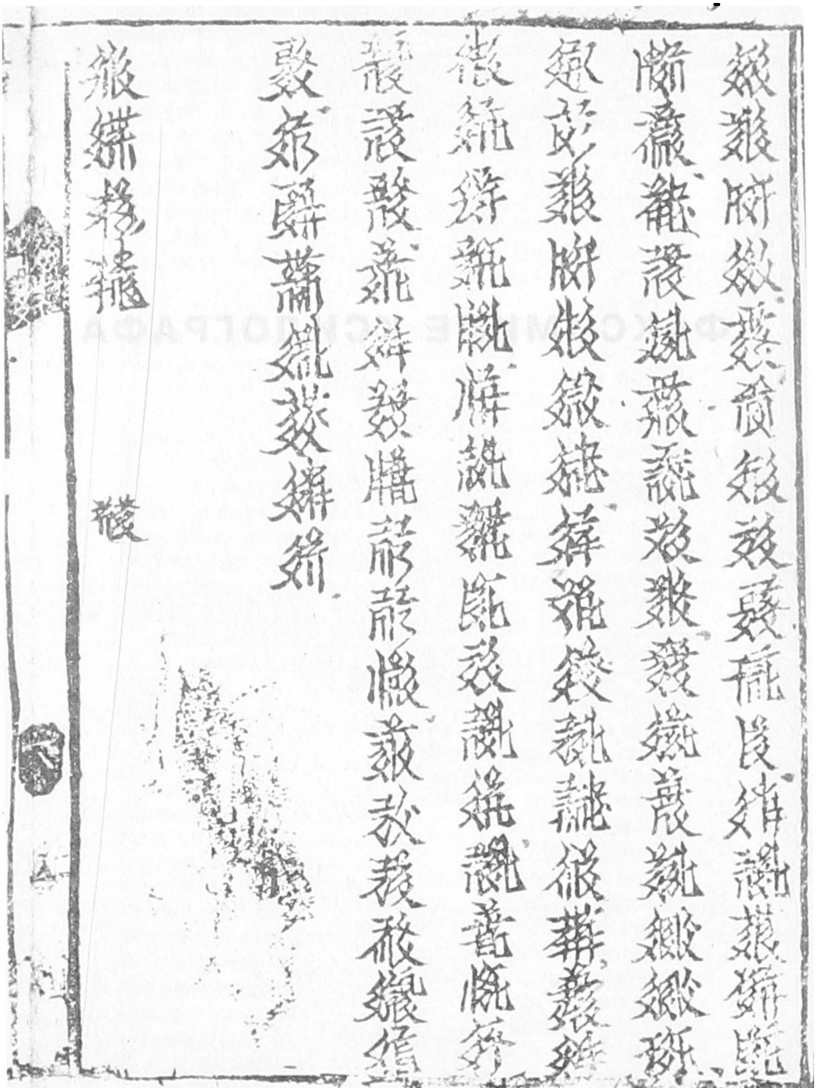
[3] Имеется в виду буддийское учение.

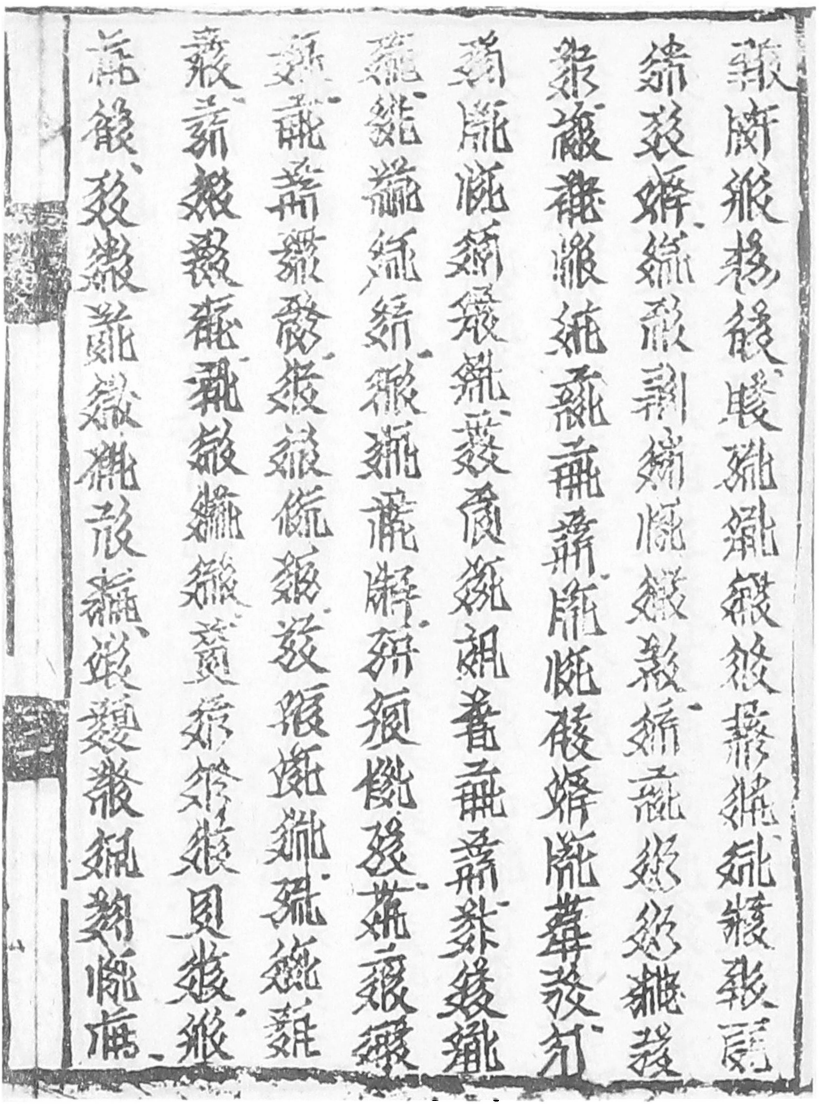
На суше-земле краснолицые,
Толстые обезьяны Гхо,
На земле краснолицые,
Более глухие, чем медведи,
С именем мягкотелые, как вата,
Прошли их десятки десятков,
С кличкой ласковые долгий век прожили,
Тысячу лет.
В стране [нашей] жили
Издревле постоянно слабы...
Солнцебедрая девушка... забавлялась,
С солнцем сражалась, глупая,
Дочь тетки по отцу забавлялась,
С луноликим западным
Смелым сыном играла.
Месяц взошел,
Западный сын Ра забавлялся,
Под твердью Небесной
Журавль белый Ндон, черно-глупый,
Высматривал красную плоть,
Чтобы схватить [ее] мощной рукой.
Перед ним [перед лбом его]
Красная плоть Земли не рушится.
[Он] долго-долго грустит,
Спрашивает: «Солнца почему нет?»
Века усиленно думает,
Чтобы что-то уразуметь,
Не опускается. [На] зыбком
Пути учения тяжко не трудится,
Ищет опору для трудной работы,
[Опору] не слабую,
Там, где высоко,
Дорогу ищет без устали,
С силой на посох оперся,
[Твердь] не колеблется.
Неспешно появляется гора,
Окутанная туманом.
Идти [до нее] неблизко,
Чтобы увидеться с укрытою [облаками].
Медленно вздымается
Высокая земля, окутанная облаками,
Издали-издали появляется,
Неспешно, небыстро.
Обладающий силой Ян богатырь
В деле не слаб, не растерян,
Сказывают, месяц серебристо-белый
Птицей Ние поет.
Муж благородный, мастер искусный
Ткет драгоценный камень...
Рот смельчака пожирающий пуст,
Тонкое серебро продать ему трудно,

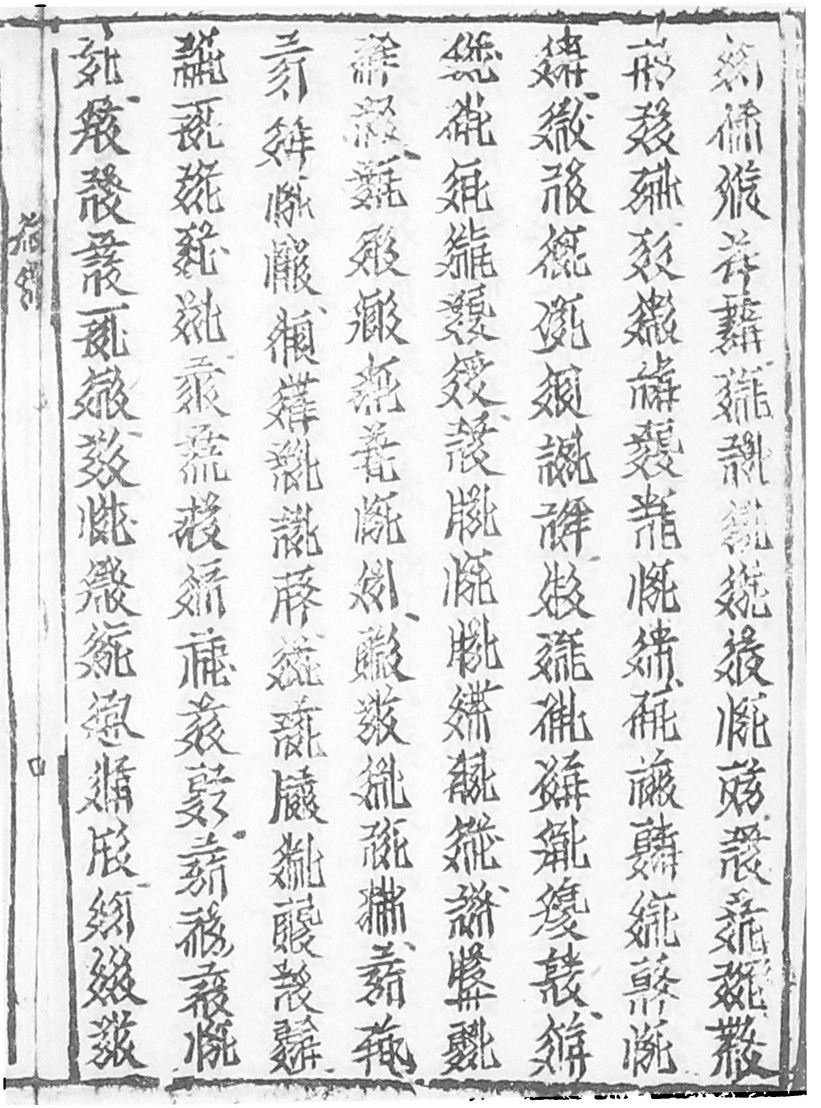
Твердого языка пища не исчерпана,
Слабому, серебро ему продать не под силу.
Свирепый, мудрый-премудрый
На рассвете ослабел,
Видит, гора солнцем не освещена...
Силой играет, громом гремит,
Избалованная красавица, как ребенок,
Резвится, громом громыхает.
Слона большого пальцем руки
Схватила твердою рукой.
[Но] с большим тягаться
Разве не проиграешь?
Богатырь не опускается вниз,
Он мудр...
Лик появился плоти красной,
Смотришь [на него] и не видишь!
Белый журавль, твердь небесную творя,
Сам вихрем обернулся.
Перед ним плоть красная,
Ног не видать.
И черноголовые работают, как ветер,
Краснолицые по окутанной
Туманом земле шагают,
Краснолицые землю устраивают,
В облаках проходы делают.
Краснолицые и ночью глубокой забавляться любят,
Краснолицые и при свете белом забавляются.
С солнцем ярким навек породнились,
Отныне за солнцем наблюдать должны.
Что и говорить —
Чреда сыновей крупнолицых явилась,
Не усомнишься в числе
Чреды сыновей большеликих,
[Они] — исток рождения людей,
Не низкая опора.
Женщины идут.
Земли тангутов-лхи родня не легкая...
Потомки — сильные и отважные сыновья
Через облачный мост переходят,
Сильные, добрые молодцы
Справляются о прежних рождениях...
Среди черноголовых в Поднебесной
Нет сомневающихся в своей силе
И духовной, и телесной.
На земле краснолицые [черноголовым] родня
Сын, рожденный в густых облаках,
Сравним с мужем, слух напрягающим...

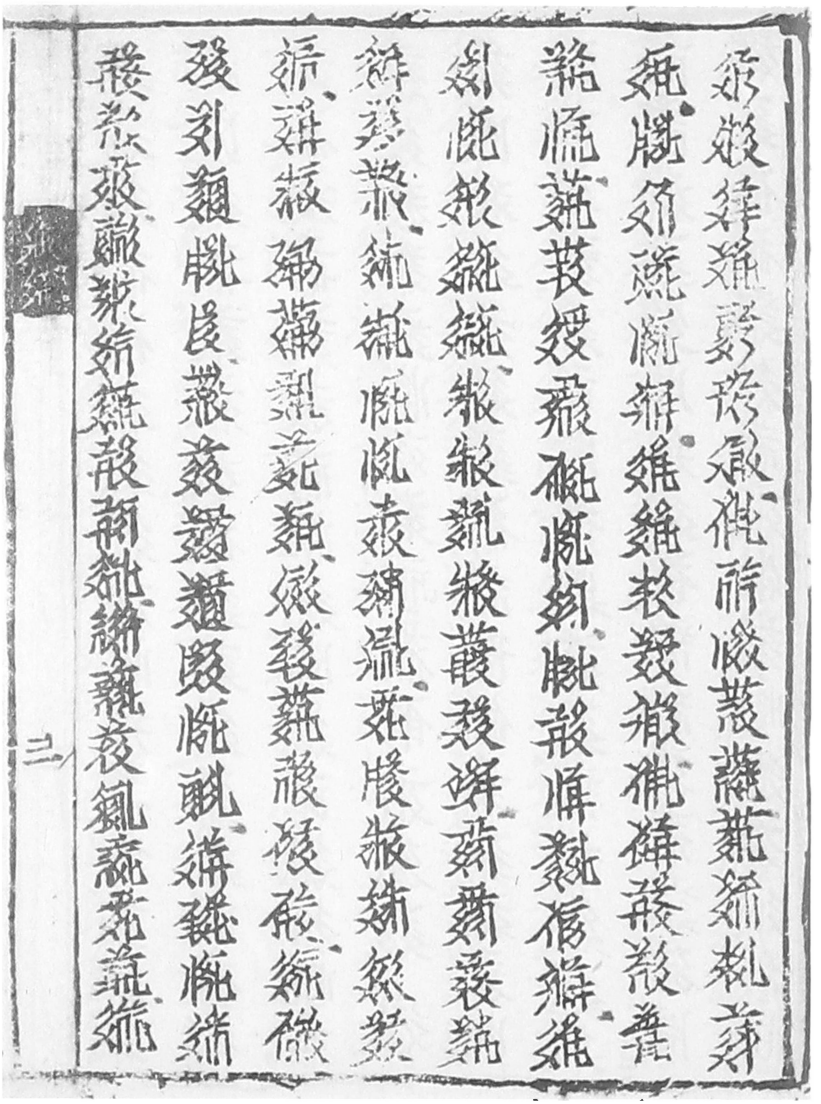
8 Зак. 492

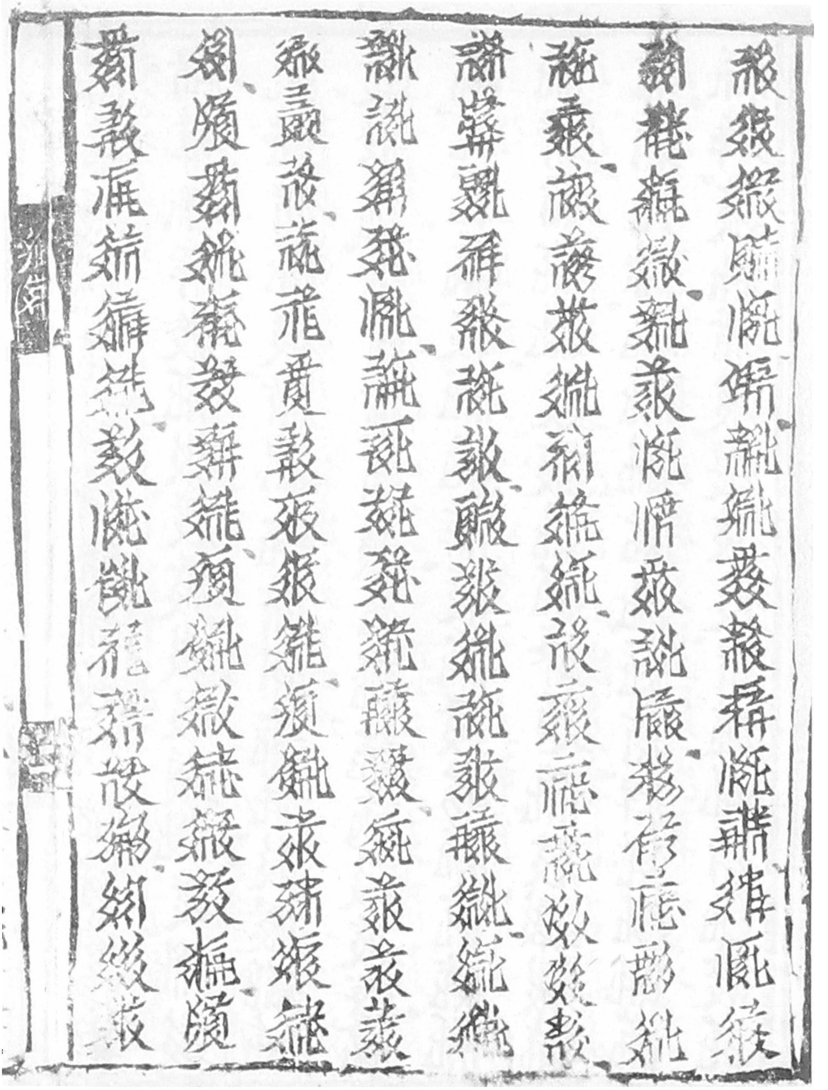
ФАКСИМИЛЕ КСИЛОГРАФА

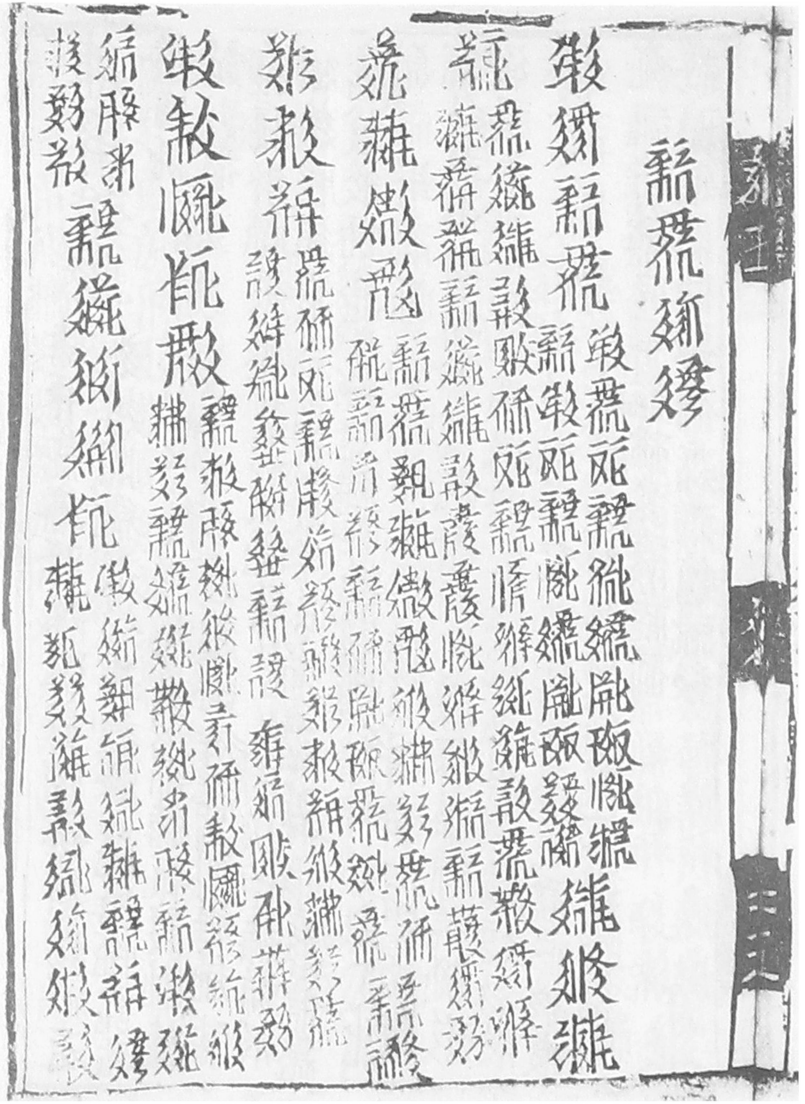


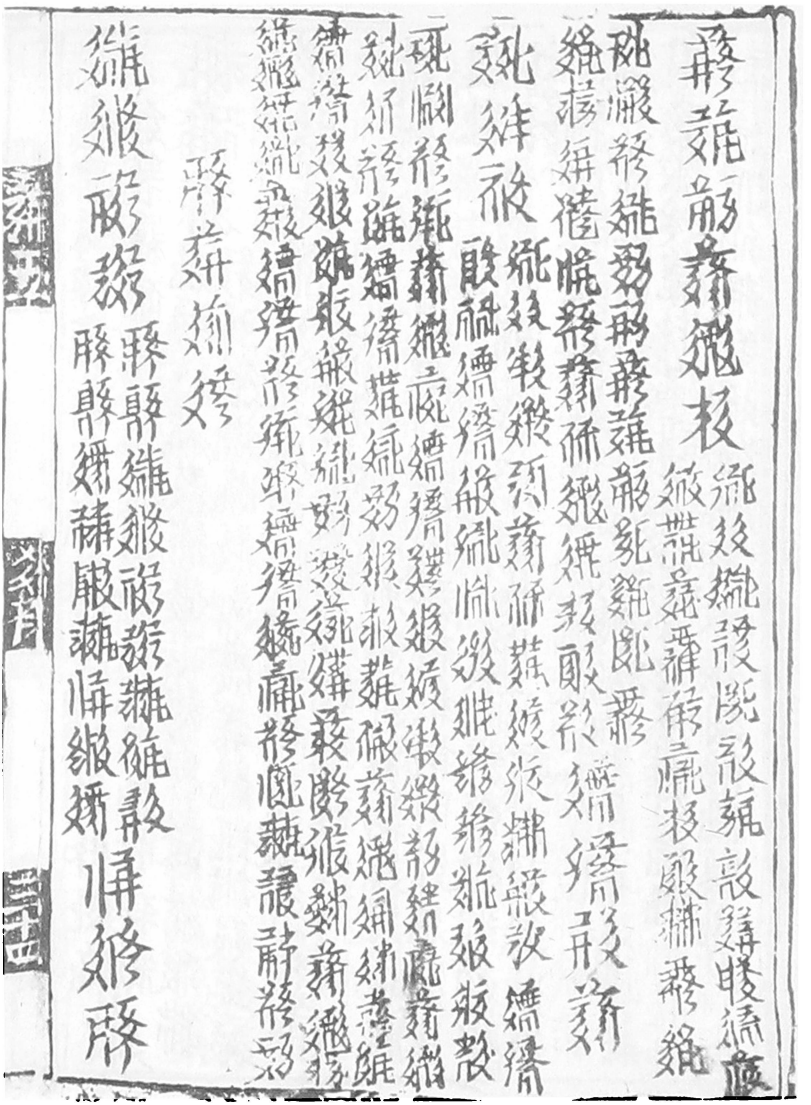


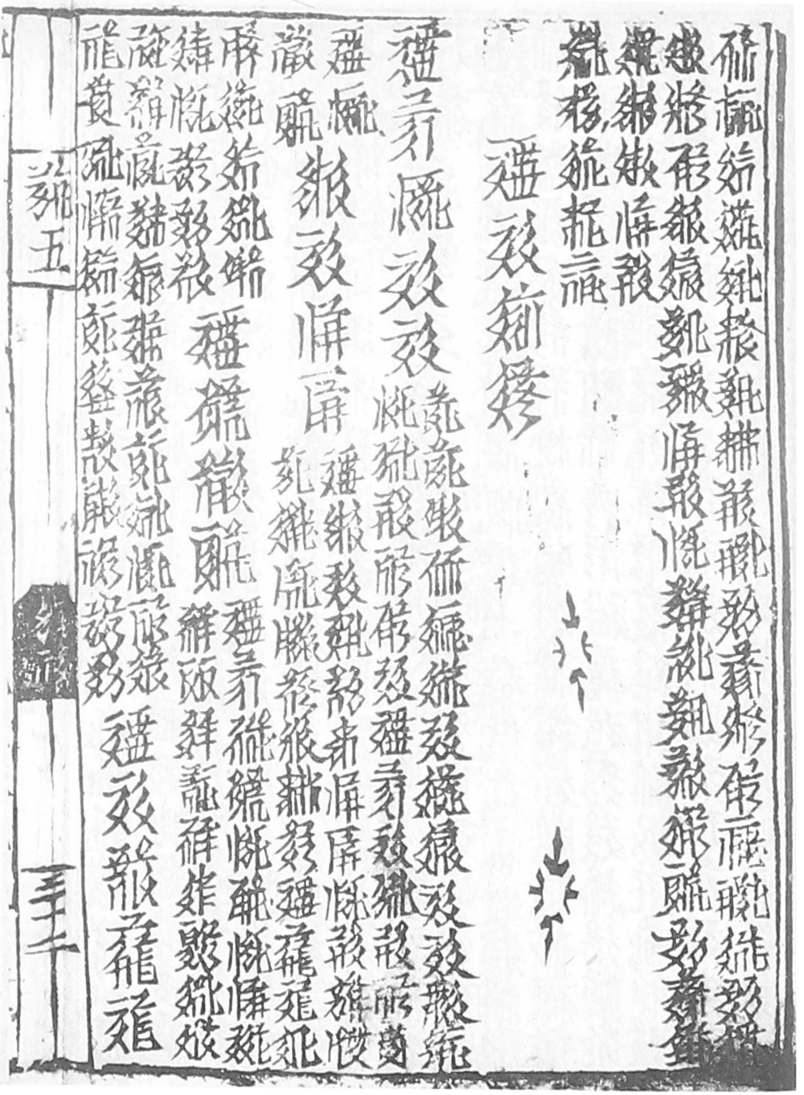


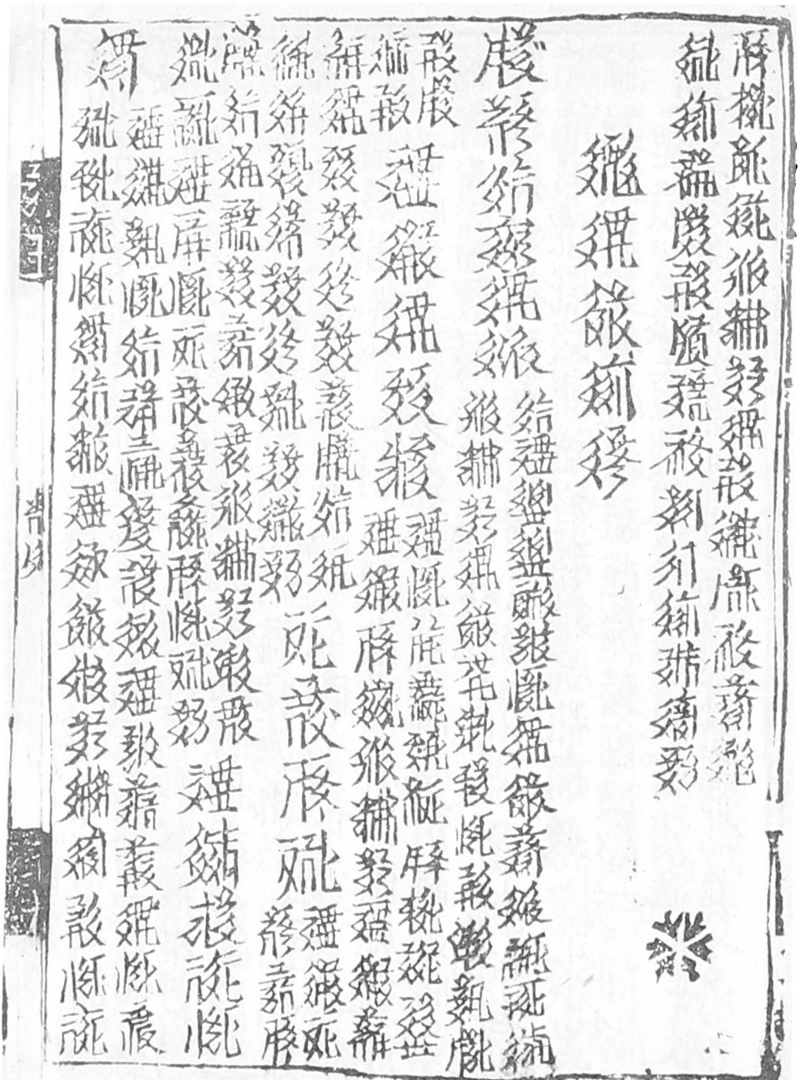


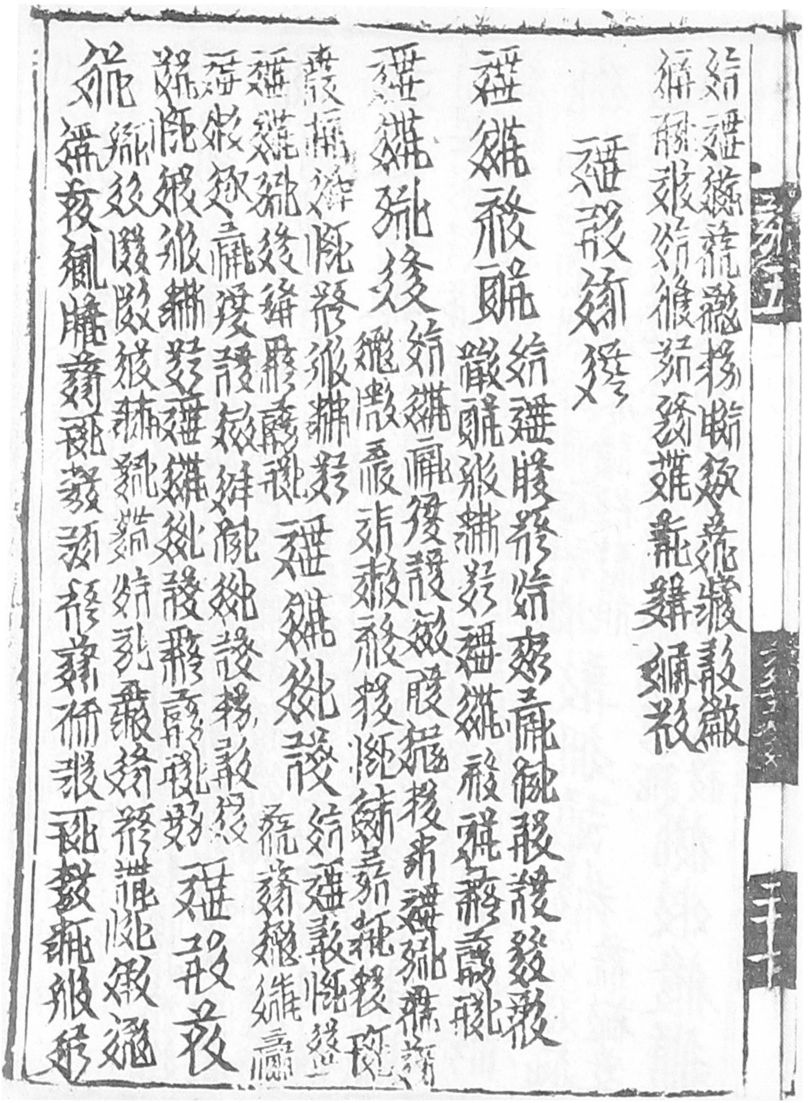


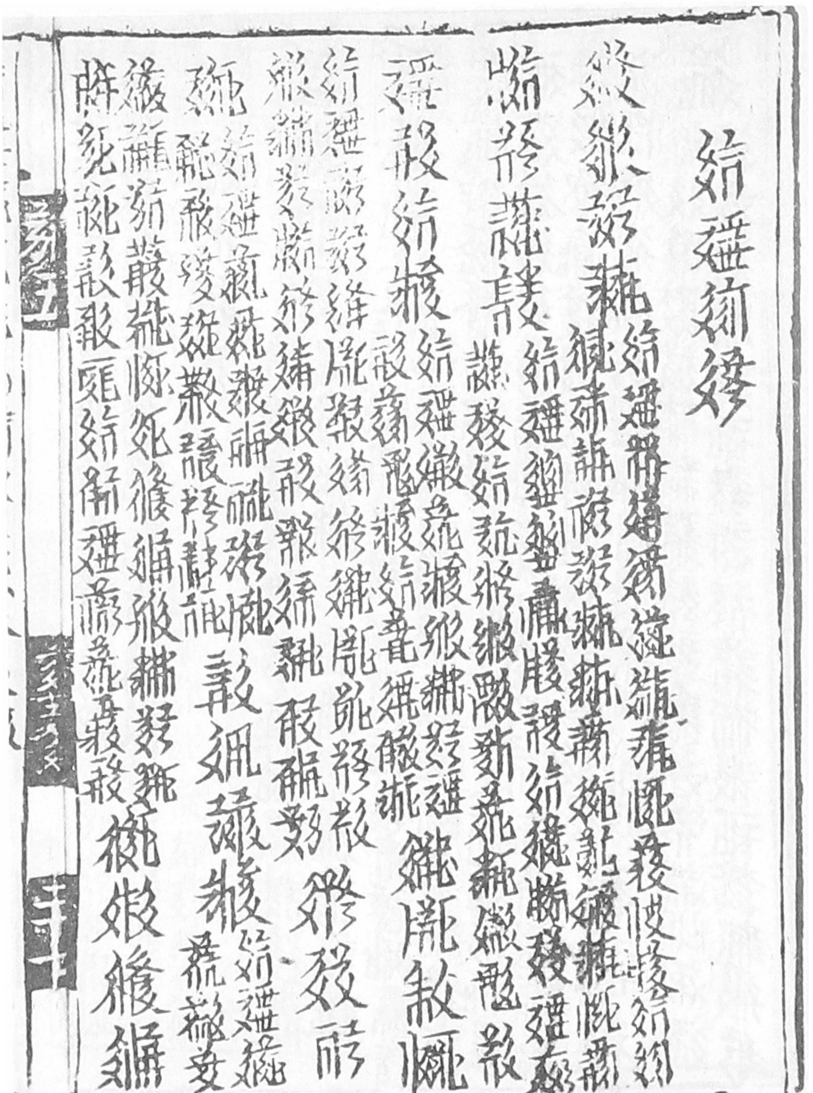


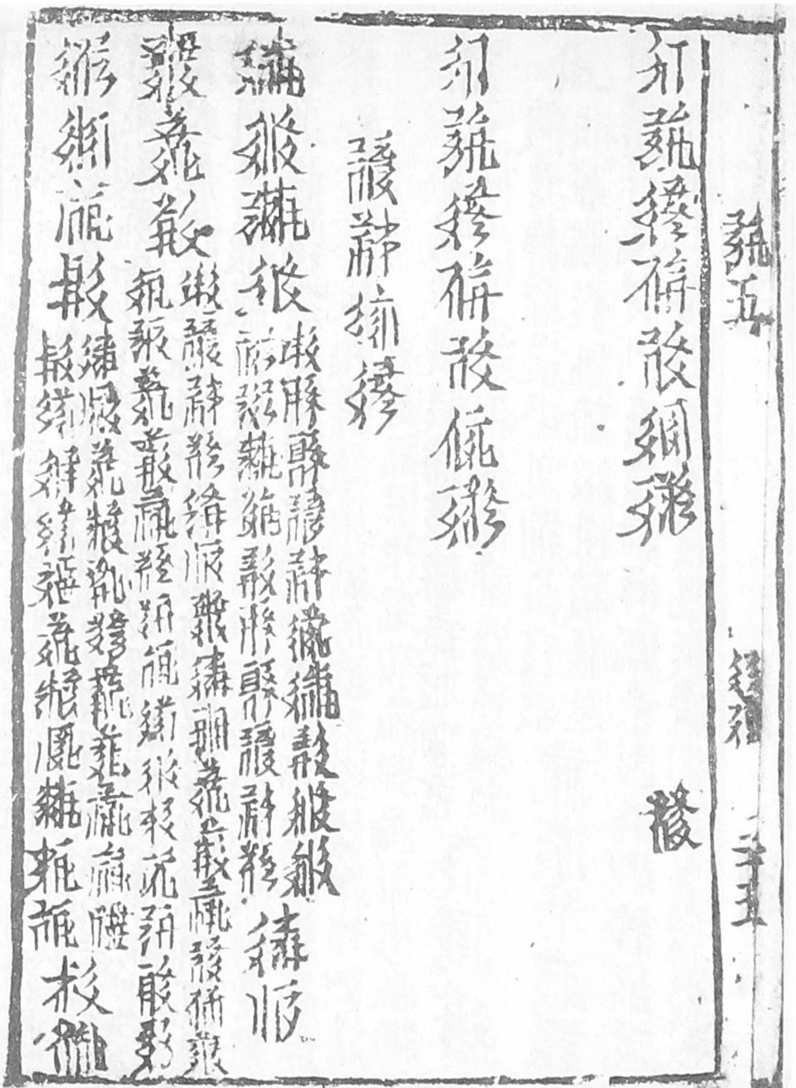


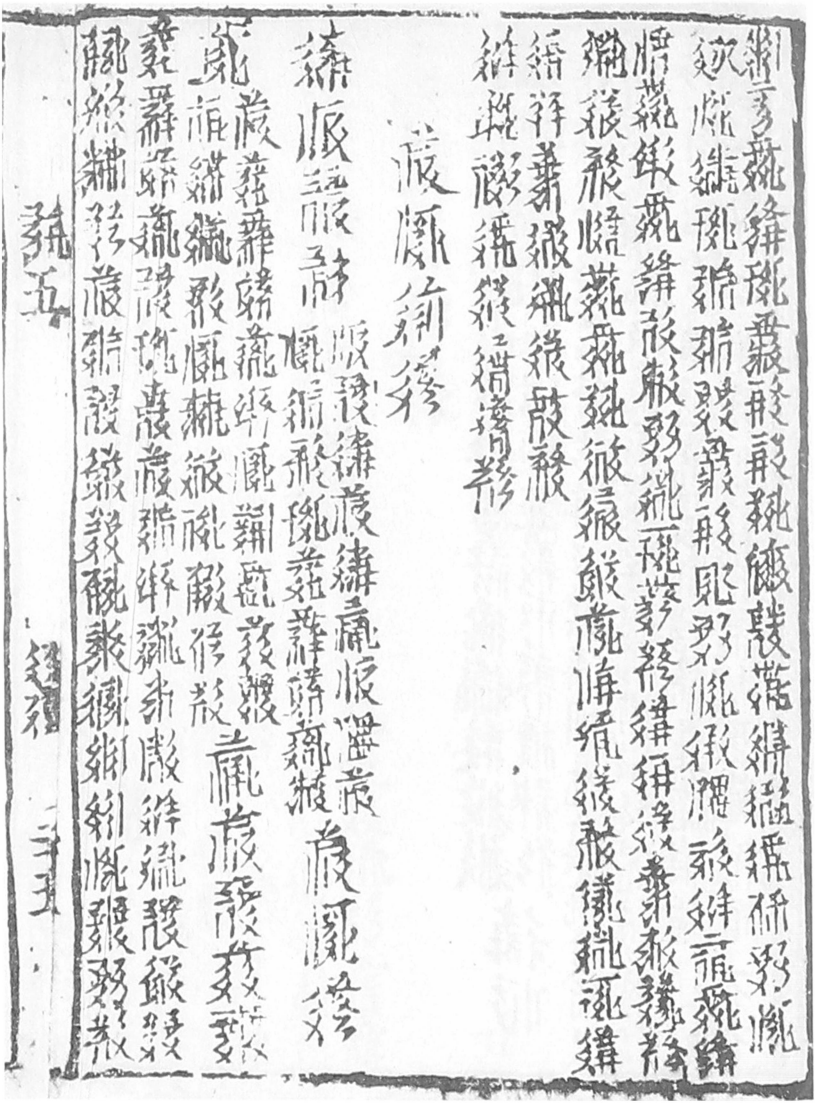


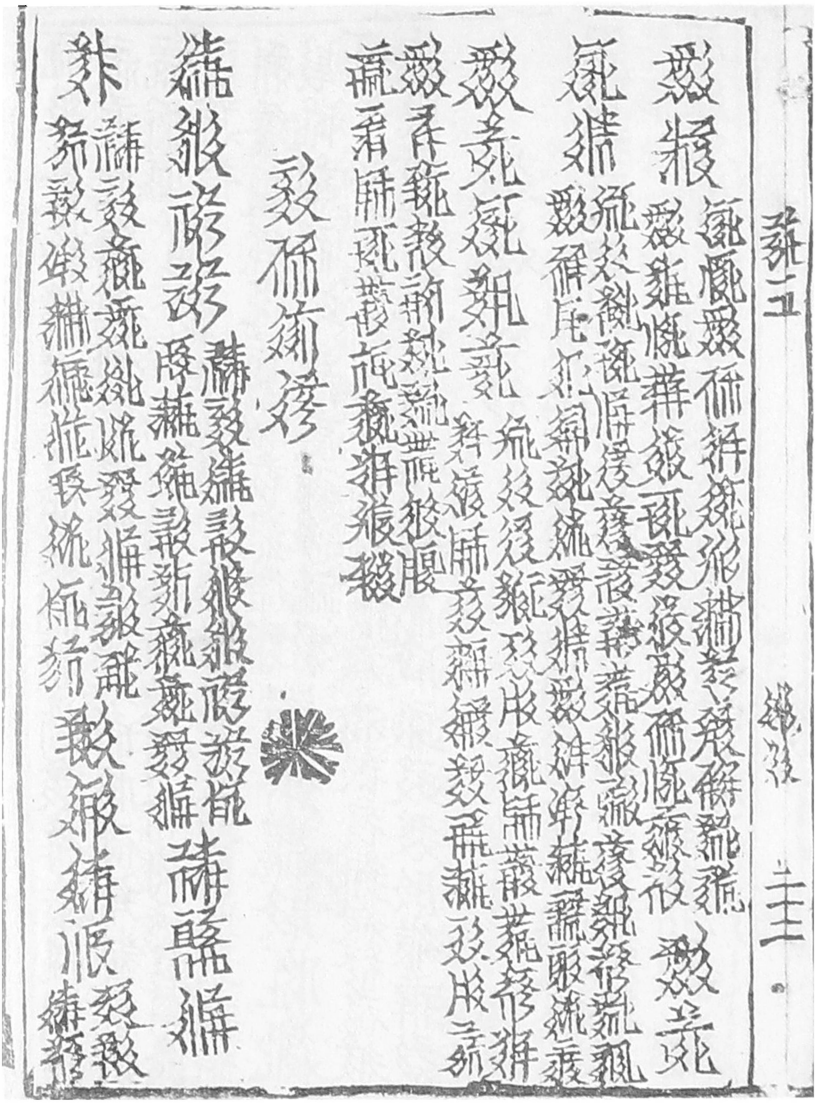


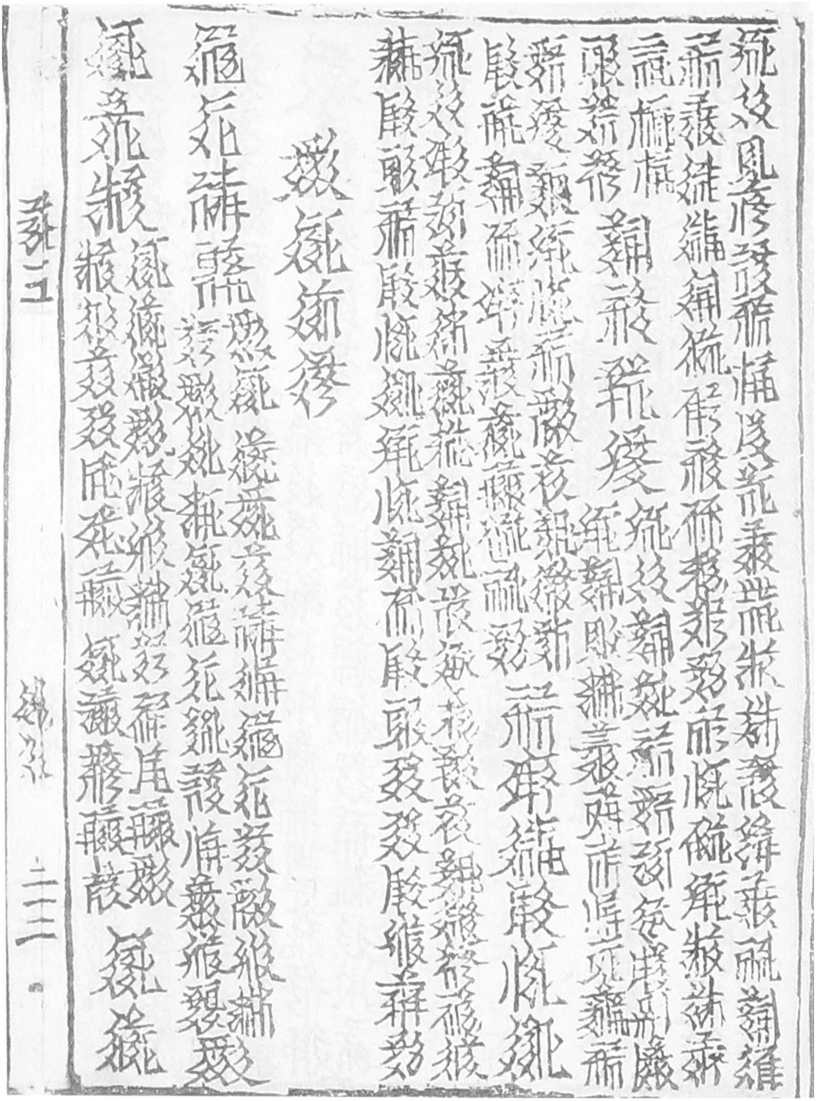


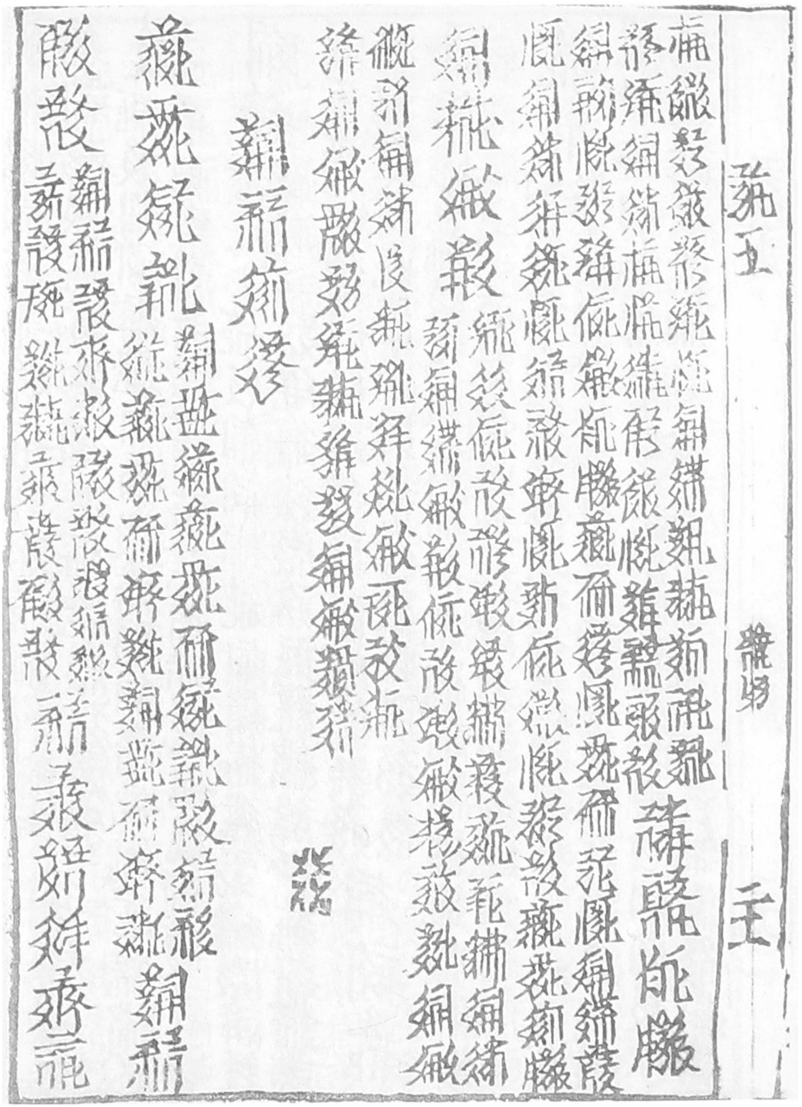


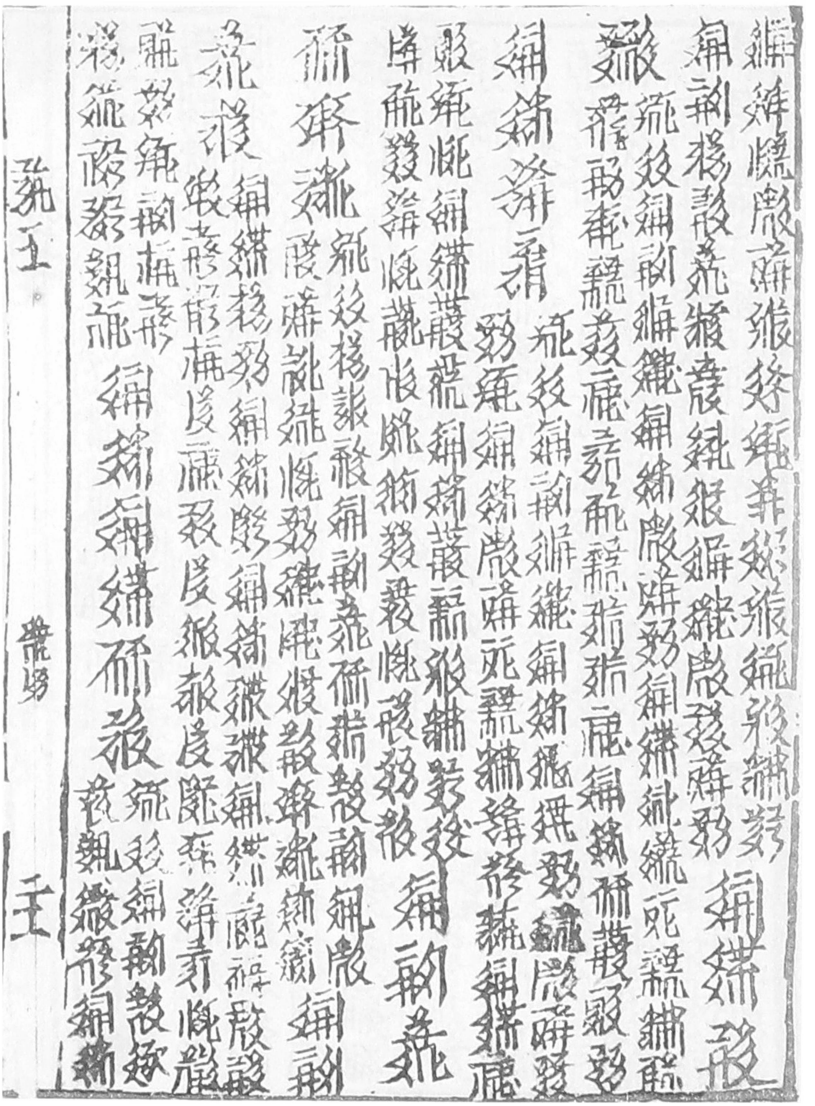


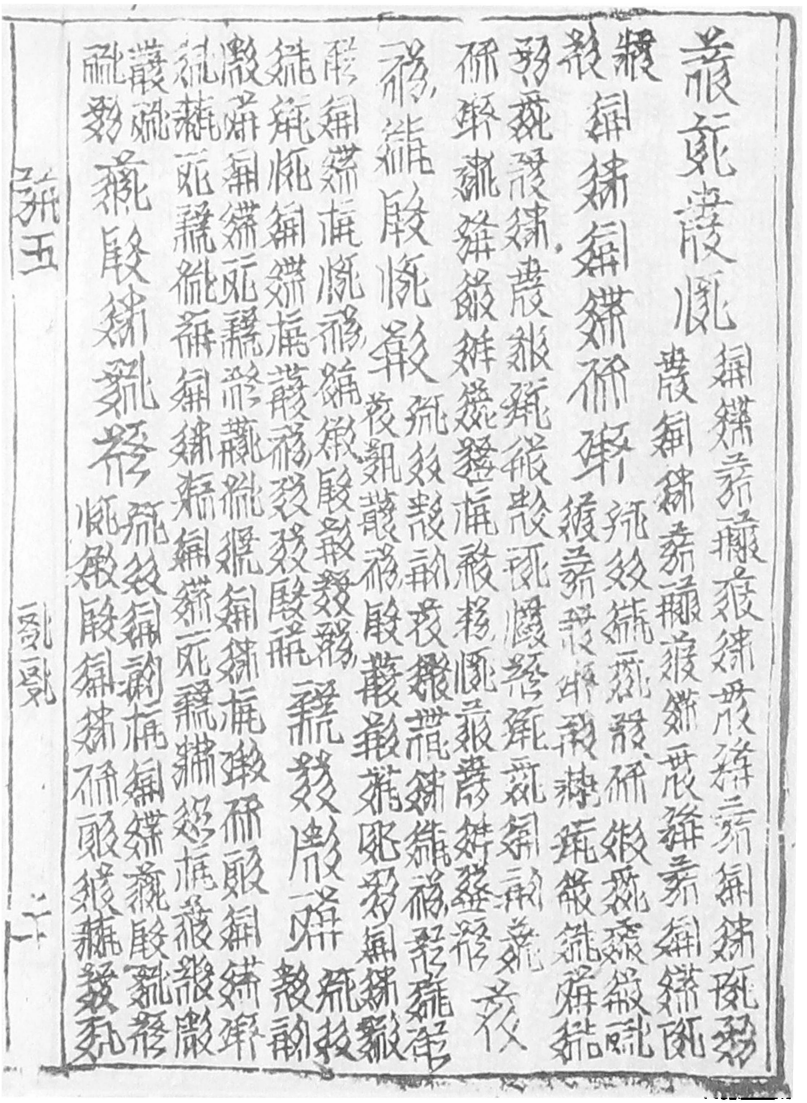


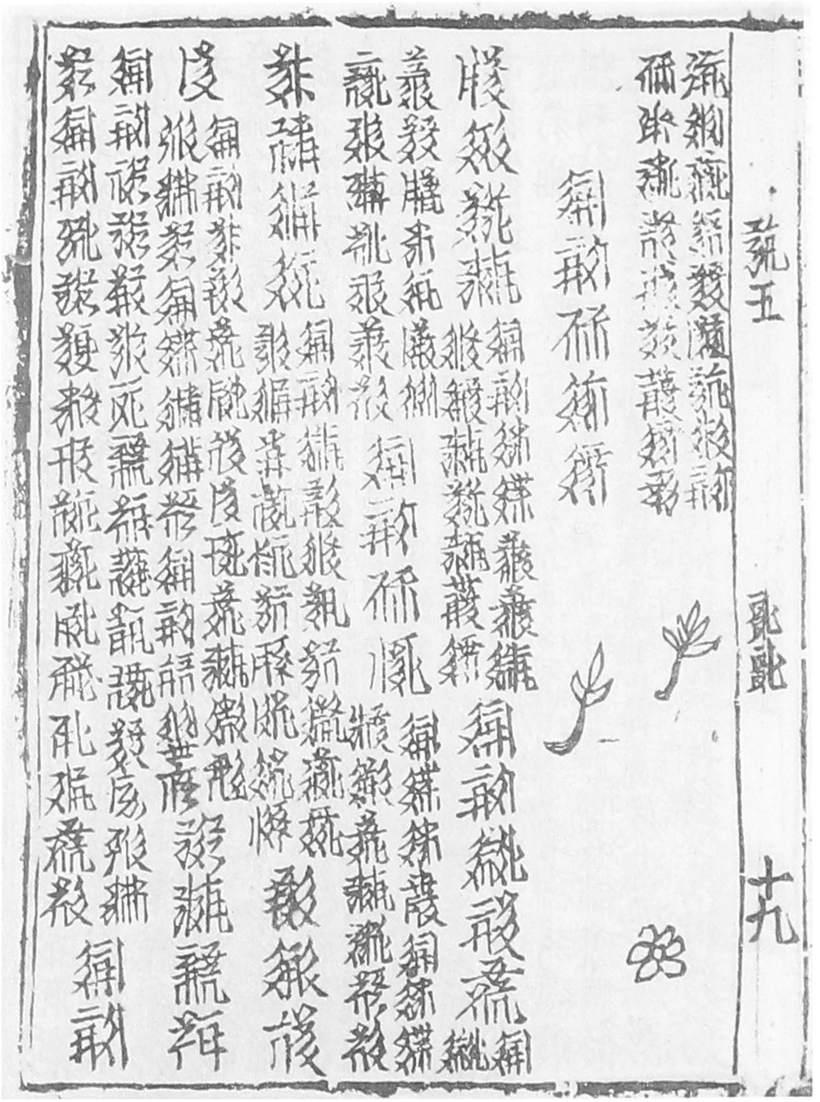


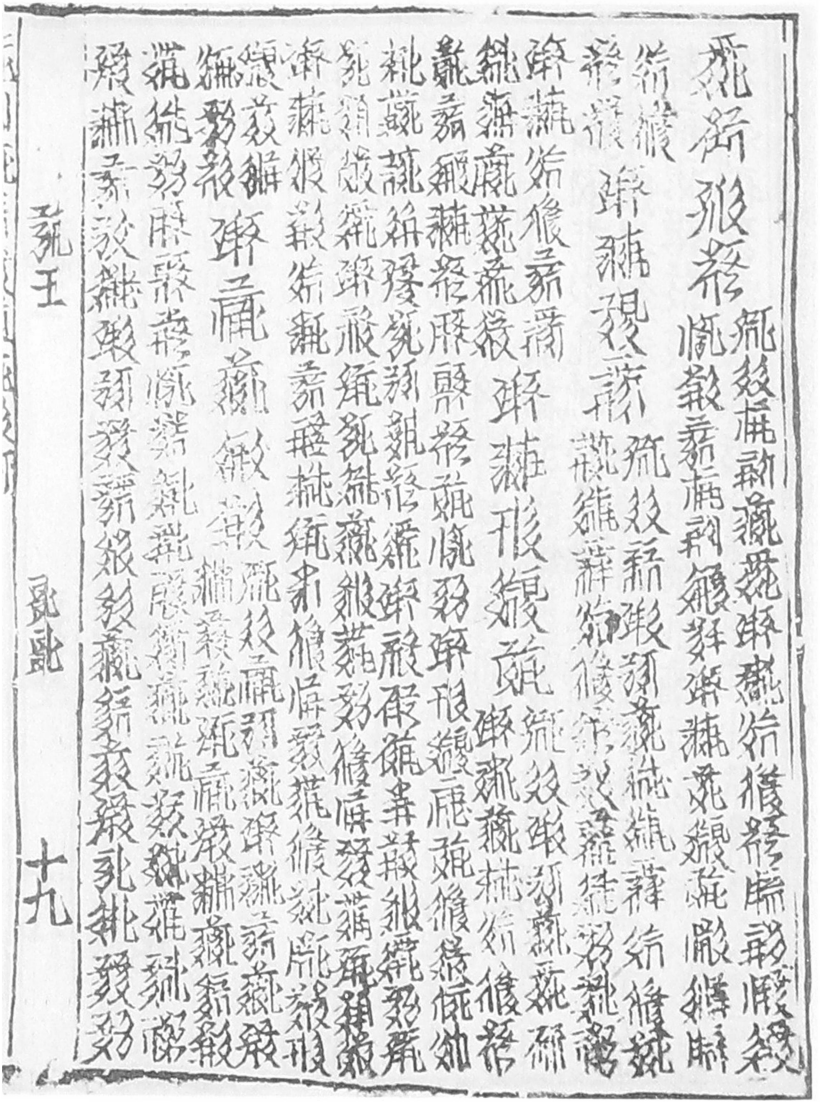


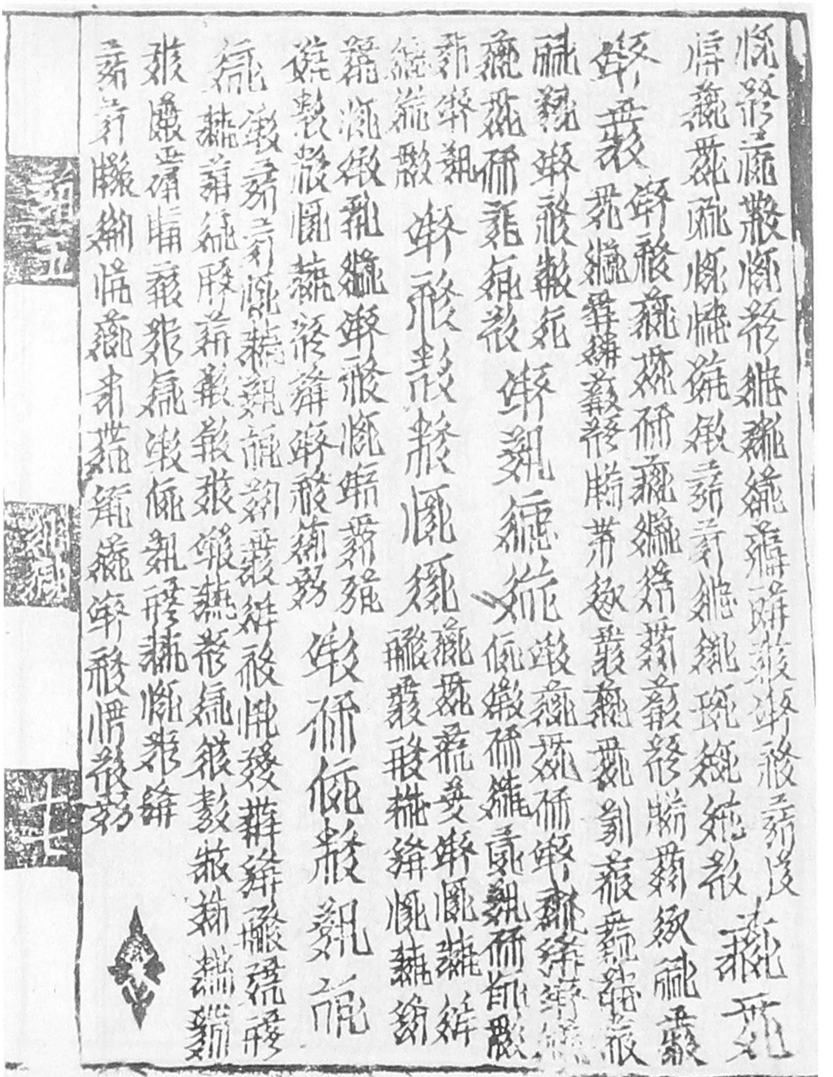


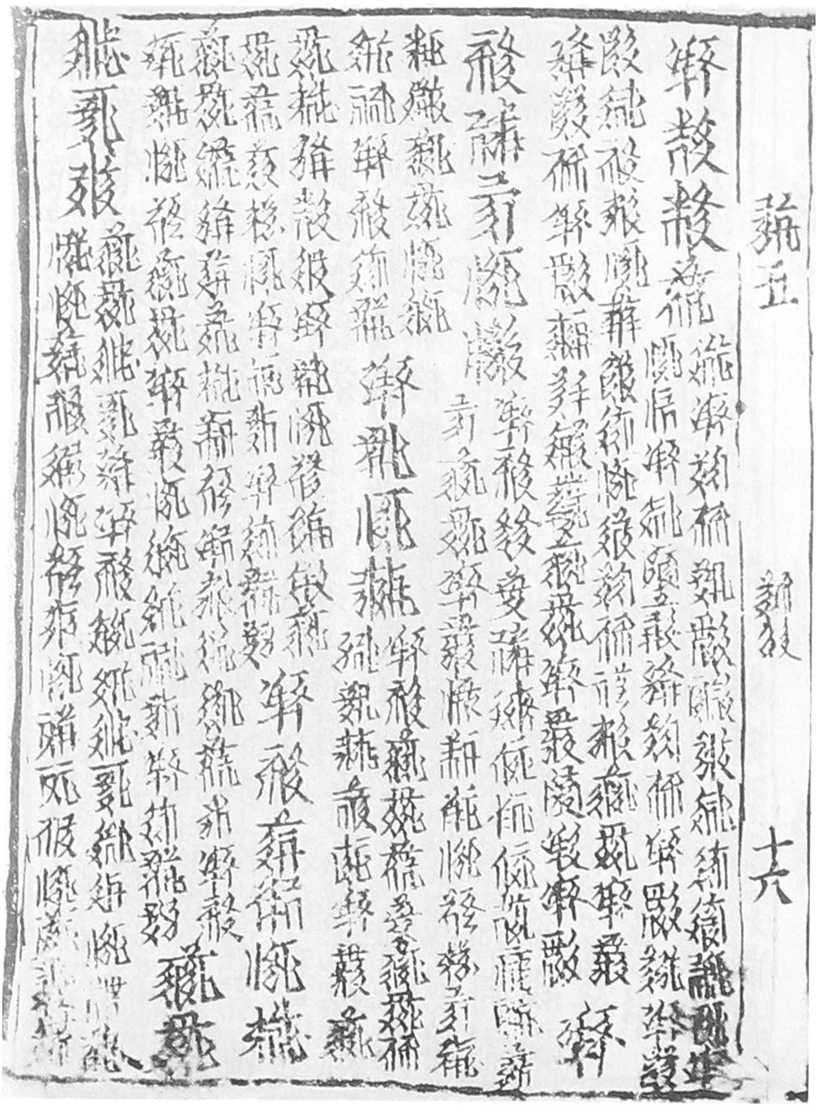


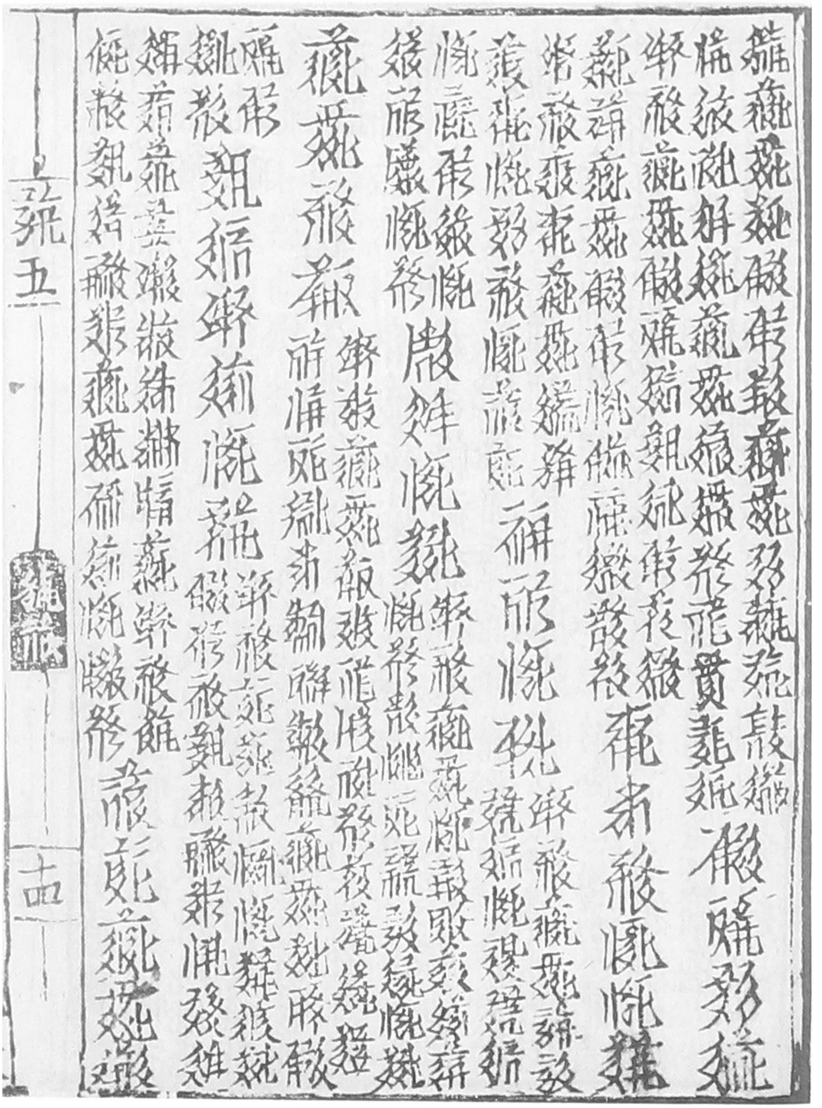


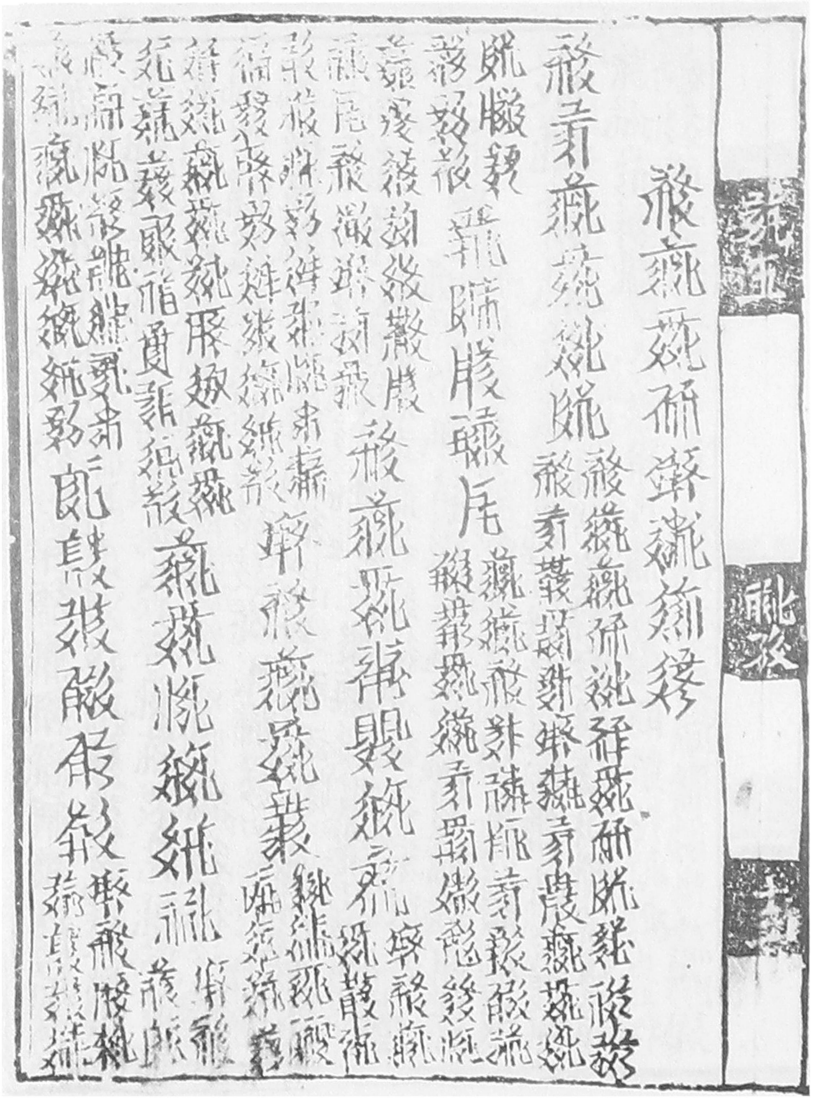


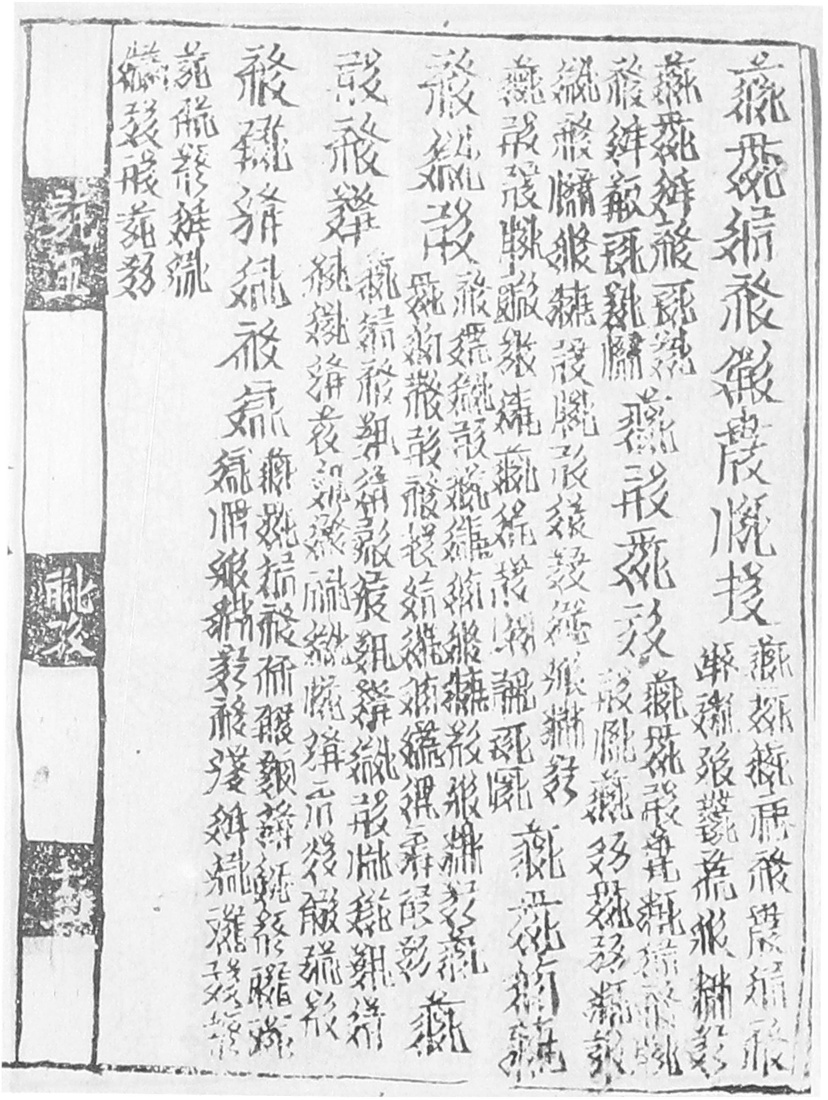


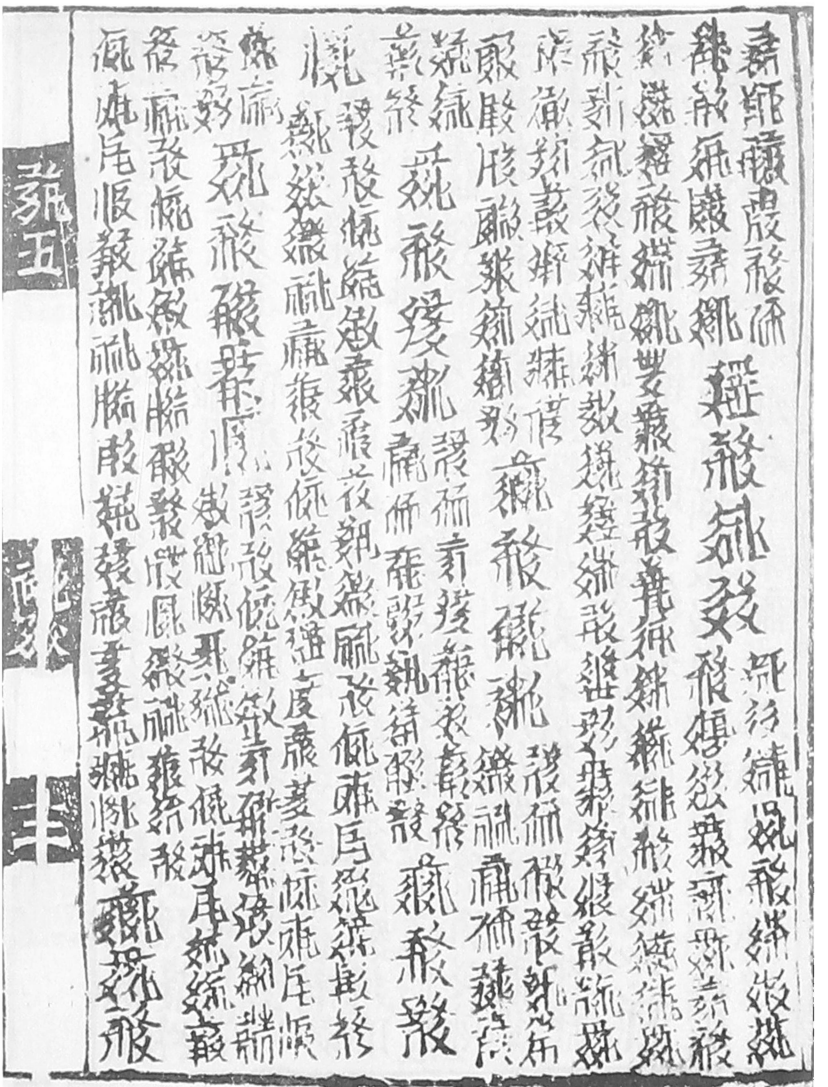


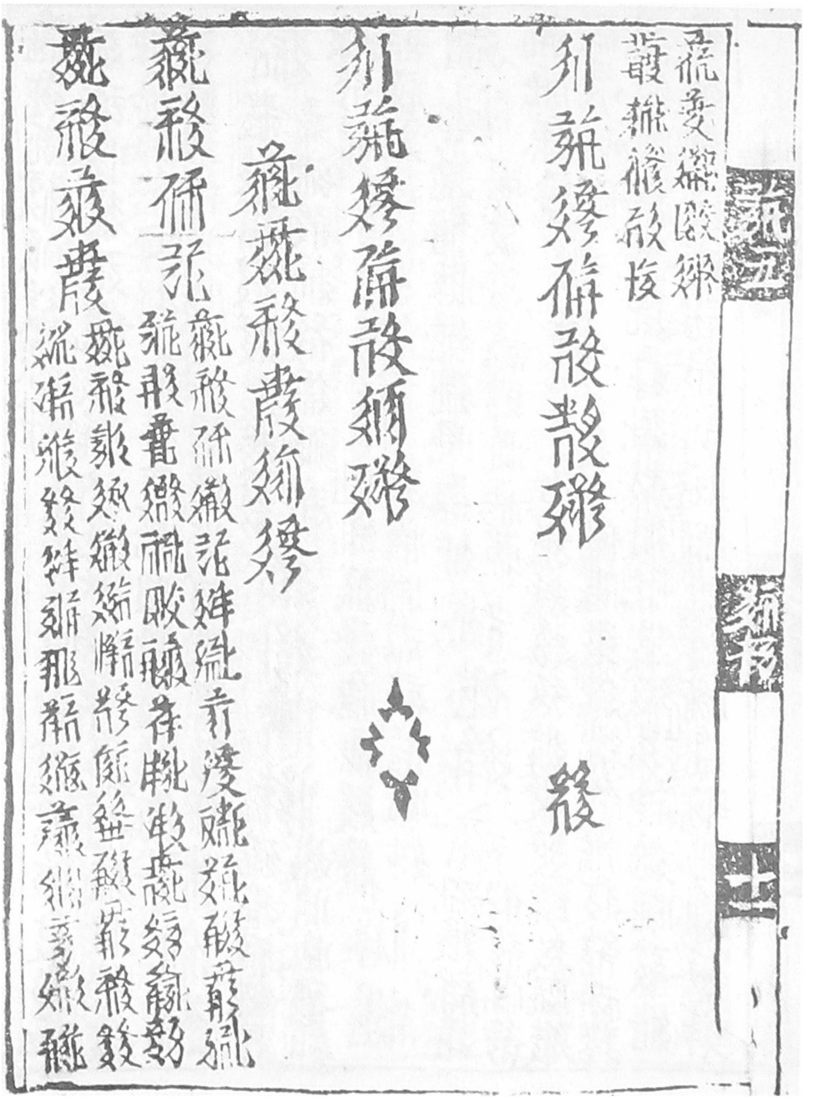


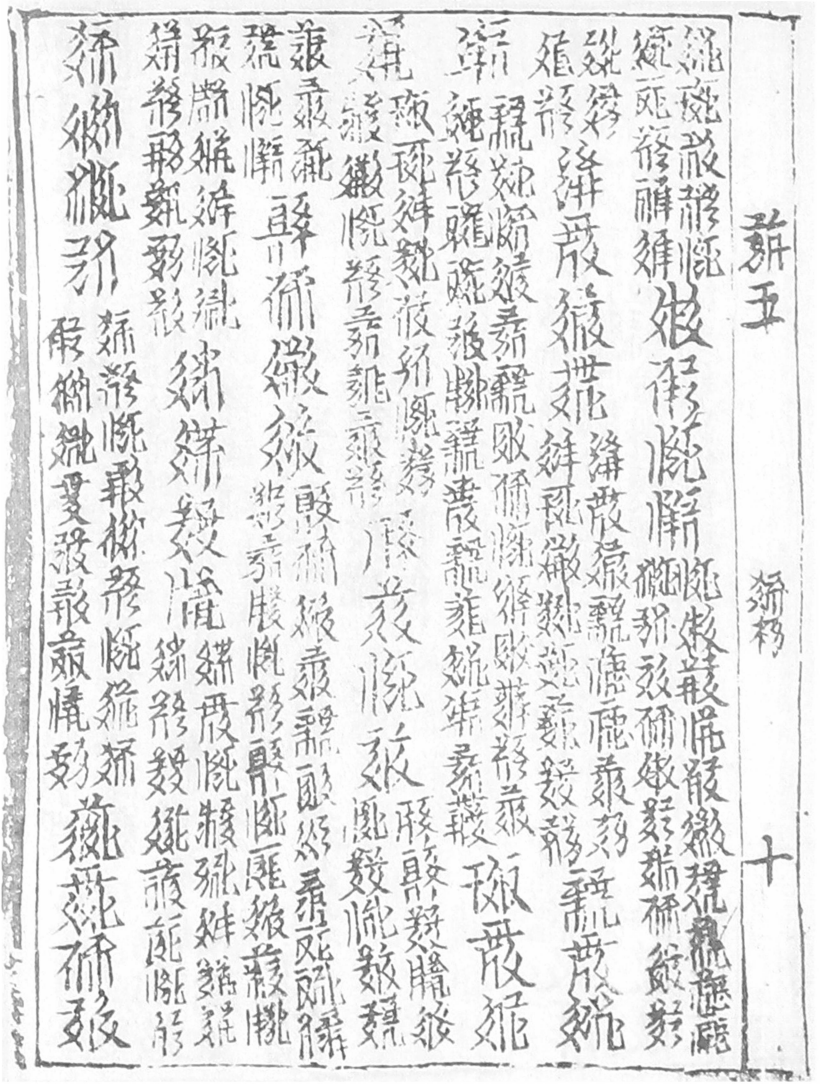


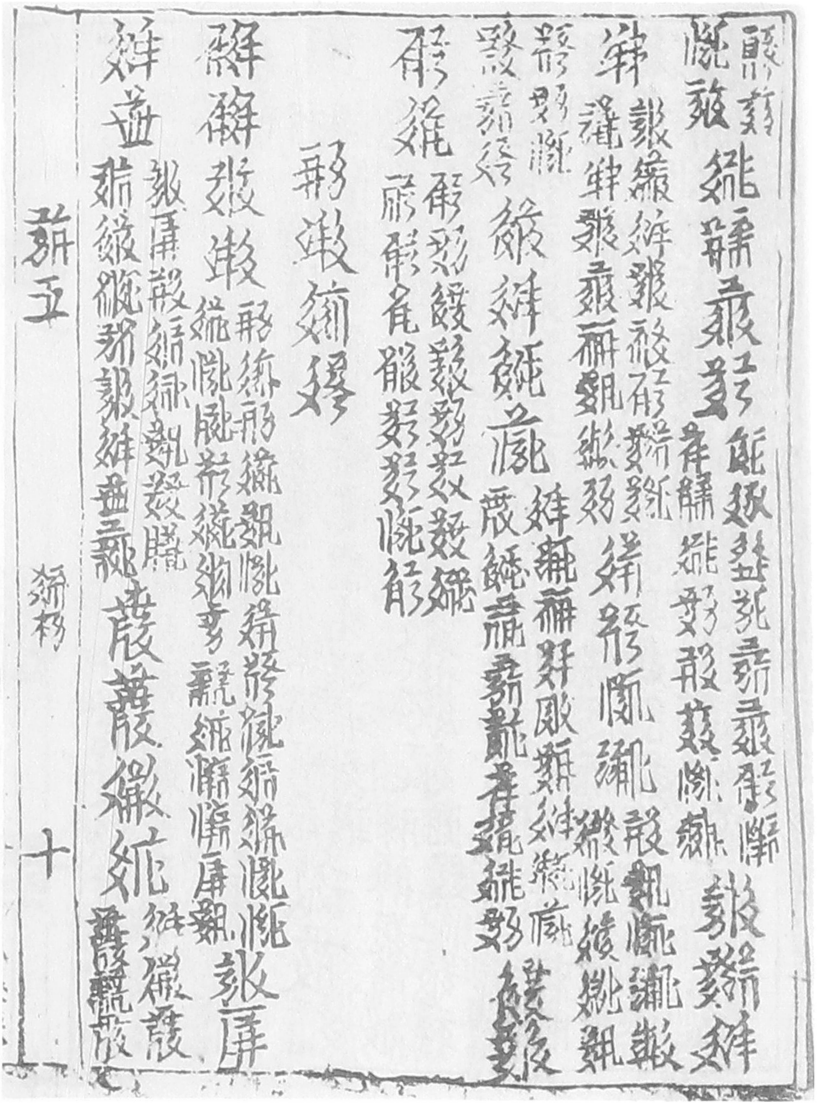


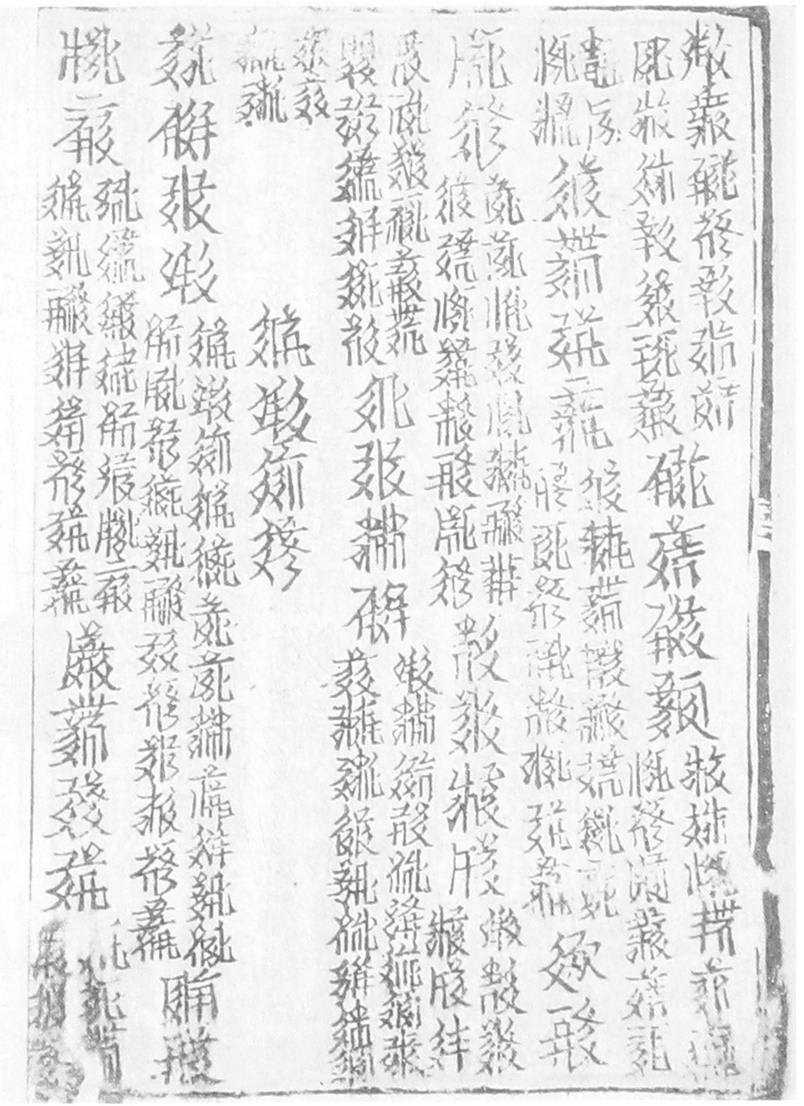


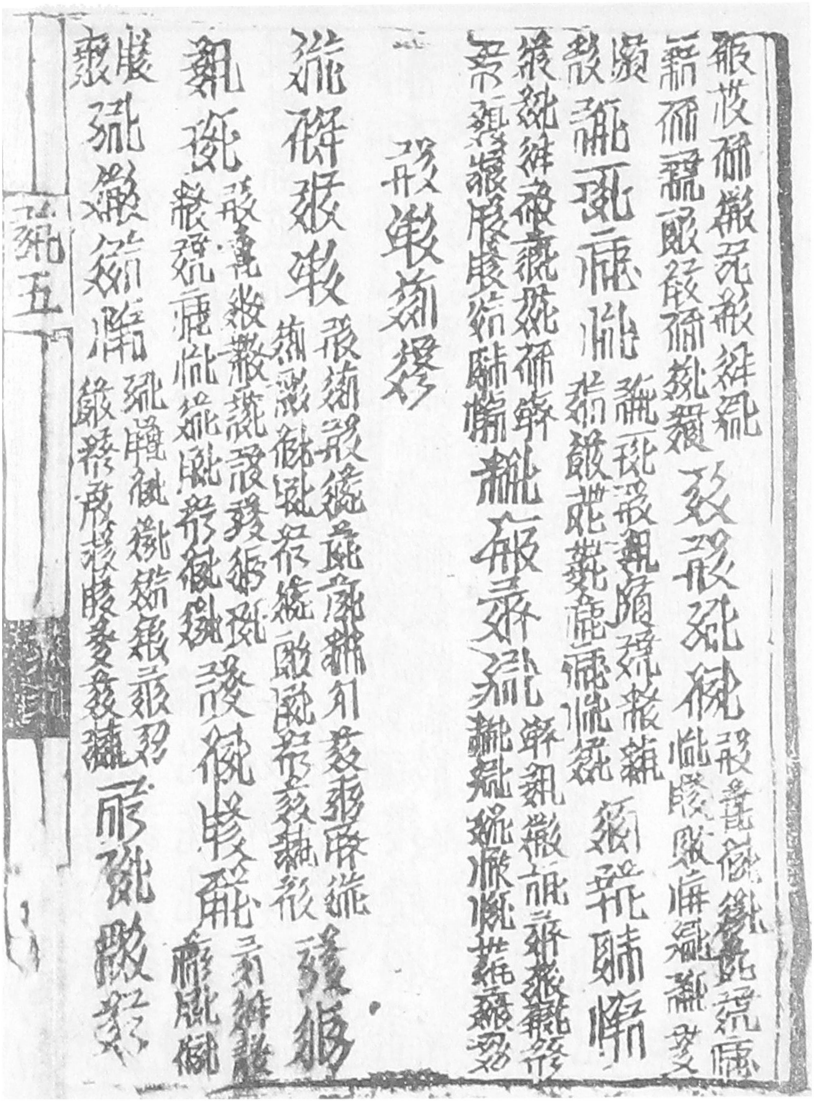


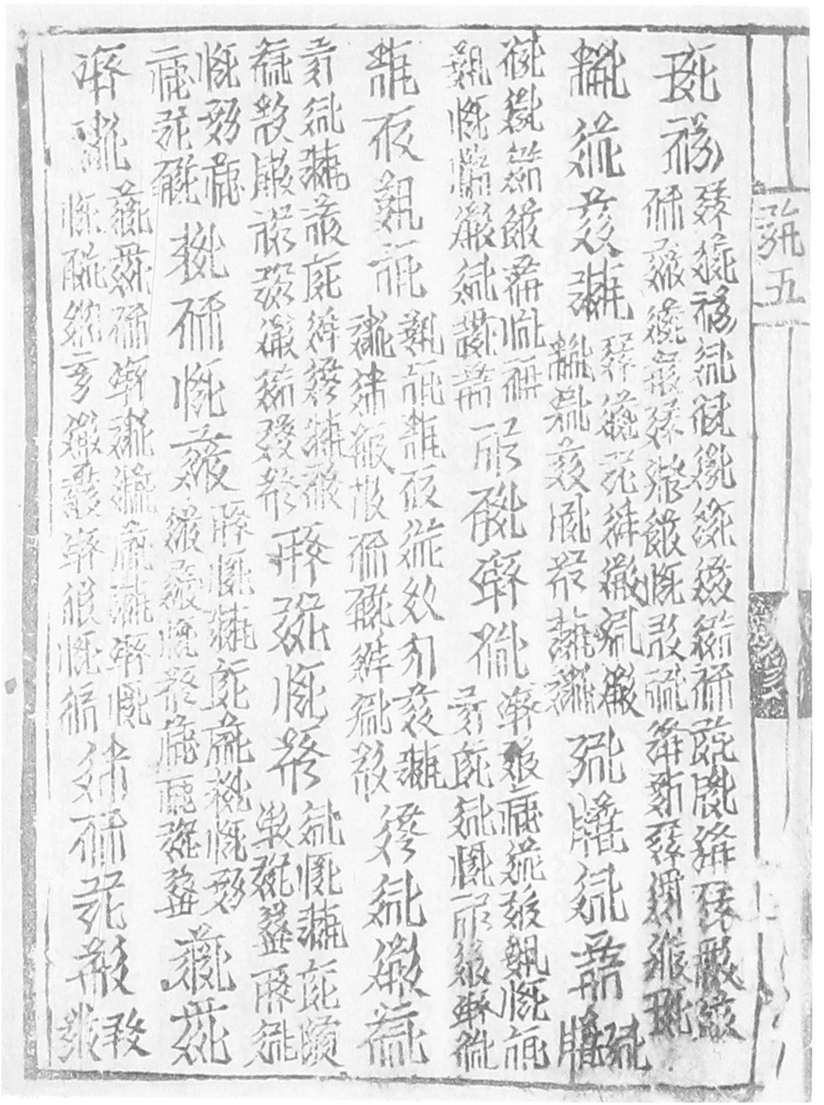


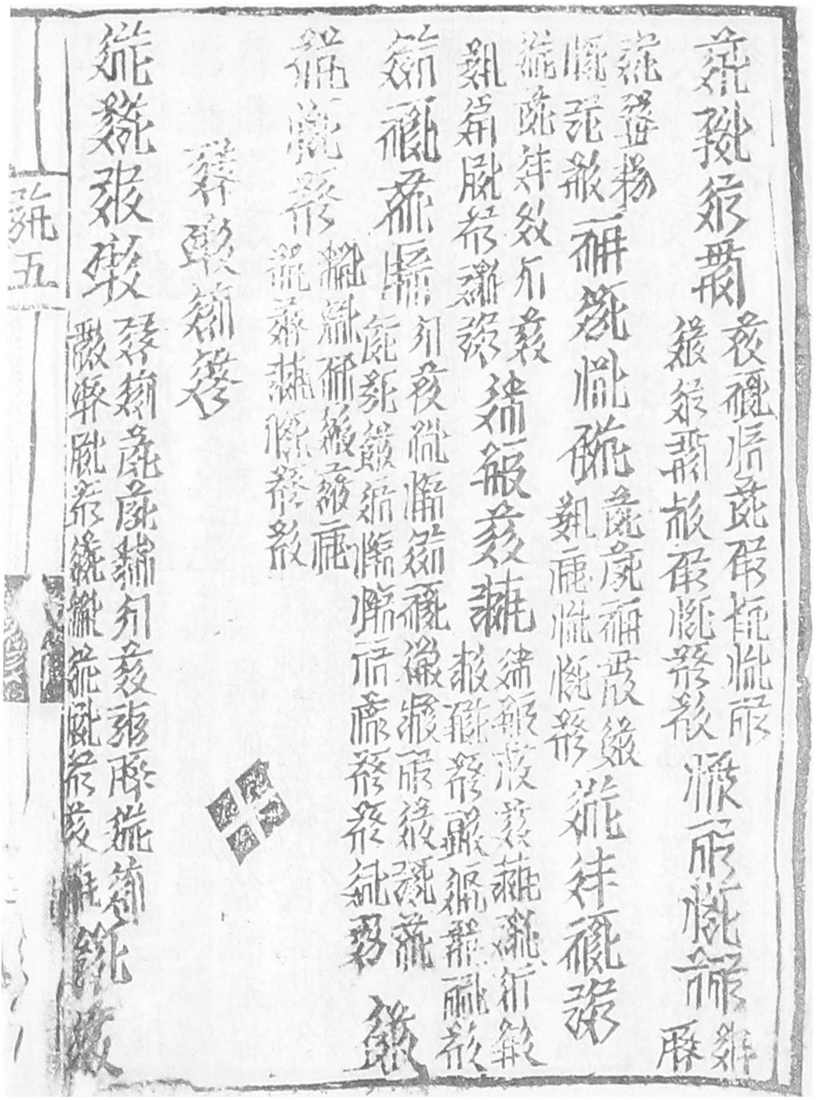


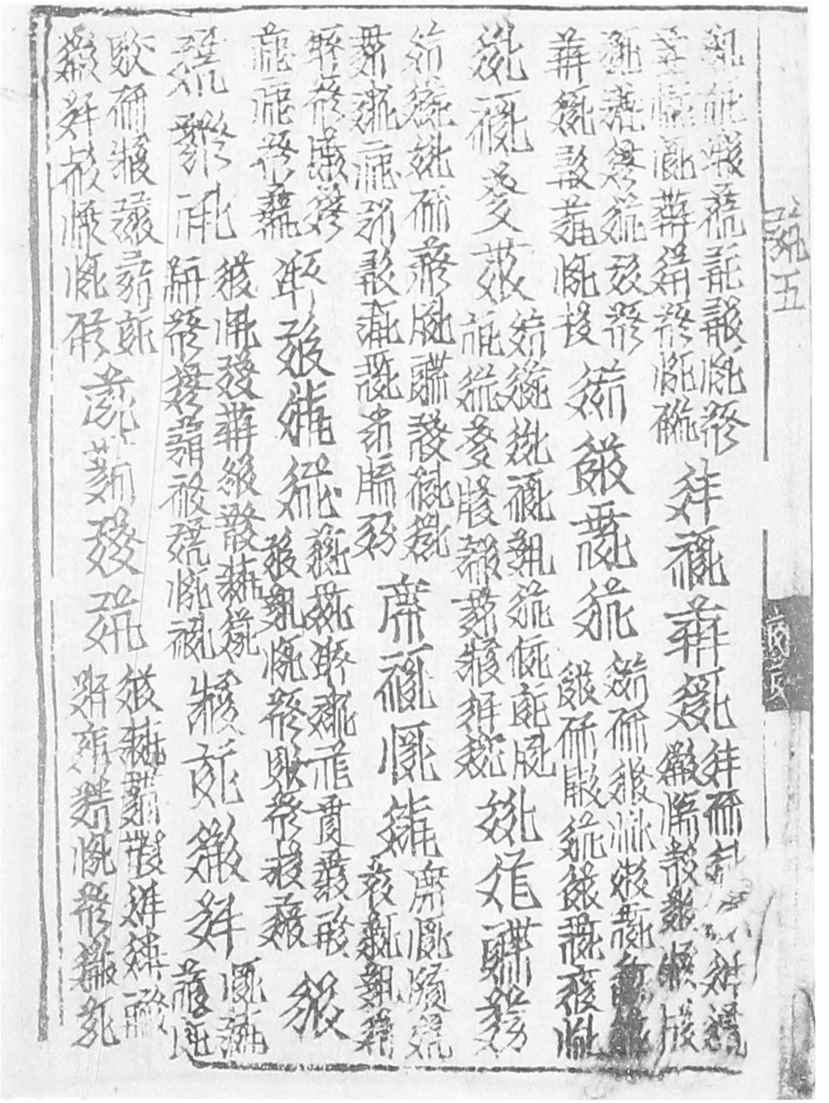


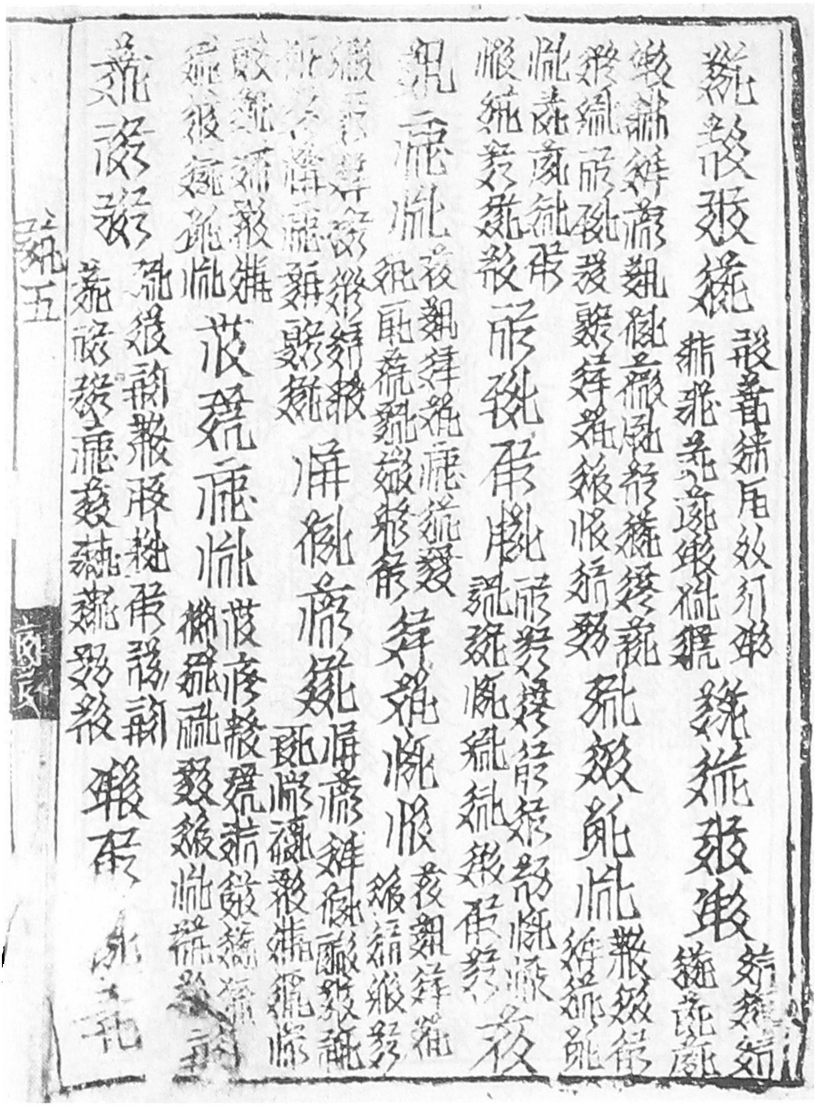


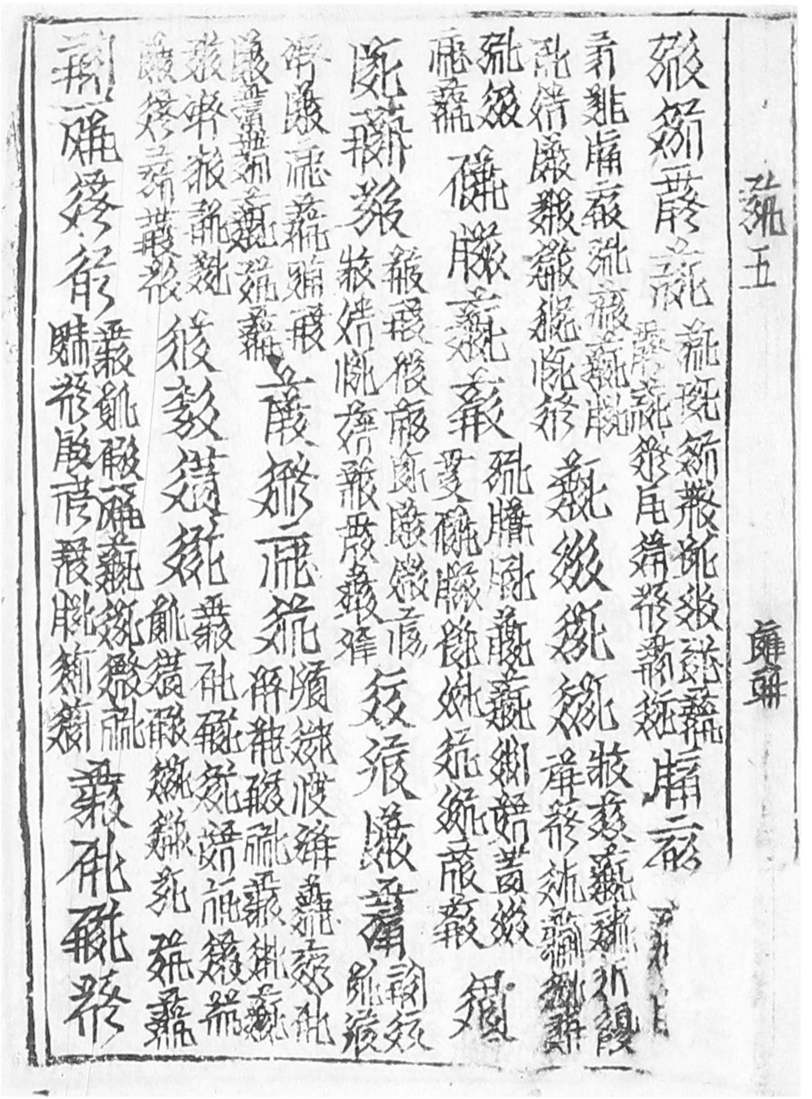


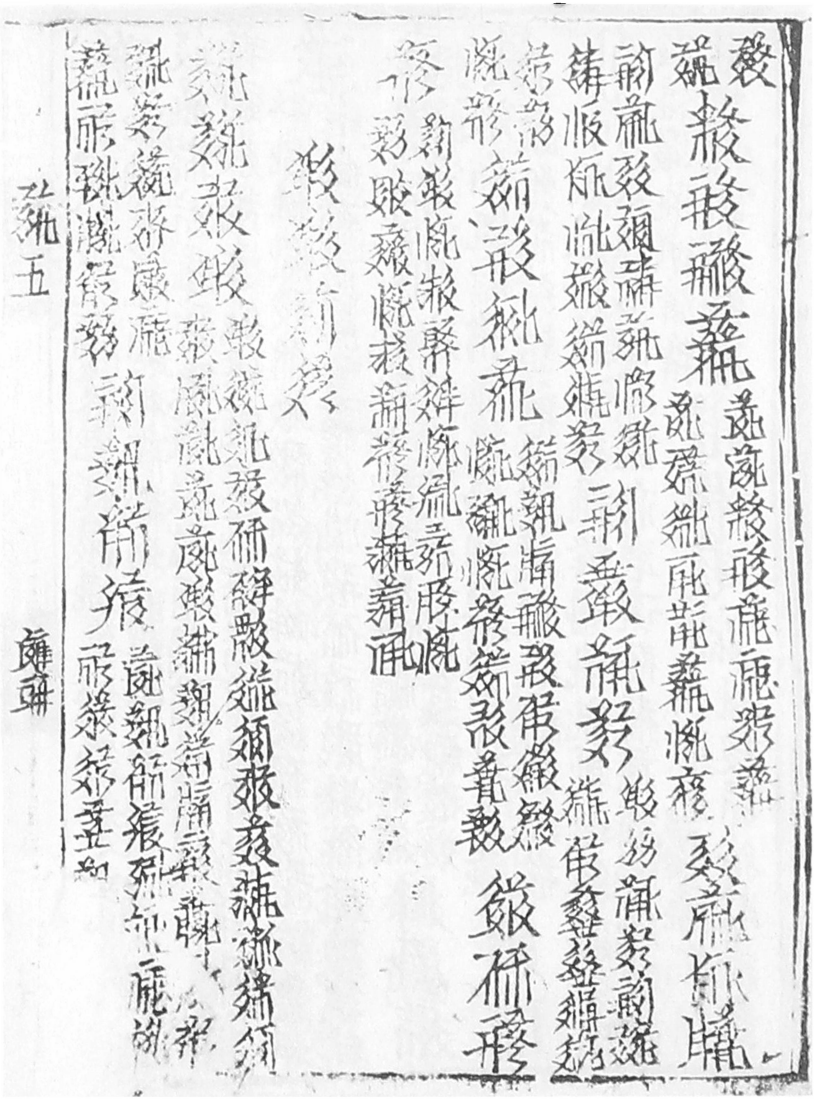


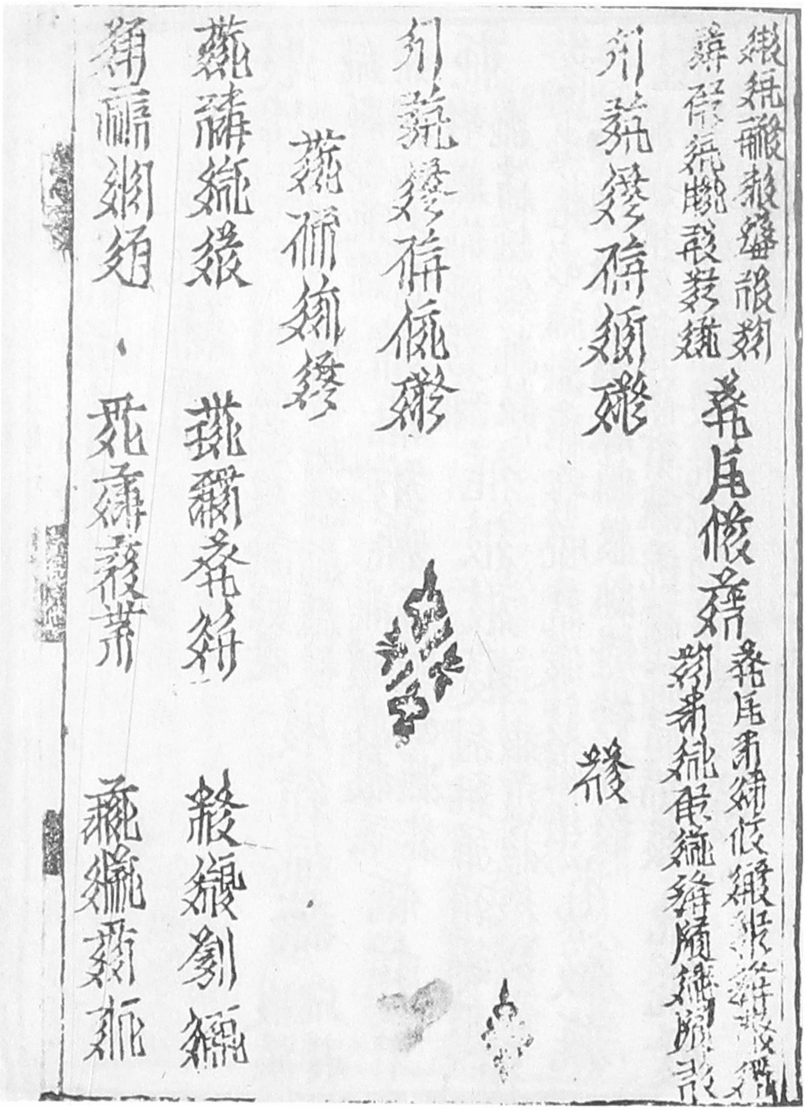


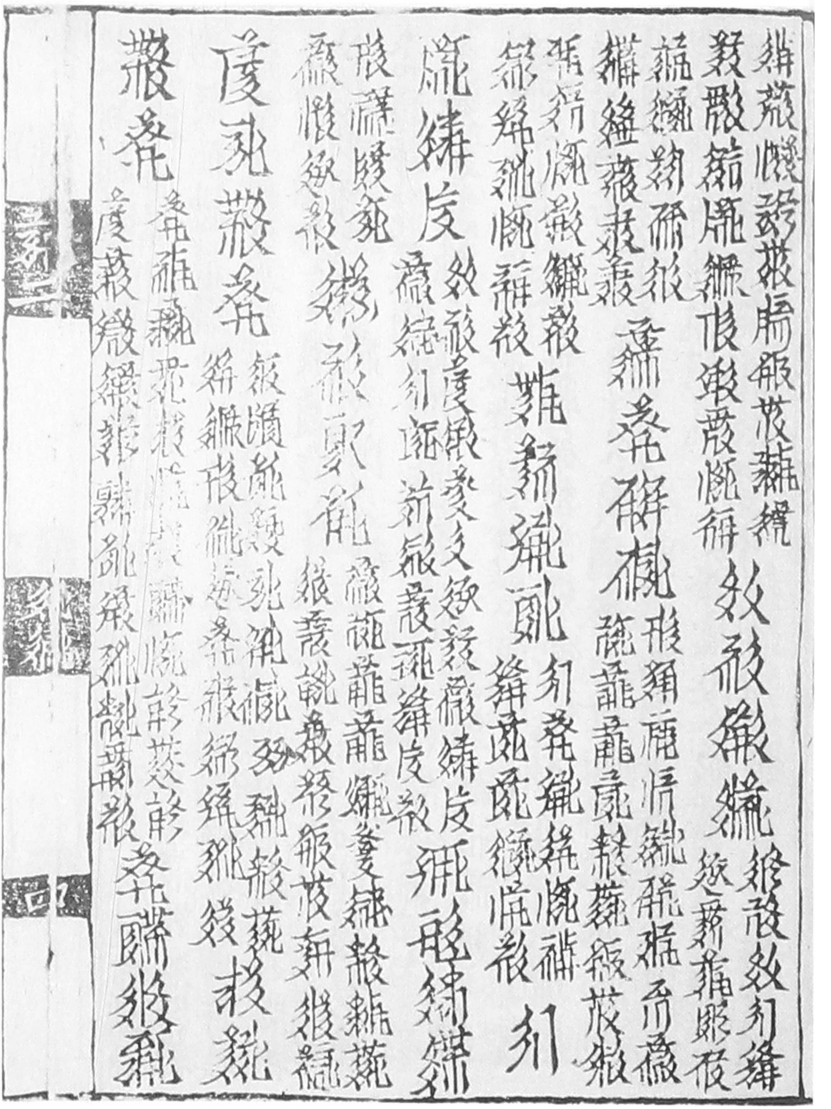


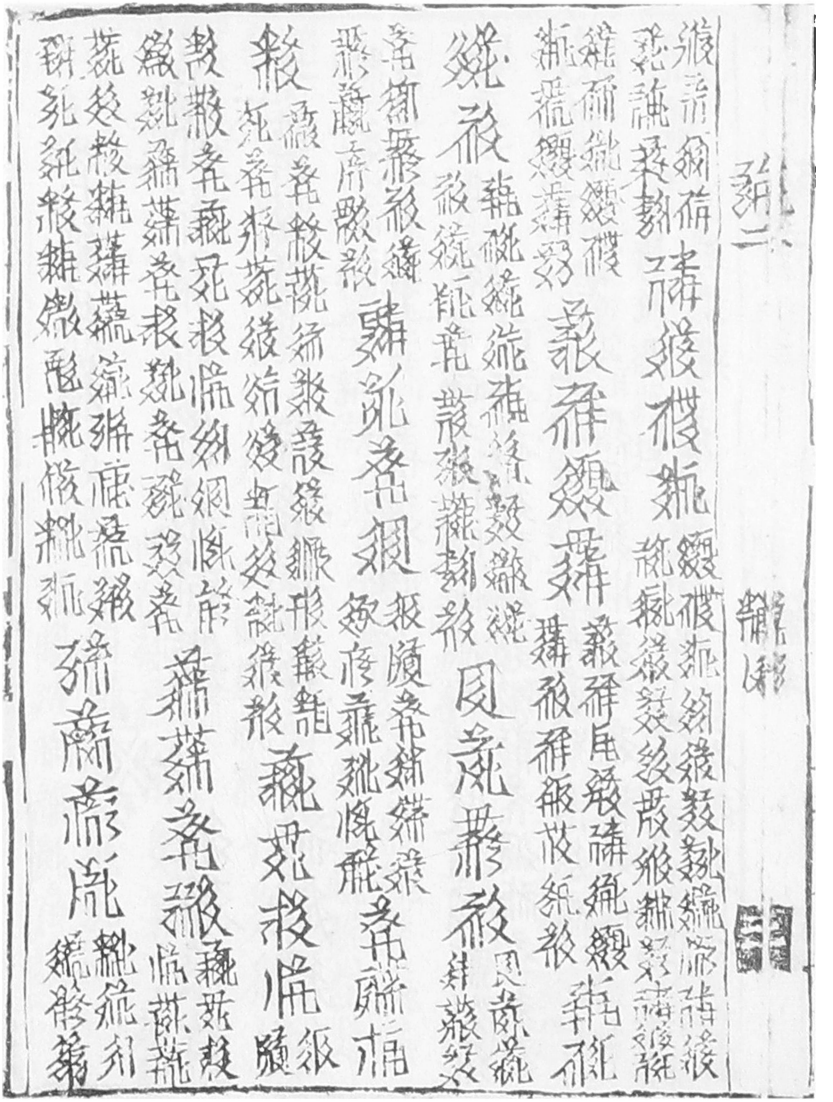


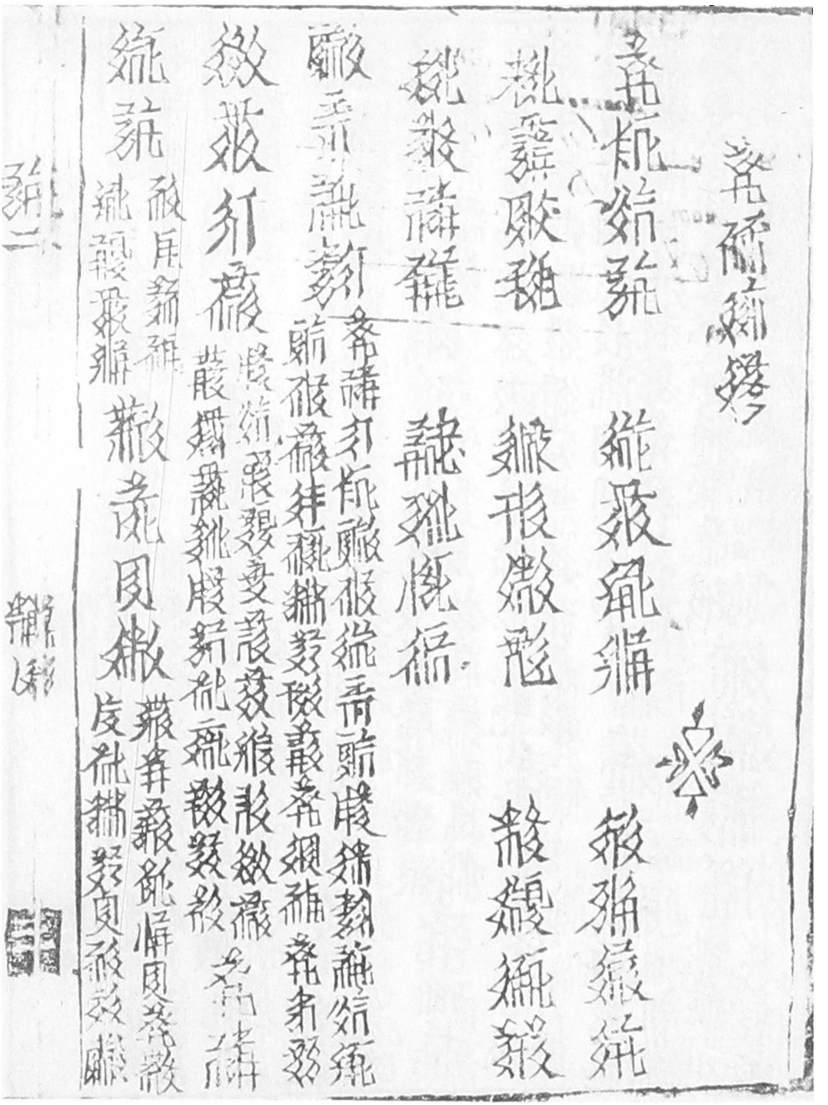


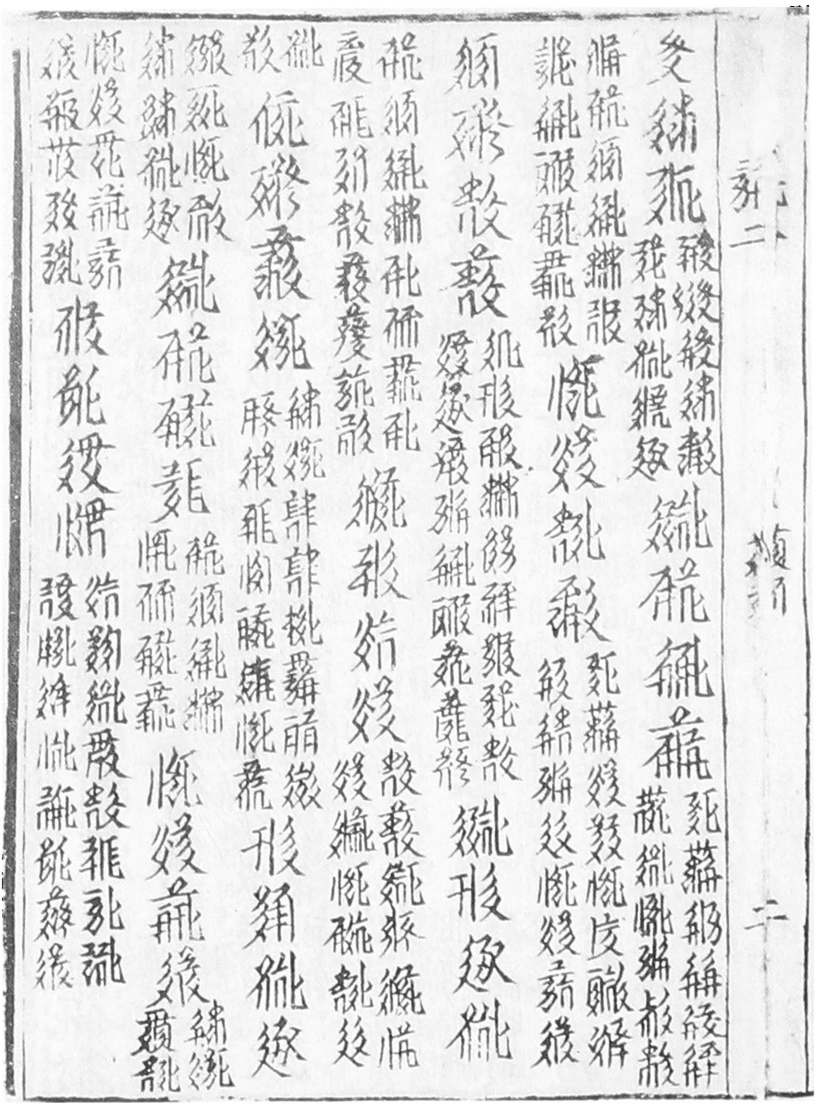


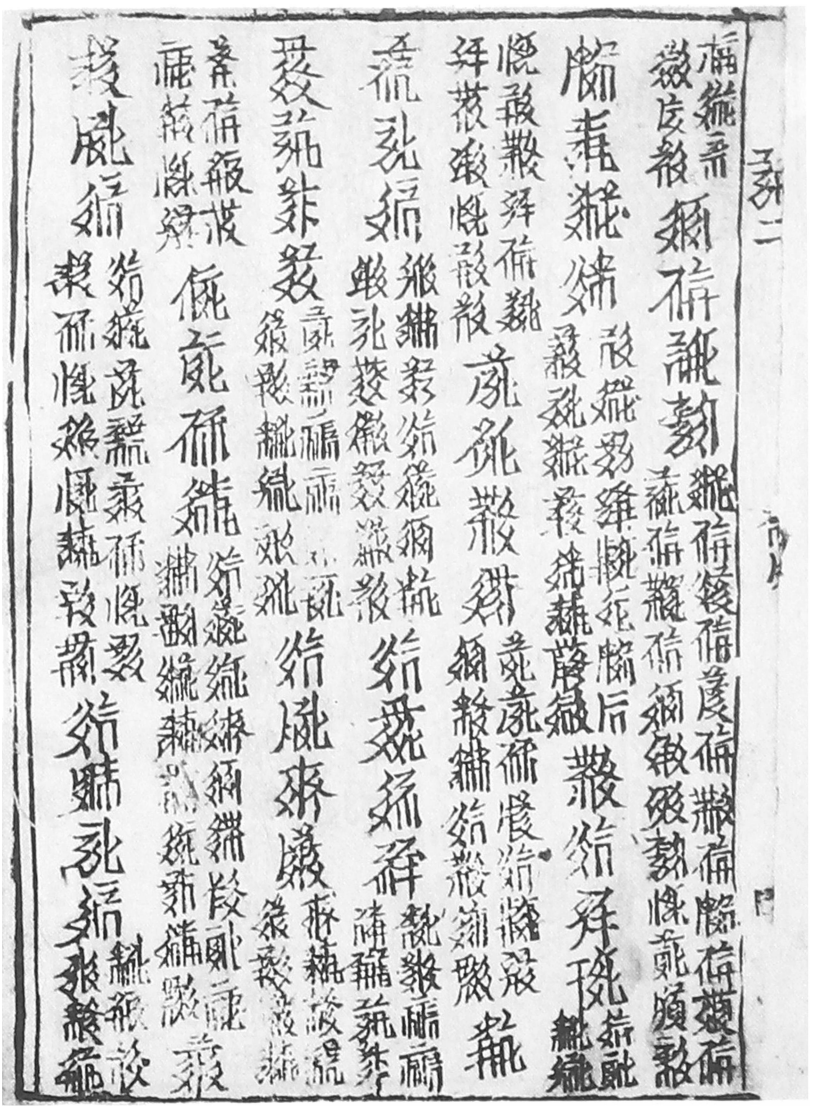


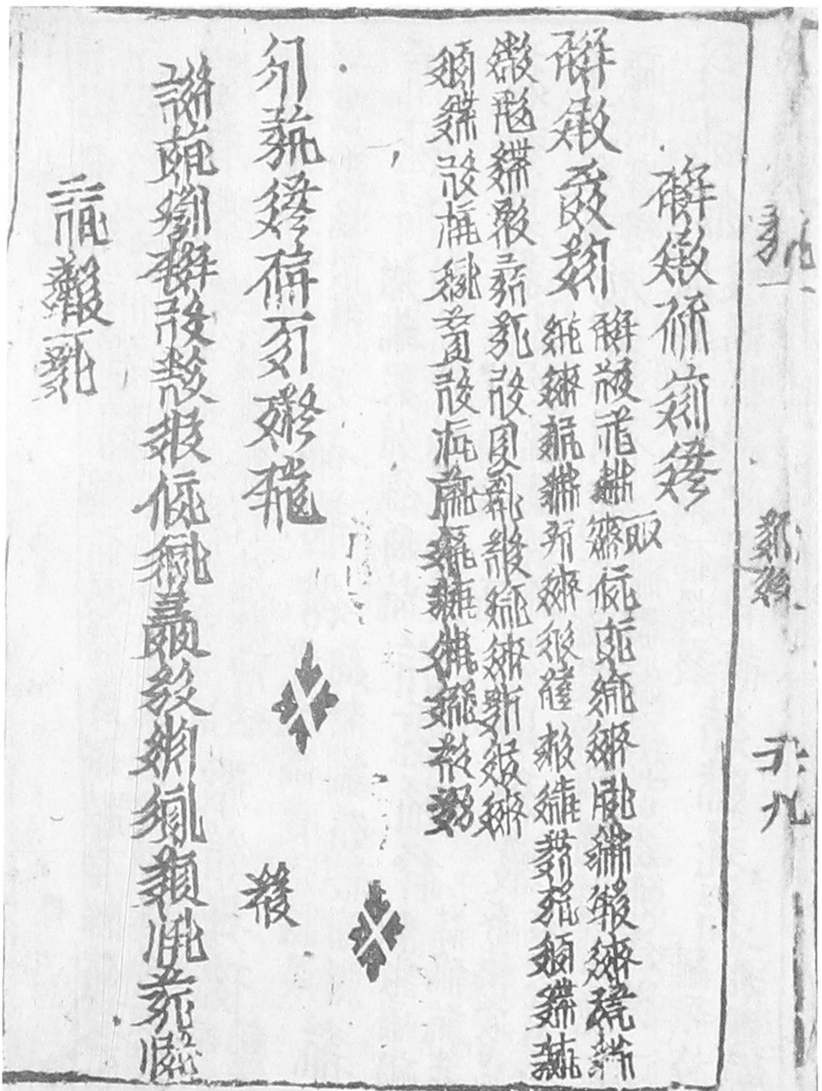


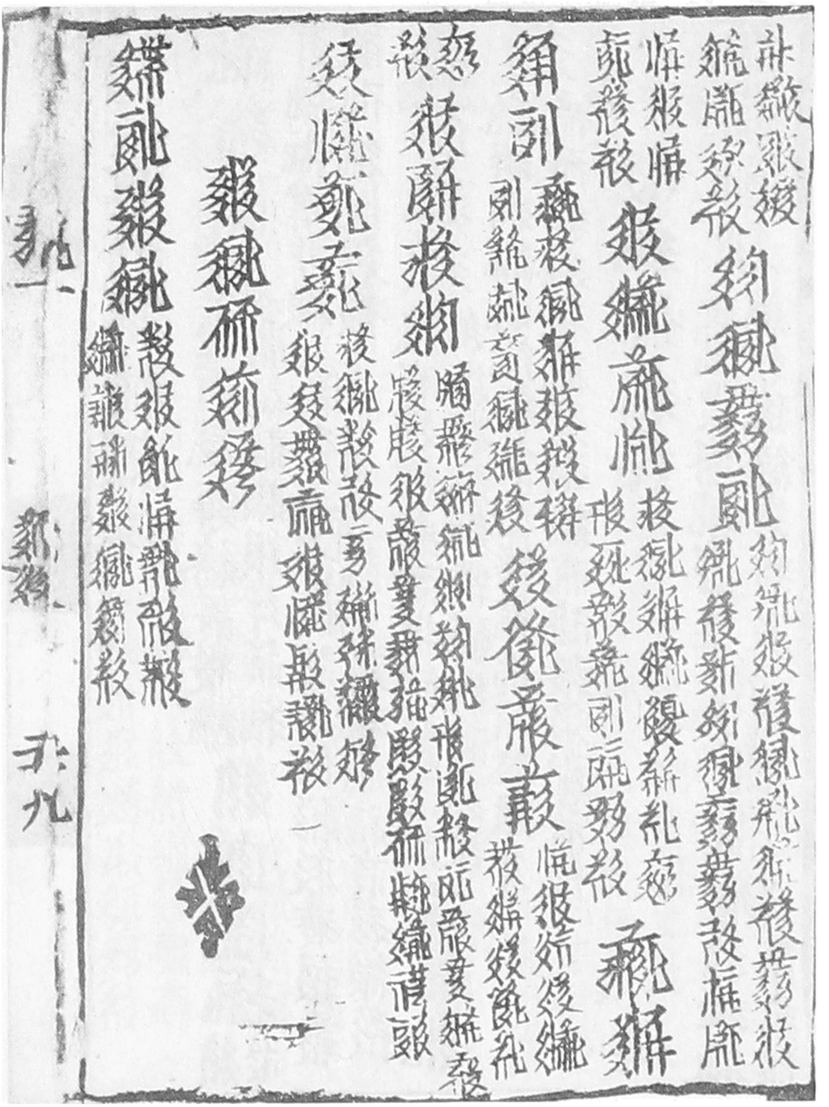


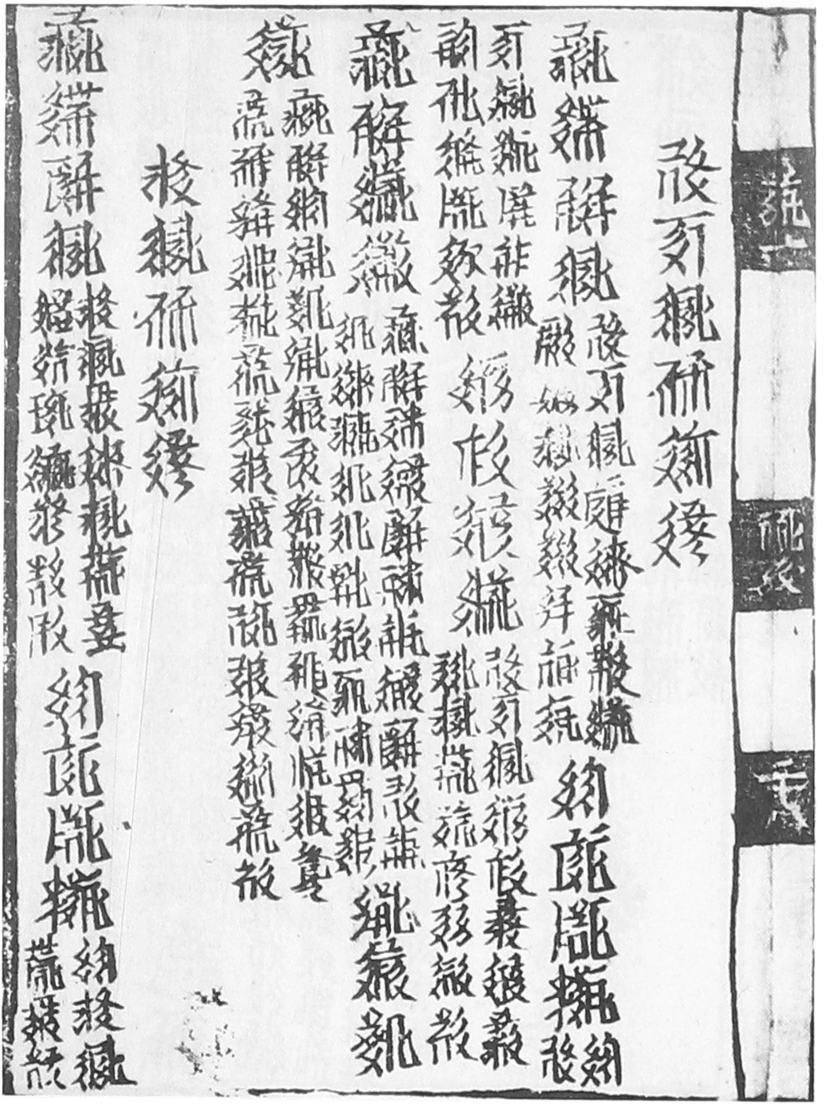


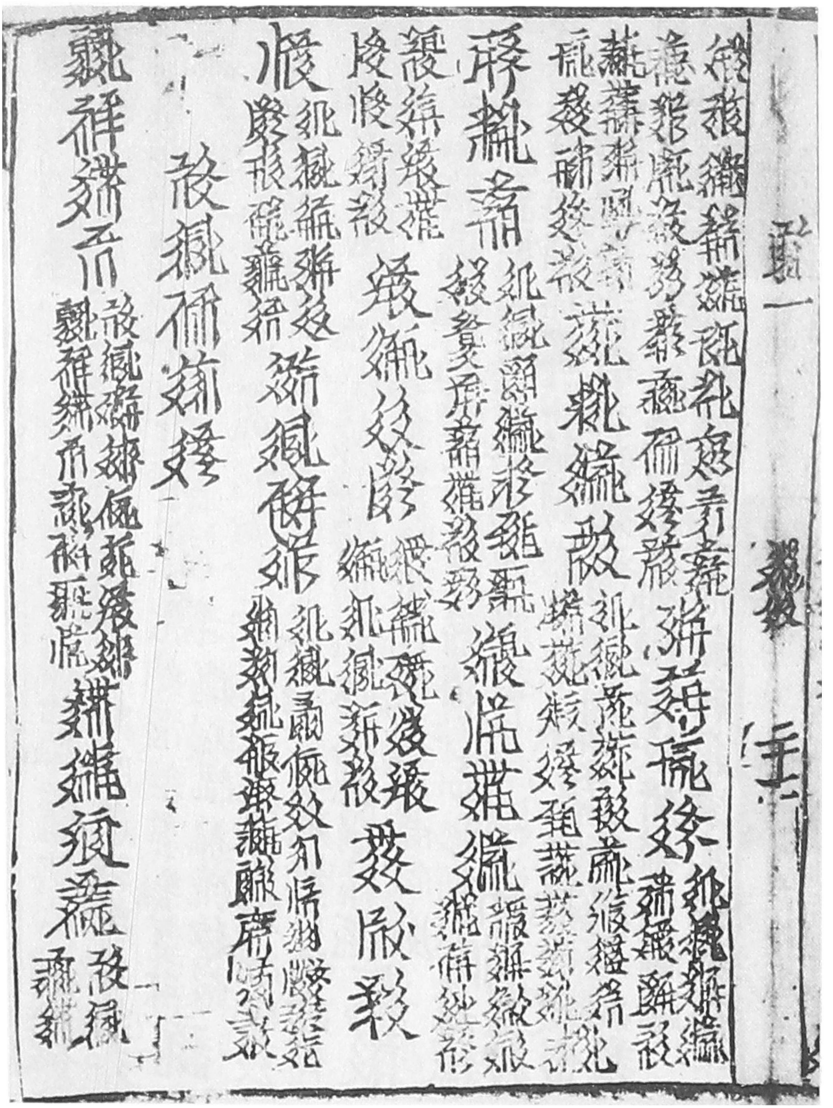


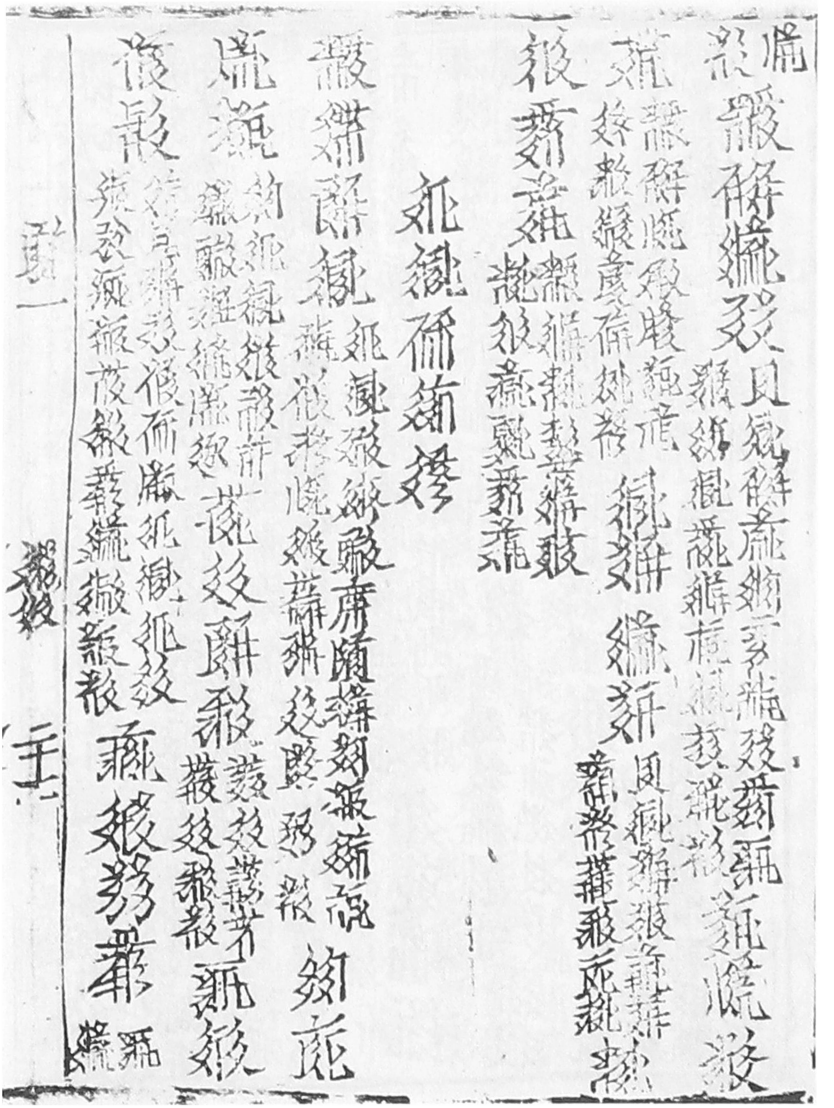


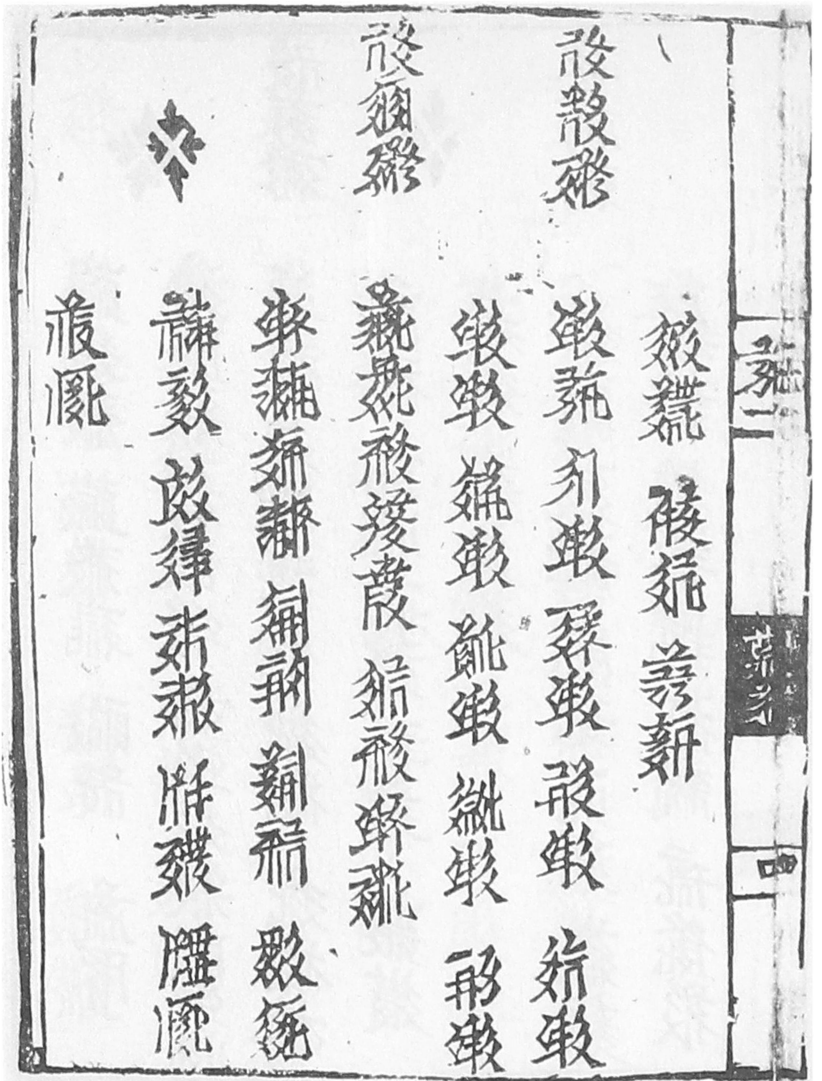


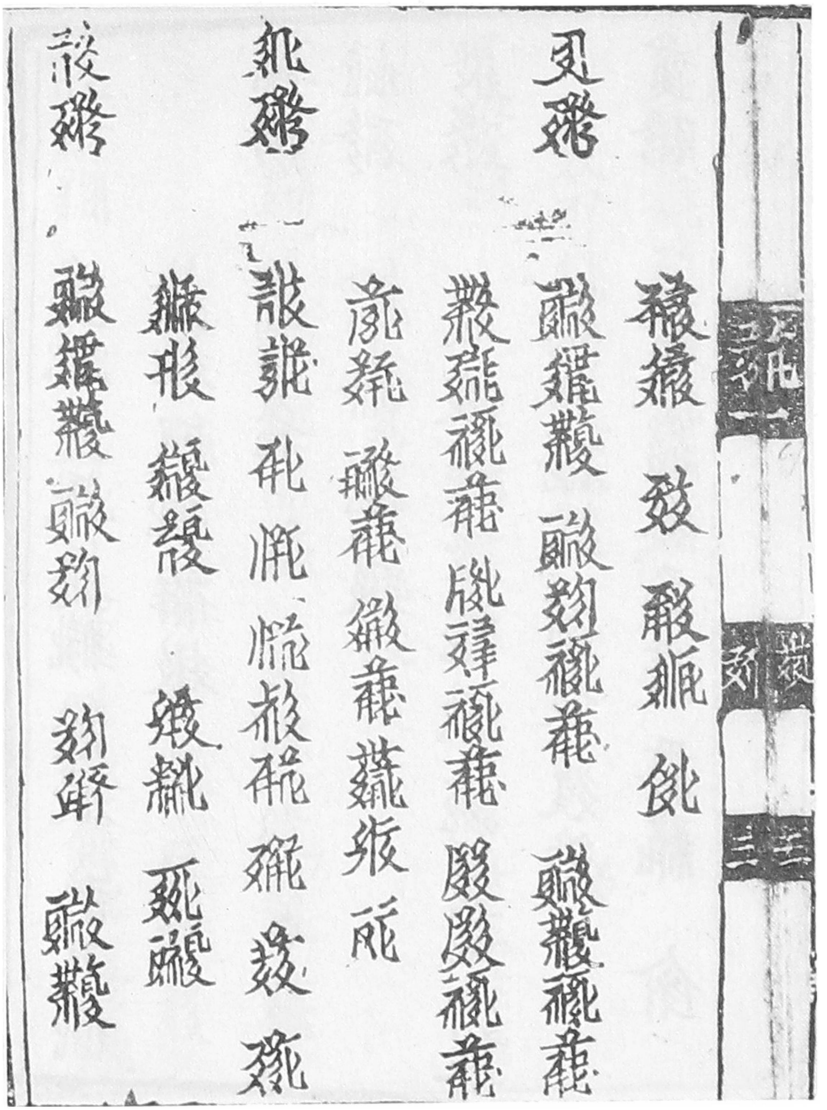


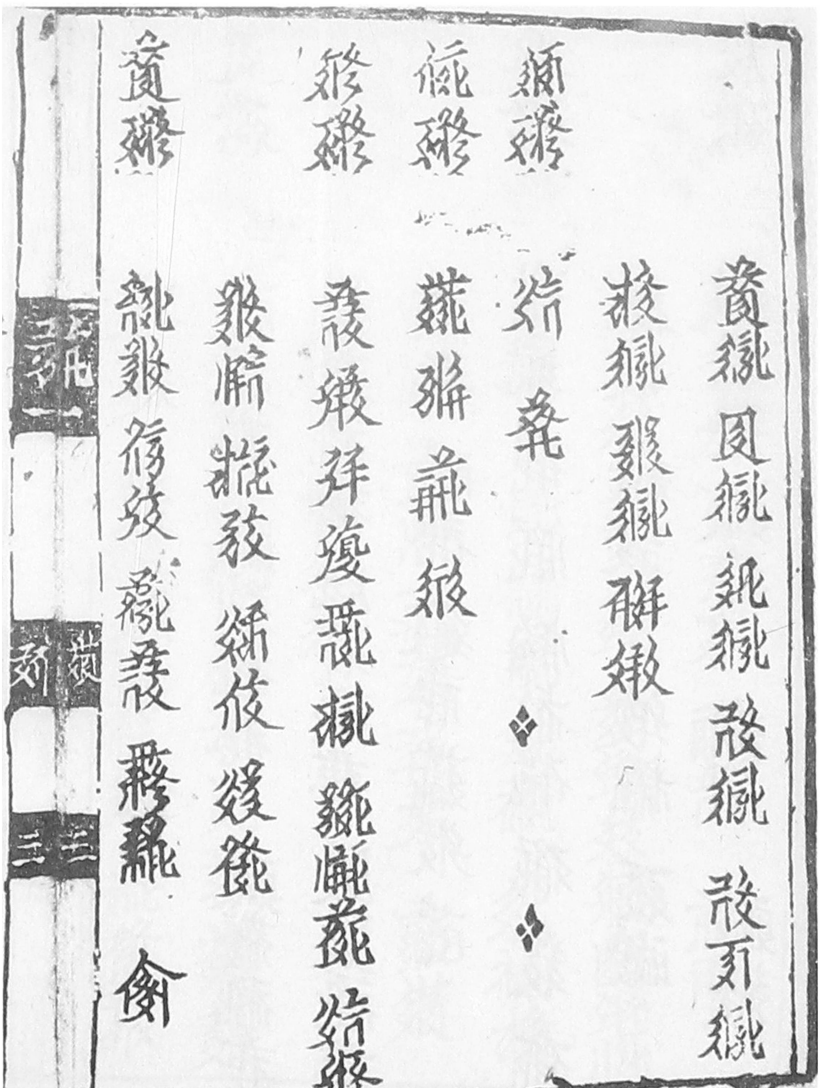


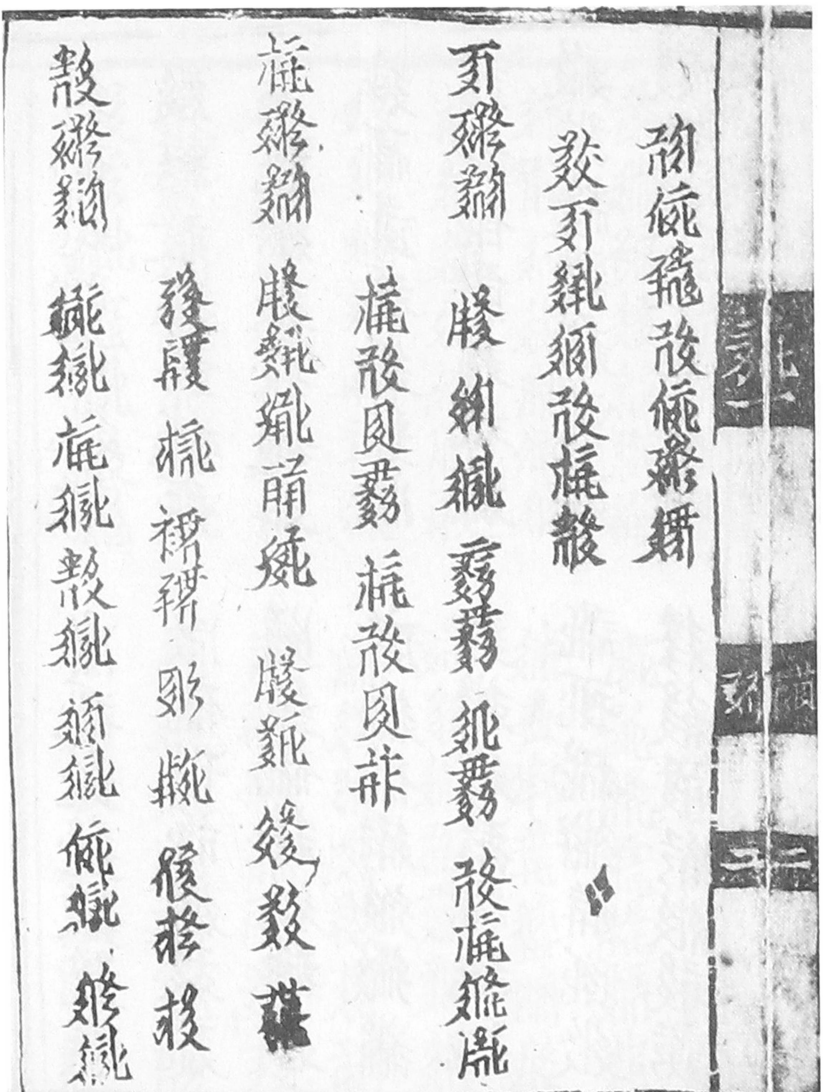












МОРЕ ЗНАЧЕНИЙ, УСТАНОВЛЕННЫХ СВЯТЫМИ

ФАКСИМИЛЕ КСИЛОГРАФА

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА